

ФАНТАСТИКА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЖУРНАЛ

ЕСЛИ

4' 2007

ИНДЕКСЫ ПОДПИСКИ: 73118, 42918. ИНТЕРНЕТ: WWW.ESLI.RU

КИРИЛЛ БЕНЕДИКТОВ КОРАЛЛОВЫЙ ОСТРОВ

СВЯТОСЛАВ ЛОГИНОВ
ПИТЕР БИГЛ
ГЕНРИ ЛАЙОН ОЛДИ
ДЖОН МОРРИССИ

ЕВГЕНИЙ ЛУКИН:
А ДО НАС ЕМУ НИКАКОГО ДЕЛА

Главная литературная
мистификация 2007 года!

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:
Александр ШАЛГАНОВ.
ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:
Елена БОСОВСКАЯ.
ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:
Татьяна МУРИНА.
КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ:
Евгений ХАРИТОНОВ.
КИНОФАНТАСТИКА, НОВОСТИ:
Дмитрий БАЙКАЛОВ.

КОРРЕКТУРА:
Екатерина АРОЯН.

ВЕРСТКА:
Тамара ШЕЛАМОВА.

ВЕДУЩИЙ САЙТ:
Павел ГУБАРЕВ.

ТВОРЧЕСКИЙ СОВЕТ:
Эдуард ГЕВОРКЯН,
Александр ГРОМОВ,
Олег ДИВОВ,
Марина и Сергей ДЯЧЕНКО,
Евгений ЛУКИН,
Сергей ЛУКЬЯНЕНКО,
Владимир МИХАЙЛОВ,
Борис СТРУГАЦКИЙ.

ОБЛОЖКА:
Игорь ТАРАЧКОВ.

САЙТ ЖУРНАЛА:
www.esli.ru

ЭЛЕКТРОННАЯ ПОЧТА:
if@esli.ru

АДРЕС ДЛЯ ПЕРЕПИСКИ:
МОСКВА, 119435,
Б. Саввинский пер., д. 9,
ИД «Любимая книга»,
журнал «Если».

КОНТАКТНЫЕ ТЕЛЕФОНЫ:
248-08-90, 248-08-91 (доб. 181).

РАСПРОСТРАНЕНИЕ:
ИД «Любимая книга»,
тел. 248-21-90.

ИЗДАТЕЛЬ:
Издательский дом
«Любимая книга».

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДИСТРИБЬЮТОРЫ:
«Наша пресса», «Центропечать»,
«Сити Пресс Сервис», «Сейлс»,
«Метропресс» (С.-Петербург),
«ДМ пресс», ХК «Сегодня пресс»,
«Роспечать», «Желдорпресс»,
«АРПИ-Сибирь» (Новосибирск).

Журнал зарегистрирован
в Комитете РФ по печати.
Свидетельство ПИ № 77-7491.

Отпечатано в ОАО «ЧПК»
Сайт: www.chpk.ru
E-mail: marketing@chpk.ru
Факс: 8(49672)6-25-36,
8(496)270-73-59.

Отдел продаж услуг:
8(499)270-73-59.

Тираж 14 200 экз.

Перепечатка материалов
допускается только
с разрешения редакции.
Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.
Редакция вступает в переписку
только на страницах журнала.

Редакция не несет
ответственности за содержание
рекламных объявлений.

© «ЕСЛИ», 2007

3 Чарлз Коулмен ФИНЛИ ОПАСНЫЕ РУИНЫ

С капитаном Моркоу английский писатель поступил гуманнее — его воспитали гномы. А вот американский фантаст породнил героя с троллями, после чего тот вообще не знает, куда прибиться.

155 Кирилл БЕНЕДИКТОВ КОРАЛЛОВЫЙ ОСТРОВ

Это воистину тропический рай! Прямо со страниц глянцевого журнала. И персонажи под стать — тоже «глянцевые». Но если заглянуть, что у них внутри...

71 Джон МОРРИССИ ДУРАК

Природное безобразие — наилучший «стартовый капитал» в карьере дурака. Придворный шут не устает благодарить «милосердную» судьбу.

93 Святослав ЛОГИНОВ БЕЛОЕ И ЧЁРНОЕ

Как ни странно, чтобы увидеть разницу между ними, людям требуется помощь волшебников, умеющих отличить свет от тьмы.

119 Генри Лайон ОЛДИ ПРОКЛЯТИЕ

Наложенное великим колдуном, оно испокон веков тяготеет над селом. Снять его нельзя, победить невозможно, однако хитроумный маг находит выход.

217 Питер БИГЛ ДАР

Его обладателем, вопреки стереотипам, может стать весьма юное существо.

139 **Вячеслав ЯШИН**
**«ПЛОД МОЕГО ВОООБРАЖЕНИЯ
СТОИТ ПЕРЕДО МНОЙ...»**

Несмотря на огромную популярность во всем мире, с экранизациями этому автору не везло. Ну и кто же спасет Страше-ство?

146 **Михаил КОВАЛЁВ**
ОСТАЛИСЬ ОДНИ УПЫРИ...

Русская дореволюционная фэнтези на экране: что останется, если не учитывать «наше всё»? Урожай совсем небогат.

142 **ВИДЕОРЕЦЕНЗИИ**

Неладно что-то в кинокоролевстве, причем с самыми коммерческими жанрами — фэнтези и хоррором. Кризис налицо.

255 **Глеб ЕЛИСЕЕВ**
ЗАЛЕДЕНЕВШАЯ САГА

Как и следовало ожидать, Мартин не остановится на трех обещанных томах.

257 **РЕЦЕНЗИИ**

Их служба, конечно, не опасна, но трудна: шутка ли — выловить из книжного потока те несколько книг, которые не стыдно порекомендовать читателю.

297 **КУРСОР**

Любая новость — это хорошо забытая старость.

265 **«АЛЬТЕРНАТИВНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ»**

Конкурсу начинающих фантастов нет альтернативы, и жюри, едва успев подвести итоги, вновь садится за рукописи.

286 **Вл. ГАКОВ**
КОЛОКОЛ ПО ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ

Этого британского писателя критики справедливо называют Сэлинджером научной фантастики.

293 **Евгений ЛУКИН**
**ЯЗЫКУ — ВИДНЕЙ,
или НУЖНА ЛИ БОРЬБА С БОРЦАМИ?**

Известный фантаст, а по совместительству лидер партии национал-лингвистов, комментирует результаты опроса читателей, проведенного на сайте «Если».

300 **ПЕРСОНАЛИИ**

Фэнтези для этих авторов — лишь один из художественных приемов.

Ч А Р Л З К О У Л М Е Н
Ф И Н Л И

ОПАСНЫЕ

Иллюстрация Виктора БАЗАНОВА

РУИНЫ

1.

Той зимой Маггот по прозвищу Личинка отыскал новую тропу, спускавшуюся с восточных отрогов хребта в холмистую степь, где не жили ни люди, ни тролли. В степи паслись стада бизонов и большерогих оленей, между которыми, словно ожившие холмы, бродили шерстистые мамонты с огромными бивнями. По пятам за травоядными следовали стаи гигантских волков и крались саблезубые тигры. В мирных лощинах и у звенящих ручьев то и дело разыгрывались маленькие трагедии, места которых отмечала смятая трава, клочья окровавленной шерсти и иногда неразгрызенные кости.

Маггот тоже охотился, правда, не с помощью зубов и когтей, а с луком или копьем. Когда ему удавалось завалить оленя, он съедал сколько мог, а все, что оставалось, прятал про запас в какой-нибудь укромной пещерке, на дереве или под грудой камней. Но в самый холодный и голодный месяц, когда замерзли озера и ручьи и даже самый воздух, казалось, был насыщен острыми ледяными кристаллами, он обнаружил, что за ним повсюду следует какой-то на удивление хитрый кугуар, который разоряет его схроны и ворует запасы.

Нужно было что-то предпринять. Собрав в степи побольше старых, сухих костей и нарезав лозы, Маггот спрятал затяжную петлю-ловушку возле свежей туши оленя. Он ждал две ночи и большую часть третьего дня, но кугуар подошел к приманке, только когда выпавший снег совершенно скрыл следы человека. Как только зверь ступил задней лапой в петлю, Маггот сильно дернул лозу. Петля затянулась, кугуар подскочил от страха и во всю прыть бросился наутек, все ускоряя бег, потому что на другом конце лозы за ним с грохотом и треском волочилась охапка сухих костей.

Маггот поднялся из засады и, с трудом распрямляя занемевшие от долгого ожидания мускулы, от души расхохотался — да так громко, что с ближайших кустов обрушился шелестящий снегопад.

— Видали?! — восклицал он, наблюдая отчаянные прыжки кугуара, сиюшнегося освободиться от привязанного к лапе гремящего груза. — Нет, вы видели!

Но рядом никого не было, и никто не мог оценить эту отменную шутку. Когда же эхо Магготова голоса затихло среди древесных куп, он уже и сам не мог припомнить, на каком языке только что разговаривал — на тролlichem или на человеческом. Ухмылка на его лице погасла сама собой, и несколько секунд Маггот стоял неподвижно, глядя на следы — рваную борозду в снегу, где была проложена лоза с петлей, и свежие отпечатки лап кугуара.

Еще во младенчестве Маггот остался круглым сиротой, и одна троллиха, сжалившись над ним, вырастила его как своего собственного ребенка. Увы, к тому моменту, когда Маггот превратился из юноши в молодого человека, он все еще оставался хилым и уродливым — для тролля, разумеется. Его рост не достигал и шести с половиной футов, волосы были густыми и черными, как вороново крыло, а кожа слишком бледной и тонкой. Тогда в поисках товарищей, которые больше походили бы на него, Маггот спустился в нижние долины, где жили люди, но и там его встретили враждебно, а приглянувшаяся ему девушка, с которой он хотел бы создать семью, так и не решилась нарушить традиции своего рода и уйти с ним.

Вздохнув, Маггот повернулся спиной к взрытому снегу на поляне, и вскоре тишина небольшой древесной рощи и следы кугуара остались далеко позади. Прогнунув до костей, он бежал по снежной целине и думал на человеческом языке: «Глупые людишки! Я с ними покончил!»

Но через несколько шагов он добавлял на языке троллей: «Глупые тролли! И с ними тоже у меня все кончено!»

Быстрые реки, сбегавшие с восточных склонов гор, прорезали в скалах извилистые ущелья, по которым можно было бы подняться назад, на высокогорье, и Маггот, двигаясь вдоль отрогов хребта на юг, исследовал их одно за другим. Часто путь ему преграждали водопады. В одном месте поток вырывался из узкой горловины с такой скоростью, что в ущелье гулял порывистый сквозняк. В другом ущелье Маггот набрел на реку, стекавшую с естественных террас высотой в десять футов каждая. Террасы эти напомнили ему колоссальные ступени, виденные когда-то в городе его друга Брана. Третий водопад имел высоту около двухсот футов, поэтому над низвергавшимся со скал потоком постоянно висели облака водяного тумана. Они медленно поднимались вверх и, попадая под лучи зимнего солнца, вспыхивали многоцветными радугами.

Каждый раз, заведя водопад, Маггот поворачивал назад и, спустившись обратно к долине, проходил чуть дальше на юг, а потом углублялся в следующее ущелье. Но минуло несколько недель, наступила весна с ее серыми небесами, сырыми, пронизывающими ветрами и холодными, проливными дождями, так что Маггот, бывало, по несколько дней кряду не встречал никакой дичи. С каждым днем голод заявлял о себе все сильнее, и в конце концов Маггот решил бросить свои исследования, чтобы заняться охотой. После недолгих поисков он засел под выступом скалы, нависавшей над неглубоким ущельем, в котором бурлила река. По берегу реки проходила оленья тропа, и Маггот поду-

мал, что здесь он неплохо отдохнет, а когда появятся олени — подстрелит себе на обед хоть одного. И олени действительно появились, но совсем не с той стороны, откуда он ожидал. Небольшое стадо спустилось вниз по течению, и прежде чем Маггот успел натянуть лук, последний олень уже скрылся за поворотом ущелья.

Досадуя на себя за нерасторопность, Маггот бросился в погоню, зажав в одной руке лук, а в другой — пучок стрел. Перебравшись через реку вброд, — благо, вода хоть и была холодна, едва доходила ему до колен, — Маггот двинулся по противоположному берегу, рассчитывая вскоре нагнать стадо.

Но олени шли намного быстрее, чем ему казалось, и снова он увидел их только на краю степи. Преследовать животных на открытом пространстве было труднее, и прошло довольно много времени, прежде чем Маггот сумел приблизиться к ним на расстояние полета стрелы. Только тут он обратил внимание, что один из оленей немного отстает от остальных и вообще ведет себя как-то странно. Вскоре облака на небе ненадолго разошлись, сквозь них блеснуло солнце, и Маггот увидел, что бок животного покраснел от крови. Его-то он и наметил в качестве жертвы, не особенно задумываясь, при каких обстоятельствах олень мог получить эту рану. Увы, стадо все еще находилось слишком далеко, чтобы можно было стрелять наверняка, а рисковать обедом было не в правилах Маггота.

К счастью, он хорошо знал местность и ее рельеф, поэтому вместо того, чтобы идти по следам стада, Маггот перевалил через поросший лесом холмик и оказался у небольшой лужайки, к которой неизбежно должны были выйти олени. За одним из кустов он опустился на колени и положил стрелу на тетиву. Стадо вот-вот должно было выйти из-за холма. Здесь олени представляли собой идеальную мишень, и Маггот не сомневался в успехе.

Но стада все не было. Зато на другой стороне лужайки показался отряд из нескольких бородатых мужчин в ярких рубахах и костюмах из оленьей кожи. Судя по всему, это тоже была охотничья партия. Правда, волосы охотников не были заплетены в косицы, как подобало рыцарям Империи, однако по крайней мере один из них носил у пояса меч в ножнах.

Охотники и Маггот заметили друг друга практически одновременно. В следующее мгновение несколько стрел из луков чужаков полетели в его сторону. Он тоже выстрелил в ближайшего к нему человека, покотившись по земле, вскочил на ноги и инстинктивно бросился назад в рощу. Однако он забыл, что стояла ранняя весна и не одевшийся еще листвою подлесок не сможет надежно скрыть его бегущую фигуру.

Тщетно Маггот петлял между деревьями и камнями — чужаки всюду находили его по следам, оставшимся на раскисшей после недавних дождей почве, едва прикрытой прошлогодней листвой. Вскоре Маггот заметил, что преследователи, которых было четверо, разделились на пары и пытаются гнать его к горам, как загоняла бы стая волков перепуганную оленуху. «Вот глупцы!» — подумал он, хотя и понимал, что стоит замешкаться, и враги его настигнут.

Он не переставал двигаться и какое-то время спустя почувствовал, что начинает побаливать левая нога. Ощупав себя на бегу, Маггот обнаружил, что вражеская стрела задела бедро, вырвав кусок мышцы величиной с орех, и что вся нога ниже раны покраснела и стала липкой от крови. По всей видимости, это случилось еще на поляне, когда враги дали по нему первый залп, а он так торопился удрать, что ничего не почувствовал. Совсем как тот олень, которого он пытался подстрелить...

Только теперь на месте оленя оказался сам Маггот. До самых сумерек он водил преследователей за собой по болотам, пока не оказался у подножия невысокого, но достаточно крутого утеса, высившегося над безымянным ручьем. На вершине утеса росло несколько деревьев, с которых свешивались длинные и прочные стебли дикого винограда. Маггот проворно вскарабкался по ним наверх, где оказался в полной безопасности. Правда, преследователи все же выпустили в него наудачу несколько стрел, как только Маггот на секунду показался из своего укрытия, но выстрелы не причинили (да и не могли причинить) никакого вреда. Бородатые охотники это тоже поняли и, собравшись в кружок у ручья, принялись совещаться. Но времени на бесполезное рысканье по болотам они потратили много, и ночь была уже не за горами. Небо из багрово-красного сделалось темно-синим, почти черным, и в конце концов охотники подались восвояси, решив, по-видимому, отказаться от погони.

Давно пора...

Маггот тоже устал и был зол, как десять тысяч троллей. Кроме того, ему необходимо достать какой-нибудь еды и пополнить запас стрел. Поразмыслив, он пришел к выводу, что самым верным источником и того, и другого могли стать все те же охотники. Должны же они как-то поплатиться за то, что напали на человека, который не сделал им ничего плохого?! Маггот не привык тратить время даром, поэтому как только последний из охотников затерялся в сгустившемся мраке, он бесшумно спустился с утеса и двинулся следом, рассчитывая добрать таким образом до вражеского лагеря. Ему, впрочем, приходилось беречь раненую ногу, поэтому он сразу же отстал от охотников, не ус-

пев даже заметить, в какую именно сторону они пошли. Но вот странность: тот самый Маггот, который еще недавно твердо знал, что не будет иметь с людьми ничего общего, теперь исполнился решимости во что бы то ни стало отыскать их снова.

2.

Весной на ночных равнинах все незнакомые тропы заканчиваются тупиками, теряются в болотах или в непроходимых зарослях молодого подлеска. Даже Маггот, выросший с троллями, которые, как известно, не выносят дневного света, не смог сразу отыскать тропу, которая провела бы его через заболоченные низины и топи, раскинувшиеся там, где летом едва струились между холмами неглубокие ручейки и речушки. Поэтому он двигался медленно и осторожно, часто останавливаясь и прислушиваясь, чтобы не попасть в ловушку, которую могли устроить на его пути охотники (сам он на их месте именно так бы и поступил). В довершение всего рана у него на ноге начала болеть по-настоящему, и Маггот не раз проклял день и час, когда спустился с гор в эту холмистую долину. Пару месяцев назад, когда он впервые увидел ее с вершины скалистой гряды, она буквально зачаровала его обилием дичи и полным безлюдьем, но теперь положение коренным образом изменилось. С приходом весны вся дичь куда-то исчезла, а неведомо откуда появившиеся охотники устроили форменную облаву на него самого, и Магготу это очень не нравилось. Донесшийся откуда-то с далеких холмов голодный рев саблезубого тигра тоже показался ему недовольным и разочарованным — казалось, хищник разделяет его раздражение.

Весь о том, что лагерь чужаков находится где-то поблизости, первым подало Магготу обоняние — он почуял запах жареной оленины и едкий дым костра. Потом он разглядел и сам костер, наполнявший длинными, колеблющимися тенями неглубокую ложину, где встали лагерем охотники. Мерцающий в ночи огонек притягивал Маггота, как пламя масляного светильника притягивает мотыльков, с той лишь разницей, что умирать он не собирался. Он проберется в лагерь, возьмет все, что нужно, а потом скроется в безлюдных горах на западе: так был план, которого Маггот собирался придерживаться.

Теперь он пробирался вперед с удвоенной осторожностью, прячась за деревьями и подолгу оставаясь на месте, чтобы осмотреться, прислушаться, приняться. Вскоре он обнаружил, что чужаки расчистили ложину от кустарника, а срубленные ветки свалили вокруг лагеря в виде грубой изгороди. Оранжевое пламя костра отражалось от груды свежих костей, сваленных за этой ненадежной преградой.

По шороху и хрусту, доносившемуся с той стороны, Маггот догадался, что на куче отбросов пируют какие-то мелкие падалышки, и старательно обогнул кости, не желая, чтобы напуганные животные подняли шум. Барсук, к примеру, мог разбудить кого угодно. Кроме того, у кучи объедков Маггота могли ожидать и по-настоящему неприятные встречи.

Приблизившись к лагерю с другой стороны, Маггот присел за стволом дерева и стал наблюдать. В лагере он насчитал одиннадцать мужчин. Большинство из них сидели возле костра, ели и переговаривались так громко и беззаботно, словно никого и ничего не боялись, остальные слонялись по поляне без какой-либо видимой цели. Несколько неподвижных предметов на земле могли оказаться как спящими людьми, так и туками с поклажей.

Пользуясь темнотой, Маггот подполз еще ближе и, прильнув к земле позади небольшой травянистой кочки, стал терпеливо ждать, пока охотники заснут. Но как только он перестал двигаться, его раненая нога начала неметь от холода, а враги и не собирались ложиться. Вскоре Маггот увидел, как несколько человек поднялись с земли и подошли к одному из темных неподвижных предметов, лежавшему довольно далеко от костра. Окружив его, они принялись что-то кричать, время от времени показывая руками в направлении леса. С того места, где засел Маггот, их речь была слышна довольно отчетливо, но он так и не сумел разобрать ни слова. Язык или диалект, которым пользовались пришельцы, был не похож ни на тролличий, ни на винданский, ни даже на имперский языки — ими Маггот владел свободно. Впрочем, жесты охотников были достаточно красноречивы, особенно когда они принялись пинать ногами лежащего на земле человека (а в том, что это пленник, Маггот уже не сомневался). Судя по всему, бородатые пришельцы требовали от него какие-то сведения, а тот не мог или не хотел ничего говорить.

Маггота, впрочем, все происходящее интересовало только с чисто практической точки зрения: в какой степени это благоприятствует задуманному налету на лагерь или, напротив, мешает ему украсть то, что необходимо. Однако так продолжалось лишь до тех пор, пока охотники не взяли из костра несколько головней. Когда толстая палка с ярко тлеющим концом ткнулась в тело лежащего человека, а ночная темнота огласилась его пронзительными воплями, Маггот не выдержал и, вскочив на ноги, бросился в глубь леса. Лишь сделав несколько прыжков, он совладал с собой и все еще дрожа вернулся на прежнее место. Воспитанная еще матерью-троллихой ненависть к огню, используемому как оружие, глубоко укоренилась в его сознании, и сейчас, сложив

ладони ковшиком, Маггот несколько раз гулко ударил ими по своей широкой груди, выбивая тролличий сигнал-предупреждение: «Опасность! Смерть!»

В лагере его сигнал вызвал явную тревогу. Пытка сразу прекратилась, и несколько пар блестящих в темноте глаз обратились как раз в ту сторону, где в тени деревьев прятался Маггот. Он не мог сказать: узнали охотники этот сигнал, поняли они, что он означает? — но пленника никто больше не мучил. И пока небольшая группа мужчин разбирала оружие, намереваясь обыскать заросли в том месте, откуда донесся непонятный стук, Маггот забежал с другой стороны и повторил тролличий сигнал еще раз. Он рассчитывал напугать охотников, заставить их занять оборону в лагере, но группа разведчиков, посовещавшись с остальными, тотчас двинулась в новом направлении.

Однако Маггот не стоял на месте и успел сменить позицию. Как только маленький отряд достиг сложенной из срезанного кустарника стены, он снова повторил гулкий, как барабанный бой, сигнал, добавив гортанный боевой клич, в котором звучали вызов и угроза. На этот раз в его сторону полетело несколько стрел, и Маггот бросился на землю. Стрелы просвистели где-то над ним, и он потихоньку отполз в сторону.

После этого в лесу наступила непродолжительная тишина, которая, однако, была вскоре нарушена рычанием саблезубого тигра. И рычание это раздалось намного ближе, чем в первый раз. Теперь Маггот оказался между двух огней. Перед ним были люди, которые сегодня уже пытались его прикончить. Сзади подкрадывался из темноты тигр, который — если только он был так же голоден, как сам Маггот, — скорее всего, попытается проделать то же самое. Чтобы избежать опасности, Маггот бесшумно поднялся с земли и, отступив на пару шагов в заросли, вскарабкался на гигантский ильм и устроился в развилке ствола. В этом положении он, правда, терял в подвижности, зато с дерева было не в пример удобнее наблюдать за людьми и следить за охотой зверя.

Довольно скоро Магготу стало ясно, что своими необдуманными поступками он сам уничтожил последнюю возможность незаметно пробраться в лагерь, пока охотники будут спать. Его воинственные вопли и рычание животного растревожили чужаков; по-видимому, они решили, что их окружает как минимум целая армия троллей и целая стая саблезубых тигров в придачу, поскольку никто из них не выказывал намерения улечься. Держа наготове оружие, они с решительным видом обошли границы лагеря, потом подложили в костер дров и, собравшись в центре площадки, принялись совещаться. Судя по их жес-

там, разговор снова шел о том, чтобы отправить в лес нескольких разведчиков.

Но ни Маггот, ни тигр больше не давали о себе знать, и спустя какое-то время несколько охотников закутались в плащи и легли, однако никто из них так и не уснул. Остальные, по-видимому, решили по очереди стеречь лагерь. Они не стали ложиться, а уселись у огня, предварительно подбросив в него еще одну охапку сучьев и хвороста.

Охотники не стали больше пытаться пленника, чем Маггот был вполне удовлетворен. Но у него появились другие заботы: воздух становился все холоднее, и его застывшие мускулы потеряли эластичность и упругость. В довершение всего облака разошлись, и на темное небо высыпали крупные звезды. К счастью, луна еще не взошла, а то ему, пожалуй, пришлось бы и вовсе отказаться от своего намерения.

Но отказаться от набега на лагерь Маггот не мог, иначе его положение могло бы стать слишком трудным, даже опасным. Ему нужны были еда и оружие, а достать их проще всего в лагере. И вот, прильнув к коре ильма, Маггот пытался решить сложную проблему. Допустим, он сумеет проникнуть за изгородь, никого не разбудив, и запастись всем необходимым. Но тогда утром ему ради собственной же безопасности следует оказаться как можно дальше отсюда, а бежать с больной ногой он не мог, во всяком случае — не с прежней скоростью и проворством. Кроме того, прежде чем начать действовать, ему нужно выяснить, где сейчас находится саблезубый и что он затевает... Вот только как это сделать? Маггот уже готов был отказаться от своего намерения и отправиться своей дорогой, когда донесшийся со стороны лагеря храп подсказал ему, что враги понемногу начинают засыпать. Что ж, ждал же он несколько часов, подождет еще...

Его терпение было вознаграждено. Маггот увидел, как часовой у костра широко зевнул и, подбросив в огонь еще несколько сучьев, поднял руки и потянулся.

Магготу потребовалась доля секунды, чтобы приладить стрелу, натянуть лук, прицелиться и выстрелить. Стрела вошла часовому точно под левую мышку и пронзила сердце. В тот же миг Маггот спрыгнул со своего наблюдательного пункта в развилке дерева, коснувшись земли едва ли не раньше, чем убитый им человек грузно повалился на бок. Еще секунда потребовалась, чтобы перемахнуть через баррикаду из веток, хотя рана на ноге снова открылась и начала кровоточить. Быстро и бесшумно перебегая между спящими, Маггот похитил у одного из охотников колчан со стрелами и срезал с вертела над костром кусок сильно подгоревшей оленины. Только запихивая мясо в рот, Маггот заметил, что один человек в лагере не спит.

Это был пленник. Он казался таким же белокожим, как и его мучители, однако волосы — длинные, но не заплетенные в косицы — были заметно светлее. В темноте они выглядели не то белокурыми, не то себристо-седыми. И еще пленник был нагим; очевидно, чужаки отобрали у него не только имущество, но и одежду. Лодыжки были туго стянуты ремнем, а разведенные в стороны руки привязаны к вбитым в землю колышкам. На бедрах, на животе, в паху и на лице темнели следы ожогов. Рот пленнику не заткнули, однако тот не только не пытался поднять тревогу, но даже не попросил о помощи.

Мгновенно приняв решение, Маггот наклонился к нему и, быстро орудуя ножом, перепилил связывавшие незнакомца ремни. Он поступил так вовсе не ради того, чтобы помочь несчастному, которого пытали у него на глазах — по большому счету, этот человек ничего для него не значил. Маггот сделал это, чтобы досадить охотникам, которые распугали всю дичь в округе и к тому же целый день гонялись за ним по болотам.

Пленнику, впрочем, было все равно, какими причинами руководствуется его спаситель. Посмотрев на Маггота, он криво улыбнулся, сел и быстро растер лодыжки, чтобы восстановить кровообращение в ногах. Потом он завладел оружием убитого часового. Прошла уже целая минута, и Магготу не терпелось как можно скорее убраться из лагеря. Он как раз срезал с вертела последний большой кусок мяса, когда с самой границы лагеря — с той стороны, где были брошены кости, — донесся яростный тигриный рев, шум борьбы, рычание и чей-то сдавленный писк.

Несколько охотников тотчас вскочили. Заметив Маггота и пленника, они громко закричали, спеша разбудить остальных. Не теряя ни секунды, Маггот на тролличий манер схватил мясо в зубы и бросился к лесу. Кто-то из охотников заступил ему дорогу, Маггот попытался увернуться, но человек прыгнул и обхватил его обеими руками. Несколько мгновений они боролись, потом Маггот изловчился и полоснул противника по руке ножом. Человек с криком отпрянул. Еще один охотник бросился на Маггота, но упал, сраженный мечом, который пленник забрал у часового.

Обернувшись к Магготу, белокурый незнакомец что-то сказал и сделал движение головой, словно предлагая своему спасителю показывать дорогу. Но Маггот и без того уже перепрыгнул баррикаду из веток и, морщась от боли в раненой ноге, нырнул в спасительную темноту леса. Он не обернулся, рассудив, что человек, которого он спас, может следовать за ним, если хочет. И если может.

Но пленник оказался неплохим бегуном. Когда вокруг засвистели

стрелы, срезавшие молодые листочки и со стуком впивавшиеся в стволы, незнакомец надал и почти нагнал Маггота. Ни слова не говоря, Маггот помчался еще быстрее.

3.

Но вот последняя стрела прошуршала где-то в отдалении, и наступила тишина. Судя по всему, никто их не преследовал, во всяком случае пока, но Маггот не стал останавливаться даже для того, чтобы перевести дух. Ему хотелось как можно скорее вернуться к горам; он был уверен, что там сумеет уйти от преследователей, сколько бы их ни было. Однако боль в ноге давала о себе знать, и Маггот бежал намного медленнее, чем обычно. Кровь из раны продолжала стекать по лодыжке, нога стала скользкой, и несколько раз он едва не оступился. Впрочем, боли он старался не замечать.

Какое-то время спустя Маггот обернулся на бегу и обнаружил, что незнакомец следует за ним по пятам. В одной руке он держал меч в ножнах, в другой — какой-то небольшой мешок или сумку. Бывший пленник тяжело дышал, но всю работу локтями, стараясь не отставать.

Наконец они поднялись на гряде холмов и замедлили ход, чтобы, перебираясь с одного кряжа на другой, не скатиться в заболоченную низину между холмами. На одном из лесистых склонов беглецы остановились. Дорога здесь разветвлялась на несколько троп, а выбрать дальнейший маршрут — в темноте, да еще на малознакомой местности — было трудно, почти невозможно. Несколько секунд Маггот разглядывал небо сквозь переплетение веток, едва одетых молодой листвой. Луна давно взошла и успела снова закатиться, но по положению звезд и запаху ветра он определил, что они бегут в южном направлении. В их ситуации следовало бы отклониться западнее, и Маггот решил выбрать тропу, которая вела бы в ту сторону, но пленник тоже изучал небо и, судя по всему, имел свои соображения относительно того, куда им лучше двигаться. Сказав что-то на непонятном языке, он тронул Маггота за плечо и махнул рукой в направлении чуть заметной тропы, которая, скорее всего, увела бы их еще дальше на юг.

Маггот повернулся, чтобы ответить, но вместо слов с его губ сорвалось что-то в высшей степени невразумительное. В первый момент брови его спутника удивленно подскочили, но, показав пальцем на рот Маггота, он негромко прыснул. А секунду спустя и вовсе рассмеялся в голос.

Маггот машинально поднес руку к губам и... наткнулся на кусок мяса, который продолжал держать в зубах. Вынув его, он тоже расхо-

тался, громко, от души, так что даже плечи заходили ходуном. Впрочем, он довольно быстро спохватился, что их все же могут преследовать, и оборвал смех. Машинально он протянул мясо незнакомцу.

— Оно здорово подгорело, — произнес Маггот на языке Империи, потому что этот парень чем-то напоминал ему рыцаря Брана. — Но брюхо набить можно...

Незнакомец прищурился, но взял мясо и ухмыльнулся. Разорвав его на две части, он вернул больший кусок Магготу — к изрядному облегчению последнего. Свою часть незнакомец тут же засунул в рот, и некоторое время оба молча жевали. Маггот думал о том, что уже много недель он так не смеялся, если не считать шутки с кугуаром. Потом ему пришло в голову, что об этом случае стоит рассказать незнакомцу.

Но прежде чем он успел заговорить, незнакомец произнес несколько слов, которых Маггот не понял, а затем снова указал на южную тропу.

Первоначальный план Маггота состоял в том, чтобы забраться подальше в горы, но сейчас он решил, что главное — не останавливаться. И южная, и западная тропы ввели их от охотников, поэтому Маггот жестом показал своему спутнику, чтобы он шел туда, куда ему хочется. Незнакомец выбрал южную тропу.

Он не бежал, как Маггот, но шел быстрым, упругим шагом. Вскоре беглецы спустились со склона и остановились у протекавшего внизу ручья, чтобы напиться. В это время года воды на равнине хватало, поэтому им не было нужды напиваться впрок. Кроме того, раздувшийся живот мог существенно замедлить скорость передвижения, и Маггот, исподволь наблюдавший за своим спутником, получил возможность по достоинству оценить его сдержанность. Можно было даже сказать, что его уважение к белокурому незнакомцу возросло обратно пропорционально поглощенному им количеству воды.

Незнакомец посмотрел на Маггота, улыбнулся и ткнул себя пальцем в грудь.

— Эррен, — повторил он несколько раз, и Маггот обратил внимание на мелодичную напевность его произношения.

Он явно пытался представиться, и Маггот, чувствуя, что должен ответить тем же, попытался припомнить все имена и прозвища, которыми награждали его и люди, и тролли. В конце концов он остановился на имени, которым звала его мать-троллиха — самым старым из имен, которые он помнил.

— Маггот, — сказал он и стукнул себя кулаком в грудь. — На тролlichem это значит «личинка», потому что когда меня нашли, я был маленьким и белым, как червяк, но ты этого все равно не поймешь, поэтому зови меня просто Маггот. Я — Маггот. Понятно?

Белокурый мужчина кивнул и разразился целой фразой на непонятном языке, словно, назвав друг другу свои имена, они раз и навсегда решили проблему взаимопонимания. Некоторое время Маггот пытался уловить в этих певучих звуках хоть одно знакомое слово, потом скорчил кислую мину и высунул язык. Это получилось у него чисто рефлекторно — так тролли говорили «нет» и «хватит», хотя и досада, которую он почувствовал, сыграла свою роль.

Эррен оборвал себя на полуслове, потом покачал головой и снова рассмеялся. Маггот ответил тем же.

Смеяться было очень приятно.

Потом Эррен поднялся и быстро зашагал на юг. Когда по левую руку от них встало из-за горизонта утреннее солнце, они уже преодолели около двух лиг по самому трудному участку степи и углубились в лес. Маггот был уверен, что они далеко оторвались от возможной погони и могут позволить себе передохнуть, чтобы дальше идти уже не так быстро. Но Эррен, похоже, не собирался сбавлять ход, хотя его ожоги при дневном свете выглядели ужасно и, наверное, сильно болели.

— Куда мы так спешим? — спросил Маггот на имперском наречии, не ожидая, впрочем, ответа — во всяком случае такого, какой он мог бы понять. Но его нога продолжала болеть, и он решил, что дать ей отдых будет совсем не лишним. — Давай найдем тихое, прохладное местечко и как следует выспимся, — добавил он.

Эррен бросил на него быстрый взгляд, но продолжал шагать как ни в чем не бывало. Маггот повторил свое предложение на языке горцев, но его спутник даже не обернулся. Проклятье, подумал Маггот, начиная злиться. Впрочем, он решил пока не останавливаться. Эррен ему нравился — только потому, что они смеялись вместе над одним и тем же.

Несколько раз им попадалась кое-какая дичь, главным образом, небольшие грызуны, которые проворно скрывались при их приближении. Вскоре после полудня они заметили стадо зубров, которые паслись на обширной поляне. Маггот всегда предпочитал зубрятину оленине, если, разумеется, у него была возможность ее добыть. Особенно он любил печень и нежные языки.

Эррен, как видно, тоже был не прочь полакомиться зубрятинной. Показывая на лук Маггота, он жестом предложил ему застрелить быка или корову. Впрочем, тут же дал понять, что готов сделать это и сам, но Маггот постучал себя по груди в знак того, что стрелять будет он. Кивнув в знак согласия, Эррен пригнулся и стал подкрадываться к добыче, но Маггот удержал его за плечо. Сморщив нос, он негромко за-

сопел, словно принюхиваясь, потом сделал Эррену рукой знак следовать за собой и первым двинулся в обход поляны, чтобы подойти к зубрам с подветренной стороны. Он знал, что у зубров никудышное зрение, но обоняние почти такое же острое, как у троллей — достаточно было животным почуять что-то необычное, и все стадо тотчас бы обратилось в бегство. А человеческий запах мог донести до них самый слабый утренний ветерок, которому едва-едва по силам пошевелить листву на деревьях.

В стаде их было семь: большой, старый бык, три коровы и три теленка, которые мирно щипали траву футах в ста от опушки леса. Осторожно выбравшись из-за деревьев, Маггот поднял лук — и всадил опенненную стрелу прямо в бок ближайшего к нему теленка.

Тот громко замычал от страха и боли, спугнув все стадо, которое в панике бросилось прочь. Но животные не знали, откуда им грозит опасность. По чистой случайности они рванулись как раз в ту сторону, где находился Маггот. Раненый теленок, продолжая жалобно мычать, несколько раз повернулся на одном месте и упал. Коровы и телята, не обращая внимания на своего раненого собрата, рассыпались в разные стороны и вскоре скрылись между деревьями, но старый бык оказался как раз напротив Маггота. То ли ветер переменял направление, то ли случилось еще что-то, но налившиеся кровью глаза громадного зубра остановились на неподвижной человеческой фигурке. Бык громко фыркнул, ударил копытом о землю, потом наклонил к земле свою массивную голову с изогнутыми рогами и ринулся в атаку.

Маггот хотел отпрыгнуть за ближайшее дерево, но подвела раненая нога, подогнувшаяся в самый неподходящий момент. Он так и застыл на месте, а бык был от него уже в двух шагах! Оставалось только одно средство, и Маггот немедленно прибег к нему. Выронив лук, он крепко схватил зубра за короткие, острые рога. Страшный удар отбросил его назад, но Маггот успел оттолкнуться от земли и устоял на ногах, по-прежнему держась за рога зверя.

Бык заревел и движением могучих плеч и шеи снова поднял голову над землей. На этот раз, приземляясь, Маггот попытался вывернуть голову зверя так, чтобы свалить его на землю. Зубр, не ожидавший ничего подобного, в испуге попятился, но Маггот с пронзительным воплем рванул его за рога со всей силой, которую он приобрел в поединках с троллями много сильнее и тяжелее себя. На этот раз маневр удался: передние ноги быка подогнулись, и тяжелая туша опрокинулась на землю. Маггот уже собирался выпустить рога и бежать к деревьям, но тут Эррен подскочил к быку сбоку и вонзил меч ему в горло. Огромное животное захрипело, забилося и попыталось

встать, но его ноги снова подогнулись, и зубр рухнул на залитую кровью траву.

Маггот некоторое время стоял неподвижно и пытался отдышаться. Он не собирался убивать быка, зная, что теперь коровы и телята останутся без всякой защиты. Но, взглянув на Эррена, Маггот увидел, как тот, ухмыляясь, провел пальцем по еще дымившемуся свежей кровью клинку и сунул палец в рот. Увидев, что Маггот наблюдает за ним, Эррен шутливо подмигнул.

На другом конце поляны раненый теленок продолжал оглашать воздух жалобными криками, и Маггот, хромая еще больше, чем раньше (хотя даже себе самому он не решился бы в этом признаться), подковылял к добыче. Язык теленка вывалился изо рта, задние ноги отчаянно дергались, но подняться он не мог. Вытащив нож, Маггот прекратил его мучения.

Они быстро разделали теленка. Маггот не имел ничего против того, чтобы съесть его сырым, но, перехватив потрясенный взгляд Эррена, достал из колчана кремь и огниво. Пожалуй, они могли рискнуть и развести небольшой костер. Он уже собирался показать своему спутнику, какие дрова собирать, чтобы дыма было поменьше, но тот, как бывалый путешественник, уже собирал сухой валежник. Дыма от него было совсем мало, да и тот рассеивался в воздухе, прежде чем успевал подняться до верхушек деревьев. Мясо у теленка было розовое, сочное, и Маггот почувствовал, как с каждым куском к нему возвращаются силы.

После еды он занялся своей раной. Она по-прежнему болела, но Маггота беспокоила не столько боль, сколько возможные последствия — нагноение, лихорадка или даже заражение. С другой стороны, он потерял много крови, и это давало ему основания надеяться, что все обойдется. И все же чтобы такая рана зажила, нужно было держать ногу в покое, а он в последние несколько часов только и делал, что давал мышцам новую и новую работу.

Эррен задал ему какой-то вопрос, но Маггот только покачал головой и отошел в сторону. Вдоль края поляны пробирался небольшой ручеек. Присев возле него, Маггот напился, потом промыл рану и перевязал полоской кожи, отрезанной от набедренной повязки. Хорошо было бы приложить к ране целебную траву рух, но у Маггота уже не было сил ее искать. Он чувствовал себя вымотанным до предела.

Тут к нему приблизился Эррен, и Маггот сказал ему на языке Империи:

— Нам нужно найти укромное местечко и поспать до вечера. А когда стемнеет, можно идти дальше.

На всякий случай он повторил то же самое и на языке горцев, хотя был почти уверен, что Эррен не поймет ни слова. В ответ Эррен принылся что-то говорить на своем тарабарском языке, сопровождая речь энергичными движениями рук, которые он то поднимал вверх, то резко опускал. Маггот некоторое время наблюдал за ним, пока не догадался, что его спутник, по-видимому, описывает свой родной край, расположенный где-то на юге под прикрытием горных кряжей. Еще какое-то время спустя он понял, какое слово означает гору, а какое — водопад.

— Гора и водопад, — повторил он на языке Эррена, и тот рассмеялся, однако как-то не слишком весело. — Этого добра везде хватает. Весь этот край состоит из сплошных гор и водопадов.

Эррен начал объяснять все сначала, показывая при этом куда-то на восток.

— Ладно, достаточно, — прервал его Маггот, сопроводив свои слова резким движением плеча. — Я тебя выслушал, а теперь ты послушай меня. Я ранен, я устал, и я хочу отдохнуть до вечера. Давай нарежем столько мяса, сколько сможем унести, и завернем в шкуры, а потом найдем безопасное местечко, где можно спокойно выпастись. Только нужно поторапливаться, пока не появились падальщики.

И в подтверждение своих слов он показал на нескольких канюков, которые уже кружили над поляной. Эррен, по-видимому, понял основную идею, так как бросился собирать провизию. Увидев, что Маггот хромает, он предложил ему опереться на свое плечо, но Маггот отказался. Он не собирался искать подходящее место для отдыха где-нибудь за тридевять земель. И действительно, покинув поляну, они довольно быстро набрали на каменистый распадок, где можно было укрыться среди валунов. Там Маггот отыскал небольшую щель под каменной плитой, засунул в нее сверток с мясом и лег сам.

Эррен тоже устал. Его лицо осунулось, а под глазами залегли черные круги, которые казались еще темнее из-за ожогов, однако он, похоже, сохранил достаточно сил, чтобы идти вперед. Увидев, что Маггот собирается спать, Эррен пришел в необычайное волнение и попытался знаками показать, что они должны двигаться дальше пока светло.

— Можешь идти, куда хочешь, — сообщил Эррену Маггот. — Но я останусь здесь и буду спать.

И, сказав так, он положил голову на согнутый локоть, закрыл глаза и тотчас уснул. Несколько часов спустя его разбудил шорох чьих-то шагов. В мгновение ока Маггот проснулся и, проворно вскочив на ноги, выхватил нож, готовясь защищаться. Но это был всего-навсего Эррен, который при виде оружия испуганно попятился. В одной руке он

держал свою заметно потяжелевшую сумку, а в другой меч. Его пальцы были испачканы в грязи и в земле.

— Не нужно меня пугать, — проворчал Маггот, и Эррен кивнул, как будто все понял. Потом он, в свою очередь, показал, что тоже собирается прилечь и спать до утра.

— Давно бы так, — сказал Маггот и, когда его спутник затих, улегся снова.

Он спал крепко, без сновидений, но проснулся так же легко, как и уснул. Увидев, что Эррен спит на голой земле неподалеку, Маггот почувствовал, как у него потеплело на сердце. Этот человек нравился ему все больше и больше. Он вспомнил о двух своих друзьях — горце Шингласе, которого спас от наводнения, и рыцаре Бране, которого он спас от Шингласа. Быть может, подумалось Магготу, так пойдет и дальше: будет спасать людей, а они станут его друзьями.

Восточный край неба начал светлеть. Новый день обещал быть погожим и ясным. Для троллей восход солнца означал смерть или, по крайней мере, конец ночи, в темноте которой они могли чувствовать себя в безопасности. Маггот знал, что люди смотрят на это по-другому и что восход символизирует для них новое начало. Пожалуй, сегодня он тоже был склонен отнестись к приходу дня с радостью...

Прищурившись, он посмотрел туда, где над лесом и холмами должно было вот-вот встать дневное светило.

И увидел над деревьями струйку дыма.

Это наверняка были охотники, и совсем близко — всего в одной миле или около того. Возможно, они даже остановились на той же поляне, где Маггот и Эррен охотились на зубров.

Не тратя времени попусту, Маггот растолкал своего спутника. Эррен сразу открыл глаза и сел; Маггот показал ему на дым.

— Они выследили нас, — сказал он. — И даже не прячутся.

Эррен кивнул с таким видом, словно именно этого и ожидал. Считанные секунды понадобились обоим, чтобы собрать свое нехитрое имущество и тронуться в дальнейший путь. Нога у Маггота по-прежнему болела, но он не щадил ее, стараясь нагружать так, словно она была здорова. На боль он не обращал внимания. Шли они еще быстрее, чем накануне, и не успело отзвучать утреннее пение птиц, как они уже преодолели последнюю гряду холмов и подошли к реке. Здесь Эррен повернул вверх по течению в поисках переправы. Магготу эта река сразу не понравилась: она казалась быстрой и глубокой, к тому же высокая вода еще несла сломанные ветки и даже небольшие деревья.

В конце концов они дошли до места, где русло расширялось, а течение было чуть более медленным. Над водой то там, то сям выступа-

ли вершушки камней, из чего можно было заключить, что река здесь не особенно глубока. Эррен, очевидно, пришел к тем же выводам, так как остановился и, кивнув Магготу, снял перевязь с мечом. Держа оружие над головой, он сразу вошел в воду и зашагал к противоположному берегу. Сначала вода плескалась у его лодыжек, на середине реки она дошла ему до бедер, после чего дно снова стало повышаться.

Маггот последовал за Эрреном почти сразу, но его спутник двигался быстрее. Вскоре он уже выбрался на противоположный берег и, повернувшись к Магготу, стал знаками показывать, куда ему следует ставить ноги, чтобы не попасть на глубокое место.

Ледяная вода бесновалась и бурлила вокруг ног Маггота, толкала под коленки, норовила опрокинуть. К тому моменту, когда он добрался до середины реки, его ноги совершенно окоченели и потеряли чувствительность. Неистовое течение с непреодолимой силой тянуло его куда-то вбок. В довершение всех неприятностей раненую ногу начала сводить судорога. Как раз в это время Маггот увидел, что Эррен отчаянно машет обеими руками, показывая, что Маггот должен принять левее. Он послушно шагнул в ту сторону, но оступился и сразу соскользнул на глубину. Как ни пытался Маггот удержаться, у него ничего не вышло, и он окунулся с головой.

А потом неумолимое течение подхватило его и понесло прочь.

4.

Несколько раз перевернувшись, Маггот ударился о каменистое дно и снова оказался на поверхности. Жадно хватая ртом воздух, он искал глазами своего спутника, но стремительное течение унесло его уже так далеко, что Эррен казался крохотной точкой. Потом вода снова подхватила Маггота, закружила, потянула на дно, и он отчаянно забарахтался, не зная, где верх, где низ. Легкие пылали. Предательские камни с силой ударяли то по спине, то по голове. Наконец — ослепший, оглушенный — Маггот почувствовал, что его лицо оказалось над поверхностью, и, широко открыв рот, втянул в себя как можно больше живительного воздуха, проглотив заодно изрядное количество воды. Течение вырвало у него из рук тючок с мясом, но лук и колчан со стрелами все еще висели у него через плечо. Воспользовавшись тем, что руки его оказались свободны, Маггот из последних сил поплыл к берегу, надеясь добраться до мелкого места и воссоединиться со своим другом. Увы, река хотя и сделалась уже, течение стало таким быстрым, что все его усилия уходили на то, чтобы держать голову над водой; к берегу же он не приближался. Осознав это, Маггот задумался об опасностях, которыми мог грозить ему разбушевавшийся поток. Правда, он пока не

представлял, что именно подстерегает его ниже по течению, однако не сомневался, что рано или поздно его либо швырнет на выступающие из реки камни, либо затащит в водоворот. Впрочем, судя по характеру течения впереди его ждало нечто более грозное — водопад. И действительно, не успел Маггот подумать о такой возможности, как до слуха его донесся грозный рев низвергающейся со скал воды. Течение еще ускорилося, теперь берега проносились мимо него быстрее, чем бежит испуганный олень. Все чаще и чаще попадались небольшие водовороты, пытавшиеся снова затянуть Маггота на дно, оскалившееся острыми камнями. Вот впереди сверкнула радуга — это свет солнца преломлялся в мириадах брызг, которые поднимались в воздух, после того как водяные струи вдребезги разбивались о камни, служившие как бы преддверием водопада.

Перед самыми валунами река слегка изгибалась. В излучине застряло несколько бревен и веток, и Маггот, борясь с течением, повернул в ту сторону. Несколько взмахов руками, последний отчаянный рывок, и вот он уже ухватился за сук застрявшего между камнями дерева сначала одной, а потом и другой рукой.

Увы, дерево держалось между камнями недостаточно прочно. Во всяком случае, веса и инерции тела Маггота оказалось достаточно, чтобы стронуть его с места. Несколько веток с треском переломились, дерево отделилось от берега и понеслось по течению вместе с вцепившимся в него Магготом. Вzbесившийся поток швырял его то на один, то на другой камень, но бревно приняло на себя большую часть этих страшных ударов, а Маггот то выныривал из пенных бурунов, то снова погружался с головой, думая только о том, как бы не выпустить бревно. Водопад ревел все громче, и вскоре Маггот уже не слышал ничего, кроме грозного гула падающей в пропасть воды.

Он как раз собирался рискнуть и попытаться уцепиться за валун, когда бревно внезапно остановилось, попав между двумя огромными камнями. Жадно хватая ртом воздух, Маггот выбрался из воды, чтобы усесться на бревно верхом. Он уже уперся в него коленом, когда ствол дерева повернулся, вырвался из щели между камнями и тут же налетел на другой валун. От толчка Маггот потерял равновесие и снова полетел в воду.

Теперь его окружала только вода и плывущие по ней клочья пены. Берега превратились в отвесные каменные стены, а впереди вставал гул водопада — осязаемый и твердый, словно гранит. Тщетно Маггот размахивал руками в надежде уцепиться хоть за что-нибудь; вода заливалась ему в нос, в горло, в глаза, и он — полузадохнувшийся и ослепший — сделал единственное, что ему оставалось в данных обстоя-

тельствах: свернулся в комок, прикрывая руками и локтями голову и лицо.

Потом он ощутил, что летит. Река швырнула его в воздух, и Маггот почувствовал, как холодит мокрую кожу ветер. Он еще успел открыть рот и, выплюнув воду, глотнуть ледяного воздуха, который обжег его измученное горло.

В следующее мгновение он снова ударился о воду, да с такой силой, что весь воздух с шумом вырвался из его легких. Сначала ему показалось, что он все еще летит, но потом понял, что стремительно скользит по каменному желобу, прорезанному потоком в скалах. Примерно шестьдесят футов крутого склона он преодолел в мгновение ока, потеряв колчан со стрелами и сломав лук. Повязка с ноги исчезла еще раньше. Все это Маггот успел осознать, пока мчался вниз в облаке брызг и пены. Он уже приготовился к страшному удару, но вместо острых скал внизу его ожидал довольно глубокий бассейн. И все равно скорость была столь велика, что он сильно ударился ногами о дно — и тут же, машинально оттолкнувшись от него, рванул обратно к поверхности. Ему уже казалось, что он не выплывет, но тут его голова показалась над водой. Глотнув воздуха, Маггот изо всей силы заработал руками, стараясь уплыть подальше от низвергающейся воды. Вскоре его ноги снова коснулись дна, и он обнаружил, что может стоять. И дышать. Колени у него подгибались от слабости, но он все же побрел к берегу, зеленевшему в нескольких футах впереди.

Выбравшись на твердую землю, Маггот рухнул в траву и несколько минут просто лежал, пытаясь отдышаться. Потом перевернулся на спину и приподнялся на локтях.

Река, покинув пруд, вела себя уже намного спокойнее. Плавно изгибаясь, она медленно текла между отлогими берегами, поросшими высокими лиственными деревьями. Потом Маггот посмотрел на вершину утеса и понял, как ему повезло. Если бы не наклонный желоб, который вода проточила в отвесной каменной стене, сейчас он был бы мертв или жестоко изувечен и не мог двинуться с места. Но он съехал с огромной высоты, как на санках, и попал в бассейн, на дне которого не было скал и валунов, и который оказался достаточно глубок. Маггот даже подумал, что когда-нибудь — когда он будет здоров — он вернется сюда и еще раз прокатится на водяных струях. Он не сомневался, что сумеет получить удовольствие, если только избежит ударов о валуны перед самым водопадом.

Обломки его лука прибило к берегу. Заставив себя подняться, Маггот выловил их. Лук, конечно, был совершенно испорчен, но тетива могла пригодиться. В бурлящей воде под самым водопадом, на дне пры-

да-бассейна, он отыскал и колчан, который был по-прежнему туго завязан, хотя наплечный ремень исчез. Правда, стрелы все равно могли намокнуть и испортиться, но у него по крайней мере остались законечники. Маггот мог сделать себе новые стрелы — этому искусству обучили его Шинглас и его братья. На дне колчана Маггот нащупал кремень с огнивом и приободрился: погреться у костра было бы приятно. Зато пропажа ножа огорчила его по-настоящему. Нож висел у него на шее на крепком кожаном шнуре, но шнурок лопнул, рассадив кожу, и Маггот не мог вспомнить, когда это случилось. Для очистки совести Маггот еще раз нырнул на дно пруда, но ножа так и не нашел.

Выбравшись на берег в последний раз, он почувствовал, что дрожит от холода. Тело покрылось «гусиной кожей», но Маггот решил не обращать на это внимания. Держа под мышкой драгоценный колчан, он поискал тропу, которая вела бы обратно на вершину утеса. Тропа нашлась, но была такой крутой, что ему пришлось карабкаться по ней буквально на четвереньках. Впрочем, это упражнение помогло ему довольно быстро согреться, и он почти забыл об ознобе.

Примерно на половине пути к вершине Маггот сообразил, что ему следовало подниматься наверх с другой стороны водопада. Иначе, чтобы встретиться с Эрреном, ему снова придется переходить речку вброд.

— Глупый, глупый Маггот! Настоящая личинка! — пробормотал он вслух и стал спускаться.

Переплыв пруд (ему пришлось приложить изрядные усилия, чтобы удержать голову над водой), Маггот начал было карабкаться по склону с противоположной стороны, но вдруг услышал голос. Он доносился не сверху, откуда мог бы появиться Эррен, если бы тому пришлось в голову отправиться на поиски Маггота, а из зарослей ниже по течению.

И даже не голос, а голоса: негромко разговаривали несколько мужчин, но в тени деревьев не было видно ни единой живой души.

Не имея под рукой ничего, что могло бы сойти за оружие, Маггот стал торопливо подниматься по склону, одновременно оценивая местность: где бы спрятаться. Он даже хотел вскарабкаться на дерево, зная, что обычно люди смотрят вверх не так часто и не так внимательно, как следовало бы, однако его ноги и руки все еще дрожали от холода и слабости, и он предпочел расселину в скалах у самого берега. Забившись в нее как можно глубже, Маггот замаскировал свое убежище несколькими подобранными по дороге ветвями.

Не успел он пристроить последнюю из них, как снизу донесся негромкий возглас удивления, и Маггот мгновенно понял, в чем дело. Следы! Он оставил на берегах пруда немало отпечатков.

Прошло несколько томительно долгих минут, и на другой стороне реки, почти у самой вершины утеса показалось бородатое лицо одного из охотников. Маггот не знал, были ли это те же самые люди, которые захватили в плен Эррена, или другая группа. Одеты, во всяком случае, были так же. Замеченный им охотник внимательно изучал тропу, и Маггот догадался, что преследователи ошиблись, приняв его первую попытку подняться вверх за настоящий путь.

Внезапно охотник остановился и, выпрямившись, посмотрел через реку прямо на то место, где сидел в укрытии Маггот. Его взгляд был таким пристальным и внимательным, что у Маггота непроизвольно зашвербела кожа между лопатками. Он даже подумал, что разумнее было бы со всех ног побежать вдоль реки, пусть даже его при этом заметят, но не оставаться в этой норе, откуда охотникам — если они его обнаружат — будет очень легко его выкурить. Маггот был уже готов отшвырнуть в сторону ветки, заслонявшие вход в его убежище, и броситься бежать, когда над самой его головой раздались шаги. Кто-то шел по камням в башмаках на твердой подошве.

Охотник на противоположной стороне реки положил руку на рукоять меча и вышел на открытое место. Невидимый Магготу человек что-то крикнул, и оба ожесточенно заспорили. Маггот совершенно не понимал их языка, к тому же он мог видеть жесты только одного из участников разговора, но догадаться, о чем идет речь, не составляло труда. Охотник, стоявший на тропе над его головой, в гневе топнул по камням ногой. Его собеседник на противоположной стороне реки прокричал в ответ что-то сердитое и показал пальцем вверх по течению.

Потом на дальней стороне утеса появились другие охотники. Их было девять, и все они собрались вокруг своего вожака. Маггот видел, как солнце блестело на их золотых серьгах.

Над головой Маггота снова послышался шум — человек в тяжелых башмаках прыгал с камня на камень, однако он не спускался, а поднимался. Охотник на другом берегу снова махнул рукой вверх по течению, и вся компания двинулась в том направлении.

Дело принимало скверный оборот — во всяком случае для Эррена. Маггот понимал, что если Эррен станет искать его, он неминуемо наткнется на тех самых людей, от которых только недавно спасся. Охотники двигались ему навстречу сразу по обоим берегам. Правда, на том берегу, где прятался Маггот и где, по его предположениям, должен был находиться Эррен, их было явно меньше. Быть может, здесь оставался только один человек — тот самый, у которого были тяжелые башмаки на твердой подошве. Это означало, что у Маггота будет больше шансов.

Солнце поднималось все выше, время шло к полудню. Маггот, которого жизнь приучила к терпению и ночным передвижениям, закрыл глаза и решил немного отдохнуть, прежде чем отправляться следом за охотниками. В данной ситуации разумнее всего было выждать, чтобы, преследуя врагов, ненароком не наткнуться на них сзади — при свете дня, не имея ни ножа, ни меча. Но чем дольше Маггот ждал, тем сильнее охватывал его вернувшийся озноб. Не прошло и часа, а он уже стучал зубами так, словно провел целую ночь на леднике.

Сначала Маггот решил, что это стены его каменного убежища высасывают из тела остатки тепла. В расселине действительно было холодно и сыро, и он поспешил выбраться из нее, предварительно убедившись, что поблизости никого нет. Но даже жаркое полуденное солнце не смогло согреть его и умерить дрожь, и, шагая по тропе к вершине утеса, Маггот хромал сильнее, чем прежде. Он, впрочем, надеялся, что быстрая ходьба в конце концов разогреет заочечневшие ноги.

Вскоре он обнаружил, что боль от раны и от многочисленных ушибов и ссадин, полученных в борьбе с потоком, прекрасно мобилизует все резервы тела, помогая преодолевать крутой, каменистый подъем. Сосредоточившись на этой задаче, Маггот почти не замечал приступов дурноты, временами накатывавших на него. Но к тому моменту, когда он наконец добрался до брода, откуда началось его вынужденное путешествие вниз по реке, лихорадка уже трепала его всю. Маггот слишком хорошо знал симптомы, чтобы ошибиться, и, убедившись, что Эррена нигде не видно, поспешил принять меры. Как следует напившись из реки, он углубился в лес в поисках безопасного убежища, где можно было бы отлежаться хотя бы до сумерек. Ему повезло. Довольно скоро Маггот наткнулся на толстое, старое дерево, вся сердцевина которого выгнила. Забросив в дупло колчан, он с трудом протиснулся следом. Сдвинув в сторону груды старых орехов, запасенных и забытых белкой или бурундуком, Маггот опустился на слой мягких гнилушек, свернулся калачиком, а сверху нагреб на себя прошлогодней листвы.

Он собирался поспать, но сон никак не приходил, а до наступления безопасной темноты было еще далеко. Время от времени ему все же удавалось задремать, и тогда Маггот видел тревожные, лихорадочные сны. Ему чудились чьи-то странные фигуры и чужие голоса, которые звали его по имени. Потом ему показалось, что чьи-то острые зубы вгрызаются в его кости и плоть, особенно — в раненую ногу, отрывая маленькие кусочки. Миллионы крошечных когтистых пальцев стучали и скребли по стенам его убежища, и Маггот снова и снова спрашивал себя, где его мать, почему она не несет ему что-нибудь поесть, почему не приходит...

Когда он открыл глаза, снаружи было темно. Моросил мелкий дождь. Какая-то небольшая мохнатая тварь с горящими красными глазами просунулась было в дупло сквозь трещину в коре, но Маггот схватил пучок стрел, чтобы прогнать ее. Когда он взмахнул ими, тварь раздвоилась и превратилась сначала в две твари, потом — в четыре. Только тут Маггот понял, что это и есть те самые порожденные болезнью звери, которые глодали его пышущую жаром плоть изнутри и снаружи, и атаковал врага с мужеством отчаяния. Удары так и сыпались, но число красноглазых тварей не уменьшалось. Звучавшие у него в голове голоса превратились в визгливую скороговорку троллей, которые дразнили Маггота и насмехались над его маленьким ростом и слабыми конечностями.

А потом все прекратилось. Красноглазые твари исчезли, стихли голоса, липкий, жаркий кошмар рассеялся, и Маггот погрузился в благодатные глубины крепкого, здорового сна.

Проснувшись, Маггот обнаружил, что сжимает в руке пучок стрел. Его длинные черные волосы были мокры от пота и липли к лицу, в горле стоял привкус плесени и прели, а все мускулы болели как после тяжелой работы. Маггот почти не отдохнул, но это его не удивило — с тех пор как он забрался в дупло, прошло совсем немного времени (хотя ему и казалось иначе), и солнце еще даже не успело закатиться. Не сразу он сообразил, что это утреннее солнце, что наступил новый день, и он провалился в беспамятстве как минимум сутки.

Но лихорадка оставила его. Кризис миновал, и Маггот чувствовал себя почти здоровым, хотя и сильно ослабевшим. Выбравшись из дупла, он спустился к реке и напился, а заодно и вымылся, не забывая, впрочем, прислушиваться и поглядывать по сторонам. Снова выбравшись на берег, Маггот занялся своей раной. Кожа вокруг нее покраснела, нога опухла, а из-под засохшей корочки сочился гной. Скрипя зубами от боли, Маггот как мог вычистил рану при помощи наконечника стрелы и снова промыл водой.

Потом он задумался, как быть дальше. Магготу было совершенно ясно: он потерял слишком много времени. Что стало с Эрреном — куда тот подевался и сумел ли уйти от преследователей, — он понятия не имел. Впрочем, ему хотелось верить, что его друг сумел оставить охотников в дураках. На всякий случай Маггот осмотрел берега реки, но ночной дождь уничтожил все следы — он, во всяком случае, не нашел ничего, что могло бы подсказать ему, побывал ли здесь кто-нибудь, и если да, то куда он направился. Особенно Маггот жалел, что Эррен не сумел объяснить, где находится его дом. Гора и водопад,

о которых он упоминал, вряд ли могли служить надежной приметой — насколько Маггот знал, на пространстве между тем местом, где он находился сейчас, и населенными районами на востоке, горы и водопады встречались часто.

Итак, подвел Маггот неутешительный итог, Эррена ему не найти — и помочь ему он тоже не сможет, потому что, голодный и больной, он не мог сражаться с многочисленными, хорошо вооруженными охотниками.

— Удачи тебе, друг, — негромко проговорил Маггот на языке Империи.

Потом он поднялся и медленно побрел на запад, так как только этот маршрут мог помочь ему избежать встреч с людьми до тех пор, пока он не поправится. Голод тоже давал о себе знать, и Маггот снова превратился в тролля. Как и его бывшие соплеменники, он подбирал все съедобное, что попадалось ему по пути, и ловил мелких зверьков. Одна ночь сменяла другую, а он только и делал, что шел вперед или рыскал в поисках еды. Он ел грибы, собирал прошлогодние желуди и редкие орехи. На второй день своего путешествия Маггот заметил змею, которая выползла на камень, чтобы погреться на солнышке. Он схватил ее голыми руками, одним быстрым движением разорвал пополам и съел. На четвертый день Маггот несколько часов простоял в холодной озерной воде и, используя стрелы как маленькие дротики, убил выхухоль, которая неосторожно показалась из норы под берегом. Выхухоль была небольшая и тощая, но ее хватило, чтобы утолить голод.

Без лука и ножа, не имея возможности бегать достаточно быстро, Маггот как назло то и дело натыкался на дичь, которую и в сытое время посчитал бы деликатесом. Но олени, зубры и мастодонты, рывшиеся в грязи своими длинными, прямыми клыками, как будто чувствовали, что им нечего бояться. Они даже подпускали его достаточно близко и только потом нехотя убегали; Маггот, в свою очередь, тоже не обращал на них внимания, зная, что сделать он все равно ничего не может.

И с каждым днем он все больше удалялся от всхолмленных равнин и все ближе подходил к горам. Добравшись до первой скалистой гряды, Маггот вскарабкался на нее и увидел с вершины новые и новые горные пики и кряжи.

А далеко внизу, в маленькой уютной долинке, он увидел казавшиеся голубоватыми среди буйной зелени очертания домов и храмов.

5.

До города было очень далеко, но в ярком свете полуденного солнца он был виден достаточно отчетливо. В центре его возвышалось мас-

сивное здание правильной пирамидальной формы, которое Маггот сначала принял за гору, но, приглядевшись, рассмотрел уступы или террасы, опоясывавшие ее со всех сторон. Рядом с центральной пирамидой высились здания поменьше. Сквозь густую листву местами проглядывала какая-то непрерывная линия, опоясывавшая город, и Маггот понял, что это — городская стена. Голубовато-белые стены домов, видневшиеся то там, то сям в промежутках между деревьями, создавали впечатление довольно обширного поселения.

Маггот почесал затылок и с интересом принялся.

Клан троллей, к которому принадлежала и его мать, и он сам, обитал в пещерах, протянувшихся под землей на многие мили. Покинув мать, Маггот спустился в долины и некоторое жил там с людьми племени Шингласса, строившими только самые примитивные жилища — длинные и узкие сараи из согнутых дугой прутьев, которые покрывались сплетенными из травы циновками или древесной корой. Окон в них не было, поэтому изнутри такие дома напоминали пещеры, и Маггот чувствовал себя в них очень и очень уютно.

Когда Маггот познакомился с Браном, они вместе отправились в одно из отдаленных поселений Империи в северной части гор. Поселок был выстроен из камня и походил своей архитектурой на окружающие скалы, но там Магготу не понравилось: в поселке их схватили, избили и посадили в каменный амбар. Амбар тоже был похож на пещеру, но об этом эпизоде своей жизни Маггот вспоминать не любил.

Вот и сейчас он едва не повернул, чтобы убраться отсюда куда-нибудь подальше, но так и не сделал этого, а продолжал стоять, как завороченный глядя на долину вниз. Если бы его тело ныло и болело чуть меньше, Магготу, быть может, и хватило бы сил подчиниться тому, что подсказывал ему инстинкт. А инстинкт говорил: в городе что-то не ладно. Присмотревшись как следует, Маггот понял, в чем дело. Здесь не было заметно ни движения, ни дыма от очагов, ни других признаков людей. Но не успел он об этом подумать, как у подножия большой пирамиды вспыхнуло и погасло голубое сияние, а секунду спустя на дальнем конце города промелькнул ответный сигнал.

В душе Маггота шевельнулось нехорошее предчувствие, но он сказал себе, что если обшарит дома на окраине города, то, возможно, найдет какое-то оружие — нож или даже новый лук. Кроме того, не исключено, что здесь отыщется и кое-что съестное... Последнее соображение решило дело, и Маггот, забыв о своих опасениях, начал спускаться в долину.

К этому времени солнце стояло уже довольно низко, и на долину легли длинные тени, отбрасываемые горными пиками и хребтом, огра-

ничивавшим ее с запада. Небо полыхало всеми оттенками пурпурного и золотого, но Магготу некогда было любоваться закатным великолепием дня. Тропа, по которой он двигался, вывела его на длинный и прямой, словно вытянутый палец, отрог горной цепи. По одну сторону от которого текла, извиваясь, неторопливая река, по другую — лежал город. Отрог был много ниже самого хребта, но город просматривался с него хуже — теперь его почти полностью заслоняли кроны гигантских тополей, стволы которых, достигавшие у комля десяти—пятнадцати футов в диаметре, напоминали подпирающие небо громадные колонны.

Вскоре Маггот отыскал тропу. Правда, ее протоптали олени, но все же она была и вела в нужную сторону — петляя между деревьями, спускалась к самой городской окраине. То и дело на тропе попадались кучки оленьих «орешков», но все они были холодными, следовательно, никакой дичи впереди не обнаружить. Однако дальше — на узком уступе, огибавшем крутую вертикальную стену — Маггот нашел и свежие следы. Сумерки сгустились уже настолько, что рассмотреть их было трудно: ему пришлось опуститься на четвереньки. Только теперь Маггот увидел, что некоторые отпечатки были шириной в ладонь. Это был след большерогого оленя, справиться с которым голыми руками невозможно, но потом среди отпечатков больших копыт Маггот разглядел и следы поменьше — шириной всего в три пальца. Судя по всему, это был белохвостый олень, который тоже прошел по тропе недавно. Эта добыча была ему по плечу, и Маггот, пытливо оглядевшись по сторонам, вытащил из колчана стрелу и зажал в руке наподобие ножа на случай, если ему посчастливится столкнуться с одним из этих на редкость вкусных животных. Впрочем, сейчас он съел бы и жабу.

Но не успел он выпрямиться, как вечернюю тишину прорезал пронзительный, нечеловеческий вопль, эхо которого заметалось между деревьями, словно вспугнутая птица. Маггот так и застыл, припав к земле. Вопль донесся со стороны города — постепенно он перешел в громоподобный рык, завершившийся низкой, раскатистой нотой. Это было какое-то огромное чудовище, и он сразу подумал о том, каким жалким оружием была стиснутая в кулаке стрела.

Но вот рычание стихло, и над долиной повисла еще более глубокая тишина. Маггот пристально всматривался в ту сторону, откуда донесся этот пугающий рев, но сгустившаяся темнота оказалась непроницаемой даже для его привыкших к сумеречному освещению глаз. Он ничего не видел, но продолжал напряженно вглядываться в провалы между купами деревьев, где смутно белели стены покинутых домов. Несколько раз ему казалось, будто он видит вдали какие-то огоньки,

но это были либо светлячки, либо обман зрения. Слух тоже ничем ему не помог — Маггот даже затаил дыхание, но не мог различить ни шороха. Казалось, в эти секунды замерли даже обычные ночные звуки.

Так, в напряженном ожидании, прошло несколько минут. Потом где-то в листве прокричала ночная птица: «Уип-урр-уилл, уип-урр-уилл, уип-урр-уилл...»

Маггот перевел дыхание и выпрямился. И в то же мгновение на склоне позади него послышался какой-то короткий скрежет, словно под чьей-то ногой осыпались камни, потом что-то с силой ударило его в спину, и затылок взорвался ослепительной болью. Колчан со стрелами съехал вверх, толкнул Маггота куда-то ниже уха, и он, сорвавшись с уступа, кубарем покатился в поросший кустарником овраг. Овраг был довольно глубок — футов пятнадцать или двадцать, но колючие ветки кустарников, впивавшиеся в ничем не защищенную кожу, все же замедлили его падение. На несколько мгновений Маггот и вовсе застрял в кустах, зависнув вниз головой, но сумел быстро высвободить ноги и, в последний раз перекувырнувшись в воздухе, упал на четвереньки на покатое дно оврага. Тотчас перекатившись на спину, он увидел высоко на уступе, с которого упал, горящие золотисто-зеленым огнем глаза хищной кошки.

Кугуар. Должно быть, он решил поквитаться с Магготом за шутку, которую тот сыграл с одним из его родичей. Несомненно, хищник тоже шел по следам оленей, пока не наткнулся на другую добычу.

Одним прыжком Маггот вскочил на ноги и с вызовом погрозил зверю кулаком. Стрелу он потерял и собирался уже достать из колчана новую, но передумал. Вместо этого он пристально уставился прямо в горящие глаза зверя, стараясь не моргать. Бывало, что таким способом ему удавалось остановить нападавшего зверя, но на сей раз кугуар был слишком рассержен — или слишком голоден.

Большая кошка прыгнула с уступа и стремительно заскользила вниз по склону; ее гибкое тело мелькало в сплетении ветвей. Дно оврага, на котором стоял Маггот, было чуть наклонным, и он шагнул назад, нащупывая ногой опору. На этот маневр у него оставались какие-то доли секунды. В следующий миг кугуар прыгнул — размытое бурое пятно ринулось прямо на Маггота.

Маггот успел вытянуть вперед руки, чтобы схватить противника за горло, но толчок был слишком силен. Он не устоял на ногах, и они вместе покатились по дну оврага, пока не достигли относительно ровной площадки. Здесь они ненадолго расцепились, и тут же кугуар прыгнул снова, норовя вцепиться Магготу в горло. Но и Маггот не дремал. Он прыгнул навстречу и столкнулся с хищником в воздухе. Одной рукой

Маггот захватил короткий, жесткий мех на морде кугуара и, отбив второй рукой взмах мощной лапы, ткнул пальцем в золотисто-зеленый глаз. Кугуар зарычал и так резко тряхнул головой, что палец Маггота не успел причинить зверю сколько-нибудь серьезный вред. Но когда кугуар попытался повиснуть на нем, чтобы пустить в ход задние лапы с острыми когтями, одним ударом которых он мог распороть человеку живот, Маггот отшвырнул зверя и сам отпрыгнул назад.

Таким образом он получил передышку, но небольшую. Противников разделяло теперь несколько футов, но это были очень короткие футы — кугуар мог покрыть их одним хорошим прыжком. Положение осложнялось тем, что даже на таком небольшом расстоянии припавший к земле зверь казался лишь темным пятном на фоне камней и измятых кустов. На небо вышла луна, но она еще скрывалась за черными кронами деревьев, и ее серебристый свет не проникал в овраг, на дне которого по-прежнему царил густой мрак. Все преимущества оставались, таким образом, на стороне зверя, и Маггот не мог быть уверен в исходе схватки.

Он снова пристально уставился на кугуара и, несколько раз ударив себя кулаками по груди, выкрикнул хрипло:

— Пошел прочь!

Кугуар ответил низким рычанием и снова бросился вперед. Когда он прыгнул, Маггот схватил с земли сломанный ветром древесный сук и взмахнул им, метя зверю в голову. Удар пришелся точно в цель, сук треснул, но Магготу удалось лишь помешать кугуару прыгнуть. Зверь просто потряс головой и, злобно сверкнув глазами, снова припал к земле, готовясь к новому прыжку. В это время в овраг пролились первые лунные лучи, и Маггот поразился размерам своего противника. Таких крупных кугуаров он, пожалуй, еще не видел. Что и говорить — шансов в борьбе с таким чудовищем у него было ничтожно мало.

— А ну пошел прочь! — снова закричал Маггот и взмахнул обломком палки. — Брысь отсюда, пока я тебя не прикончил!

Кугуар напрягся, словно для броска, потом прижал уши и зашипел, открывая пасть, в которой блестели длинные, острые клыки. Глядя на них, Маггот невольно подумал, что зверю достаточно будет нанести ему один укус, и с ним будет покончено.

— Брысь, кому говорят! — крикнул он еще громче и шагнул вперед, размахивая над головой своей неуклюжей дубинкой.

Его удар пришелся в пустоту — кугуар с непостижимым проворством развернулся и исчез в темноте.

Все еще сжимая в руке палку, Маггот некоторое время смотрел ему вслед, потом повернулся и медленно побрел в противоположном на-

правлении. Свободной рукой он ощупывал шею. Сплюснутый зубами кугуара колчан со стрелами спас ему жизнь, и все равно шея сзади была мокрой и скользкой от крови. Впрочем, это были не самые страшные раны в его жизни, и Маггот не сомневался, что они скоро заживут. Если только на него не нападет еще какая-нибудь коварная тварь...

Подойдя ближе к городу, Маггот удвоил осторожность. Теперь он перемещался от дерева к дереву, прячась в тени могучих стволов. В городе, казалось ему, он будет в большей безопасности — во всяком случае от кугуаров. Но не исключено, что здесь его поджидают другие опасности. По расчетам Маггота, он вот-вот должен был выйти к самым домам, но по-прежнему в темноте не было видно ни огонька. Не слышал он и лая собак, а ветер не доносил запах дыма.

Земля близ города сделалась каменистой и еще более неровной, чем выше по тропе. Продолжая остерегаться нападения сзади, Маггот не особенно внимательно следил, куда ставит ногу, и едва не упал, когда камень, на который он наступил, внезапно покачнулся под его тяжестью. С трудом удержав равновесие, Маггот огляделся и увидел, что достиг развалин городской стены.

Камень, о который он споткнулся, тоже, по-видимому, когда-то вывалился из кладки стены. Он был холодным, гладким на ощупь и отличался от обычных валунов особым, матово-белым цветом с голубоватыми прожилками. В тех местах, где камень выглядывал из травы, его поверхность как будто светилась, и Магготу захотелось рассмотреть его как следует. Оборвав траву и вьюнки, заплетшие камень сверху, он увидел на нем стилизованное изображение змеи.

Луна, поднимавшаяся высоко в небо, заливала окрестности мертвенным голубовато-белым сиянием. Внутри города деревьев было меньше, и Маггот мог оглядеться. Слева от себя он увидел невысокое длинное здание, похожее на каменный хлев; впереди возвышалась рукотворная гора, увенчанная небольшой прямоугольной площадкой. Основание пирамиды густо заросло ползучими лианами и кустарником, которые, словно морские волны, тиснили захлестнуть ее целиком. Вокруг виднелись какие-то холмики или пирамиды поменьше: некоторые казались угловатыми, словно сложенными из прямоугольных каменных блоков, другие имели более плавные очертания. Между Магготом и пирамидой простиралась широкая площадь, в центре которой тоже виднелось какое-то подобие невысокого холма или кургана. Рядом с ним Маггот увидел стадо оленей — их было десятка полтора. Луна давала теперь достаточно света, чтобы он мог разглядеть короткие, молодые рога самцов и пятна белого меха вокруг хвостов оленей.

Припав к земле, Маггот начал подкрадываться к стаду, не забывая, впрочем, о кугуре, который каждую секунду снова мог оказаться у него на плечах. Он сразу выделил наметанным глазом группу из четырех животных, которые паслись чуть в стороне от остальных. Среди них был еще совсем маленький, годовалый олененок и стельная самка, которая едва могла ходить. Судя по всему, она вот-вот должна была отелиться, и Маггот, доставая из колчана стрелу, подумал, что она или олененок будут самой легкой добычей.

Бесшумно перебегая между стволами деревьев, Маггот двигался с таким расчетом, чтобы оказаться между стадом и этой небольшой группой оленей. Почти случайно он бросил взгляд вверх и похолодел. Молодая, сочная листва была начисто сорвана с ветвей на высоте почти двадцати футов от земли, а то и больше, да и сами ветви были изломаны и измяты. Даже ствол был расколот вдоль, а сердцевина измочалена и изгрызена, словно это была не твердая древесина, а нежная мякоть хвоща или саговника. Должно быть, сразу подумалось ему, это сделал тот самый зверь, чей чудовищный рев он слышал раньше.

Выпрямившись, Маггот шагнул прочь от дерева. Олени, заметив его движение, мигом насторожились и подняли головы. Потом самец издал пронзительный крик и отбежал к стаду, но косули и олененок остались на месте.

Это заставило Маггота забыть о возможной опасности и снова задуматься о том, как утолить терзавший его голод. В центре площади он разглядел небольшой четырехугольный водоем. Вода вливалась в него из пастей нескольких искусно вырезанных каменных зверей, установленных в нишах стены у дальнего конца водоема. Олени же собрались у ближнего конца, где темнел тот самый невысокий холмик, поросший какой-то необычной буровой травой.

Внезапно холм зашевелился, поднялся на четыре огромных лапы и вперевалку двинулся вперед.

Очертаниями и повадками чудовище напоминало пещерного медведя, но было чуть ли не вдвое больше самого крупного из виденных Магготом представителей этой породы хищников. Внешне неторопливо, неуклюже, но весьма целенаправленно тварь затрусила в его сторону. Над ее косматыми плечами поднялось в воздух небольшое, но хорошо заметное облачко потревоженных насекомых, которые с громким жужжанием следовали за тварью. Волна одуряющей вони достигла Маггота, и он, поперхнувшись, глухо закашлялся.

Тварь тотчас поднялась на задние лапы и, с шумом втягивая ноздрями воздух, двинулась на звук. Она была не меньше двадцати футов; болтавшиеся в воздухе передние лапы заканчивались огромными, как

сабли, кривыми когтями. Прикрывая лапами морду, зверь тоненько, гнусаво замычал, но уже в следующую секунду воздух раскололся от уже знакомого Магготу ужасного рыка-вопля.

Маггот сделал единственную разумную вещь. Он повернулся и бросился наутек.

Но не успел он пробежать и десяти шагов по направлению к внешней стене, как вдруг увидел нечто такое, что заставило его остановиться, совершенно забыв о неведомой твари. Это был Эррен. Он был одет в костюм из оленей кожи, какие Маггот видел на охотниках, и держал в руке натянутый лук.

Стрела, лежащая на тетиве, была направлена прямо в грудь Магготта, словно Эррен собирался застрелить своего спасителя.

6.

Чудовищная тварь за спиной Магготта снова взревела, и Эррен на мгновение отвел глаза, произвольно бросив взгляд в ее сторону. Маггот не преминул воспользоваться представившейся ему возможностью. Пригнувшись, он стремительно отпрыгнул в сторону, и выпущенная Эрреном стрела просвистела прямо над ним.

Прежде чем выстрелить еще раз, Эррен легко повернулся и отбежал за угол ближайшего здания.

Маггот бросился за ним. Вряд ли его спутник оказался в городе случайно, и Маггот твердо решил выяснить, что привело его сюда. Кроме того, ему нужно было куда-то спрятаться от преследовавшего его чудовища, и он считал, что на узких улочках между каменными домами твари будет труднее развернуться.

В воздухе снова прозвучал ужасный крик чудовища, начавшийся с гнусавого мычания и закончившийся громовым раскатом, от которого, казалось, сама земля вздрогнула и затряслась. Потом тварь опустилась на передние лапы и помчалась за Магготом с удвоенной скоростью. Каменные стены домов отразили ее вопль, и Маггот, на мгновение принявший эхо за ответный крик, почувствовал, как у него по спине побежали мурашки.

Бросив взгляд через плечо, он, однако, увидел, что тварь внезапно остановилась, словно потеряв к нему всякий интерес.

Снова посмотрев вперед, Маггот убедился, что Эррена нигде не видно.

На всякий случай он пробежал еще несколько шагов и остановился, только когда впереди замаячило странное, длинное, похожее на хлев здание, одна стена которого отсутствовала. Ее заменял целый ряд колонн, которых было намного больше, чем мог сосчитать обычный

троль. От подножия колонн начинались широкие, белые ступени, спускавшиеся вниз к травянистой поляне, густо заросшей деревьями. Дальний конец здания тонул в темноте, но Маггот сумел разглядеть что-то вроде двора, окруженного невысокой насыпью.

Отступив за дерево, чтобы Эррен не мог выстрелить в него снова, Маггот осторожно оглядывал окрестности. Колонны, поддерживавшие крышу здания, показались ему достаточно толстыми и высокими, но только до тех пор, пока он не обратил внимание на толщину растущих на поляне деревьев. Сравнивая их, Маггот даже почувствовал легкое головокружение. Даже по самым грубым подсчетам выходило, что загадочный город был покинут несколько столетий назад!

Наконец Маггот покинул свое укрытие и, перебегая от дерева к дереву, добрался до ступеней. Преодолев их в несколько прыжков, он спрятался за колонной, но как ни напрягал зрение, как ни прислушивался и ни принюхивался, словно троль (это, впрочем, Маггот определял чисто машинально), он не мог уловить никаких признаков близкого присутствия Эррена.

Выдав некоторое время, Маггот двинулся вдоль колоннады, ощущая во всем теле боль от ушибов и царапин, полученных в борьбе с потоком и во время схватки с кугуаром. Эта новая боль заглушала даже боль в раненом бедре, и чтобы отвлечься, Маггот стал думать о том, почему Эррен стрелял в него. Быть может, он просто неверно истолковал его намерения и на самом деле его бывший спутник хотел застрелить преследовавшее его чудовище? Но почему тогда Эррен убежал? Почему скрылся и не показывается больше?

И почему, наконец, он, Маггот, никак не может добыть еды и отдохнуть, когда так остро нуждается и в том, и в другом?

Размышляя обо всем этом, Маггот дошел до того места, где крыша здания то ли была разрушена упавшим деревом, то ли обвалилась под собственным весом, после того как выкрошились и ослабли от времени и непогоды подпиравшие ее колонны. Остановившись перед кучей каменных обломков, Маггот пришел к окончательному выводу, что только Эррен в состоянии ответить на большинство его вопросов.

А раз так, его обязательно нужно найти.

Иногда лучший способ поднять дичь — сидеть неподвижно. И Маггот, взобравшись на груды камней в том месте, где крыша пострадала меньше всего, затаился, слившись с глубокими ночными тенями. Из укрытия он мог смотреть сразу в три стороны: вдоль ряда колонн, откуда пришел; прямо, на заросшую деревьями травянистую поляну; назад, где громоздились кучи кирпичей и штукатурки.

Позже ему в голову пришла еще одна мысль. Запустив пальцы в скопившиеся между камнями полусгнившие листья, Маггот размазал грязь по лицу, чтобы светлая кожа была меньше заметна в темноте. Потом он нашарил среди обломков увесистый валун, который можно было бы использовать в качестве ударного или метательного оружия, и стал терпеливо ждать.

Вот откуда-то издалека донеслись первые птичьи трели. Коротко пролаял олень. Ущербная луна, похожая на лодку, медленно плыла по мерцающей звездной реке. Капля густой крови выкатилась из глубокой царапины, оставленной кугуаром, и, щекая кожу, стекла по шее. Вторая капля медленно поползла по спине. Ее догнала еще одна капля. Вот они слились и заскользили быстрее, но остановились небольшим прохладным озерцом, наткнувшись на кожаную набедренную повязку.

Маггот ждал. Он не шевелился. Даже для того, чтобы посмотреть в сторону, он не поворачивал голову, а только скашивал глаза.

От ствола одного из деревьев бесшумно отделилась какая-то тень. Постояв немного, она повернулась в сторону водоема на площади. Ночные тени скрывали ее очертания, и Маггот, сжимая в руке камень, заставил себя повременить с броском. И правильно сделал. Тень двинулась, вышла на свет, и он увидел, что это лишь еще один олень.

Потом в дальнем конце колоннады — в той стороне, откуда пришел Маггот — забренчал покотившийся по плитам пола камешек и послышался тупой удар, словно обвалился кусок штукатурки или черепицы. И снова Маггот не пошевелился, хотя мышцы его непроизвольно напряглись перед прыжком.

Но ничто больше не нарушало ночной тишины и спокойствия. Маггот ждал до тех пор, пока не почувствовал, что его мускулы — особенно в раненой ноге — затекли и уже не способны действовать как следует. Только тогда он позволил себе расслабиться, нехотя признав, что Эррен, по-видимому, не стал задерживаться, а продолжал двигаться куда-то в глубь города. Но как он вообще сюда попал? Может быть, он с самого начала следил за Магготом? И если да, то зачем это ему понадобилось? Ведь заброшенный город находился совсем не в той стороне, куда — как утверждал Эррен — он так торопился.

Сидя на корточках и размышляя обо всем, что с ним случилось: о нападении кугуара, о страшном звере, охранявшем площадь, и о странном поведении своего спутника, — Маггот вдруг заметил, что у него дрожат колени. Усилием воли он подавил дрожь, но ненадолго. Прошло всего несколько минут, и сначала одна, потом другая его нога снова задержалась, и Маггот, чуть слышно вздохнув, слегка переменял положение. Он понятия не имел, насколько серьезна была нанесенная

кугуаром рана — у него просто не было возможности осмотреть ее как следует. Когда же Маггот попытался ощупать себя, ему показалось, что вся его шея, спина и грудь сплошь покрыты не до конца засохшей, скользкой и липкой кровью.

Что ж, похоже, еда, вода и отдых приобрели теперь для него еще большее значение. Магготу необходимо было восстановить силы, иначе он скоро будет не в состоянии сражаться со своими многочисленными врагами.

Небольшой камешек ударился о стену неповрежденной части колоннады и, отскочив, запрыгал по мраморному полу совсем рядом с тем местом, где сидел в засаде Маггот.

Похоже, это все-таки был Эррен...

Он никуда не ушел и теперь пытался с помощью простой уловки с брошенным камнем заставить Маггота выдать себя.

Маггот снова замер на своем насесте, крепко сжимая в правой руке камень. Взгляд его скользил вдоль длинной, пересеченной теньями колоннады, но никакого движения, даже намек на него он уловить не мог. И все же Маггот не сомневался — Эррен где-то близко. Пригнувшись еще больше, он поудобнее перехватил тяжелый камень.

Вскоре он действительно увидел своего бывшего товарища. Эррен перебежал от колонны к колонне и, прячась в тени, напряженно всматривался в заросшее деревьями пространство перед собой. Когда он приблизился футов на тридцать, Маггот в своем укрытии приподнял булыжник, готовясь метнуть его в цель. Впрочем, он надеялся, что Эррен подойдет ближе — тогда он использует камень как дубинку и постарается оглушить его. И действительно, Эррен продолжал приближаться; при этом он как нарочно смотрел в сторону. Всего шаг оставался ему, чтобы оказаться в пределах досягаемости Маггота, но прежде чем сделать этот шаг, Эррен достал из своей сумки — той самой, которую он захватил из лагеря охотников — какой-то предмет. Направив его в сторону площади, Эррен пробормотал несколько непонятных слов.

Короткая вспышка холодного голубого света, подобная той, какую Маггот видел с горы, на мгновение озарила ночь.

В следующую секунду внутри пирамиды полыхнул ответный огонь. Его источник был явно мощнее, но сложенные из камней стены заслоняли его, и он сочился только из щелей между блоками да из низкого прямоугольного отверстия у подножия, служившего то ли входом, то ли окном.

Измученное восклицание, сорвавшееся с губ Маггота, привлекло внимание Эррена. Он чуть попятился и, повернув голову, посмотрел на гору каменных обломков.

С пронзительным криком Маггот прыгнул вперед, замахнувшись камнем. Он собирался нанести удар с лёта, но Эррен успел пригнуться. Все же камень задел его голову, и он, потеряв равновесие, кубарем покатился по каменным плитам. Маггот упал на четвереньки, и хотя от толчка камень вырвался у него из руки, он сразу же вскочил на ноги.

Но Эррен, оглушенный ударом, лежал неподвижно, и Маггот заколотил себя кулаками по груди, выбивая тролличий сигнал: «Опасность! Смерть!»

Пару секунд спустя тот же сигнал эхом вернулся к нему, и хотя Магготу показалось, что отраженный громадой пирамиды звук был слегка искаженным, он не придавал этому значения, решив, что все дело в форме здания.

Потом Маггот снова подумал о необходимости добывать пищу. Для этого ему нужны были лук и нож, и он наклонился над неподвижным телом, чтобы забрать оружие. Но не успел коснуться пояса Эррена, как тот крепко схватил его за запястья. Маггот дернулся, пытаясь освободиться, но Эррен ловко поставил ему подножку, и Маггот свалился на землю.

И тут — вместо того чтобы выхватить меч или нож и напасть на бывшего спутника — Эррен принялся шарить по полу, разыскивая какой-то предмет, оброненный во время внезапной атаки. Маггот увидел его первым — это был небольшой сверкающий камень, который откатился немного в сторону. Не успели пальцы Эррена сомкнуться на нем, как Маггот уже вскочил на ноги, готовясь защищаться, но его враг и не собирался нападать. Вместо этого Эррен со всех ног бросился прочь. Петляя между деревьями, которыми заросла поляна, он мчался прямо к пирамиде.

Маггот бросился в погоню. Он так и не понял, почему Эррен столько времени преследовал его, чтобы теперь обратиться в бегство. Но его противник оказался на редкость проворен, а Маггот был ослаблен голодом и ранами. Как бы там ни было, Эррен без особого труда увеличивал расстояние.

Потом Маггот заметил, что Эррен на бегу достает меч.

Вскоре они выбежали к площади и начали петлять между невысокими земляными холмиками на ее краю, стараясь не наткнуться на оленей или чудовище, стерегущее водоем. В конце концов Эррен попытался скрыться за группой старых, толстых деревьев, но Маггот заметил его маневр и прибавил скорость. Однако раненая нога снова подвела его. Прыгая через ствол упавшего лириодендрона — такого могучего, что его корни вывернули несколько каменных блоков из угла пирамиды, — он споткнулся и упал.

Ударившись о землю, Маггот невольно застонал, но тотчас снова вскочил на ноги. Он сразу увидел, что Эррен быстро поднимается на пирамиду по невысоким, узким ступеням одной из четырех лестниц, высеченных в середине каждой из ее граней и украшенных стилизованными фигурками каких-то животных. Обернувшись на половине подъема, Эррен ткнул в сторону Маггота мечом и крикнул:

— Уходи, иначе мне придется убить тебя!

И хотя он произнес эти слова с сильным акцентом, сказаны они были на языке Империи — на том самом, на котором Маггот не раз обращался к нему, но не получал ответа. Почему же Эррен притворялся, будто не знает этого языка? Зачем ему это было нужно?

— Мы были друзьями! — крикнул в ответ Маггот. Он был очень сердит, и больше всего ему хотелось схватить Эррена за горло и сдавить изо всех сил.

— Легендарный Бриллиант здесь. Как только заполучу его, я...

Маггот взревел, прыгнув к пирамиде, схватился за верхний край каменного блока и подтянулся. Через секунду он уже стоял на нем и тянулся к следующему уступу. У него не было никакого плана — он знал только, что ему нужно опередить Эррена и первым оказаться на вершине. Второй уступ покорился ему так же легко, как первый, хотя, чтобы дотянуться до его кромки, Магготу пришлось подпрыгнуть. Едва коснувшись коленями горизонтальной поверхности, Маггот не теряя времени вскочил и бросился на штурм третьего уступа.

Эррену, который бежал по лестнице, подниматься было значительно удобнее. Он продвигался к вершине достаточно быстро, хотя, то и дело оглядываясь на Маггота, часто оступался и один раз даже упал. Поднявшись, Эррен бросился вперед, но вскоре снова остановился и, поглядев на Маггота поверх головы или плеча одной из каменных фигур, охранявших лестницу, крикнул что-то на непонятном языке.

Маггот не ответил. Когда он добрался до пятого уступа, его руки и плечи так устали, что он решил сменить тактику. Обогнув ближайшую грань пирамиды, он перемахнул через вереницу каменных статуй и во всю прыть помчался вверх по другой лестнице. Сначала он прыгал через три ступеньки, но после того, как раненая нога пару раз едва не подвела его, Маггот стал двигаться осторожнее. Теперь он прыгал только через две ступеньки, но взятого им темпа было достаточно, чтобы оказаться на верхней площадке раньше Эррена. И когда тот вступил на нее, Маггот схватил его за запястье правой руки и ударил ею о небольшой каменный алтарь, стоявший в центре площадки. Эррен выронил меч, который со звоном упал на мраморные плиты, однако

уже в следующую секунду пришел в себя и, обхватив Маггота поперек туловища, повалил наземь. Не выпуская друг друга, оба покатались по площадке и, достигнув края, свалились вниз.

В воздухе они несколько раз перевернулись. Когда их сплетенные тела ударились о выступ пирамиды, сверху оказался Эррен, и Маггот, громко вскрикнув от боли, невольно ослабил хватку. Эррен тотчас вырвался и бросился к лестнице, намереваясь вернуться на площадку, но Маггот успел поймать его за ногу и опрокинуть. Сам Маггот все еще был оглушен падением, к тому же сильно ушиб локоть и почти не владел рукой, поэтому невольно замешкался с броском и не успел схватить Эррена снова. Тем временем его противник, прокатившись по уступу, ударился обо что-то головой и застонал, но удар, видно, был не таким сильным, чтобы потерять сознание. Через секунду Эррен уже сидел, зажимая рукой рану на виске. Но когда он повернулся к Магготу, его глаза неожиданно расширились от ужаса, а сам он сделал движение к краю уступа, словно собирался прыгнуть.

Маггот поднялся и, прижимая здоровой рукой ушибленный локоть, свирепо оскалится. Боль в руке быстро успокаивалась, и он шагнул к своему противнику, но Эррен вдруг заторопился. Неловко отталкиваясь руками, он сполз с уступа и исчез за его краем. Когда Маггот подбежал к тому месту, где только что был его враг, он увидел, что Эррен продолжает в панике прыгать с уступа на уступ. Вот он достиг основания пирамиды и, бросив наверх последний полубезумный взгляд, со всех ног устремился под прикрытие деревьев.

Маггот слишком устал, чтобы преследовать Эррена. Вместо этого он решил вернуться на площадку и подобрать меч, оброненный врагом. Но, поворачиваясь к лестнице, он наполовину увидел, наполовину почувствовал какую-то новую грозную опасность и успел рвануться в сторону. И все же он действовал недостаточно быстро. В следующее мгновение сильный удар обрушился на Маггота сверху, с размаху швырнув его на каменную плиту. Сначала он решил, что это снова кугуар, и, извернувшись на лету, выставил руки, готовясь защищаться.

Но это оказался не кугуар. Над ним на уступе пирамиды сидела крупная троллиха с невероятно длинными, костлявыми ручищами.

7.

Маггот ухмыльнулся. Наконец-то ему повезло.

Троллиха была примерно одного с ним возраста. Выступающие надбровные дуги, глубоко посаженные глаза и сильно скошенный на-

зад лоб придавали ее лицу выражение свирепой хитрости и пронизательности. Ростом она была, должно быть, около восьми футов, хотя пока сидела на корточках, определить точно было невозможно. Плечи у нее были широкими, а живот круглым, как арбуз, что по тролличьим стандартам считалось верхом совершенства. Толстая, словно дубленая, кожа троллихи была почти безволосой и имела очень приятный оттенок темного сланца. В руке троллиха держала внушительных размеров камень, который она как раз собиралась обрушить Магготу на голову.

Маггот проворно отскочил и высунул язык, словно съел что-то очень гадкое. У троллей это означало «нет», однако на случай, если она вдруг не поняла, он крикнул:

— Не бей меня, я — друг!

Глаза троллихи широко открылись. Отпрыгнув назад, она подбросила камень высоко в воздух.

— Разговаривает! — проверещала она.

— Конечно, я разговариваю, — рассмеялся Маггот и пригнулся. Камень упал у самых его ног, и острые осколки разлетелись во все стороны.

— Аа-гхм! — Троллиха отступила еще дальше, за одно из ребер пирамиды, и перебралась на один уступ вверх. Остановившись там, она вытянула шею и посмотрела на Маггота с таким видом, словно он мог вот-вот растаять в воздухе.

Маггот сел и причмокнул губами.

— У тебя есть чем-нибудь закусить? — спросил он. Это было традиционное приветствие для тех случаев, когда встречались два незнакомых тролля. Вообще-то, по правилам этикета троллиха должна была задать этот вопрос первой, поскольку Маггот как-никак находился на ее территории, но он был слишком голоден, чтобы ждать.

Брови троллихи некоторое время шевелились, изгибаясь в разных направлениях, словно змея, попавшая в когти орлу. Наконец она высунула язык и, отрицательно покачав головой, запрыгала прочь на трех конечностях. Четвертой она лупила себя по крупной, лысой голове.

— Эй, погоди! — крикнул ей вслед Маггот и бросился вдогонку, однако когда он обогнул ребро пирамиды, троллиха уже исчезла. Далеко внизу, у подножия, темнел длинный прямоугольник бассейна, похожий с высоты просто на глубокую яму. У дальнего его конца Маггот разглядел темную фигуру мохнатого чудовища с длинными когтями, которое как раз поднялось на задние лапы, чтобы сорвать с дерева несколько веток. Вокруг как ни в чем не бывало паслись олени, но троллихи нигде не было видно.

Однако спустившись на один уступ ниже, Маггот заметил в стене круглое отверстие. Приблизившись, он обнаружил довольно широкий пролом, который вел куда-то в глубь рукотворной горы. Пока Маггот раздумывал, в темноте подземного хода сверкнули два желто-оранжевых глаза овальной формы.

Маггот поспешно опустился на корточки и, подавшись вперед, оперся на руки в знак того, что он не замышляет ничего дурного.

— Привет, — сказал он и вежливо постучал по подбородку кончиками пальцев. — Меня зовут Маггот, Личинка-Маггот. Я из клана Глубоких Пещер.

И это была почти правда. Из-за свойственной троллям нетерпимости к людям, даже к младенцам, его приемная мать Уинди была вынуждена чуть ли не каждый год переходить из клана в клан, поэтому в детстве у Маггота не было своего племени. Это было достаточно необычно, поскольку до достижения совершеннолетия тролли странствовали всего один-два сезона. Но Магготу и его матери приходилось скитаться постоянно, и, куда бы они ни попали, всюду их называли «эта спятившая троллиха из клана Глубоких Пещер и ее зверек».

Понемногу троллиха преодолела робость и подошла так близко к выходу из своей норы, что Маггот сумел разглядеть ее лицо. Вот она любопытно принялась, и ее крупные ноздри сначала затрепетали, широко раскрывшись, потом вдруг резко захлопнулись, словно троллиха не могла поверить тому, о чем говорило ей обоняние. Откинувшись назад, она несколько раз хлопнула себя по лицу сразу обеими ладонями, потом снова наклонилась, чтобы получше рассмотреть Маггота.

— Привет, — повторил он.

— Уходи!

— Как тебя зовут?

Троллиха сделала еще один крохотный шаг вперед и уселась.

— Холли.

— Привет, Холли. — Маггот тоже сел на пятки и уперся руками в колени. Тролли, как правило, соображали не слишком быстро, но он мог поладить почти с любым. Главный секрет заключался в том, чтобы не торопить тролля, который *думает*.

Холли снова принялась и озадаченно приподняла брови.

— Ну?.. — проговорил он.

— Тебя зовут Маггот? Личинка-Маггот?

— Старый Крестоцвет, муж Уинди, прозвал меня так, потому что я был маленьким, белым и корчился от голода, когда тролли нашли меня рядом с мертвым телом.

— Хи-и-и! — воскликнула Холли, покачиваясь от удовольствия.

— Уинди из клана Глубоких Пещер, который обитает в нескольких ночах пути к северу отсюда, стала моей приемной матерью. Это она нашла меня, когда я был несмышленым младенцем, и вырастила как собственного сына.

Холли фыркнула.

— Иногда я слышу вещи, которых на самом деле нет. Я слышу голоса других троллей, которые эхом отражаются от скал вокруг долины. Сегодня, когда я услышала тревожный сигнал, — тут Холли постучала себя по груди, повторив сигнал Маггота, — я решила: мне опять почудилось. Но это был ты.

— Да, это был я.

— Когда я услышала твой стук, я послала тебе приветствие. — Холли выбила по своей груди еще один ритмический узор. — Но ты не ответил. Почему?

— Я просто не знал, что это ты, Холли. Я плохо расслышал твое приветствие. Мне даже показалось, что это мое собственное предупреждение вернулось ко мне. Прости. Мои мысли были слишком заняты человеком, которого я преследовал.

— Тем, *другим* человеком?

В подземных туннелях есть места, когда ты сворачиваешь за угол и вдруг оказываешься в полной, абсолютной темноте. Тролли считают, что темнота благотворно сказывается на умственных способностях живых существ. Люди, напротив, уверены в том, что только на свету человек может соображать как следует, хотя во многих людских языках существует глагол «осенять», который как раз происходит от слова «сень» или «тень». Такой же глагол есть, разумеется, и во всех тролличьих наречиях. Как бы там ни было, Маггота в это мгновение именно осенило: внезапно он понял, в чем дело. Он опять забыл, кто он такой! Холли видела в нем только человека, тогда как другие тролли — те, с которыми он вырос — в конце концов стали принимать его за тролля, за члена клана, хотя он и был совершенно не похож на них. Другое дело — Холли. Она просто не могла разглядеть в нем тролля. Перед ней был человек — и точка!

— Да, я думал о другом человеке, — спокойно подтвердил он. — Я должен его поймать, и мне нужна помощь. Где остальные тролли из твоего клана? Если ты отведешь меня к Первому, я объясню, в чем дело, и он назначит голосование.

— Здесь нет больше никаких троллей, — ответила Холли и захихикала.

— Что-о?..

— Здесь нет больше троллей, кроме Холли. Я здесь одна. — Она прикоснулась к векам кончиками пальцев, потом принялась шлепать себя по щекам, качая при этом головой. — Нет троллей, кроме Холли, нет троллей, кроме Холли... — бормотала она. — Нет никаких троллей, кроме глупой, сумасшедшей Холли, которая видит и слышит вещи, которых нет! О, бедная, бедная, одинокая Холли!..

— Почему ты не вернулась в свой клан? — спросил Маггот.

— Вот уже много, много зим Холли сама себе и клан, и Первый. Я клан из одного тролля, понимаешь?

— Что же случилось с остальными?

Холли состроила кислую гримасу и несколько раз подряд высунула язык.

— Я не знаю. Мы принадлежали к клану Пегих Горцев, но под конец нас осталось всего девятéro. В лето, которое было до поза-позапрошлой зимы...

— Четыре зимы назад, — подсказал Маггот. Все, что тролличьи кланы делали сообща, решалось голосованием, требовавшим точного подсчета голосов, поэтому все тролли очень любили считать.

— Ты умеешь складывать? — недоверчиво спросила Холли, и ее голос сразу утратил нарочитую медлительность и размеренность, к которым тролли прибегали в разговоре с кем-то, чьи умственные способности оставляли желать лучшего. Несколько мгновений она искоса разглядывала его, потом снова покачала головой. — Я не знала, умеешь ли ты считать, пока ты не заговорил о...

— Прежде чем уйти, я принадлежал к клану Глубоких Пещер, — сказал Маггот. В определенном возрасте большинство троллей отправлялись в странствие на год или на два, обходя соседние кланы в поисках пары. Маггот умолчал только о том, что он-то отправился в странствие в поисках людей.

— Откуда мне было знать, что ты умеешь считать? — задумчиво, словно обращаясь к самой себе, проговорила Холли. — Но раз так, тогда... тогда ты должен понимать! В лето, которое было четыре зимы назад, я и моя подруга Миртль покинули клан и отправились странствовать в поисках пары. В нашем клане все мужчины были уже женатыми и к тому же большинство из них слишком старые.

Маггот хрюкнул и постучал по земле костяшками пальцев в знак того, что понимает.

— А что было потом?

Прежде чем ответить, Холли некоторое время раскачивалась из стороны в сторону, посасывая кончики своих узловатых пальцев. Наконец она сказала:

— Мы никого не нашли. Не знаю, как там у вас на севере, но здесь люди с каждым годом проникают в горы все глубже. Они обживают их, ходят по ним, прокладывают свои тропы и дороги... Мы с Миртль видели много человеческих следов, но не нашли следов троллей.

— То же самое происходит и в тех краях, откуда я пришел. Люди, они повсюду... А кроме того, они разносят болезни: кашлем, к примеру, можно заразиться только от человека.

— Да, все было именно так, как ты говоришь. Нас ждали трудные времена. Мы не могли питаться падалью, потому что стервятники нас все время опережали. Трудно было найти еду — труднее даже, чем сейчас, и поэтому однажды ночью Миртль задержалась на открытом месте дольше, чем следовало. Я во всяком случае думаю, что причина была именно в этом, хотя кто знает?... Как бы там ни было, перед рассветом Миртль не пришла ко входу в пещеру, где мы прятались от дневного света. Потом я много, много ночей искала ее, вынюхивала следы, но ничего не нашла. Миртль исчезла, испарилась, словно ее никогда не было. А когда я вернулась домой, чтобы позвать на помощь других, то обнаружила, что наш клан Пегих тоже исчез. Даже запаха не осталось — ничего, что помогло бы понять, куда они ушли и почему...

Последние слова Холли произнесла совсем печально, по-прежнему раскачиваясь из стороны в сторону и раздувая ноздри.

Маггот снова заворчал.

— Это похуже, чем солнечный свет. Грустно слышать твою историю.

— С тех пор Холли живет одна в этих человеческих пещерах, — закончила троллиха.

— Значит, ты здесь уже довольно давно?

— Примерно с середины той зимы, когда я искала свой клан. Впрочем, здесь совсем не так плохо, как может показаться на первый взгляд. Видишь Большого Вонючку? — Она показала толстым пальцем в сторону мохнатого гиганта, продолжавшего упоенно обрывать листву с деревьев.

— Да, — кивнул Маггот. «Большой Вонючка» — очень подходяще для такого зверя.

— Он меня почти не беспокоит. Зато когда с гор спускаются саблезубые или волки и начинают охотиться на оленей, Вонючка их прогоняет. А я доедаю то, что после них осталось. Иногда он убивает тигра или волка, просто разрывает их на части своими когтями, если они подходят слишком близко, их я тоже съедаю. Позапрошлой зимой я съела четырех волков, а прошлым летом — саблезубого. А три месяца

назад мне достался почти целый олень — это было после того, как Большой Вонючка прогнал...

— Послушай, Холли, — негромко перебил Маггот. — Мне нужна помощь. У тебя ведь есть сокровища? Ну, разные человеческие вещи, которые ты собрала здесь?

Холли подозрительно уставилась на него. Тролли очень любили хранить людские вещи, пересчитывали их снова и снова, хвастались перед соплеменниками.

— Какие именно? — уточнила она.

— Блестящие и острые вещи. Большие железные зубы, которые можно держать в руке. Маленькие железные когти на концах деревянных палочек, которые можно метать очень далеко. — Тут он подумал, что должен привести какую-то вескую причину, чтобы заставить Холли расстаться со своими драгоценностями. — С их помощью я смогу добыть свежее мясо, понимаешь? Много свежего мяса!

Холли выпрямилась и с воодушевлением потерла округлое брюшко.

— Я не ела свежего мяса с прошлого новолуния, — сказала она мечтательно, но ее воодушевление сразу погасло. — Но у меня нет никаких сокровищ.

Маггот вздохнул. Похоже, его надеждам не суждено сбыться.

Холли наклонилась вперед и, с шумом втянув ноздрями воздух, пристально посмотрела на его исцарапанные плечи.

— А кто пытался есть тебя? — спросила она.

Прежде чем ответить, Маггот машинально коснулся засохшей крови на шее и груди.

— Кугуар. Большая кошка. Она бросилась на меня сзади, но я показал ей, что тролля так просто не сожрешь. Пришлось ей убираться, покуда цела.

— Что верно, то верно, тролль — не самая легкая добыча, — согласилась Холли и причмокнула губами.

— Мне нужна твоя помощь, Холли, — напомнил Маггот.

— Моя?

— У меня есть важное дело, которое могут исполнить только два тролля.

— Но ведь здесь нас только двое!

— В том-то и штука... — Маггот подобрал какой-то камешек и постучал им по крошащейся от времени и непогоды каменной стене. По правилам тролличьего этикета тот, кто просит об одолжении, должен оказывать своему визави мелкие знаки внимания, например, выбирать из шкуры клешей и прочих паразитов. Впрочем, он надеялся, что Холли не решится подойти к нему настолько близко.

— Речь идет о том, другом человеке, — пояснил он.

— О другом человеке? Угу... О существе, которое напало на тебя, да?

— Совершенно верно. Мне нужна твоя помощь, чтобы найти его в городе и изловить. Ты, наверное, здесь все знаешь... Я считал этого человека другом, но он пытался убить меня.

— Ты считал другом *человека*?! — Холли встала во весь рост и принялась расхаживать из стороны в сторону, время от времени хлопая себя ладонями по груди.

— А что тут такого? — удивился Маггот.

Холли внезапно остановилась и, упав на четвереньки прямо перед ним так, что их лица оказались примерно на одном уровне, свирепо оскалила зубы.

— Ты сказал, что оно было твоим другом, но если оно не тролль, значит ты сам тоже не тролль!

Маггот почувствовал на лице ее горячее дыхание, но не отпрянул и не поморщился.

— Ты тоже мой друг, Холли. Означает ли это, что и ты не тролль?

— Как-как?... — Эти слова явно сбили ее с толку. Холли воздела лапы, повернулась, отпрыгнула назад и снова уселась, тряся головой. — Иногда мне кажется, что и Холли не тролль. Троллей больше нет. Осталось одно одиночество.

— Было время, и я тоже так думал.

Холли поморщилась, но ничего не сказала.

Между тем ночь летела к концу. Перед рассветом Холли должна была надежно укрыться в глубине пещеры, чтобы солнечный свет не превратил ее в камень, и если Маггот хотел заручиться ее поддержкой, ему нужно было поторапливаться. И еще необходимо получить человеческое оружие.

— Помоги мне поймать того человека, и я принесу тебе свежего мяса.

Холли слегка приподняла голову.

— Мяса? — переспросила она.

— Давай голосовать, — быстро предложил Маггот. — Пусть поднимет руку тот, кто хочет сначала поймать человека, а потом вдоволь наесться свежего мяса. Я голосую «за»... — и он поднял руку.

После секундного колебания Холли последовала его примеру.

— Что ж, давай пойдем и изловим его. — Маггот поднялся, стараясь не обращать внимания на боль в затекших, натруженных мышцах.

Он надеялся, что помощи Холли будет достаточно, потому что, пока он вел свои переговоры с троллихой, до него наконец дошло, что могла означать эта вспышка голубого света. Эррен был магом. Колду-

ном. Магготу уже приходилось встречать колдунов, и он знал, что они могут заговаривать демонов и вызывать землетрясения силой своего волшебства.

Но впервые он собирался охотиться на одного из них.

8.

С трудом поднявшись на верхнюю площадку пирамиды, Маггот отыскивал меч, который выбил из руки Эррена. Чувствуя, что силы каждую секунду могут изменить ему, он горько жалел о том, что так долго разговаривал с троллихой, вместо того чтобы как можно скорее спуститься вниз и хотя бы напиться. Но он сделал первое и не сделал второго — и теперь вынужден был пожинать плоды. Впрочем, Маггот надеялся, что когда немного разойдется, подвижность суставов и сила мускулов хотя бы частично вернутся к нему.

Холли поднялась на площадку следом за ним. Здесь, на вершине пирамиды, гулял довольно сильный, прохладный ветер. Подняв голову, Холли принялась.

Маггот тем временем проверил баланс оружия. Меч оказался коротким, с широким листовидным клинком и острым кончиком, предназначенным для того, чтобы резать и колоть. Такие мечи нравились Магготу гораздо больше, чем длинные, рубящие клинки, пользоваться которыми пытался научить его Бран. Засунув меч за набедренную повязку, Маггот огляделся по сторонам и подумал, что днем отсюда наверняка видна вся долина. Это соображение заставило его отнестись к строителям пирамиды с еще большим уважением.

— Ну как, есть что-нибудь интересное? — спросил он у Холли.

— Я чувю, как вон в той стороне цветут вишни. — Она показала рукой направление, потом облизнулась и, опираясь на все четыре конечности, приблизилась к краю площадки. — Через пару месяцев они созреют, их можно будет есть.

— А как насчет человека?

— Это я тоже чувю.

— Можешь отвести меня к нему?

Холли фыркнула.

— Разве человека так трудно унюхать? Я уловила запах этого существа еще до того, как ты послал мне свое предупреждение.

Маггот немного подумал. Значит, Эррен был для нее «это» и «существо», тогда как его самого она явно считала троллем, пусть и второго сорта. Он даже хотел попросить Холли, чтобы она объяснила разницу, но, вздохнув, отказался от своего намерения. Маггот знал ответ. Он слышал его уже не раз. Ты не такой, как они. Ты не тролль, но и не че-

ловек. Потом он спросил себя, что будет, если он признается Холли, что и не думал слать ей предупреждение, но решил пока молчать. Он нуждался в помощи, и разумнее всего было не раздражать троллиху по пустякам.

— Где он? — спросил Маггот, сделав чуть заметное ударение на последнем слове.

— За пещерой каменных деревьев, рядом с девятым холмом. Или рядом с четвертым, если считать с противоположной стороны.

— Отлично. Ты можешь отвести меня туда? Я выманю его на открытое место, отвлеку на себя внимание... — «Сделаю так, что его нос будет направлен на меня» — так это звучало в буквальном переводе с тролличьего.

— А что потом?

— Сможешь ли ты прыгнуть на него и прижать его к земле?

— Нет ничего легче. — Холли жадно облизала губы, потом нахмурилась. — Разве это будет так просто?

— Нет. Скорее всего, нет...

Холли вопросительно посмотрела на него, ожидая разъяснений.

— Если мне не удастся выманить его на открытое место, нам придется «спуститься и поискать другую тропу к вершине», — сказал Маггот, используя еще одно расхожее тролличье выражение. — Но я все-таки надеюсь, что он нападет на меня. Тогда ты прыгнешь на него, как мы и договорились. Если он бросится на тебя, я крепко укушу его вот этим железным зубом. — Маггот показал на меч. — Ну, как тебе план?

— Кусок тухлого мяса. — Холли ухмыльнулась.

Маггот улыбнулся в ответ.

— Я рад, что тебе нравится... А теперь покажи мне, где он прячется. Только постарайся двигаться как можно тише, не забывай, что люди слышат гораздо лучше, чем мы.

Это последнее замечание сорвалось у него с языка совершенно произвольно, заставив Маггота в очередной раз задуматься, кто же он на самом деле — человек или тролль? Или, может быть, с Браном и Эрреном он был одним, а со своей матерью и Холли — другим?..

Вонючка и стадо оленей паслись далеко в стороне, под деревьями, оставляя за собой широкую полосу, где была уничтожена вся растительность. Даже земля во многих местах была разрыта, маленькие деревца стояли вовсе без коры, а деревья побольше лишились нижних ветвей. Глядя на эту картину, Маггот понял, почему площадь до сих пор не заросла, хотя на других полянах стояли вековые деревья и зеленела трава. Проходя мимо бассейна, он остановился, чтобы напиться.

Тот оказался илистым, и хотя он прилагал значительные усилия, чтобы не замутить воду, она казалась едва пригодной для питья.

— Смотри, не уподи в воду, — предупредила Холли.

— Не волнуйся. Со мной ничего не случится, — ответил Маггот.

— Кто знает, может, случится, а может быть, и нет, — загадочно проговорила она.

— Что ты имеешь в виду? — уточнил Маггот.

— У этого озера нет дна. Все, что туда попадает — даже что-то очень большое, — погружается все глубже и глубже, пока вовсе не исчезнет.

— Разве бывает, чтобы дна не было? — удивился Маггот.

— Я как-то бросила сюда целое дерево. Правда, не такое огромное, как эти, — сказала Холли, кивком указывая на двухсотфутовые гигантские тополя, которые росли по краю площади, — но все же достаточно большое. Оно провалилось в ил целиком, и следа не осталось!

С этими словами она опустила на колени на краю водоема и принялась пить, черпая воду ладонью, так что скоро ее шея и грудь стали совсем мокрыми. Маггот, у которого ил скрипел на зубах, отошел к дальнему краю бассейна, где он еще раньше приметил что-то вроде фонтана. В нишах подпиравшей склон очередного холма стены сидели четыре каменных зверя, каждый из которых напоминал одновременно лягушку, льва и орла. Точно такие же статуи, вспомнил Маггот, ограждали ступени, ведущие на верхнюю площадку пирамиды. Головы каменных тварей были задраны вверх на разную высоту, вместо ртов зияли черные круглые отверстия. Тонкая струйка воды текла из пасти только одного зверя, но по следам на камне Маггот определил, что когда-то бассейн наполняли все четыре статуи.

Поставив ногу на лапу первого зверя, Маггот дотянулся губами до отверстия и стал пить.

— Ты с ним целуешься что ли? — засмеялась Холли. Ее смех напоминал скрежет гравия, осыпающегося по склону горы, и Маггот круто обернулся, чтобы заставить Холли вести себя потише, но чуть не упал в воду. Он удержался, схватившись за торчащий из пасти чудовища каменный клык, но Холли захохотала, точно горный обвал. Она то складывала свои толстые губы в трубочку, как для поцелуя, то снова принималась хохотать и никак не могла уговориться.

Маггот прыжком оказался на берегу. Теперь уже не имело смысла призывать Холли к тишине — Эррен наверняка услышал ее и знал, что они где-то поблизости.

— Вкусная вода, — сказал он негромко, вытирая рот рукой.

— Но мясо еще вкуснее, — ответила Холли, потирая живот. Повернувшись на восток, она снова понюхала воздух.

— Убийца-Солнце скоро взойдет.

Маггот кивнул.

— Тогда пошли скорее. Покажи мне, где он прячется.

Холли серьезно посмотрела на него.

— Ты ведешь себя как Первый.

Маггот, ни слова не говоря, повернулся и пошел вперед, словно действительно был вожаком клана. Когда-то, в Глубоких Пещерах он пытался стать Первым, чтобы спасти мать и тех, кто был на ее стороне, но проиграл голосование своему приемному отцу Крестоцвету. Вскоре после этого Маггот отправился в свое первое самостоятельное странствие. Как странно, подумалось ему теперь, что в крошечном клане Двух Одиноких он все-таки стал Первым.

Миновав площадь, они бесшумно крались между холмами, расположенными на неравных расстояниях друг от друга. Город оказался гораздо больше, чем казалось Магготу — очевидно, виной тому были размеры зданий и пирамид, глядя на которые сверху, он не сумел правильно оценить подлинный масштаб открывшейся ему картины. Спусти какое-то время они вышли на другую площадь или, вернее, на открытое, ровное место, почти целиком занятое чем-то вроде высокого каменного помоста, к которому с четырех сторон вели широкие каменные ступени. В центре помоста стояло небольшое четырехугольное здание с колоннами.

Присев за редким колючим кустарником, росшим чуть наискосок от главного входа, Холли несколько раз понюхала землю и воздух.

— Оно там!.. — прошептала она. Увы, ее шепот был громче голоса Маггота, когда он говорил нормальным тоном.

— Ты уверена?

Холли вытянула вперед сложенные трубочкой губы. В целом, это движение больше напоминало поцелуй, чем утвердительный ответ.

— Ты могла бы обойти здание сзади и бесшумно взобраться на крышу?

— Я проделывала это уже сто раз, но зачем? На крыше никого нет!

— Я собираюсь выманить человека наружу. А ты должна прыгнуть на него сверху, как я говорил. Помнишь?..

Ее ноздри дрогнули, раздуваясь.

— Неплохая идея.

— Если человек не выйдет, ты должна будешь так же бесшумно вернуться сюда, и мы составим другой план.

На этот раз вытянутые губы Холли весьма недвусмысленно изобразили пародию на поцелуй, но Маггот притворился, будто ничего не замечает.

— Я дам тебе несколько секунд, потом подойду к зданию спереди, чтобы он заметил меня. — На тролличьем это звучало как «почуял меня». — Понятно?

Холли кивнула и быстро уползла в темноту.

Еще до того, как ее гигантская темная тень появилась на крыше здания, Маггот зашагал к главному входу. Остановившись у подножия лестницы, он громко крикнул:

— Эй, Эррен, ты там не заснул?

Ему никто не ответил, и Маггот начал подниматься по лестнице.

— Ты бы хоть пукнул что ли! — снова воззвал он и шагнул вверх еще на две ступеньки. Теперь его голова возвышалась над краем помоста как раз на такую высоту, что он мог заглянуть в затемненное пространство позади колонн, но в густом мраке не шевельнулась ни одна тень.

Держа перед собой меч, Маггот вскарабкался на предпоследнюю ступеньку. Теперь колдун не мог его не заметить, но сам он по-прежнему ничего не мог разобрать. Луна уже закатилась, и Магготу оставалось надеяться только на удачу и на свою быструю реакцию. Правда, у него была еще Холли, но он не уверен, что она не ушла с крыши просто потому, что ей наскучило сидеть и ждать неизвестно чего, а посмотреть он не решался, чтобы не насторожить противника раньше времени.

— Эй, ты, колдун-недоучка! — снова крикнул Маггот. — Если ты собираешься использовать против меня свое колдовство, то поспеши, пока оно не протухло. А еще лучше — выходи на открытое место; здесь все-таки посветлее, а то как бы ты там в темноте чего-нибудь не напутал! Вот возьмешь, да и наколдуешь самому себе рога!

К его огромному удивлению, из темноты донеслись какой-то шорох и возня. Секунду спустя между двумя ближайшими колоннами возникла фигура Эррена. В руке он держал натянутый лук, светлое дерево которого белело во мраке, как новорожденная луна. Стрела с блестящим стальным наконечником была направлена прямо в грудь Маггота. Расстояние между ним и Эрреном составляло меньше пятнадцати футов; с такого расстояния очень трудно промахнуться, каким бы скверным стрелком ни был его враг.

— Ты плаваешь лучше, чем я ожидал, Личинка-Маггот! — проскрипел Эррен. — Кто послал тебя следить за мной?

— Я хотел спросить тебя о том же, — парировал Маггот. — Почему ты следил за мною?

— Я следил за тобой? — Эррен расхохотался, и Маггот заметил, что острие стрелы немного опустилось. — С чего ты взял?

— Но ведь ты не отвечал мне, когда я разговаривал с тобой. Ты при-
творялся, будто не понимаешь моего языка, а на самом деле...

— Это потому что ты говорил на языке ***** Змей!

Предпоследнее слово Маггот не понял, как, впрочем, и смысл всей фразы, однако решил, что разберется с этим потом. Сейчас он должен был отвлекать внимание Эррена и одновременно выманить его на открытое место, потому что противник все еще находился под защитой крыши странного здания.

Высунув язык до отказа, Маггот насмешливо поводил им из стороны в сторону.

— Мой язык не змеиный. Разве ты не видишь, что он не раздвоен?

При этих словах Эррен вздрогнул и снова прицелился в Маггота.

— Насмешки и ложь — чего еще можно ожидать от того, кто говорит на языке ***** Змей?! — Он снова произнес то же непонятное слово, но Магготу было не до подробностей.

— Ты говоришь на том же языке, что и я, — ответил он и сделал крошечный шагок назад. — Значит, ты тоже лжешь и насмешничаешь?

— Стой на месте и отвечай на мои вопросы! — прогремел Эррен и, в свою очередь, сдвинулся чуть вперед, почти выйдя из-под крыши портика.

— С удовольствием. Кстати, вот твой меч, — сказал Маггот и, наклонившись, положил оружие на самый край верхней ступеньки, нарочно звякнув железом о камень. — Ты его обронил. Я оставляю меч здесь, чтобы ты мог его забрать.

— Эй, ты куда?! Я же велел тебе...

— Ты потерял свой меч, — повторил Маггот, медленно спускаясь по лестнице спиной вперед. — Я хочу отдать его тебе. Вот, я кладу его сюда, тебе остается только его забрать...

Не переставая болтать, он спустился еще на пару ступенек. Как только его голова скрылась за краем помоста, Эррен непроизвольно шагнул вперед, чтобы не выпускать Маггота из вида.

— А ну-ка, постой!.. Куда это ты собрался?

— Подальше от этой твоей стрелы. Она того и гляди сорвется, и мне придется плохо, — ответил Маггот.

Три вещи произошли одновременно. Маггот отступил еще немного назад, Эррен сделал широкий шаг вперед, и Холли прыгнула на него с крыши, сбив волшебника с ног и прижав к каменному помосту. Когда Маггот снова взбежал по ступеням наверх, он увидел, что троллиха сидит верхом на слабо трепыхающемся маге. Глаза его были выпучены от страха; судя по всему, он был слишком напуган и ошеломлен, чтобы бороться. Увидев Маггота, он, однако, потянулся к висевшему на поясе ножу, но Холли небрежно шлепнула его по руке своей лапищей, словно отгоняя комара. Эррен взвыл.

— Ты, животное! — выпалил он.

— Оно тоже разговаривает?.. — удивилась Холли и нахмурила лоб, словно пытаясь понять, как такое неразборчивое кваканье может что-то означать. — А что оно сказало?

— Он только что назвал меня животным, — сообщил Маггот, не отрывая взгляда от лица Эррена.

Холли фыркнула.

— Смешно! Оно называет тебя животным!

И снова Маггот задумался, почему Холли так упорно называет Эррена «оно», тогда как сам Маггот почти с самого начала для нее «он». Нужно как-то докопаться до истины, но расспрашивать Холли сейчас не слишком уместно.

Эррен злобно сверкнул глазами.

— Ты можешь разговаривать с этим существом? Может быть, ты заколдовал его, как заколдовываешь своих демонов в змеином обличье?

— Никаких змей, видишь?.. — Маггот еще раз продемонстрировал Эррену свой высунутый до отказа язык. — А теперь отвечай: откуда ты знаешь мой язык?

Прежде чем Эррен успел ответить, в разговор вмешалась Холли.

— Эй, Маггот!..

— Что?

— Ты обещал свежее мясо.

— Обещал, но...

— Так чего же мы ждем? — Троллиха без церемоний сжала голову Эррена в своих мощных, узловатых лапищах и стала поворачивать из стороны в сторону — совсем как человек, который собирается покусать тыкву. Эррен снова завопил.

— Хочешь откусить первым? Давай быстрее, а то я здорово проголодалась.

— Нет, Холли, его мы есть не будем.

По морде Холли скользнула гримаса гнева и разочарования. Одновременно троллиха с такой силой стиснула голову Эррена, что он сразу перестал кричать. Казалось, стоит Холли нажать чуточку сильнее, и череп мага лопнет.

— Но ты обещал! — заголосила она. — Зачем же мы тогда на него охотились?

— Я обещал тебе свежую оленину. С помощью его лука, — по-тролличьи лук назывался «убивающей улыбкой», должно быть, из-за своей формы, — я добуду оленя, и мы попируем на славу. Оленина гораздо вкуснее, чем человечина.

Гримаса Холли выражала глубокое сомнение.

— Ты когда-нибудь ела людей?

Холли высунула язык.

Маггот повторил ее жест.

— Тебе бы не понравилось, — сказал он уверенно. — Жестко, не вкусно. Тьфу!..

На самом деле он никогда не пробовал человеческого мяса — и пробовать не собирался. Тролли не ели себе подобных, и Маггот не видел причин поступать иначе. К тому же ему не хотелось терять свой единственный источник информации. Кто, кроме самого Эррена, мог объяснить, почему сначала он притворился другом, а потом пытался убить Маггота?

— Но я не могу ждать до завтрашней ночи! — вскричала Холли.

— Тебе и не придется, — успокоил ее Маггот. — Скажи, твоя пещера достаточно велика, чтобы все мы в ней поместились? — «Все мы» в тролличьем языке передавалось одним словом, звучавшим так же, как «клан».

— О, да, конечно. Правда, весь клан в ней бы не поместился... я имею в виду свой прежний клан, — уточнила Холли.

— Отлично. Сейчас я свяжу этого парня покрепче, и мы отнесем его в пещеру, а потом я отправлюсь на охоту и постараюсь добыть свежего мяса, — пообещал Маггот.

Холли выпустила голову Эррена, тот ударился затылком о камень и, застонав, посмотрел на Маггота почти с надеждой.

— О чем вы говорили? — спросил он слабым голосом.

— Холли хочет оторвать тебе голову и высосать через шею мозг, — не моргнув глазом, соврал Маггот, снимая веревку, намотанную вокруг пояса Эррена. Тот недоверчиво скривился, но Магготу удалось сохранить серьезное выражение лица, и маг с беспокойством покосился на массивную фигуру Холли.

— Собственно говоря, — добавил Маггот, выдергивая руку Эррена из-под ноги Холли и привязывая к ней конец веревки, — я был не совсем точен. Язык троллей так удобно устроен, что они могут действовать им, как ложкой. Холли просто вычерпает твой мозг своим языком, понимаешь? Ты, наверное, никогда не видел, как это делается?

Эррен дернулся, но Маггот был сильнее, и ему не удалось вырваться.

— Если хочешь убить меня ради своей Змеиной Царицы — убей!.. — с горячностью воскликнул маг.

«Царица» — именно это слово Маггот не расслышал раньше, но оно ничего ему не говорило. Он просто не знал, что такое «царица».

— Убей, но не смей надо мной издеваться!

— Да брось ты... — возразил Маггот и, перешагнув через Эррена, принялся вытаскивать из-под ступни Холли его вторую руку. — Я сам несколько раз видел, как тролли вычерпывают мозги из вскрытых черепов при помощи одного только языка.

Эррен в последний раз вяло трепыхнулся и прекратил борьбу.

— И ты способен бросить меня на съедение одному из этих чудовищ? — жалобно спросил он.

Маггот крепко связал ему руки за спиной, потом похлопал Холли по коленке, и та встала. Дернув за веревку, Маггот заставил пленника подняться на ноги.

— Я этого не сделаю, если ты расскажешь, зачем следовал за мной.

— Я следовал за тобой?.. — переспросил Эррен с неподдельным изумлением. Казалось, он даже забыл о своем незавидном положении, но тут Холли нетерпеливо причмокнула языком, и ноги у Эррена подкосились.

— Во всяком случае мне так показалось, — рассудительно заметил Маггот.

9.

Они в молчании вернулись к пирамиде. По пути Холли то и дело беспокойно прихихливалась. Воздух был холоден и тих — до утра оставалось совсем немного, и это нервировало троллиху.

— Не позволяй ей съесть меня, — сказал Эррен, когда они подошли к ведущей вверх лестнице. — В конце концов, мы с тобой люди, а не чудовища, как эта тварь.

— Холли не чудовище, — сердито отозвался Маггот, подталкивая Эррена в спину и делая вид, будто не замечает Холли, которая то и дело с любопытством спрашивала:

— Что оно сказала? Что оно сказала, а, Маггот?

Входом в пещеру Холли служило довольно большое отверстие в стене у северо-западного ребра пирамиды, которое Маггот сначала принял за дверь, прорубленную неведомыми строителями. Узкий туннель, заваленный обломками мрамора и экскрементами, вел в глубь пирамиды. На первый взгляд, он казался мрачным и таинственным, но на самом деле был довольно коротким: за первым же его поворотом — и не более чем в пяти шагах от него — находилась небольшая, правильной формы комнатка, насквозь пропахшая троллями. Запах здесь был таким густым, что Эррена с непривычки едва не стошнило.

Потом Маггот вспомнил, что не обыскал мага. За пазухой у Эррена

обнаружился мешочек, набитый сушеным мясом, нарезанным длинными полосками. Маггот понюхал его, несколько раз лизнул (оно оказалось крепко посоленным) и попытался откусить немного от одной из полосок. Держа мясо в кулаке, он вцепился в него зубами, но ему пришлось несколько раз тряхнуть головой, прежде чем он сумел оторвать небольшой кусочек. Зато чем дольше Маггот жевал, тем мягче оно становилось.

— Мясо, — сказал он, протягивая полоску Холли.

Троллиха с жадностью выхватила у него кусок и сунула в рот, но тотчас выплюнула, да с такой силой, что мясо пронеслось по воздуху, точно стрела, и со стуком ударилось о стенку коридора.

— Тьфу! И это ты называешь мясом?! Когда-то мне пришлось грызть старые, высохшие кости, так они и то были вкуснее!

— Тогда я возьму лук и попытаюсь что-нибудь подстрелить.

— Не ходи! — Холли содрогнулась. — Солнце скоро взойдет.

— Я не боюсь солнца, Холли.

Холли фыркнула, потом завозилась на своей подстилке из веток, словно никак не могла усесться поудобнее, но ничего не сказала. Маггот тем временем продолжал перебирать отобранные у Эррена вещи. В сумке мага он обнаружил удивительный округлый камень, как раз помещавшийся в кулаке. Сам камень был молочно-белым, но где-то внутри ритмично вспыхивали бледно-голубые огоньки. Казалось, будто в толще камня бьется заточенное в нем живое сердце.

Отчего-то Магготу стало беспокойно; странная дрожь пробежала у него по спине, и он поспешил сунуть камень обратно в сумку.

— Надо бы связать ему ноги, — проговорил он.

— Не беспокойся. Я позабочусь, чтобы оно не убежало, — предложила Холли, но Маггот покачал головой. Слова троллихи можно было понимать по-разному, но уточнять он не стал. Вместо этого Маггот отрезал от веревки еще кусок и наклонился, чтобы связать Эррену и лодыжки.

— Зачем ты это делаешь? — забеспокоился пленник.

— Мне нужно ненадолго уйти, — пояснил Маггот, затягивая узлы.

— Прошу тебя, не оставляй меня одного с этим чудовищем! — взмолился Эррен хриплым шепотом. — Ты, кажется, хотел меня о чем-то спросить, да? Спрашивай!

Холли снова пошевелилась.

— Что означает эта бессмыслица? — ворчливо спросила она. — Верещит, верещит, что твоя белка, а ничего не понятно!

— Ты права, — быстро согласился Маггот. — Это просто звуки, они ничего не значат.

— Тогда скажи ему, пусть закроет пещеру. — «Пусть заткнется», вот

что это означало на человеческом языке. — Я устала и мне вовсе не хочется, чтобы оно будило меня своим бессмысленным лопотанием.

Эррен испуганно вздрогнул.

— Что говорит это чудовище?

— Она говорит: если ты произнесешь еще хоть слово, она может забыть, что пообещала мне не покушаться на твой череп. Так что на моем месте я лежал бы смиренхонько и притворялся, будто давно умер.

Глаза Эррена округлились от страха.

— Но...

— Холли не станет тебя есть, если ей покажется, будто ты умер, — солгал Маггот. Тролли были не прочь полакомиться падалью, но он надеялся, что Эррен этого не знает.

Маггот обернулся к Холли:

— Я постараюсь вернуться как можно быстрее. Не трогай его, договорились?

— Тогда поторопись, — проворчала Холли и, схватив Эррена за связанные за спиной руки, поволокла в дальний угол своей крошечной каморки.

— Помни! — крикнул пленнику Маггот. — Веди себя тихо! Притворись мертвым, и она тебя не тронет. А я скоро вернусь. — Последние его слова были адресованы Холли, поэтому он произнес их на тролличьем наречии, но Холли ничего не ответила.

Выбравшись через пролом в стене, Маггот некоторое время стоял на уступе пирамиды, внимательно оглядывая окрестности. Небо заметно посветлело. До восхода солнца оставались считанные минуты, и покинутый город выглядел теперь гораздо приветливее, чем ночью, но Маггот не замечал этого. На душе у него лежал тяжкий груз. Ему очень не хотелось оставлять Эррена наедине с голодной тролличьей. Еще меньше ему хотелось идти на охоту, не отдохнув и не позаботившись как следует о своих ранах, однако он дал слово, а слово следовало держать. Кроме того, кто знает, что может взбрести Холли в голову, если она совсем оголодает? Одного оленя должно ей хватить на два дня, но вот вопрос: как дотащить добычу до пирамиды, не говоря уже о том, чтобы поднимать ее по ступенькам в пещеру? Будь Маггот здоров, он бы сделал это играючи, но теперь у него осталось слишком мало сил. Нет, как видно, придется поискать дичь помельче и желательно поближе к пирамиде. Не забывал Маггот и о кугуаре, который один раз уже бросился на него. Его тоже следовало остерегаться. Вряд ли зверь ушел далеко — должно быть, он и сейчас выслеживает оленье стадо, если только его не спугнул Большой Воюнчик.

Прихрамывая, Маггот спустился по лестнице и двинулся по широкой аллее, которая, как он видел с вершины пирамиды, должна была вывести его в расстилавшееся за городом поле. Здесь, в кронах деревьев, росших вдоль берега небольшого ручья, он заметил несколько темных комков в ветвях на высоте примерно пятнадцати футов от земли. Это были дикие индейки.

Натянув лук, Маггот выстрелил в самую большую птицу. Та пронзительно крикнула, неуклюже взмахнула крыльями и, ломая ветки, полетела вниз. Остальные индейки с квохтаньем слетели на землю и бросились врассыпную. Подбитая птица отчаянно билась в траве, пока не скатилась в ручей. Маггот выловил ее и свернул шею. Таких крупных и красивых птиц он не видел. Весила индейка фунтов под тридцать; ее блестящие черные перья отливали золотом, а «серьга» под клювом имела бледно-голубой оттенок.

Пока он возвращался к пирамиде со своим трофеем, утро окончательно вступило в свои права. В ветвях звонко заливались птицы. Все небо на востоке — и над городом, и над горами — озарилось нежно-золотым светом, но Маггот почти не замечал этой красоты. В поисках добычи он отошел от пирамиды на добрых две мили, и обратный путь давался ему нелегко. Впрочем, пока он возвращался, у него было время на размышления.

А подумать ему было о чем. Впервые после долгого перерыва он разговаривал с другими живыми существами. Встреча с Холли напомнила ему о детских годах, о прежних друзьях и знакомых из племени троллей; разговоры с Эрреном воскресили в памяти счастливые дни и часы, проведенные с Браном и с Шинглассом, и Маггот чувствовал, что окончательно запутался. Пожалуй, со всей определенностью можно было сказать только одно: он так и не нашел того, что искал.

Наступивший день раскидал по ярко-голубому небу легкие перья облаков, и, карабкаясь вверх по ступеням пирамиды, Маггот снова и снова спрашивал себя, кто же он такой. Да, он не боялся солнечного света и прекрасно чувствовал себя во тьме ночи, но что же — день или ночь — было ему ближе?

В каменном туннеле раздавался громкий храп Холли. Казалось, от ее дыхания даже поднялся легкий сквозняк. Маггот бросил убитую птицу на пол рядом с ней и, перешагнув через спящую троллиху, направился в угол, где лежал пленник. Его глаза еще не привыкли к темноте, и он почти ничего не видел.

— Я благодарю твоих змеиных богов! — проговорил Эррен хриплым шепотом. — Ты вернулся!.. Что ж, надо отдать тебе должное — слово ты держишь.

— А в чем дело? — удивился Маггот.

— Мне казалось: ты бросил меня здесь на верную гибель.

— Это еще не поздно сделать, — нетерпеливо бросил Маггот. Многочисленные вопросы так и распирали его изнутри, и не в силах больше сдерживать себя он обрушил их на Эррена: — Почему ты шел за мной? Как тебе удалось выследить меня? Рассказывай! Говори все, иначе мне придется разбудить Холли!

Он был уверен, что Эррен тут же заговорит, но пленный маг повел себя совершенно не так, как предполагал Маггот. Повернув голову, он с ожесточением сплюнул на пол; впрочем, он сразу же выпятил челюсть, словно сожалея о своем поступке и желая взять его назад. Искоса поглядев на Маггота, он проговорил глухо:

— Прости меня! Я готов был славить твоих ложных богов, но только потому, что был рад снова увидеть тебя. Даже не знаю, что на меня нашло!.. Ведь ты грубый, двуличный дикарь, который способен сдерживать обещание только по чистой случайности! Вероломство свойственно тебе по природе, иначе ты просто не умеешь.

Маггот вытянулся на полу, положив руку под голову.

— Когда у тебя будет что сказать мне, колдун, тогда можешь говорить. А до тех пор не беспокой меня.

— Погоди...

Маггот закрыл глаза.

— Ну? Я слушаю...

Эррен неловко завозился в своем углу, потом сказал:

— Будь ты проклят... Развяжи-ка мне руки и свяжи впереди, а то они совсем онемели.

Маггот никогда никого не мучил и не держал в плену просто для развлечения — это было противно его натуре. Вытянув руку, он нащупал в темноте пальцы Эррена. Они были совершенно холодными — похоже, веревка действительно была затянута слишком сильно. Действуя по-прежнему только одной рукой, он на ощупь распустил первый узел, и Эррен, с облегчением вздохнув, пошевелил пальцами.

— Одного я не пойму, — проговорил он негромко. — Что твоей Царице Змей понадобилось в этих краях? Может быть, она тоже ищет Бриллиант? Скажи правду, дикарь, и я прослежу, чтобы награда превзошла все твои ожидания!

Но Маггот по-прежнему мало что понимал.

— Царица Змей? — переспросил он. — Третьего дня я действительно съел змею — черную, с желтыми полосками...

— Опять ты надо мной издеваешься?!

— Ты задаешь слишком много вопросов, колдун. Должно быть, ты

забыл, что ты мой пленник и именно я должен задавать вопросы. А ты — отвечать. Ну, что такое Бриллиант?..

Эррен пожал плечами в темноте.

— Бриллиант есть Бриллиант. Неужели ты не слышал про Бриллиант Аропа?

— Вы оба шумите, как горный обвал! — сонно проворчала Холли недовольным басом. — Когда же это кончится, а?..

— Извини, — откликнулся Маггот. — Мы будем говорить тише.

— Что сказала эта тварь? — прошептал Эррен так тихо, что Маггот едва его расслышал.

— Холли спрашивает, когда можно будет заняться твоими мозгами, — тотчас ответил он. — Но я сказал, что они еще не готовы. — Тут Маггот вспомнил о странном камне, который он обнаружил в сумке Эррена и, позабыв про его наполовину развязанные руки, потянулся за ним.

— Мясо! — провозгласила в темноте Холли. — О, Маггот, спасибо!

— Я рад, что сумел доставить тебе удовольствие.

Вместо ответа раздался хруст костей. Холли разорвала индейку пополам и принялась жевать, громко хлопая, чавкая и время от времени сплевывая перья. От этих звуков Эррена, как видно, пробрала жуть — Маггот почувствовал, как он содрогнулся.

— Так почему ты следил за мной? — снова спросил Маггот, шаря в сумке в поисках камня. Он слышал, как Эррен понемногу развязывает узлы веревки, но пока не вмешивался, решив предоставить пленнику самому выполнить эту часть работы.

— Подойди-ка ко мне, Маггот! — окликнула его Холли необычным, певучим голосом. — Хватит любезничать с этим существом, иди лучше сюда!

— Одну минуточку, — вежливо ответил Маггот, слегка наморщив нос. Ему вдруг показалось — он уловил тот своеобразный запах, который троллихи издают, когда хотят спариться, однако Маггот не был уверен до конца. Правда, в таком тесном пространстве ошибиться было трудно, однако из-за своей неспособности правильно определять запахи (и соответствующим образом на них реагировать) Маггот уже не раз к вящему удовольствию своих знакомых-троллей попадал в неловкие ситуации. Из-за этого он в конце концов и был вынужден искать себе пару среди людей.

— Брось, Маггот!.. — Холли придвинулась ближе, вытянула свои длинные лапы и нежно провела кончиками пальцев по его спине. Маггот почувствовал, как она оторвала от ранки засохший струпик и отправила себе в рот. Холли ухаживала за ним!.. Не в силах сдержаться,

он отпрянул, постаравшись, впрочем, чтобы его движение не выглядело слишком оскорбительным. По-видимому, подумал он, Холли приняла добытую им индейку за ритуальное подношение — подарок, который тролль-мужчина делает своей избраннице.

Этого ему только не хватало...

Маггот наконец нашупал в сумке пульсирующий кристалл и, вытащив его наружу, показал Эррену.

— Это и есть твой Бриллиант?

— Нет, — ответил тот. — Но тоже сойдет.

Он поднял перед собой руки, которые успел развязать, и, сделав ими странный жест, произнес несколько слов на неведомом языке.

Пульсирующий свет, который Маггот до этого только смутно ощущал в глубине камня, превратился в нестерпимый жар, опаливший ему пальцы. Машинально он отшвырнул камень, но тот успел пролететь всего лишь пару дюймов, прежде чем полыхнуть в лицо ослепительным белым светом, от которого Маггот сразу перестал видеть что-либо. Последним, что он успел заметить, был Эррен, который, согнувшись в три погибели, с лихорадочной поспешностью развязывал веревку на лодыжках. Потом все вокруг заволочло серой пеленой, в которой плавали оранжевые кольца да верещала испуганная Холли.

Сражаясь с острой болью в голове, Маггот попытался схватить Эррена за ноги, но промахнулся.

— Лови его, Холли! — успел выкрикнуть он.

Но Холли повалилась на пол, страдальчески стеная. У выхода загремели камни — это Эррен пытался выбраться из пещеры. Нужно было действовать, и Маггот кое-как вскочил на ноги. Он по-прежнему ничего не видел, хотя ожесточенно тер глаза обеими руками, пытаясь разогнать белесую мглу. Потом его качнуло, и Маггот, непроизвольно схватившись за стену, стал ощупью пробираться к выходу.

— Маггот!.. Маггот! Где ты?!

— Все в порядке, Холли, — откликнулся он и поймал себя на том, что кричит во весь голос, хотя в пещере было совершенно тихо. — Я попробую поймать его!

— Не вздумай!

Что-то налетело на него, сбilo с ног и отшвырнуло прочь от выхода.

— Эй!.. — воскликнул Маггот. — Что ты делаешь?

— Ты не можешь оставить меня одну! — истерически взвизгнула Холли. — Не уходи!

— Но я должен, — возразил он, снова пытаясь встать на ноги. — Я вернусь, обещаю...

— Нет!

Она снова ударила его своей могучей рукой, так что Маггот отлетел к дальней стене. Молчать не имело смысла — Холли все равно нашла бы его по запаху, даже несмотря на то, что после странной вспышки в воздухе сильно пахло гарью.

— Он убежит!

— Пусть убегает! Это существо нам не нужно!

Маггот почувствовал, как его охватывает ярость. Он чувствовал себя обманутым и преданным. Повернувшись в том направлении, откуда доносился голос Холли, он сделал шаг, потом как можно тише свернул в сторону.

— Эй, Маггот, как все-таки насчет меня?!

Увесистый камень просвистел в воздухе и, с тупым стуком ударившись о стену над головой Маггота, осыпал его осколками. Еще один камень чувствительно ударил его в плечо, и он пригнулся, прикрывая руками голову и лицо.

— Прекрати, Холли! Прекрати, слышишь!

Холли взревела и ринулась мимо него в коридор, откуда сразу же послышался скрежет и стук больших камней. Зрение еще не вернулось к Магготу, и он не видел, что затеяла Холли, однако был уверен, что ничего хорошего ему ожидать не приходится.

— Что ты делаешь?! — крикнул он. — Подожди, давай поговорим!

— Ты... никуда... не уйдешь... — пропыхтела из коридора Холли, задыхаясь то ли от гнева, то ли от натуги. — Я не хочу... снова... остаться... одна.

Еще один удар камня о камень прозвучал как точка, подводящая итог ее словам.

— Холли?!

— Нет!..

Ее голос звучал глухо, как из-под земли, и Маггот вдруг понял, что она делает. Холли строила в коридоре баррикаду из камней, чтобы не дать ему выбраться из пещеры. Огромные камни, которые она голыми руками выворачивала из стен, продолжали ложиться друг на друга с мрачным стуком. Маггот был заживо погребен внутри пирамиды.

На мгновение стало тихо. Потом сквозь толщу камня донесся приглушенный вопль чудовища, охранявшего бассейн на площади.

11.

Устало привалившись плечом к груде гигантских камней, Маггот потерял пальцами глаза. Прошло уже несколько часов с тех пор, как он оказался заперт в пещере, но Маггот по-прежнему ничего не видел,

хотя за это время его глаза должны были привыкнуть к темноте. Голова тоже болела едва ли не сильнее прежнего.

— Похоже, настал час, когда солнце умирает, — вслух подумал Маггот и вздрогнул, когда сквозь каменную преграду до него донесся глухой голос Холли:

— Еще нет, но тени уже удлиннились, — сказала она.

Маггот машинально кивнул, хотя троллиха и не могла его видеть. Каждый раз, когда он пытался разобрать завал, Холли принималась кричать, чтобы он перестал, одновременно наваливая на баррикаду с наружной стороны новые и новые камни. Нет, о том, чтобы выбраться наружу, не могло быть и речи.

— Ты ведь не собираешься держать меня здесь всю ночь? — спросил Маггот как можно спокойнее, хотя спокойствие давалось ему нелегко. — Мы могли бы славно поохотиться вместе.

— Нет, — устало отозвалась Холли. — Я знаю: если я тебя выпущу, ты снова отправишься в погоню за этим сбежавшим животным.

— Клянусь, я не буду его преследовать, — солгал Маггот. — Кроме того, я уверен, что он давно перешел горы.

— Может быть, да, а может быть, и нет. Пожалуй, когда стемнеет, я схожу, поищу его следы. Если животное действительно ушло, я вернусь и выпущу тебя.

Маггот не ответил. Оттолкнувшись от камней, он принялся расхаживать по комнате. Три шага вперед и шаг вправо, тут он наткнулся на кучку перьев и расколотых костей — это было все, что осталось от добытой им птицы. Еще четыре шага вперед и семь шагов влево — и Маггот нашарил на полу лук со стрелами, меч и другие вещи Эррена. Еще через два шага он наткнулся на камни, которые Холли в панике и гневе швырнула в него. Пол здесь был усеян острыми каменными осколками, и Маггот ступал с особой осторожностью, чтобы не порезать ноги.

— Тут довольно тесно, — подала голос Холли, и Маггот живо представил себе короткий отрезок туннеля, в котором троллиха вынуждена была сидеть, спасаясь от солнечного света, от которого ее защищал теперь только изгиб коридора. — У меня ноги затекли — страшно подумать, что мне придется сидеть здесь до тех пор, пока не стемнеет. Кроме того, сюда проникает немного света, и я... я... — ее голос задрожал от ужаса, и она не смогла продолжать.

Маггот вернулся к баррикаде.

— Мне очень жаль, Холли. Здесь, внутри, по-прежнему темно и много свободного места. Никакого солнца. Мы двое вполне здесь поместимся, так что убирай камни и...

— Нет. Может быть, когда ночь кончится. Все будет зависеть от того, куда ведут следы животного.

Маггот в изнеможении опустился на пол.

— Ты наверняка попытаешься удрать, — добавила Холли извиняющимся тоном.

Маггот не ответил.

— Имей в виду, я тебя не отпущу!

За этим заявлением снова послышался грохот — Холли выломала еще кусок мраморной облицовки и обрушила на закрывающую выход баррикаду. Маггот покачал головой и несколько раз глубоко вдохнул воздух, прислушиваясь к ощущениям. Ему хотелось знать, насколько он успел восстановиться. Похоже, большая часть сил уже вернулась к нему.

— Ночь уже наступила? — снова спросил он какое-то время спустя. На этот раз Холли долго молчала, прежде чем ответить.

— Да, — промолвила она наконец. — Я ухожу. Сиди там, пока я не вернусь.

— Куда же я отсюда денусь... — отозвался Маггот самым безнадежным тоном, на какой только был способен.

Прижавшись ухом к камню, он долго прислушивался, желая удостовериться, что Холли действительно ушла. Снаружи не доносилось никаких подозрительных звуков, и после непродолжительного колебания Маггот потянулся к верхним камням, полагая, что там преграда должна быть тоньше всего и что ему удастся быстро проделать в ней дыру достаточного размера. Бесшумно сняв с баррикады большой валун, Маггот осторожно опустил его на пол и снова прислушался. За первым камнем последовали второй, третий... Когда он снял четвертый кусок мрамора, в баррикаде появилась первая щель толщиной примерно с палец. Сквозь нее просачивался внутрь серый вечерний свет. Маггот потянулся к нему, но свет внезапно исчез и послышалось грозное сопение.

— А ну-ка прекрати!.. — рявкнула Холли, выбивая по груди сигнал опасности.

— Но я не хочу сидеть взаперти! — возразил Маггот. — Выпусти меня отсюда! Ты должна!..

Ответом ему был грохот новых камней, которые Холли в ярости громоздила на и без того внушительную баррикаду. Маггот даже удивился, откуда они только берутся — похоже, чтобы запереть его в своей норе, Холли готова была разобрать половину пирамиды.

— Эй, хватит! — крикнул он. — Достаточно! Я никуда не денусь!

Холли с грохотом опустила на груды камней еще несколько грубо отесанных булыжников.

— Если понадобится, я буду сидеть здесь всю ночь, но тебя не выпущу.

— Нет, прошу тебя!.. — крикнул Маггот в ответ. — Ты обязательно должна найти следы того человека. Убедись, что он покинул долину. Это очень важно!

— Не учи меня, что делать!..

Маггот снова прошелся по пещере, обратившейся в тюремную камеру, пытаясь сообразить, что еще он может сказать, чтобы Холли передумала. Три шага прямо, два налево... На костях индейки, на которые он едва не наступил в темноте, еще оставалось немного мяса, и Маггот еще немного подкрепился, зная, что в ближайшее время ему может понадобиться вся его сила. После еды он почувствовал себя лучше, к тому же несоленое мясо до некоторой степени помогло ему утолить жажду. Поднявшись, Маггот вернулся на прежнее место у баррикады, по тролличьей привычке считая шаги: шаг вправо, три прямо. Тролли вообще очень любили считать и запоминать, а Маггота к этому приучила его приемная мать. Умение считать было необходимо человеческому детенышу, чтобы не потеряться в подземных лабиринтах пещер. Сейчас Маггот — отчасти по укоренившейся привычке, отчасти чтобы скоротать время — принялся ощупью обследовать комнату, считая и запоминая каждую трещинку в стене и каждый камешек на полу. Неподалеку от того места, где валялись осколки брошенных в него Холли камней, он нащупал глубокую выбоину в одном из блоков, из которых были сложены стены его тюрьмы. Проводя пальцами по контуру камня, Маггот почувствовал, что он шатается под его руками.

— Ва-ва-ва!.. — сказала Холли снаружи.

— Да ступай же!.. — крикнул Маггот. — Найди следы! Убедись, что человек ушел. Я никуда не денусь.

Одновременно он раскачивал каменный блок, то толкая его всем телом, то, зацепив ногтями за края, тянул на себя. Вскоре он почувствовал, что камень поддается, и едва успел отскочить, когда блок вывалился из стены и со стуком упал к его ногам. Маггот был уверен, что Холли услышала шум и непроизвольно напрягся, недовольно морщась, но снаружи было тихо. Очевидно, Холли все же отправилась на разведку.

Тогда Маггот просунул в образовавшееся отверстие руку. Он был уверен, что за первым камнем нащупает и другие, но за стеной была пуста. Его рука ушла в дыру до самого плеча, но сколько он ни шевелил ею, его пальцы так ничего и не коснулись. Похоже, за стеной была другая комната или... коридор.

Холли по-прежнему ничем не обнаруживала своего присутствия, и Маггот, отбросив осторожность, принялся за работу. Он раскачивал тяжелые каменные блоки, и скреплявший их старый раствор, уступая его усилиям, превращался в песок и мелкую пыль. Вынув очередной камень, Маггот бесшумно опускал его на пол и принимался за следующий. По мере того, как дыра расширялась, камни поддавались все легче, и вскоре добрая половина стены обрушилась на Маггота, который едва успел отскочить.

Холли не могла не услышать этого грохота, и Маггот был уверен, что она вот-вот начнет расшвыривать свою баррикаду, чтобы проверить, чем он тут занимается, и помешать ему. Но ничего не случилось.

Сдвинув в сторону мешавшие ему камни, Маггот протиснулся в дыру и оказался в узком пространстве между двумя каменными стенами. Постоянно ощупывая пространство вокруг себя, он скоро наткнулся на несколько скульптур странных зверей, подобных тем, что украшали собой бассейн и лестницу, ведущую на вершину пирамиды. Камень, из которого они были вырезаны, казался на ощупь шероховатым, осыпавшимся, словно долгое время подвергался воздействию солнца и холода, ветров и дождей. Можно было подумать, что внутри большой пирамиды была заключена другая, более старая пирамида или храм, который древние строители пытались таким образом предохранить от окончательного разрушения. Когда это было — Маггот не мог и представить, поскольку внешняя пирамида тоже выглядела достаточно древней.

Захватив с собой лук со стрелами и меч Эррена, Маггот двинулся по пространству между стенами. Довольно скоро он убедился, что внутреннее здание было несколько иной формы, чем наружная пирамида. Пространство между ними оказалось заполнено мелкой щебенкой или песком, хотя и не до конца: очевидно, за века щебень слежался, благодаря чему и образовались эти пустоты. Сначала Маггот шел, чуть пригибаясь, потом вынужден был ползти, толкая перед собой лук и колчан. Там, где по углам старого здания стояли резные фигуры, тоже оставалось достаточно свободного пространства, чтобы он мог спуститься на уровень ниже. Обдирая кожу о камни, Маггот протискивался на следующий уступ, кляня в душе древних строителей, вознамерившихся таким странным образом защитить этих каменных истуканов от разрушительного действия стихий.

Темнота окружала его. Это был черный, непроглядный мрак, подобный той вечной ночи, в которую уходили после смерти все тролли. Дорогу Магготу приходилось искать ощупью: вытянув вперед руку, он отыскивал свободное пространство, раскапывал песок, проталкивал

вперед лук и колчан, потом лез следом. Выбрать правильный путь на нижний уровень ему помогал легкий сквозняк, чуть холодивший взмокшую от усилий кожу. В одном месте он застрял, пытаясь пролезть в щель шириной около фута, причем застрял в крайне неудобном положении: тело его было согнуто почти под прямым углом, в спину впивался неровный край каменной плиты, живот колот и царапал плотный, слежавшийся гравий. Слегка отдышавшись, Маггот удвоил усилия, но сумел продвинуться вперед лишь на несколько дюймов. Здесь он снова застрял. Попытки ползти назад тоже не увенчались успехом. Между тем ветерок, дувший ему прямо в лицо, заметно усилился; откуда-то доносился негромкий, но отчетливый свист, и Маггот понял, что от выхода из пространства между пирамидами его отделяет совсем немного.

Дыра была такой узкой, что каждый вдох давался Магготу с большим трудом. Он выдохнул весь оставшийся в легких воздух и принялся изо всех сил толкаться ногами и коленями. В конце концов ему удалось освободить руку, которая была прижата к телу: ногтями он разрыхлял песок и отбрасывал камни, пока не сумел вытянуть руку вперед. Дальше дело пошло легче: действуя обеими руками, Маггот хотя и медленно, но все же как-то продвигался. Его движения напоминали теперь движения лисицы, которая роет свои ходы в откосе холма; впрочем, в его случае вполне могло оказаться так, что он копает не нору, а могилу, поскольку если бы Маггот наткнулся на камень или какую-то другую преграду, здесь бы он и умер, так как вернуться назад уже не мог.

Так, по полдюйма, по четверти дюйма, подталкивая лук и колчан со стрелами лбом, Маггот пробивался вперед. Внезапно колчан куда-то провалился, и Маггот увидел свет, сочащийся сквозь дыру, которая находилась на расстоянии вытянутой руки от него, но была не шире его кулака. Просунув сквозь нее меч и лук, Маггот начал делать такие движения, словно пытался плыть сквозь гравий и песок. Он пропихивал камни между ногами, сдвигал дальше коленями и выбрасывал прочь энергичными движениями ступней, одновременно отталкиваясь от камней. Понемногу лаз расширялся, и вскоре Маггот уже дышал прохладным и чистым воздухом, который вливался в отверстие, слушал доносящиеся снаружи шорохи и потрескивания и любовался пылинками, танцующими в золотых солнечных лучах. Наконец он подобрал камень потяжелее и, несколькими ударами расширив отверстие, просунул в него голову и плечи.

Он был почти у основания пирамиды — в том самом месте, где корни поваленного ветром дерева вывернули несколько каменных блоков

фундамента. Обдирая руки и плечи, Маггот вылез наружу и оказался в небольшой пещерке, образованной вставшими на дыбы расколотыми плитами. Яркий дневной свет снова ослепил его, и Маггот поднял руку, заслоняя глаза. Потом он снова услышал щелчки и треск, которые раздавались совсем близко. Торопливо наклонившись, чтобы подобрать валяющееся на земле оружие, Маггот увидел, откуда исходит этот шум.

Совсем рядом, среди куч камней, он увидел скунса или, точнее, скунсиху. Она была очень рассержена: топала лапами и громко шипела, с угрозой глядя на него. Ее хвост был воинственно задран вверх.

— Пожалуйста, — негромко проговорил Маггот, — не надо...

При звуке его голоса скунсиха высоко подпрыгнула, выпустив в Маггота целое облако вонючего тумана. Прижав оружие к груди, он попытался перескочить через нее, но поскользнулся и упал на одно колено. Явно обрадованная таким поворотом дела, скунсиха повторила атаку.

Зажимая ладонью рот и нос и прикрывая слезящиеся глаза, Маггот бросился назад и, юркнув в узкую щель между корнями и плитами, прополз под стволом упавшего дерева и кубарем выкатился на площадь, залитую солнечным светом.

Высоко в небе кружил одинокий стервятник. Под ним, на краю бассейна, Маггот заметил какую-то темную массу. Двинувшись в ту сторону, он наконец разглядел, что это такое, а подойдя вплотную — опустил на колени.

Этого человека, разорванного буквально напополам, Маггот знал под именем Эррен. Кто-то, должно быть, Большой Вонючка, рассек его тело от шеи до паха одним ударом страшных когтей.

Маггот медленно поднялся, руки его сами собой сжались в кулаки, но почему — он и сам не понимал. Несколько секунд спустя он шагнул прочь, однако тотчас вернулся и несколько раз яростно пнул неподвижное тело. Громко сопя, он пинал и пинал его с такой силой, что труп едва не развалился на части.

Наконец Маггот немного пришел в себя и огляделся. Неподалеку он увидел валявшийся на мостовой Бриллиант. Выглядел он погасшим и безобидным, и, взяв его в руки, Маггот убедился, что и на ошупь таинственный камень был холодным, словно из него ушла вся жизнь. Не слышалось больше странного пульса, не вспыхивали в молочно-серой глубине камня сполохи голубого пламени, и Маггот, пренебрежительно сморщившись, швырнул его в бассейн. Плеснула вода, камень быстро погрузился в бездонный ил и пропал из вида.

Подняв голову, Маггот задумчиво поглядел на стервятника, потом

подтащил к краю бассейна труп Эррена. Столкнув его в воду, он дождался, пока тело исчезнет в иле, и выпрямился. У него оставалось еще одно дело.

Холли наверняка пряталась в коротком коридорчике перед входом в пещеру, и Маггот начал быстро подниматься по лестнице, чтобы рассказать ей, что случилось. Руки его по-прежнему были сжаты в кулаки — он был очень сердит на троллиху. Ведь это Холли напугала Эррена, вынудила его бежать, и в результате он погиб... Но на половине пути к вершине Маггот вдруг остановился. Отсюда он уже довольно отчетливо видел Холли, стоявшую у лаза в пещеру. Ее спина была согнута, в лапе зажат огромный камень, полуповёрнутая голова приподнята, а неподвижный взгляд устремлен на запад.

Поднявшись еще на пару ступенек, Маггот понял, что произошло. Стараясь понадежнее запереть его в пещере, Холли разобрала почти весь коридор, который вел к ее убежищу, и лучи закатного солнца достигли ее за считанные минуты до того, как дневное светило закатилось.

Холли превратилась в камень.

— О, Холли!.. — негромко проговорил Маггот.

Некоторое время он стоял на лестнице так же неподвижно, как она. Его кулаки разжались, голова печально опустилась, но это продолжалось недолго. Круто повернувшись, Маггот сбегал вниз и подобрал оставленное у подножия лестницы оружие. Глупый человек... Глупая троллиха... Нет, не нужны ему ни люди, ни тролли — все равно от них нет никакого проку, одни огорчения. Что ему действительно нужно, так это много, много воды, чтобы смыть с себя пыль, кровь и запах скунса, да место, где можно было бы как следует отоспаться. Вот и все, о чем мечтал в эти минуты Маггот.

Но, шагая к выходу из долины по тропе, которая пролегалa то по самому солнцепеку, то ныряла в тень, Маггот вспоминал, как он был счастлив, когда смеялся и шутил с Эрреном, и как нравилось ему сидеть рядом с Холли и разговаривать с ней на языке своего детства и юности. И в конце концов, сам того не сознавая, Маггот повернул к долинам, где бок о бок жили тролли и люди, и все ускорял и ускорял шаг, пока не побежал по прихотливо петляющей тропе.

Перевел с английского
Владимир ГРИШЕЧКИН

Д Ж О Н М О Р Р И С С И

ДУРАК

Иллюстрация Сергея ШЕХОВА

икколо идет!

Услышав крик, пирующие, по горло набитые едой и осоловевшие от вина, перестают предаваться пьянству и обжорству, забывают о плотских страстях и вожделениях и ревут от восторга, когда я, ковыляя, раскачиваясь из стороны в сторону, вращаясь, как волчок, чтобы позволить каждому гостю по достоинству оценить мою фигуру, лицо и перекошенную походку, появляюсь в зале. Дурак Никколо, шут Никколо — венец каждого праздника.

Взрывы смеха перемешаны с воплями страха и отвращения. И только очень-очень немногие, кого можно отнести к числу так называемых чувствительных натур, ежась при виде меня и отводят глаза. Недаром от подобного зрелища падают в обморок не только женщины, но иногда и мужчины, к вящей радости своих соседей по столу.

Так меня обычно принимают, и я этим бесконечно наслаждаюсь. Я рожден, чтобы быть дураком, и поистине преуспел в своем призвании. Кроме того, я не простой дурак, о, нет, далеко не простой. Я гораздо выше обычного шута.

Будь я самую чуточку менее уродлив, самую капельку менее искалечен и дурно слеплен, повитуха позаботилась бы о том, чтобы я не выжил на позор и стыд семьи. Но, выбравшись на свет из чрева матери, я показался повитухе столь великолепно безобразным, столь отвратным на вид, что она подняла меня за кривые ножонки и громко объявила:

— Вот оно, чистое золото!

Ничего не скажешь, житейского ума старухе было не занимать. Она знала: найдется немало таких, кто щедро заплатит за дурака, словно созданного для этой роли. Не понадобились ни рука помощи, ни счастливо подвернувшийся несчастный случай, ни тяжелая, калечащая болезнь, чтобы обтесать меня под шутовской наряд. Я от рождения был смят, скручен и сплюснут дланью судьбы и оскорблял не только взор, но и слух приличных людей. Когда я издал первый крик, первый из многих, окружающие поморщились, содрогнулись, заткнули уши и объявили, что сам сатана сунул свое рыло в нашу хижину, дабы объявить о моем рождении. И, возможно, так оно и было. Так и было.

Родители не согласились с повитухой относительно ценности моих достоинств. Трудно сказать, были они слишком нетерпеливы, слишком бедны или просто торопились избавиться от меня и больше никогда не видеть. Так или иначе, они продали меня в раннем детст-

ве. Не за золото. Даже не за серебро. Всего лишь за горстку меди. Жалкую горстку. Я больше никогда не видел родных — наверняка, к их огромному облегчению. Впрочем, и к моему тоже.

С того дня цена моя значительно и неуклонно повышалась. Я отточил природные задатки и овладел множеством полезных навыков. Зато теперь я по достоинству вознагражден за свои старания и труд, а труд мой многообразен. Бывает, что мне платят не только за развлечения.

Я почти не помню первых лет жизни, если не считать побоев. Колотили меня не за какие-то особые провинности, а с целью помочь лучше усвоить уроки и вбить в голову науку. Порку я получал куда чаще, чем еду. Премерзкая внешность и природная неуклюжесть сделали меня достойным объектом упражнений подобного рода в доме моего первого хозяина, где положение мое было куда ниже, чем у самого ничтожного слуги. Избиения прекратились лишь тогда, когда меня продали самому епископу. Тот был потрясен, обнаружив, что никто не позаботился окрестить меня. Когда же я объяснил причину, святой отец пришел в ужас. Мои родители были простыми, набожными людьми, верившими в рай, исполненный вечной красоты и безмятежности. Поэтому на небесах, как объяснили они моему бывшему хозяину, принимая плату за меня, не найдется места для столь гнусного создания. Так стоит ли трудиться и нести его к крестильной купели?!

А может, они боялись, что я оскверню святую воду?!

Я появился во дворце епископа в праздник Святого Николая и был окрещен в честь этого доброго святого. Епископ был человеком богобоязненным, строгим к себе, но добрым к окружающим, словом, человеком, слишком хорошим для того крысиного гнезда, называемого нашим миром, в котором люди царапаются, кусаются и грызут друг друга, чтобы взобраться повыше.

Он выкупил меня у жестокого хозяина и всячески старался приобщить к иному образу жизни. В резиденции епископа меня не считали животным, которое следует колотить до полусмерти, чтобы привести к безмолвному повиновению, изводить работой, пока оно не подохнет, а потом швырнуть на кучу тряпья.

Моя внешность не имела для епископа значения. Я был не собственностью, а добрым братом во Христе, созданием Господним и душой, которую необходимо спасти. Я уверен, что он искренне видел во мне внутреннюю красоту: подвиг, совершенный с тех пор только одним человеком, да и то безумцем. Сам я никогда не пытался достигнуть чего-то подобного.

Именно во дворце епископа я усвоил, что «Бог» — слово, которое следует произносить с почтением, а не в приступе ярости. Научился читать и писать, а также правильно вести себя в присутствии вышестоящих лиц. Дворец был куда более привлекательным местом для жилья, чем хлев, и я стремился стать примерным учеником. Добрый епископ обучил меня также основам веры и внушил кое-какие моральные принципы. Во всем, что касалось первого и второго, у меня хватало достаточно ума и осмотрительности, чтобы давать требуемые ответы и выказывать ожидаемое благочестие в присутствии епископа, но, увы, я не слишком преуспел в подобных вещах.

Так или иначе, епископ делал все возможное, чтобы подготовить меня к переходу в мир иной. Втайне от него я знакомился с соблазнами мира сего и не собирался покидать этот мир, не познав до конца добрую их часть.

Кроме учеников и благочестивых приживалов, в епископском дворце жили мужчины и женщины, весьма умудренные жизненным опытом и обладающие разнообразными познаниями и навыками. Некоторые из слуг были когда-то ворами, проститутками и убийцами. Епископ знал об их прошлых прегрешениях, но считал, что все осталось позади и для заблудших душ началась новая жизнь, полная покаяния и искупления. В этом он жестоко обманывался.

Епископ смотрел на женщин и мужчин и видел их такими, какими они представляли в его воображении. Возможно, при определенных условиях они могли бы стать другими. Воры, проститутки и убийцы тоже стали моими учителями и хорошо подготовили меня к жизни по эту сторону могилы. В частности, они вдолбили мне, что были бы удовольствия, а для покаяния всегда найдется время. Только время, отведенное для наслаждения и обогащения, чересчур коротко, поэтому не надо зевать.

Из случайной реплики одного из воров я впервые услышал о находящейся глубоко под дворцом крипте, выложенной свинцом, запертой, запечатанной и спрятанной за беспорядочно наваленными камнями. Замок отпирался единственным ключом, который всегда находился у епископа. Заинтересовавшись, я стал расспрашивать вора, но тот больше ничего не сказал. Этот человек, обычно блиставший дерзостью и отвагой, стал мяться и уклоняться от расспросов. И даже пошел на попятный, пытаясь заверить меня, что все это пустые сказки.

Мое любопытство было возбуждено. Ни один обитатель дворца до сих пор не упоминал о крипте. Лишь однажды мне с великим трудом удалось разговорить старого слугу, и тот поведал о ее тайне.

С незапамятных времен крипта служила хранилищем зловещих книг, настолько пропитанных пороком и злом, что не в силах человеческих было их уничтожить.

Зарыть в землю означало осквернить почву, утопить в море — отравить воду, дым горящей бумаги убил бы все живое на много миль вокруг.

Все это боязливым шепотом поведал мне старый слуга.

Я выслушал рассказ с показным недоверием и даже презрительно фыркнул в конце, однако в душе стал буквально одержим мыслью о несказанном могуществе, покоившемся под моими ногами. Я должен был завладеть этим богатством!

Благодаря наставлениям епископа я научился читать не хуже любого секретаря. И теперь настала пора применить это умение. Желание отыскать крипту, полистать запретные книги, приобщиться к их мудрости овладело мной.

Я ни с кем не делился своими намерениями, поскольку хорошо знал цену скрытности и терпения, а моя цель требовала и того, и другого, причем в немалых количествах. Я хорошо узнал дворцовые подвалы и после долгих поисков определил местоположение крипты. На взгляд постороннего, это была всего лишь груда булыжников, нагроможденных у стены, но я разгреб камни и обнаружил запертую железную, ледяную на ощупь дверь. Значит, крипта существовала на самом деле!

И все же пришлось повременить. Я вновь засыпал дверь и стал следить за епископом, пока не проведал, где он прячет ключ. Однажды ночью, когда все крепко спали, я проник в крипту.

Мертвенный, пронизывающий холод окутал меня в тот момент, когда я переступил порог, и волна страха едва не свалила с ног. Но я не мог повернуть назад. Не мог. Потому что запретные книги лежали совсем рядом — только сделай шаг.

Дрожащей рукой я поднял фонарь и осветил полки этого холодного, безмолвного помещения. Древние тома шептали обещание невероятного могущества.

Я увидел книги и свитки самых разных форматов. По моим прикидкам, здесь их было не менее сотни, и среди них не нашлось бы двух одинаковых. Переплеты одних сияли золотом и драгоценными камнями, другие темнели простой кожей. Человеческой! — почему-то подумалось мне. Свитки тоже отличались размерами: от тонких, с палец, до гигантских, толщиной почти в мужскую руку.

Все это я оценил одним быстрым взглядом и понял: нужно действовать быстро. Времени уже не оставалось, да и мужество мое почти иссякло. Вряд ли мне удастся забраться сюда во второй раз!

В крипте становилось все холоднее, и этот холод леденил душу, еще больше усиливая страх. Я вознамерился схватить несколько томов и спрятать в безопасном месте, чтобы позже вернуться и внимательно их изучить.

Но одни тома оказались неподъемными, другие были заперты сложными замками, третьи пугали неизвестными языками. Некоторые и вовсе избегали моего прикосновения, словно живые. Ужас окончательно овладел мной. Я схватил первый попавшийся свиток и в панике бежал из крипты.

Ну и натерпелся я страха в ту ночь! Трясущийся, в холодном поту, с бешено колотившимся сердцем, я сидел в самой дальней нише, пока не пришел в себя. И тут со мной произошла странная перемена: весь ужас, словно выжженный холодом, исчез навсегда. Никогда и ничего больше я не боялся на этой земле. И хотя сохранил способность чувствовать страх в других, сам уже его не разделял.

Осмелев, я вернулся, чтобы запереть крипту и положить на место камни, скрывавшие вход. Когда все следы моего посещения были стерты, я вернулся в свою комнату и в совершеннейшем изнеможении упал на кровать.

Прочтя свиток, я понял, что сделал верный выбор. В нем содержалось проклятие, которым я мог воспользоваться трижды, чтобы уничтожить своих врагов.

Останься в епископском дворце, я сумел бы еще не раз посетить крипту и приобрести немало волшебных знаний, однако, как многие добрые люди, епископ скончался во цвете лет. Здоровье этого достойного человека было подорвано годами самоотречения и жертвенности. Новый епископ, в противоположность прежнему, посчитал большинство слуг грешниками, абсолютно не подходящими для столь святого места. Среди изгнанных был и я. Покидая дворец, я оставил свиток в укромном месте: его содержание давно и крепко запечатлелось в моей памяти. Начал ли он отравлять землю вокруг тайника? Не знаю, да и знать не хочу. Все, что было нужно, я усвоил.

Старый епископ постоянно увещевал меня, призывая говорить о мертвых только хорошее. Он также советовал никогда не лгать. Поэтому я нахожусь в немалом затруднении, не зная, как лучше охарактеризовать моего нового хозяина, богатого торговца. Его дом был одновременно сокровищницей и тюрьмой. Его молитвы, обращенные к Богу, сочлились фальшью, жестокость к окружающим казалась неоправданной, и вот теперь он умер.

Кончина его была загадочной и таинственной, а для окружающих и жуткой. Кроме того, его смерть стала первым испытанием моего могущества и знаний, полученных в крипте: возможно, пустой трагедией этого могущества — теперь проклятие можно было использовать всего два раза, — но зато неопровержимым доказательством его действительности.

В обычае хозяина было запира́ть дверь спальни от врагов и грабителей. Его телохранитель, немой гигант по имени Орсо, способный убить человека одним ударом, всегда спал под дверью. В ночь гибели хозяина весь дом пробудился от его пронзительных воплей и шума яростной драки. В комнате слышался и другой голос, и хотя никто не смог распознать языка, на котором говорил неизвестный, все дружно тряслись при воспоминании об ужасе, который тот в них вселил. Дверь не открывалась, несмотря на все усилия Орсо, пытавшегося ее взломать. И все же на рассвете она широко распахнулась, и глазам тех, кто успел ворваться в комнату, предстало поистине тошнотворное зрелище. Стены и пол были залиты кровью хозяина, а на кровати валялось тело, изорванное и исполованное когтями и клыками огромного хищника. От лица почти ничего не осталось, кроме глаз, в которых навеки застыл ужас.

Я был доволен результатами. Теперь я воочию узрел силу проклятия и решил пользоваться им как можно осмотрительнее.

Я только передаю рассказ очевидцев, ибо не наблюдал смерть хозяина собственными глазами. Недаром я столько трудился, тщательно составляя план. Все случилось в ночь, когда меня и еще двух слуг отослали с каким-то неотложным поручением. Никто не заподозрил меня в причастности к смерти господина.

Эта внезапная кончина вызвала полный разброд в хозяйстве. Я и еще один слуга улучили момент, чтобы набить карманы хозяйскими денежками и убраться подальше.

Теперь мое образование пошло по иной колее. Я уже знал, как трудно жить тому, кого окружающие считают легкой добычей и объектом забав. Правда, я приобрел мощную защиту, но, к сожалению, ею нельзя было пользоваться направо и налево.

Отныне я поклялся изучить более простые способы, с помощью которых калека, лишенный покровителей, мог бы противостоять силе.

Мы с моим компаньоном Джулио некоторое время жили на похищенные у хозяина дукаты, а когда они иссякли, принялись за воровство. И успешно продолжали бы в том же духе, пока не кончили бы

жизнь на виселице, но у злосчастливого паренька оказался весьма вспыльчивый характер. Он погиб в глупой уличной драке, а вместе с ним — еще двое. Один из парней был бродячим актером. Я усмотрел в этом перст судьбы и на следующий день поступил в их трупку.

Епископ наставлял меня в риторике и логике, а также развивал мою память. Я участвовал в диспутах, был находчив и остер на язык. От своих товарищей-слуг я научился жонглировать, ходить на руках и делать сальто. Постепенно, с практикой, приходило и умение, так что с моим приходом трупка стала процветать, и жил я весьма сносно: темные силы можно было не беспокоить. Я не только сам умел владеть оружием, но и обзавелся парочкой друзей-головорезов. В кошельке звенели деньги, а стало быть, имелись еда, выпивка и небрежливые женщины. Но мир бурлил страстями, и я не собирался прозябать в стороне.

Как-то ночью в кабачке, где всегда были рады актерам и драли с них втридорога за плохое вино и отвратную еду, со мной заговорил человек в эlegantном, но скромном платье. Я держался настороженно, как всегда в присутствии незнакомцев, особенно тех, кто явно выделялся из толпы. Но он был хорошо воспитан, гладко говорил и не скупился на деньги. Я сообразил, что общение с ним сулит некую выгоду. Некоторое время мы беседовали на общие темы, и поскольку я твердо знал, что люди не заговаривают со мной по доброте душевной или из дружеских чувств, то постепенно терял терпение, ожидая, когда же он обнаружит подлинную причину своего интереса.

Наконец он спросил:

— Тебе нравится быть бродягой?

— Разве у меня есть выбор?

— Но жизнь в богатом доме куда приятнее.

— Уверен, так и есть. И лучше быть богатым, чем бедным.

Незнакомец улыбнулся, кивнул, а я, не дождавшись ответа, продолжал:

— Но какой знатный дом примет меня, сэр? Добрые люди крестятся при виде меня, а у беременных случаются выкидыши. Если я ухаживаю за животными, они чахнут. Приведите меня на кухню, и молоко скиснет. Поставьте у очага, и оттуда посыплются голубые искры и запахнет серой. Я слышал все шутки на свой счет и не требую от вас новых.

Благодушное выражение не исчезло с его лица.

— Я не шучу, — заверил он, подняв ладони в умиротворяющем жесте. — Я всего лишь предлагаю возможность.

— Я весь внимание, синьор.

— Вы можете стать шутом могущественного человека. Для этого у вас есть все данные.

— Вы слишком добры, синьор. Окружающие издеваются надо мной, что бы я ни делал, ибо я и есть самая величайшая гримаса природы.

— Простолюдины и шваль, — изрек он. — Они бросают вам пару грошей, а потом проклинают себя за мотовство. Вы зря расточаете перед ними свой талант. А вот дурак при вельможе ест досыта, спит на мягкой постели и носит дорогую одежду. У него есть покровитель. Хороший хозяин щедро вознаградит вас, если ему угодить.

— Но где же мне найти такого благодетеля?

Незнакомец улыбнулся сдержанной, довольной улыбкой человека, знающего ответ на детскую загадку.

— В палаццо, который находится на главной городской площади, в получасе ходьбы от этого постоянного двора. Шут моего хозяина был убит в ссоре между слугами, и теперь хозяин ищет ему замену.

— Не имею ни малейшего желания получить нож в спину от озверевшего поваренка, — отказался я.

— Граф Ридольфо — справедливый человек и примерно наказал убийцу. Такое больше не повторится, — заверил незнакомец.

— И насколько завиднее станет моя участь?

— Вылей эту сточную воду и попробуй настоящее вино, — посоветовал он, ставя передо мной кожаную фляжку, из которой прихлебывал все это время.

Я выплеснул содержимое своей чаши на пол и наполнил ее вином из фляжки. Оно оказалось вкуснее самых лучших напитков из погребов епископа.

— Слуги графа пьют это каждый день. А еда их так же хороша, как и вино.

— Что, и спят они на мягких перинах? Может, и одеваются в шелка и меха?

Он оглядел мой убогий, с претензией на роскошь костюм и ответил:

— Их ливрея куда приятнее постороннему глазу и, уж конечно, чище.

— Но почему вы предлагаете мне столько заманчивых вещей, синьор? Никак вы мой ангел-хранитель? Покровитель-святой?

— Не ангел и тем более не святой, — возразил он, все еще улыбаясь. — Я управляющий графа Ридольфо. Моя обязанность — следить за тем, чтобы в хозяйстве все шло гладко. Мы потеряли дурака. Я увидел твоё выступление и решил, что ты будешь превосходной заменой.

Приходи в палаццо утром и скажи, что явился по приглашению Бенедетто.

Я давно уже усвоил жестокий урок: доверять нельзя никому. Но в ту ночь я долго обдумывал предложение Бенедетто. Мое оккультное знание было сокровищем, но опасным сокровищем; богатый дом казался надежной крепостью. Я устал переезжать с места на место, устал от постоянных перепалок приятелей-актеров, попыток выманить монетки у крестьян, почти таких же уродливых, как я, и тупых, как быки. Жизнь шута в доме влиятельного господина, во всяком случае, не хуже нынешней.

Итак, я обрел новое призвание.

Наутро по пути к палаццо графа Ридольфо я почти не слышал обычных издевательств уличных зевак. На этот раз при виде моего оружия они ограничились пронзительным свистком, да и то с почти тельного расстояния. Стоило произнести имя Бенедетто, как меня немедленно впустили во дворец. Сам он позаботился устроить меня на новом месте. К вечеру я познакомился почти со всеми слугами.

Только одна неприятность омрачила мое появление, но и ее я тут же обернул себе на пользу. Когда меня привели в помещения для слуг, приземистый краснолицый крикун, видать, из тех, кто всегда рад поставить новичка на место, оглядел меня и бросил друзьям:

— Вот это красавец! Как мы его назовем? Может, окрестим «Мальфатто»*? Что скажете?

Не услышав возражений, он поднял чашу и объявил:

— Подойди, Мальфатто, и прими новую кличку!

Я как ни в чем не бывало присоединился к общему смеху и шагнул к крикуну, дружески протягивая руку. Смех мигом оборвался, когда я сцепился с ним пальцами и начал гнуть его руку до тех пор, пока насмешник не рухнул на пол, хныча и умоляя о пощаде.

Я позволил ему унижаться, пока это мне не надоело, после чего нагнулся и тихо шепнул:

— Меня зовут Никколо. Сообщи это всем. Еще раз услышу «Мальфатто», и это слово окажется твоим предсмертным.

Чтобы подкрепить обещание, я для вящей надежности с силой пнул его в ребра и только потом помог подняться. Он громко назвал меня по имени.

Этот случай произвел впечатление на остальных слуг. Однако мой враг и впоследствии всячески досаждал мне, правда, исподтишка.

* *Уродец, недоделанный. (итал.)*

Магию свитка на это ничтожество я тратить не стал. К тому же судьба покарала его без моей помощи: мерзавец сломал себе шею, свалившись с колокольни.

Через пару дней с меня сняли мерки для ливреи. Вскоре я получил лучший наряд из всех, которые мне доводилось носить до сих пор: из превосходной ткани и сшитый точно по фигуре (если это можно назвать фигурой). Целый месяц я штудировал правила этикета, прежде чем был допущен к графу Ридольфо.

В последние дни во дворце царила легкая суматоха. Члены семьи ходили мрачнее тучи и настороженно переглядывались, а слуги безуспешно гадали о причинах столь странного поведения. Правда, носились самые разные слухи, но точно никто ничего не знал. Как новичок, я знал меньше остальных, поэтому и выжидал, стараясь угодить каждому встречному, — искусство, приобретаемое долгой практикой, — и довольно скоро пронюхал правду о событиях во дворце.

От доверенного информатора пришло известие, что враждебное графу семейство готовит нападение на него и его сыновей. Больше мне ничего не удалось проведать, да я и не пытался. Дураку легче всего разыгрывать дурака... до определенного момента.

Как-то поздно ночью меня позвали в личные покои графа Ридольфо. Кроме него там было еще четверо мужчин. В двоих я узнал графских сыновей. Я впервые увидел своего господина и, нужно сказать, нашел его величественным и грозным: большая голова с гривой белоснежных волос, квадратное лицо, узкие губы и упрямо выдвинутый вперед подбородок. Нос, когда-то сломанный, сросся криво, а по правой щеке сбегал тонкий шрам. Само это лицо, холодное и жесткое, как камень, было безмолвным предупреждением. Не дай бог увидеть его во гневе!

Именно такой человек мог быть мне весьма полезен.

Он велел мне подойти и жестом остановил в нескольких шагах. Граф Ридольфо никому не позволял приближаться к нему. Предосторожность вполне уместная: однажды кузен оставил шрам на его щеке. Подбоченившись, он оглядел меня, обошел со всех сторон, словно изучая произведение искусства.

— Значит, ты и есть мой новый дурак.

— Нет, господин, я ваш добрый ангел, — возразил я, поклонившись и соорудив самую уродливую гримасу.

Граф не улыбнулся.

— Дурак и лгун. В этом городе ты будешь процветать.

Один из придворных, стоявший в стороне, изучал рисунок паркета. Никто не разговаривал и не смотрел на окружающих. Я просто

обонял, чувствовал на языке вкус страха. И понял, как действовать.

— Я жду твоего слова, дурак, — произнес граф. — Мои враги задумали убить меня и сыновей. Я знаю имена всех участников заговора. Что мне теперь делать?

— Действуйте как мужчина. Убейте всех и дайте знать каждому жителю этого города, кто совершил месть.

— У меня есть иной выход?

— Да. Ничего не предпринимайте, и в этом доме появится второй дурак.

Он долго молчал, а когда наконец заговорил, в голосе не чувствовалось гнева.

— Ты дерзкий шут.

Я распростер руки, чтобы лучше показать ливрею.

— Я принадлежу знатному дому, а не женскому монастырю. С чего это я должен говорить тихо и проповедовать покорность?

Сыновья обменялись одобрительными взглядами. Один вельможа кивнул. Другой окинул меня быстрым, полным ненависти взглядом.

— А вот кое-кто из живущих в графском доме не прочь проповедовать смирение, — отрезал граф. — Скажи: тот, кто следует совету дурака — сам дурак?

— Бывает, что человек, принявший во внимание слова мудреца, оказывается в дураках, иногда же самым мудрым будет послушать дурака. Все зависит от человека, дурака и совета, господин мой.

Он снова долго, безмолвно глядел на меня, прежде чем приказать:

— Завтра за обедом развлечешь нас. А сейчас проваливай, пока окончательно не лишил нас аппетита.

Он пренебрежительно взмахнул рукой. Я немедленно попятился к выходу, кланяясь с преувеличенной почтительностью всем и каждому. Так значит, меня позвали, чтобы кого-то унижить: это ясно, как день. Теперь в этом доме у меня появился враг. Надеюсь, это надежный враг. Надежный враг может быть полезнее дюжины друзей, потому что день и ночь заставляет человека быть начеку.

Как оказалось, враг не причинил мне ни зла, ни добра. После этой ночи во дворце его больше не видели.

Граф Ридольфо серьезно смотрел на жизнь. Даже самые идиотские трюки и выходки не вызвали улыбки на этом холодном лице. Он кивнул, одобряя мое искусство жонглера и акробата, но шуточки явно ему не понравились: во всяком случае, он ничем не выказал одобрительного к ним отношения. С таким же успехом я мог быть нем. А вот рассмешить сыновей оказалось гораздо легче. Андреа, старший, во всем подражал отцу и, хотя редко улыбался, часто шептал:

«Неплохо сказано, неплохо сказано». Младший в отсутствие графа открыто наслаждался лившейся из моих уст похабщиной. Зато в присутствии графа я не смел изрыгать непристойности, особенно если рядом были дамы. Графиня все свободное время проводила в молитвах. Думаю, она молилась даже в короткие часы сна.

Маддалена, младший ребенок и единственная дочь, была любимицей семьи. Природа пощадила ее, смягчив и округлив фамильные черты. Она часто улыбалась и, несмотря на свои пятнадцать лет, все еще была способна на поистине ребяческие шалости и детские привязанности. Ее кошки, собака, обезьянка, птички, прилетающие к окну и клюющие зерно с ее ладони, — все наслаждались щедрой любовью девушки. С самой первой встречи она смотрела на меня без содрогания. В отличие от остальных членов семейства, она любила мои песни и баллады о любви и рыцарских подвигах и иногда оставалась в дверях кухни, когда я развлекал слуг по вечерам, прислушиваясь с таким же вниманием, как любая невежественная судомойка.

Каждый вечер в сопровождении нескольких слуг и одного или обоих братьев она посещала мессу. Иногда и я присоединялся к их компании. Пока братья разглядывали дам и обменивались с приятелями рассказами о ночных похождениях, Маддалена стояла на коленях с опущенной головой и молилась за всех нас. Но как только мы покидали эти холодные, звенящие гулким эхом своды, и церковные двери закрывались за нами, она снова превращалась в беззаботное юное создание. Настоящий ангел, хотя и земной, совершенно земной и человеческий.

Весной ей предстояло обвенчаться с наследником знатного рода. Как и все браки между богатыми и могущественными, этот был прежде всего политическим союзом, устроенным со скрупулезной тщательностью. Семейство ее нареченного — землевладельцы и банкиры — было богаче семьи графа Ридольфо, но не имело его влияния и положения. Слово моего хозяина было решающим на любом совете знати; его брат был однажды выбран в синьорию* и служил одним из Двенадцати**.

Джакопо, жених Маддалены, был великолепным животным: высоким, с прекрасной мускулистой фигурой, правильными чертами лица и темно-каштановыми волнистыми волосами. Его голос ус-

* *Орган городского самоуправления в итальянских городах-коммунах XIII—XIV вв. (Здесь и далее прим. перев.)*

** *Очевидно, имеется в виду совет синьории: намек на двенадцать венецианских дождей.*

лаждал слух. Он часто и широко улыбался, а его шутки вызывали смех и одобрение в любом обществе. Я утешал себя рассуждениями, что Создатель, приведший меня в этот дом, решил восстановить равновесие в нашей крохотной Вселенной, добавив к ней того, кто был моей полной противоположностью: по крайней мере, внешне.

Джакопо совершенно очаровал свою суженую. Магдалена восхищалась его улыбкой, голосом, волосами и глазами, с благоговением повторяла банальные любезности, словно места из Священного Писания, снова и снова декламировала неуклюжие стихи, которые он посылал ей, пока весь дом не затверживал их наизусть, словом, изводила всех и каждого своими непрерывными дифирамбами в адрес Джакопо.

Я покорно вторил ей, но для себя провел некую грань: ни за что на свете не соглашался восхвалять его глаза. Глаза, в которых светилось предвестие грядущей опасности. Глаза, в которых глубоко-глубоко крылись искорки голода. Подумать только, этот юноша был способен добиться желаемого одной своей улыбкой и, даже потерпев неудачу, оставался настолько богатым, чтобы купить все, что нельзя сцапать сразу и бесплатно. И он, именно он обладал алчным взглядом крестьянина, желающего ту или иную вещь лишь потому, что она существует, нравится другому... да просто потому, что не принадлежит ему.

Если бы это зависело от меня, я бы наградил его другим фамильным гербом, куда более подходящим, чем тот, которым он хвастался. Нарисовал бы широко раскрытый рот и две загребушие руки, краснеющие на черном поле. Девизом послужило бы слово *desidero**, повторенное трижды. Джакопо обладал лицом ангела и душой алчного диакра.

Я не участвовал в свадебных торжествах: меня на время ссудили графу Сигонию, другу хозяина, восхищенному моими талантами и в то время оставшемуся без шута. Насколько я понимаю, оба семейства боялись, как бы вид моей физиономии на свадьбе не стал причиной того, что первенец от этого союза родится монстром.

Как-то я видел шута графа Сигонию, потешного карлика, известного под прозвищем Фрателлино, то есть «монашек», за его привычку носить крошечную монашескую рясу и читать богохульные проповеди на потеху честной компании. Он был одаренным мимом, способным мастерски воспроизвести манеры и речь любого знакомого

* *Желаю. (ит.)*

к полному восторгу зевак. Увы, не все ценили его дарование по достоинству. Как-то утром его тело было найдено на речном берегу. Говорили, будто он напился так, что упал с моста в реку. Каждый волен верить любой сказке...

За время пребывания в доме графа Сигонио я ограничивался ехидными шутками по поводу собственной внешности, за что получил множество похвал и щедрую награду. Кроме того, я наблюдал, прислушивался и вернулся к хозяину с полезными сведениями.

Семья Форзо, враги графа Ридольфо, были приглашены на свадьбу Маддалены и подарили счастливой паре чашу, богато украшенную золотом и серебром — шедевр одного из лучших ювелиров города. Они не оставили своих планов расправиться с графом и его сыновьями, просто решили дожидаться более подходящего момента, а пока притворялись искренними друзьями. Граф Ридольфо вел себя точно таким же образом, разыгрывая гостеприимного хозяина и верного друга. Он тянул время, необходимое для выполнения собственных планов, и в этом я сумел достойно ему услужить.

Было ясно, что если хозяин и его семья хотят жить в безопасности и благополучии, Форзо должны умереть. Но с их исчезновением останутся другие, не менее могущественные враги. Решение этой проблемы было, на мой взгляд, вполне очевидным, но другие так не считали, а если и считали, опасались говорить вслух. Я, к счастью, имел средство, которого не было у остальных, и сейчас настало самое время пустить его в дело.

Теперь я был вхож к графу Ридольфо и, когда настал подходящий момент, предложил одним ударом избавить его от возможно большего числа врагов. Его каменное лицо чуть дрогнуло в подобии улыбки.

— Что же посоветует мой дурак? — осведомился он.

Я оглядел присутствующих.

— Прежде всего, строгую секретность.

Он отпустил всех, кроме Андреа, и челядь молча покинула комнату.

— Ты никому не доверяешь, — заметил он, когда дверь плотно закрылась.

— Осторожность крепче всяких доспехов.

— Каков же твой совет?

— Пышное празднество и пир — с Форзо в качестве почетных гостей. Нужно устроить его через понеделник.

— Почему именно тогда? — удивился граф.

— Потому что в последующие два дня они обедают со своими друзьями и заключают союз с Дати.

Граф и Андреа переглянулись. До сих пор они не знали об этом союзе.

— Форзо умрут еще до того, как успеют добраться домой, и в обществе решат, при некоторой подсказке с нашей стороны, разумеется, что Дати предательски их отравили, — быстро пояснил я. — Тогда Дати будут наказаны за злодейское преступление. Вы об этом позаботитесь. Таким образом вы избавитесь от обоих недружественных кланов.

— Ты можешь это устроить? — осведомился граф.

— Они будут отравлены в ту ночь, когда поужинают с нами. Мы тоже будем сидеть за столом. Но я подсыплю противоядие тем, на кого вы укажете.

— Итак, Форзо умрут. А Дати понесут наказание. Великолепный план, — кивнул граф и, немного поразмыслив, добавил: — Но мне придется доверить тебе свою жизнь.

— А я доверю вам свою. Ведь и я приму яд. Двойную дозу, чтобы вы не сомневались.

Он снова подумал, на этот раз всего несколько секунд, и с резким, похожим на лай, зловещим смехом сказал:

— Да будет так.

Так и случилось, хотя и не в точности по моему сценарию. Пиршество было великолепным, а праздник — долгим и веселым. Присутствовали все члены обоих семейств. Компания покатывалась со смеху над моими выходками, и в зале ни на минуту не утихал смех.

Когда все животы были набиты до отказа, клятвы в вечной дружбе принесены, а гости с последними поцелуями и объятиями удалились, двери закрыли на все замки. Веселье как ножом отрезало, и мы поспешили очистить себя от яда. Собственно говоря, нашим домохозяевам очищение не требовалось: никто не был отравлен. Но для моей безопасности было необходимо, чтобы все считали себя на краю гибели. Я намеревался избавиться от наших врагов посредством черной магии, но при этом не горел желанием умирать на плахе. Граф скроет убийцу, но даже он не станет защищать пособника темных сил.

Рвотное средство сделало свое дело: приближенные графа давились, корчились, исторгая из внутренностей превосходное мясо, дорогие вина, фрукты, сладости и соусы. Когда все опустошили желудки, я лично поднес каждому микстуру с весьма неприятным вкусом, объявив ее противоядием. Общество с восторгом глотало «пустышку». Grimасы вельмож весьма меня позабавили и стоили тех отвратительных ощущений, которые мне пришлось испытать вместе со всеми.

Слуги ничего не знали о заговоре. Как всегда, они расхватили объедки и жадно их сожрали. Поэтому на следующий день я приправил

своим «противоядием» их обед, причем сделал это в присутствии Андреа.

На следующий день весь город только и толковал, что о возобновившейся дружбе между нашими домами. Два дня спустя, когда во дворце Форзо были найдены раздувшиеся и посиневшие трупы хозяев, с болтавшимися распухшими языками, все посчитали их гибель делом рук Дати. Мой хозяин первым заговорил о правосудии и проследил за тем, чтобы наказание было быстрым и суровым. Мало того, он заказал великолепный памятник своим убитым друзьям. Так или иначе, дело Форзо стало для него огромной победой. Для меня же еще одно использование проклятия завершилось триумфом. Я, дурак графа, стал его советником.

Следующие два с лишним года я не занимался ничем особенным, разве что развлекал гостей графа и время от времени навещал друзей. Моей службой были довольны, а магия, слава богу, пока не требовалась. Осталось всего одно проклятие, и я не собирался тратить его попусту.

Жизнь была легка и приятна. Так легка, что постепенно прискучила мне.

По случаю третьей годовщины свадьбы во дворец графа прибыли Маддалена с мужем и их маленький сын Леонардо, здоровый, бойкий мальчуган, унаследовавший внешность отца и характер матери. К полному восторгу Маддалены и злобе Джакопо малыш сразу привязался ко мне.

Маддалена уже во второй раз была на сносях, и Джакопо играл роль заботливого мужа: не отходил от супруги, шептал на ухо ласковые слова, брал за руку и нежно глядел в глаза. Со стороны они казались счастливой парой.

Среди ночи я проснулся от легкого шума, такого слабого, что сначала показалось, будто это кошка или крыса. Но потом раздался тихий ритмичный стук.

Схватив кинжал, я бесшумно шагнул к двери и стал ждать. Снова послышался стук. Кто-то прошептал мое имя.

Я сразу узнал голос, но слишком изумился, чтобы ответить. Она пришла ко мне ночью. Пришла в мою спальню.

Но тут она снова прошептала мое имя:

— Никколо, Никколо, помоги мне.

Я открыл дверь. Она проскользнула внутрь легко, как птичка, и, упав на колени, зарыдала. Я наклонился, чтобы поднять бедняжку. Она обхватила меня за шею и прижалась к груди. Я отстранился и по-

спешно запер дверь. Если нас здесь застанут, это верная гибель для обоих!

— Госпожа моя, вам грозит опасность?

— Он зверь! Исчадие ада!

— Вы говорите о своем муже?

Она судорожно стиснула мою ладонь обеими руками.

— Джакопо — чудовище. Я вышла замуж за монстра.

— Самый красивый мужчина в городе, а вы называете его чудовищем! Чудовище — это я, госпожа.

Маддалена положила голову мне на грудь.

— Нет, — всхлинула она, — ты хороший. В душе ты хороший и добрый. Я всегда это знала. Внутри ты так же красив, как он — уродлив. Только самые близкие люди знают о его уродстве, но никому не скажут, потому что им просто не поверят. Даже моя семья замечает только то, что лежит на поверхности.

— Но что я могу сделать для вас?

— Помогите мне. Пожалуйста. Никколо, помогите мне. Он никогда не изменится. Постоянно избивает меня, и я боюсь, что нашего сына ждет то же самое.

На обнаженных белых руках и лице не было следов побоев.

— Госпожа, я не вижу ни одного синячка.

— Когда мы узнали, что я снова беременна, он придержал кулаки, но его жестокость от этого только возросла. Есть много способов изводить меня, не прибегая к побоям. Умоляю, Никколо, помогите мне.

— Но ваш отец и братья: неужели они пальцем о палец не ударят?

— Отец не станет меня слушать, а братьям я не посмею рассказать о том, что он делает со мной. Мне слишком стыдно. Мать все твердит, что я плохая жена и муж вправе наказывать свою супругу, а мне следует исправиться. Только тебе я могу довериться. Ты должен мне помочь. Я сделаю все, что попросишь, только спаси меня!

От удивления я потерял дар речи. Понятно, что даже магия не способна заставить женщину взглянуть на меня благосклонно, но до сих пор я верю, что мог бы взять Маддалену прямо в ту минуту, в своей постели.

Только я не поддался соблазну. Конечно, наставить рога тщеславному павлину — удовольствие поистине изысканное, но риск был слишком велик. А я никому не доверил бы собственную жизнь, даже милрой Маддалене.

— Возвращайтесь к себе, — велел я. — Я помогу вам, но мне нужно время.

Она снова обняла меня.

— Ты ангел. Мой добрый ангел.

Остаток ночи я пролежал без сна, повторяя ее слова. Но мысли приходили далеко не ангельские.

Ты хороший, Никколо. В душе ты хороший и добрый...

Хотя дело было серьезным, ее наивность казалась почти комичной.

Избавить несчастную от истязателя было легче легкого. Я часто развлекался, фантазируя, каким способом прикончить негодяя. Но следовало соблюдать крайнюю осторожность. Нельзя, чтобы Маддалена заподозрила мое участие в гибели супруга. Впрочем, даже имея она доказательства, вряд ли захотела бы предать меня, и вместо этого обвинила бы себя в том, что подстрекала несчастного дурака к преступному деянию. Такова была ее натура. Но именно эта невинная и благочестивая натура могла погубить нас обоих. Кроме того, со временем женщина могла пожалеть о поспешных словах, простить Джакомо и отказаться от моей помощи. А что если она предаст огласке то, что произошло между нами роковой ночью?!

Опасность была одинаково велика, независимо от того: исполню я обещание или откажусь от него. Поэтому и решение далось легко: Джакомо умрет скоро и от моей руки. Не стоит тратить оставшееся проклятие на мелкого негодяя. Возмездие доставит несказанное удовольствие мне и освободит Маддалену.

Она родила второго сына, такого же красавца, как и первый. Так считали окружающие, и я должен был согласиться с общим мнением. Я увидел Маддалену через месяц после родов. У нее был вид загнанного зверька, но близкие, казалось, ничего не замечали.

Джакомо умер во время карнавала. Его тело нашли в узком переулке, где лепились один к другому убогие публичные дома. Очевидно, он пал жертвой уличных громил. Лицо было изуродовано с особой жестокостью.

Я все тщательно продумал. В тот день я развлекал гостей графа на пиру, который продлился почти до утра. Сновал взад-вперед, шутил, смеялся, словом, делал все, чтобы пьяные гости не заметили точного времени, но могли бы поклясться, что я никуда не отлучался. И мне это удалось. Все сочли, что тем вечером я был особенно забавен.

Жителей нашего города нелегко потрясти, но зверское убийство довольно долгое время было предметом разговоров. Мой хозяин об этом позаботился. Он поклялся найти убийцу своего любимого зятя, предпринял для этого самое тщательное расследование. Все напрасно.

После этого граф мудро рассудил, что для безопасности Маддалены и ее сыновей будет лучше, если дочь вернется в родовое гнездо.

Семейство Джакопо не посмело возражать, и я стал опекуном и товарищем по играм для Леонардо и его младшего брата. Ежедневно встречаясь с Маддаленой, мы никогда не упоминали о том ночном разговоре.

Как-то хозяин позвал меня, чтобы обсудить обед, который собирался дать в честь городских чиновников. Когда мы договорились о деталях, он вдруг спросил:

— Ты доволен службой у меня?

Станный вопрос из уст графа Ридольфо, никогда не интересовавшегося чувствами окружающих. Я ответил без колебаний:

— В высшей степени, синьор. Надеюсь, я вам полезен.

— Подозреваю, что ты оказался очень и очень полезен в тех случаях, о которых я не знаю и знать не хочу, — бросил граф и осекся.

Я ничего не ответил. И прежде чем собрался с мыслями, он продолжал:

— Ты никогда не просишь денег. Неужели у тебя нет никаких потребностей? Или ты крадешь все необходимое?

— Я служу знатной семье и поэтому сытно накормлен, прекрасно устроен и богато одет. Живу в роскошном дворце и имею собственных слуг. Все домочадцы добры ко мне, как и друзья, которых я навещаю. Чего еще мне желать?

— Такая неприхотливость — просто благословение божье. Но верный слуга заслуживает награды, — объявил он, бросив на тяжелую столешницу туго набитый золотом кошель.

В последующие годы мое оккультное знание не понадобилось. Во всех случаях, когда я оказывался достоин доверия и щедрости графа Ридольфо, верными помощниками служили ум и наблюдательность.

Но настал час, когда ему отчаянно потребовался верный слуга, ибо тяжкие удары следовали один за другим. Младший сын Паоло был убит в уличной драке. Паоло был глупым, ленивым парнем, вечно обижавшимся на мнимые оскорбления, и в конце концов он дорого заплатил за свою гордыню. Через год двое старших сыновей, отправленных с миссией во Францию, стали жертвой горной лавины. Все сыновья умерли бездетными.

Оставалась только Маддалена. Но она уже не была той беззаботной девушкой, которая когда-то мечтала выйти замуж за Джакопо. Эта двадцатидвухлетняя, ослепительно красивая женщина так и не нашла второго мужа. Гибель этого мучителя не давала ей покоя. Она начисто забыла о его жестокости и убедила себя, что потеряла любящего супруга. Больше никто не видел ее улыбки. Маддалена стала та-

кой же благочестивой, как ее мать, и даже превзошла набожностью эту иссохшую, похожую на привидение женщину.

Граф Ридольфо все больше и больше надеялся на своих внуков и доверял мне. Я стал их признанным опекуном и наставником.

Мне следовало бы насторожиться, когда Маддалена иной раз спрашивала совета относительно «наших» детей. Когда однажды с глазу на глаз она назвала меня Джакопо, я принял это за оговорку. Но в ту же ночь она пришла в мою комнату, скользнула ко мне в кровать и оболестила нежными словами. Я потерял разум.

Да, я оказался бессилен. Моя хитрость, мои темные знания, мой ум, мое коварство оказались бесполезны. Я не знал, что делать. Моя жизнь находилась в ее руках. Одна мысль, что Маддалена предаст огласке события той страшной ночи, приводила меня в трепет.

Пришлось играть роль, отведенную ею для меня.

Последствия этой связи могли привести только к несчастью. К беде для нас обоих.

Но она была прекрасна, так прекрасна... И с готовностью отдавалась мне. А плоть, даже уродливая плоть шута, слаба.

После той ночи она приходила снова и снова, и в самые нежные минуты называла меня Джакопо, превозносила красоту и с восторгом вспоминала годы супружеского счастья. На людях же обращалась со мной, как со слугой.

Наверное, потому что знала правду, но даже себе не могла признаться в собственной вине. Ее разум словно раздвоился. Одна часть отрицала смерть Джакопо, твердила, что муж жив, что она верная и преданная жена, неповинная в преступных замыслах. А вот другая... другая часть создавала случившееся так же ясно, словно Маддалена сама была свидетельницей убийства.

Однажды ночью она прошептала, что ждет нашего третьего ребенка, и я понял: этот жуткий маскарад не может продолжаться. Я познал любовь женщины, прелестной безумной женщины, которая смотрела на меня и видела призрак красавца мужа, чью смерть она купила собственным телом. Теперь всему пришел конец.

Это был простой яд в кубке с вином.

Маддалену обнаружили стоящей на коленях перед статуей богородицы, с лицом, спрятанным в сложенных ладонях, словно в благочестивых размышлениях или молитве. Ни малейших признаков страдания. Глаза закрыты, словно в безмятежном сне, на губах играет легкая улыбка. Она всегда была слишком хороша, слишком невинна для этого мира, и сейчас я испытывал некоторое удовлетворение, зная,

что именно мои руки легонько подтолкнули Маддалену в мир, где ее примет с распростертыми объятиями. Других я посылал в худшие места.

Этот последний удар оказался для графа самым тяжелым. Гибель сыновей только ожесточила его. Смерть Маддалены разом превратила умного, решительного, гордого, отважного мужчину в пугливого старика. Но он все еще полезен для меня, и я преданно ему служу. Со времени смерти графини, последовавшей за дочерью менее чем через год, я стал его единственным спутником и советником. Отныне мы всегда вместе: граф, я и два его внука, наследники знатного рода. Леонардо быстро растет, и дед души в нем не чаёт. Мальчик во многом похож на отца. Джорджио — хрупкий, болезненный, но умный, очень умный малыш. И поэтому он выживет. Я все еще разыгрываю перед ними шута, и время от времени хозяин призывает меня развлекать гостей, ибо его пиршества по-прежнему роскошны, хотя далеко не так часты и многолюдны, как раньше.

Даже сейчас сломленный невзгодами и униженный судьбой граф все еще слишком значительная персона, чтобы полностью удалиться от мира и предаться одиночеству и печали. Он все еще слишком горд, чтобы выказывать свои истинные чувства.

У него остались богатство, влияние и сила, а кроме этого — внуки и верный Никколо, который позаботится о них, когда у деда не останется сил.

Со мной они в безопасности.

Что же до меня... мои потребности невелики, а граф великодушен, очень великодушен. И прекрасно служит мне.

Пусть постаревший и лишенный прежних сил, для меня он остается могучим покровителем. Я не боюсь врагов. И хотя мне известно, что ни один человек в этом мире не огражден от предательства, увечья и руки наемного убийцы, все же я твердо знаю: тот, кто причинит мне зло, понесет наказание, тяжесть которого не поддастся воображению. Я бережно храню свое последнее проклятие.

Пока я всем доволен. А будущее? Кто может сказать, что оно несет?

Разве что дурак...

Перевела с английского
Татьяна ПЕРЦЕВА

С В Я Т О С Л А В Л О Г И Н О В

БЕЛОЕ

Иллюстрация Владимира ОВЧИННИКОВА

И ЧЁРНОЕ

Серебряный звук горна в прозрачном воздухе — бывает ли что-нибудь чище? Трудно поверить, что он возвещает беду, самую страшную из всех, что может грозить жителям городка Вертебр и всей округе со смешным названием Молочная Лужа. Звук горна означает нашествие, приход врага. И неважно, что на границах нет алчных наемников или степняков на полудиких конях, совершенно неважно, что враг пришел пешком и в одиночку, как простой путник. Серебряный звук горна возвестил его появление, и теперь жизнь пойдет иначе.

У самого путника не было ни горна, ни фанфары, ни трубы. Не было у него и оружия, если не считать за оружие перочинный ножичек в кожаном чехольчике. Полупустая котомка за спиной, в руках — срезанный при дороге прутик, чтобы было чем занять скучающие пальцы. И одежда самая простая, и внешность... За день не один десяток таких людей проходит по торговому тракту. Правда, никто из них не ходит налегке, и их появление не отмечено тревожным звуком трубы.

Молочная Лужа получила свое прозвание совсем недавно, едва ли полвека назад. Светлый маг Больцано тогда только поселился неподалеку от Вертебра, и окрестные мужики не слишком привечали его. Что же это за маг, если даже корову, объевшуюся переступнем, вылечить не может? Чем занимается, какая от него польза может быть — непонятно. Больцано поселился на пустоши, принадлежащей деревеньке Чулакши. Там его и призвали к ответу: кто таков и зачем ты нам спонадобился?

Больцано на сход пришел и терпеливо объяснил, что он не лекарь и не ведун, а боевой маг. Ежели бандитская шайка объявится или, того хуже, какая нечисть, то это к нему, а с грыжей — милости просим к лекарке.

Пропойца Сусол (народная память даже имя сохранила) на это ответил, что с бандитами они как-нибудь сами разберутся, а если Больцано и впрямь колдун, да еще и светлый, то пусть в деревенском пруду вместо воды станет вино.

— Сопьетесь, — коротко ответил волшебник.

— Тогда хоть молока! — выкрикнул Сусол, и бабы поддержали его дружным гомоном.

— Ну, как знаете, — усмехнулся Больцано и, развернувшись, ушел.

Община даже приговора не успела вынести: можно магу жить на их земле или пусть убирается, пока цел. Мальчишки, удивившие карасей, прибежали с известием, что в одно мгновение вода в пруду обратилась в молоко. Народ ринулся смотреть и обнаружил, что и впрямь пруд стал молочным, а караси и головастики, его населявшие, плавают кверху брюхом. Пить это молоко было нельзя, пруд не чистили лет, на-

верное, сто, так что дно было заилено свыше меры. Пару дней бабы ведрами таскали грязное молоко скотине, а потом мертвый пруд завонял на всю округу. Молоко даже не скисло, а сразу протухло, отравленное грязью и сдохшей рыбой.

Пошли на поклон к волшебнику, в чьих способностях никто больше не сомневался, но Больцано отменять колдовство отказался.

— Впредь будет наука, думайте, чего просите.

Пришлось чистить пруд самим, выгребать комья творога, перемешанного с грязью, закапывать на выработанном глинище, словно пающую скотину. А то от тухлых миазмов и мор мог бы приключиться. Пруд вычистили, рыба в него вернулась, и жизнь потекла прежним порядком, хотя за округой намертво закрепилось данное насмешливыми соседями имя: Молочная Лужа. Теперь уже и сами себя так звали: «Мы, лужанские, молока не пьем!»

Примерно через полгода Больцано показал себя в настоящем деле.

Город Вертебр стоит в верховьях реки Араны, там, где она сбегает с гор и, приняв разом несколько притоков, становится судоходной. Торговые караваны, преодолев горные проходы Сельера, непременно останавливаются здесь и перегружают товары на барки. Тут же и торговля идет, оптовая, не по мелочам. Понятно, что и южные, и западные соседи поглядывали на городок алчным взором и не раз пытались его захватить. Для охраны границ император держал в Вертебре сильный гарнизон, хотя даже эта предусмотрительная мера не могла спасти окрестности от постоянных набегов.

В тот раз издарские отряды тайными тропами обошли Сельер и вывались на равнинные просторы Молочной Лужи и всего Поречья. Тогда и прозвучал впервые над деревеньками и над городом Вертебром чистый звук горна.

— Война! Враг у ворот!

Гарнизон был поднят по тревоге, но в бой вступить не успел: противник, побросав оружие, пустился в бегство. Несостоявшимся победителям осталось только собирать трофеи.

Теперь уже не деревенский сход, а имперские чиновники приехали к дому Больцано. Эти люди понимали, с кем имеют дело, и не пытались требовать молочных луж с кисельными берегами. Серьезные маги, темные или светлые — здесь разницы нет, — на государственную службу не идут, но иногда власти могут с ними договориться. Вся округа перешла в полное владение Больцано. Гарнизон из Вертебра был переведен в другие провинции, а задачи обороны взял на себя волшебник. Молочная Лужа по-прежнему считалась в составе империи, жители исправно платили налоги, но большинство имперских чиновников также покинули город, ибо для них не оказалось дела. Остались толь-

ко две таможни: на перевале и в самом городке. Полиция и судьи набирались из местных жителей и управляли округой не хуже столичных назначенцев. К магу обращались только в самых редких случаях: если случалось убийство, и преступника не могли сразу найти или когда в делах явно просматривались происки темных сил. Последнее, впрочем, бывало очень редко, само присутствие Больцано отпугивало нечисть и ее адептов. Что касается воинской силы, то раза два неприятель пытался вторгнуться в пределы округи и каждый раз бежал с позором, не вступив в бой.

Постепенно жители Молочной Лужи привыкли считать своим сеньором светлого мага Больцано, который в их мелкие дела никак не вмешивался. Привыкли также жить в мире и достатке, и все были довольны, кроме, быть может, городских красавиц, с грустью вспомиравших те времена, когда гарнизонные офицеры составляли цвет городского общества.

И уже давно не звучал над крышами серебряный напев, предупреждавший жителей, что враг ступил на благословенные земли Молочной Лужи.

Путник шел напрямик к дому Больцано. Дом этот никто не строил, он вырос сам, как растут люди и деревья. Сначала на пустоши, принадлежавшей млеколюбивым жителям Чулаки, появился домишко, сложенный из местного плитняка. Такие часто можно встретить на дальних выпасах, пастухи ночуют там или укрываются от непогоды, а потом уходят, не запирая дверь, потому что воровать в этих лачугах нечего. Постепенно дом рос, обрастая пристройками, флигелями, башенками, крепостными стенами, пока не превратился в замок. Но и теперь Больцано жил там один, не приглашая к себе никого, и даже приезжавшего порой наместника не пускал внутрь, а беседовал с ним, стоя на подвесном мосту.

Так случилось и на этот раз. Путник, взбудораживший округу, ступил на мост, в это же мгновение ворота замка распахнулись сами собой, и навстречу недоброму гостю вышел Больцано.

Ничто в этой встрече не предвещало смертельного поединка. Двое просто стояли, глядя друг на друга, и в руках у обоих ничего не было, даже свой прутник путник бросил, перед тем как ступить на мост. Оба были невысокими, темноволосыми и казались средних лет, хотя такое всегда кажется при взгляде на настоящего мага. Длинные волосы Больцано скрепляла белая повязка, у его противника была точно такая же, но черного шелка.

— Что тебе здесь нужно? — нарушил тишину Больцано.

— Меня зовут Канацци, — ответил темный, коснувшись рукой повязки. — Я пришел забрать у тебя Радима. Отдай мне его, и я сразу уйду.

Больцано покачал головой.

— Ты его не получишь.

* * *

Людам не дано отличать свет от тьмы и добро от зла. Добром они опрометчиво считают то, что выгодно или приятно им в ближайшую минуту. Будь иначе, неужели кто-нибудь согласился бы зажечь в собственной спальне наркотическую палочку или опозорить соседскую дочь? Потом люди жестоко расплачиваются за свои поступки, но вновь и вновь делают глупости и подлости.

То же и со светом. Когда августовской полночью на полнеба полыхнет зарница, многие ли смогут определить, летит это сияющий радужный феникс или злейшее порождение тьмы — огненный дракон? Кое-кто даже бравировать своей слепотой, говоря, что нет разницы между порождениями света и тьмы. Обрушится ли на город дракон, опустится ли феникс, во всех случаях — город выгорит дотла. Оно, конечно, так, небесный огонь жжет так же больно, как и адское пламя. Любая сила опасна для слабого, поэтому простому человеку лучше держаться подальше от сверхъестественного, чем бы оно ни было порождено. А чтобы светлые создания не причинили ненароком зла, существуют волшебники, которые видят правду и умеют отличить свет от тьмы. В том и состоит их работа, хотя большинство людей не могут понять такой простой истины. Они искренне полагают, что светлый маг обязан лечить грыжу и почечуй.

Другая часть работы светлого мага — уничтожение исчадий тьмы и борьба с черными колдунами, из-за которых опасные чудовища плодятся по всем странам света. О битвах с темными полчищами слагают саги и сказки, песни и анекдоты. Причем именно в анекдотах больше всего истины. Ничего не попишешь, ведь людам не дано отличать свет от тьмы, добро от зла и истину от анекдота.

Дом на пустоши еще не напоминал замок, когда к Больцано прибежали из деревни и сообщили, что в лесу поселилось ужасное чудовище — не то дракон, не то киммерийский лев. Больцано не чувствовал в окрестностях темной силы, но испуг жителей был так силен, что слухи следовало проверить. В чащобе маг обнаружил грифона, который неизвестными путями был выброшен в наш мир. Пророчества говорят, что когда настанет последняя битва со злом, именно грифоны составят основную силу светлого воинства. Почувствовав мощь света, идущую от волшебника, крылатый лев принялась ластиться к Больцано, словно простой котенок. Больцано взял хищника на поводок и привел к себе, пройдя, к ужасу и восторгу жителей Чулакши, через всю деревню. Грифон был поселен в башне, которая выросла за одну ночь, и вечерами

часто кружил над долиной, наполняя воздух рычанием пополам с орлиным клекотом. Конечно, грифона приходилось кормить, иначе он сам принялся бы искать пропитание на окрестных пастбищах, не затрудняясь различиями между баранами и пастухами.

С тех пор еще немало дивных созданий населило растущий замок, и Больцано порой думал, что будет, если он, несмотря на все свое долголетие, погибнет, не дождавшись последней битвы? Лишившись хозяина, дивные существа разбредутся по округе, и их приход окажется пострашней нашествия оборотней или вурдалаков. Свет не всегда значит добро; чтобы стать добром, он должен быть одухотворен разумом мага.

Сейчас население замка готовилось к сражению. Враг подошел к воротам, и создания света готовы были погибнуть, защищая свой очаг. Именно погибнуть, потому что к дому Больцано пришел равный ему по силам — и ни крошечные луговые эльфы, заселившие пустошь, ни стоящая на конюшне пара единорогов, ни даже грифон ничего сейчас не решали. Конечно, сотня грифонов загрызла бы Канацци, не подавившись, но где взять сотню грифонов зараз? Для этого нужно уметь открывать портал в горный мир и вызывать дивных существ оттуда.

Но все же грифон спикировал на пришельца, норовя нанести смертельный удар. Канацци, не оборачиваясь, вскинул кулак, и грифон, захлебнувшись клекотом, рухнул на землю.

— Скажи своим, чтобы вели себя смирно, — предупредил Канацци. — Я пришел говорить, а не убивать.

— Говорить нам не о чем, — возразил Больцано. — Я уже сказал: «Радима ты не получишь».

Грифон тяжело завозился в траве, заперхал, стараясь вдохнуть воздух ушибленной грудью.

«Жив... — с облегчением подумал Больцано. — А этот мог бы и убить, не ему ведь жить в этих местах после битвы».

Канацци еще раз вскинул руку, шелкнул пальцами, и флюгерок на самой верхушке грифоновой башни обломился с жестяным треском и повис, нелепо болтаясь на растяжках шпица. Серебряный горн, поднимавший по тревоге население Молочной Лужи, умолк.

— Ты рано начал чувствовать себя хозяином на моей земле, — предупредил Больцано.

— У меня устали уши. Сколько можно трубить? Все равно конец света не наступит, даже если ты насадишься трубивши.

— Если хочешь сберечь уши — уходи.

— Не беспокойся, я уйду, но сначала я хочу выяснить, на каких все же условиях ты согласишься отдать мне Радима.

* * *

Слухи о великом маге, поселившемся в глухой провинции, расходились по всей империи, но сам Больцано редко покидал пределы Молочной Лужи. Вернее, он редко откликался на просьбы приехать куда-либо и проявить свою силу ради решения какой ни на есть человеческой проблемы. Его не соблазняли ни лесть, ни обещание даров. Только когда приходили известия, что где-то в границах государства поднимают голову темные силы, Больцано, не дожидаясь приглашения, отправлялся туда и умирал нечисть вернее, чем сотня искушенных экзорцистов. Гидры скрывались в болотных ямах, драконы бежали по ту сторону Полуночных гор, а вампиры и оборотни в крепких железных клетках отправлялись в замок Больцано, и по дороге каждый мог видеть: в их приплюснутых головах нет ни капли разума, это просто звери, особо опасные тем, что по нелепой случайности они обладают даром слова.

И уже люди говорили, что никакой последней битвы с силами зла не будет, поскольку светлый маг Больцано заранее сокрушил адептов тьмы, так что отныне в мире будет царить добро. Людям не дано отличить правду от выдумки, они привыкли принимать желаемое за действительное, но Больцано знал, что до победы так же далеко, как и в тот день, когда он впервые затеплил свечу не при помощи лучины, а обычным взглядом. Есть на свете темные маги, равные ему, и значит, последняя битва между светом и тьмой впереди.

Недели две назад до Больцано дошли слухи о таинственном преступлении, случившемся совсем неподалеку, на тракте, соединявшем богатые города Среднего Поречья. Были убиты владелец одного из постоялых дворов, его жена и чуть не все слуги и служанки. Утром гости обнаружили их с почернелыми лицами и выпученными, налитыми кровью глазами. По всему видать, умирающие пытались кричать, но что-то — яд или удавка? — не позволило им издать ни звука. Обычный наемный убийца пользуется кинжалом, подобные кунштюки для него не по уму, так что дело не обошлось без злого волшебства.

Тревожить великого мага из-за гибели какого-то трактирщика никто не посмел, Больцано сам прибыл на осиротелый постоялый двор, где разыгралась ночная трагедия.

Тела погибших еще не увезли, коронер и несколько стражников перерывали хозяйские комнаты, пытаясь найти хоть что-то, проливающее свет на произошедшее. Появление мага в таких случаях сразу разрешало все сомнения, но на этот раз Больцано не спешил объяснять, что случилось в гостинице и кто виновен в гибели людей. Вместо этого он спросил, кто из местных жителей хорошо знает окрестности и может служить проводником.

— Лучше всех знаю окрестные леса я, — твердо объявил коронер.

— Значит, ты и пойдешь со мной, — постановил маг, и хотя это было прямым нарушением должностных инструкций, коронер кивнул, и уже через двадцать минут они покинули разоренную гостиницу, оставив озабоченных стражников оформлять бумаги, чего никто из них прежде не делал и даже примерно не представлял, как это делается.

— Тебя как зовут? — спросил Больцано, когда поворот скрыл их от провожающих взглядов подчиненных.

— Аосто, — с некоторым удивлением ответил коронер.

Больцано кивнул и ответил на незаданный вопрос:

— Всегда проще спросить, как человека зовут, чем без спросу копаться в его голове.

— Куда мы идем?

— Тот, кто убил трактирщика и слуг, бежал в лес или на болотные острова. Его надо найти.

— Это нечисть? Говорят, здесь совсем недавно бродил оборотень. Оборотня убили, но, возможно, он был не один.

— Хорошо, если бы это был второй оборотень, но боюсь, что нам не повезет, и мы встретим человека. Во всяком случае, надо готовиться к худшему.

— Ну уж с человеком-то я справлюсь.

— А если этот человек — темный маг? Тут за полверсты чувствуется рука злого колдуна. Следы оставлены слишком явные, и я не могу понять, он настолько глуп или настолько уверен в своих силах, что не опасается встречи со мной и даже не пытается замести следы? Он уходит как простой человек, не думая, что оставляет за собой след волшбы. Не исключено, впрочем, что нас попросту завлекают в ловушку.

— И что в такой ситуации должен делать я?

— Смотреть в оба глаза, а когда придет срок, погибнуть вместе со мной или помочь мне тащить мерзавца. Это василиска или демона можно зачаровать и заставить идти своими ногами, куда тебе нужно. Мага, если он не согласится идти сам, придется нести.

— Можно убить его прямо на месте, — предложил Аосто.

Больцано усмехнулся и ничего не ответил.

След бегущего колдуна отчетливо просматривался в чистом воздухе. Здесь он чего-то испугался и шарахнулся в сторону, а быть может, нарочно оставил метку — на случай, если неопытный преследователь сойдет с следа. Тут отдышал, баюкая сбитую в кровь ногу, вливал в нее новые силы. До чего же хорошо он притворяется слабым и испуганным! Рядовой волшебник, пожалуй, и не понял бы, с кем имеет дело, решил бы, что гонит обычного преступника, маньяка-убийцу, который пачкает окрестности грязными мыслями, не понимая, что тем

самым приближает свой конец. Но под всеми мелкими ухищрениями Больцано ощущал копящуюся силу, готовую ударить слишком упорного преследователя.

Поросшая кустарником пустошь давно кончилась, беглец свернул в лес, где след его был виден не только магическому взору, но и всякому, имеющему глаза.

— Какая маленькая нога... — удивился Аосто, разглядывая вмятину, отпечатавшуюся на берегу ручья. — Он что, карлик?

— Запросто может быть, — согласился Больцано. — Среди темных чародеев много уродов и калек. — Он помолчал и честно добавил: — Среди светлых их тоже немало. Физическое уродство вообще усиливает способности к колдовству. Кое-кто даже пытался выращивать магов, калеча детей. Вот только если этим занимался темный чародей, выращенные им волшебники, все как один, становились светлыми. И наоборот...

— Неужели добрые волшебники тоже способны калечить детей? — спросил Аосто.

— Добрых волшебников не бывает, во всяком случае, среди боевых магов. Когда всю жизнь сражаешься, трудно оставаться добрым. А истории об искалеченных детях сохранились только в преданиях, этот путь ведет в никуда. Выросшие ученики первым делом мстят учителю за свое уродство.

Больцано неожиданно замолк, затем решительно сказал:

— Ночуем здесь.

— Но мы уже почти догнали его. След совсем свежий.

— Вот именно. Через полчаса мы догоним его. Уже темнеет, а драться ночью даже с самым ничтожным темным магом мне бы не хотелось. Если ему угодно, пусть нападает он.

— Костер разжигать будем?

— Конечно. Я чувствую противника, и, полагаю, он чувствует меня. Пусть видит, что мы его не боимся. К тому же обороняться у огня проще. Живой огонь не бывает темным или светлым, он всегда на стороне того, кто его разжег.

Аосто срубил пару сухостойных деревьев и ловко развел костер. Магической помощи Больцано он не просил — зачем, если можешь все сделать сам? А магу нужно беречь силы для завтрашнего поединка.

— Если хотите, — предложил Аосто, — можете спать. Я покараулю.

— Мне сегодня спать не придется, — ответил Больцано. — Да и тебе не советую, а то можно ненароком не проснуться. Чует мое сердце, наш темный приятель собирается пощупать, кто мы такие и можем ли за себя постоять.

— И все-таки кто бы это мог быть? — задумчиво произнес Аосто. —

Карликов в округе нет... В Поручинках живет горбун-сапожник, но он почти нормального роста, а нога у него — вот такая, больше моей. Пришлых, конечно, много, на дороге стоим, но и там карлика бы заменили. Бродячий цирк проезжал, но у них была только волосатая женщина и человек без костей, который сам себя в узел завязывал. Я вот думаю, не могла ли это быть волосатая баба? Борода у нее окладистая, руки — в шерсти, а какие ноги — припомнить не могу. У женщин иной раз очень маленькая ножка встречается. Только зачем ей трактирщика убивать? Я даже не знаю: останавливался цирк на постоялом дворе или ходом прошел.

— Завтра узнаем.

— А женщины магами бывают?

— Бывают. Но редко. И только темными. Это понятно, если в женщине светлая сила проснулась, она ее на детей тратит, на внуков и правнуков. А что останется — на целительство уходит. Травницы из них хорошие. А женщина боевой маг — всегда темная.

— Не знаю, как с женщиной воевать...

— Так же, как с мужчиной. Не беспокойся, она тебя не пощадит...

Больцано резко умолк и поднялся на ноги. Аосто вскочил следом. Несколько секунд Больцано вглядывался в сгущающийся сумрак, затем довольно кивнул:

— Ползут, родимые...

Кто ползет, Аосто не спрашивал, понимал, что сейчас напарника нельзя отвлекать. Но раз ползут — значит, опасность в траве или же в ветвях деревьев... по деревьям тоже можно неплохо ползти. Аосто ждал, напряженившись, обнажив шпагу — символ судебной власти, но ничего не мог заметить. Полная тишина... лес замер в осеннем безветрии, когда нет ни птиц, ни даже комаров и ни единая травинка не шелохнется среди всеобщего покоя.

— Попались... — мурлыкнул Больцано под нос, потом добавил, обращаясь к Аосто: — Не двигайся, а то наступишь нечаянно — сапоги испортишь. Сами они уже не нападут, но все равно твари опасные.

Аосто стоял столбом, не смея переступить с ноги на ногу.

Больцано тем временем раскрыл мешок, достал скляницу с притертой пробкой, присел на корточки и выхватил что-то из травы у самых ног ждущего Аосто. Обычный человек так поднимает горящий уголек, выпавший из открытой печки: схватил, подкинул на ладони и, прежде чем успел обжечься, отправил обратно в печь. Колдовских угольков оказалось три, и все они вскоре очутились под стекляннной пробкой.

— Вот и все, — сказал Больцано. — Больше вроде бы ничего нет. Можно отдыхать. А вот это, — он приподнял банку, — то, от чего погибли люди в трактире.

Сначала Аосто показалось, что в банке лежат три антрацитово-черные, блестящие капли, но, присмотревшись, он заметил короткие ножки, плотно прижатые к раздувшимся телам. Три черных паука, каких прежде не доводилось видеть.

— Я их обездвижил, — предупредил Больцано, — но любое прикосновение к ним смертельно.

— Вы же брали их голой рукой.

— Не совсем голой, все-таки я маг. А вот их хозяин мог играть с ними, как дети играют с пойманной ящеркой. А когда он бежал от нас, паучки, возможно, грелись у него за пазухой.

— И что теперь с ними делать? Вообще-то я должен изъять этих пауков как вещественное доказательство, но я не хочу, чтобы такое хранилось в судебном присутствии.

— Пока я их заберу себе, а потом уничтожу.

— Почему не сейчас? Раздавить их — и дело с концом!

Больцано открыл банку, выкатил один из черных шариков на торчащий из травы камень, протянул Аосто складной нож.

— Угодно попытаться? Только осторожнее, а нож потом нужно будет прокалить.

Аосто, примерившись, ткнул паука кончиком ножа. С таким же успехом можно было пытаться проткнуть ртутную каплю. Аосто повернул нож плашмя, но блестящий шарик и теперь невредимым выскользнул из-под лезвия и скатился в траву.

— Так-то... — Больцано забрал нож и сунул его лезвием в угли. Это не просто пауки, это нечисть — обычные средства против них не годятся.

— Но если их бросить в костер, они ведь сгорят? — спросил Аосто, глядя, как волшебник хватает сбежавшую каплю и скатывает ее обратно в баночку.

— Сгорят. А я и просто их могу раздавить, как обычное насекомое. Только ничего хорошего в результате не получится. Это не обычный паук, пусть даже очень ядовитый, а порождение тьмы, исполненное скверны. Причем слова о скверне — не фигура речи, их нужно понимать в самом прямом значении. Если сжечь или раздавить эту тварюшку, скверна растечется и отравит все вокруг. В этом самая большая трудность борьбы с темными силами. Ты говорил, здесь недавно завалили оборотня — и как, спокойнее стало в округе, люди стали счастливы?

— Какое там, спокойнее... каждый день среди мужиков драки, с увечьями, а то и смертоубийством. В Лишотках один мерзавец ребенка изнасиловал. Я его поймал и в город отправил... его повесили на той неделе. Будь моя воля, я бы его в самих Лишотках повесил, на глазах у соседей.

— Вот то-то и оно. А если бы те экзорцисты, что оборотня прикончили, сумели взять его живым, то ничего этого не было бы. Вернее, и драки были бы, но не такие жестокие, и ссоры, но без ножей и топоров. А маньяк из Лишоток, скорее всего, всю жизнь точил бы слюни, глядя на малолеток, но похоти своей воли дать не посмел и умер бы уважаемым человеком, в глубокой старости, оплаканный друзьями и родней.

— Это что же получается, посланцев ада и бить нельзя?

— Бить-то можно, но не везде и не как попало. Впрочем, это уже не та тема, которую следует запросто обсуждать.

Аосто кивнул, соглашаясь. И без того маг слишком разоткровенничался с ним, обычно они немногословны, когда дело касается их ремесла.

А Больцано не отпускало тяжкое ощущение человека, который вынужден врать умирающему, бодро доказывая, что с ним все в порядке — завтра он встанет с постели и будет здоров. Не будет здоров больной, нет у лекаря верного средства, и можно только оттягивать неизбежный конец. Оборотни и вампиры, демоны и бесы, изловленные Больцано, ждут в подвалах замка решения своей участи. Пару раз Больцано отводил мерзких тварей в далекую северную тундру по ту сторону Полуночных гор, в края, где никто не живет, и там убивал, позволяя растечься скверне. Но ведь когда-нибудь чаша переполнится, и скверна хлынет в населенные места. Людям не дано чувствовать, скверна или благодать определяет их жизнь, но если земля заражена черной силой, в людях просыпается все самое злое. Маньяки, убийцы, извращенцы всех мастей станут нормой. Война по самому ничтожному поводу, взаимная ненависть и невиданная, сверхъестественная жестокость — такова судьба тех, кто живет в скверне. Поневоле подумаешь, не лучше ли иметь в соседях оборотня, он, во всяком случае, прост и конкретен.

Уже давно Больцано не отводил пленных демонов на заклинание в Полуночные горы, потому и растет замок, поражая воображение своими размерами. А ведь самому Больцано достаточно было того первого домишки, что так напоминал пастушью хижину. И если, несмотря на все свое долголетие, Больцано умрет, прежде чем свершится битва с силами зла, эта битва наступит сразу по его смерти, потому как в замке скопилось слишком много света и слишком много тьмы. Не самое веселое занятие — жить на бочке со взрывчатым зельем, но судьба великого мага именно такова.

Единственный выход, который видел Больцано, — научиться открывать проход в горный мир, призвать всю мощь светлых сил и окончательно, на бесчетные века стереть тьму с лица земли. Вот только скверна из тел погибших тварей никуда не денется, едва ли не полови-

на земель окажется непригодна для человеческой жизни. Но все же это лучше, чем всеобщая гибель, ведь черные маги тоже не сидят сложа руки, и если первым великую тайну откроет темный, то в мир хлынут полчища демонов — и что станет тогда, светлый маг предпочитал не загадывать.

До рассвета оставался еще час, когда Больцано разбудил задремавшего Аосто.

— Пора. Тот тоже не спит, и я боюсь, как бы он не рванул бежать и нам снова не пришлось гнать его целый день.

— Неужели волшебники всегда встают так рано? — потягиваясь, пробормотал Аосто.

— Волшебники встают, когда потребуется. — Это были последние, ни к чему не обязывающий слова, дальше двое преследователей пробирались молча, боясь спугнуть противника, который и без того не спит.

Волны безнадёжного страха долетали к магу, на этот раз никакой копящейся силы за ними не скрывалось. Неужто черные пауки — единственное, чем располагал противник? Но ведь среди inferнальных сущностей не встречалось подобных существ, значит, пауков темный маг создал сам, а для этого нужно быть бесконечно изощренным мастером. Во всяком случае, прежде Больцано не слыхивал о подобных умышлях. Не исключено, что изощренный мастер может скрыть и готовящийся удар. Еще сутки назад Больцано голову прозакладывал бы, что это невозможно, но и создавать исчадия тьмы тоже никому прежде не удавалось, так что голову закладывать бесполезно, она и так на кону.

— Где он может засесть? — спросил Больцано одними губами.

— На склоне есть пещерка, — также беззвучно ответил проводник.

— Маленькая, но карлик вобьется. Не иначе — там.

— Выход смотрит на нас?

Аосто кивнул.

— Поднимись на вершину и вспугни его оттуда, чтобы он выполз. А я постараюсь его перенять на выходе.

Аосто понимал, что сейчас ему предназначена роль живца в поединке двух магов, но согласился, не колеблясь. Кто бы ни засел в пещере, он преступник, и коронер должен его взять, даже если при этом придется погибнуть самому.

Пару минут Больцано следил, как напарник пробирается в зарослях, чтобы выйти к предполагаемой пещере сверху, затем сам двинулся вперед. Никогда прежде он не принимал столько мер предосторожности при таком явном отсутствии угрозы. Противник слаб, безоружен, беспомощен и напуган. Кажется, он плачет, сидя в своей норе.

Можно встать, не скрываясь, подойти, вытащить его на свет и расспросить, что же все-таки произошло в придорожной гостинице. Но в заплочном мешке у Больцано лежат три смертельных шарика, какие не под силу создать никому из ныне живущих магов. Значит, слабость, боль и испуг — лишь хитрая маскировка.

Сверху послышался треск, посыпались камни, затем голос Аосто проревел:

— Не уйдешь!

Именно так, не скрывая мощи, командовал имперский чиновник стражниками, окружившими логово бандитов или засевшего в доме убийцу. И хотя рядом нет стражников, всякому ясно: раз Аосто все-писался в добычу — преступник не уйдет.

В ответ зазвенел срывающийся на визг голос:

— Дядька, пусти! Пусти, тебе говорят!

Больцано, забыв об осторожности, кинулся на звук голосов.

Аосто стоял у пещерки и держал извивающегося мальчишку лет десяти. Не заламывал рук — чего там заламывать? — а держал за ухо, словно сторож, поймавший мелкого воришку. Мальчишка извивался и норовил пихнуть противника ногой.

— Гляньте, сударь, — воскликнул Аосто. — Это же Радим, мальчик на побегушках из таверны! Я еще гадал, куда он делся. Среди мертвых его нет, среди живых — тоже. А он во куда ускакал!

Больцано подошел, глянул пристально. Теперь, под прямым взглядом, было видно, что магические способности у парня есть, но слабенькие и неявные. Его бы в хорошие руки, к строгим, но любящим родителям, к приятелям, от которых и тумачков можно получить, но беззлобных, просто от широты души, и вырос бы человек, не знающий, что гнездится в нем темная сила. А что делать теперь, когда парень знает, кто он такой, и уже применил свои способности, чтобы поквитаться с теми, кто день за днем нещадно гонял его, забывая сказать хотя бы доброе слово?

— Хозяина ты убил? — спросил Аосто, встряхнув мальчишку так, что у того зубы лязгнули.

— Не убивал я никого, они сами померли! — завопил мальчишка привычно жалобным голосом. — Пустите меня, чего уши дерете, я вам ничего не сделал!

— Откуда ты их взял? — спросил Больцано, показав Радиму скляницу, в которой копошились пришедшие в себя паучки.

Радим затравленно поглядел на мага и ничего не ответил.

— Мне что, два раза повторять?..

— Пусть этот ухо отпустит. Мне хозяйских заушений хватает, чтобы еще чужие уши крутили.

— Отпусти, — приказал Больцано. — Он уже никуда не убежит. И захочет, да не сможет.

— А где темный маг? — спросил Аосто.

— Вот он и есть. Кто бы мог подумать?.. У детей колдовских способностей быть не должно, а то малец, не подумавши, со всеми своими обидчиками так поквитается, что те и костей не соберут. А этот, видеть, повзрослел прежде времени. Солоно у хозяина приходилось?

— Спрашиваешь... — хмуро ответил Радим, растирая накрученное ухо.

— За это и убил?

— Никого я не убивал. Я ночью сплю, из чулана не вылажу, если хозяин не поднимет. Ничего я не видел, и почему они померли — не знаю.

— Пауки твои?

— Пауки сами по себе. Делать мне больше нечего, только на пауков любоваться. У меня в чулане пауки в каждом углу сидят.

— Но уж не такие.

— А мне без разницы...

Разговор начинал идти по кругу, и Больцано прибег к решительному средству:

— Ты хоть знаешь, кто перед тобой? — спросил он, кивнув на Аосто.

— Да уж знаю, видал его, когда во дворе мужики топорами посеклись.

— А теперь он по твою душу приехал. Хозяин-то умер злой смертью, да и не один, а с женой и слугами. Только ты жив и остался, так что тебе и ответ держать.

— Не знаю я ничего и никого не убивал, я спал, а они сами померли, — затащил мальчишка на привычный лад, но Больцано не дал закончить.

— Ты голову мне не морочь, вина твоя вся на ладони. Отвезут тебя в город и как отравителя посадят на кол.

— Уж лучше на колу сидеть, чем та каторга...

Мальчишку, кажется, ничто не могло прошибить.

— А кто я такой, ты знаешь?

— Да кто б ты ни был, лишь бы не был.

— Так вот, я волшебник и могу тебя от этого человека забрать себе. Но ты мне врать не смей, я твои враки вижу прежде, чем ты их придумывать начнешь.

— Волшебник... — презрительно протянул Радим. — Меня уже один такой обещался в ученики взять. И где он? Ушел и забыл.

— В ученики я тебя брать не собираюсь, — Больцано видел, что парень чувствует в нем чуждую силу и, значит, обман распознает сразу,

— а от закона спасти могу. Вот и выбирай, где тебе приятнее — у меня или на колу?

— На кол сидеть хоть и больно, да не долго, а вы, поди, на всю жизнь запрете.

— От меня на кол никогда не поздно, а вот с кола ко мне уже не соскочишь, так что думай веселее. Ко мне хочешь попасть — правду отвечай.

— Ну?.. — сдался Радим.

— Где пауков взял?

— Из грязи скатал.

— Ну-ка, скатай еще одного.

Радим развел чумазыми руками.

— Тута грязи нет, чисто кругом.

— А на постоялом дворе есть?

— Было маленько, так я все в шарики скатал, из которых пауки вылупились.

Больцано глянул на Аосто. Тот ничего не понимал.

— Место, где оборотня завалили, далеко?

— Порядочно. Но нам все равно в ту сторону идти, куда парня ни поведем, а тракта не миновать.

— Слышал? Ну так вставай, пошли.

— Я в гостиницу не вернусь, — сказал Радим. — Лучше сразу на кол сажайте.

— На кол успеешь. А в гостиницу нам и не надо, сам же сказал, что грязи там не осталось. Вот мы и поищем такое местечко, где грязи много, там и покажешь свое умение.

Больцано ослабил магические путы, позволив Радиму встать, и все трое направились в обратный путь.

Место, где странствующие маги завалили оборотня, внешне ничем не отличалось от всякого другого, но перед магическим взором представлял полный разгром. Тварь хотели взять живьем, об этом свидетельствовали следы нескольких ловушек, но волкулак, битый и тертый, сверхъестественным чутьем угадал их и, развернувшись, пошел на загонщиков, так что тем оставалось только убить чудовище или погибнуть самим. Охотники свою неудачу выдали за победу, и округа до сих пор радуется избавлению от оборотня, не замечая, что скверна, вытекшая из убитого, отравляет людские души. И ничего не поделаешь, каждый светлый маг, ступив на путь борьбы с силами зла, совершает ошибки, из-за которых количество зла в мире только увеличивается.

— Тут тебе грязи хватит?

— Да уж как-нибудь... — Радим уселся прямо на землю, поплевал на ладонь и принялся водить по мокрому указательным пальцем.

Больцано напряженно следил за его действиями. Он ожидал проявления новых, прежде незамеченных сил, но в Радиме и теперь не было видно ничего, кроме чуть тлеющей искры темной магии, какой даже на серьезную порчу не достанет. Обычно темных магов такого уровня Больцано оставлял в покое, предупреждая лишь, что в следующий раз снисхождения им не видать. И большинство чародеев, напуганные, никогда больше не проявляли свои ничтожные силенки. Но сейчас под слюнявым пальцем забитого мальчишки мертвая скверна начала обретать структуру, смертная обида и тоска мальчишки одушевляли ее, возвращая к подобию жизни то, что разрушили неловкие охотники. Через минуту на ладошке лежал лоснящийся черный шарик, пока еще не растопорщивший ножки, но уже живой и готовый убивать.

— На! — выкрикнул Радим и швырнул паука в лицо Аосто.

Больцано ожидал, что мальчишка нападет на него, бросок в другую сторону застал его врасплох, и лишь в самое последнее мгновение он успел перехватить летящую смерть.

— Ты что, сдурел? На него-то зачем нападаешь?

— Не будет ухи крутить, — непримиримо ответил мальчик.

Больцано подошел и ухватил Радима за холодное ухо.

— За такие шуточки я тебе сам все уши пообрываю!

Драть, впрочем, не стал. И без того на душе неладно. Темного мага, обладающего такими способностями, нужно немедленно уничтожать, благо, что по сути своей маг является обычным человеком и изначальной скверны не содержит. Но как казнить ребенка? Не важно, что это озлобленный на весь мир звереныш, готовый убивать направо и налево, все равно ребенок. Но и отпускать его нельзя, так же, как воспитывать и учить. Маг выбирает свой путь один раз в жизни, и Радим этот выбор уже сделал. Он темный маг, такой, что чернее не бывает. Единственное, что можно сделать для него — держать взаперти, пока он не подрастет, и только потом убить. Очень вдохновляющая перспектива.

И потом... как-то же он умудряется работать с мертвой скверной... Вот он скатал своих пауков, и в округе стало капельку почище. Правда, появилось четыре смертельно опасных гада, которые могут понадевать зла больше, чем погибший здесь волкулак. Так что пользы от этого умения ни на грош. Но все же мимо знания проходить нельзя. Так что мальчишка будет жить, не в темнице, конечно, подвалы предназначены для неубитой покуда нечисти, а в верхних комнатах, но без права выхода во двор, под ежесекундным приглядом, как живут только самые дорогие и опасные пленники. Как бы заманчиво ни выглядела возможность овладеть искусством одушевлять мертвую сущность, но если появится хоть малейшая вероятность, что Радим попадет к со-

родичам, его нужно немедленно убить. Ребенок или не ребенок — да хоть ангел небесный! — но он должен быть уничтожен.

* * *

— Мальчишку ты не получишь ни при каких условиях, — устало повторил Больцано. — А если ты не уйдешь прямо сейчас, то через минуту Радим будет мертв. Надеюсь, ты понимаешь, что я не шучу.

— Подожди. Раз у меня есть минута, то выслушай меня. Что ты скажешь, если я предложу очистить Аркост от каменных троллей, которые там обосновались?

— Перебить троллей могу и я, но что потом делать с загубленной землей?

— Я сделаю так, что земля останется чистой.

— А где-то в другом месте объявится толпа разъяренных горных духов. Нет уж, не надо.

— Не объявится. Если угодно, ты можешь пойти вместе со мной и проверить, как я это сделаю. И только потом ты назначишь цену, за которую согласишься отпустить Радима.

— Я его не отпущу ни при каких условиях.

— Хорошо, скажем так: и только потом ты, если захочешь, назовешь цену мальчишке.

— До Аркоста даже магу — месяц пути.

— У меня проложена волшебная тропа, от Сельера к самому Аркосту, так что туда-обратно обернемся за два дня.

Больцано усмехнулся. Волшебные тропы так просто не прокладываются, это очень трудная работа. Хозяева их берегут и, даже умирая, не выдают секрета. В мире есть несколько десятков троп, проложенных в стародавние времена и известных всем, новые пути добавляются к ним крайне редко. По волшебной тропе можно за пару часов пройти сколь угодно большое расстояние, если ты, конечно, вообще умеешь ходить по таким тропам. Зато тропа, известная одновременно светлому и темному магу, неизбежно станет всеобщим достоянием, потому что беречь чужой секрет не имеет смысла. Общие тропы прокладывались, как правило, между большими городами, иные из которых давно лежат в развалинах. А теперь, значит, появится прямая дорога от перевала Сельер на плато Аркост, до которого обычным порядком добираться полгода, и даже магу — не меньше месяца. Какому любителю горных прогулок может понадобиться этот путь?

— Если ты рассчитываешь, что, покидая меня не будет, твои приятели сумеют взять замок, то вынужден тебя огорчить. Замок вы, может быть, и возьмете, но Радим погибнет, едва первый чужак ступит на земли Молочной Лужи.

— Я в этом не сомневаюсь.

— И не надейся, что, побывав в Аркосте, я пойду на уступки. Мне просто интересно посмотреть, какую ловушку ты на меня готовишь. А Радида ты не получишь ни при каких условиях.

— Об этом мы поговорим, когда ты вернешься домой.

— В таком случае зачем мы тут стоим? Я готов.

Канацци не был удивлен; маг выходит навстречу противнику во всеоружии, даже если на нем туфли без задников и просторный халат. Канацци повернулся и пошел, не оглядываясь, особой скользящей походкой, позволяющей обогнать скачущего всадника.

Идут по дороге два путника... даже не разговаривают друг с другом, словно сто лет знакомы и обо всем успели переговорить. И никто не может заметить, что это не приятели, а неприятели, ежесекундно готовые вступить в сражение. Впрочем, и заметить идущих сможет не каждый, когда маг спешит, он невидим простому глазу.

К полудню безо всяких приключений достигли перевала. Здесь пролегает граница, по одну сторону — Молочная Лужа и все Поречье, самая южная из имперских провинций, по другую — земли королевства Издар. Прежде здесь частенько случались бои, но с появлением Больцано воевать стало неприбыльно. Крепость Вертебра ветшает, крепость на издарской стороне и вовсе опустела, никому не нужная. За много лет вынужденного мира владыки обоих государств поняли, что торговать выгоднее, чем воевать. Между столицами налажено морское сообщение, два флота вместе выбили островных пиратов, и сухопутная дорога через горные перевалы оказалась заброшена.

А теперь здесь начинается еще одна дорога, новая, но с самого начала никому не нужная. Неужто Канацци проложил волшебную тропу на один раз, специально, чтобы провести противника самым коротким путем? Нелепая трата сил...

Канацци громко, не скрываясь, прочел заклинание. Это начинающего мажонка можно провести волшебной тропой, и он не поймет, как учитель это сделал. Опытному магу достаточно один раз пройти новой дорогой, и тропа станет его собственной. Путники сделали всего несколько шагов, но местность вокруг переменялась. Перевал Селлер находится на юге, его заносит снегом только зимой, в то время как вершины Аркоста заснежены круглый год, а на самом плато зима длится восемь месяцев. Летом здесь появляются пастухи и охотники, а зимами нет никого, потому что во время морозов особо активны каменные тролли.

— Как местечко? — не без гордости спросил Канацци.

Сюда еще ни разу не добирался ни один охотник за нечистью, так что кругом не было и следа скверны, истекающей из тел убитых чудо-

виш. Но и напряжение темных сил здесь тоже превышало все, что приходилось видеть Больцано. Одно из страшных мест, к которым не знаешь, как подступиться. Канацци и впрямь предлагал за мальчишку огромную цену, если, конечно, не солгал, обещая очистить плато от нежити и не залить его при этом мертвой скверной. Вот только как это сделать?

Больцано огляделся. Чуждая сила копилась повсюду, распаляясь яростью при виде светлого мага. Пожалуй, он прихвастнул, говоря, что и сам мог бы перебить горных троллей. Сотня грифонов с легкостью загрызет самого сильного темного мага, сотня троллей походя расправится со светлым. Как бы сейчас не пришлось бежать, спасая свою жизнь...

— А теперь смотри, как это делается, — объявил Канацци. — Только не вздумай вмешиваться, народ тут живет непуганый, может наброситься на кого угодно. А тролли — существа простые и упрямые, если впадут в ярость, их даже я не остановлю.

Канацци отошел на безопасное расстояние и принялся читать заклинание. Это было обычное заклинание призыва, известное всякому магу. Светлые таким образом привлекают к себе создания света, темные — порождения тьмы. Конечно, все зависит не только от природы сил, но и от того, сколько этой силы в волшебнике. Слабый маг, как бы черен он ни был, не сможет вызвать дракона, а если вдруг это ему удастся, он сам первый же и погибнет. Больцано мог бы призвать и архангела, если бы тот оказался поблизости, и, судя по всему, Канацци был ничуть не слабее и мог повелевать дьяволами и драконами.

Ближайший уступ пошел трещинами, с глухим стуком посыпались камни, из скального нутра полез уродливый тролль, сам больше всего напоминающий обломок скалы. Он беззвучно разевал пещеру пасти, судорожно дергался, словно его выламывала невиданная мука, хотя всем известно, что каменные существа не чувствуют боли. Говорят, будто солнечные лучи обращают тролля в камень. Какая чушь! Что может сделать луч света, скользнувший по каменной шкуре? Тролль почти неуязвим, только светлое пламя феникса способно расплавить его шкуру и меч архангела может ее расцечь.

Тролль заскрипел, разгибаясь, воздел длинные лапы, глазки рубиново вспыхнули ненавистью, скользнув по фигуре замершего Больцано, но послушаться господина тролль не мог и развалистой походкой направился в сторону Канацци. А Больцано, уже изготовившийся нанести удар, вспомнил, что он грифона не удержал, да и не слишком пытался.

Отовсюду к темному магу сходились, сбегались, сползались чудовищные обитатели плато. Конечно, троллей была не сотня, но больше

двух десятков. Вместе с ними притопали два горных великана, из расщелин выползли уродливые кобольды, примчалась стая призрачных волков... катились сгустки темноты, похожие на длинноносых ежей, пролетали крошечные химерки, не опасные даже самому слабому магу, но способные свести с ума обычного путника. Все-таки порождения тьмы куда более разнообразны, чем дети света, можно понять, почему среди черных чародеев такое количество изысканных эстетов.

Канацци стоял среди своего воинства. Здесь он был в полной безопасности и мог бы напасть, пользуясь преимуществом в силе, но Больцано был спокоен, зная, что успеет уйти. Покуда темный маг держал слово: возле замка, с которым Больцано поддерживал непрерывную связь, не было никого, а тролли и горные великаны были готовы, но не смели нападать без приказа.

Затем случилось то, чего Больцано мог ожидать меньше всего. Воздух перед его врагом задрожал, уплотняясь, и оттуда упал сноп непроглядной тьмы. Казалось, нечто черное готово излиться в мир, погасить звезды и затушить солнце.

Просто и буднично, без заунывных заклинаний и магических выкриков Канацци открыл проход в потусторонний мир.

Разноголосый стон прошел по черному воинству. Никто уже не обращал внимания на светлого врага, тролли и кобольды, великаны и призраки качнулись к притягательному провалу.

— Чего стали? — крикнул Канацци. — Ступайте домой, здесь вам делать нечего!

Тролли, сталкиваясь и дробя каменные панцири, первыми ринулись в проход. Больцано не видел, что ждет их там, но они-то видели и рвались туда, один за другим исчезая в глубинах инферно. Поглотив последнее свое создание, сгусток темноты съежился и медленно истаял, позволив вернуться неяркому северному дню. Теперь во всей округе не было ни единого сверхъестественного существа. И ни капли скверны... чисто, как в день сотворения.

Больцано без сил опустился на камень. Он видел, что проиграл еще прежде начала войны. Сейчас черный маг увел своих тварей, но ничто не помешает ему здесь или в ином месте открыть новый проход и наводнить вселенную исчадьями тьмы тысячекратно. Да что там тысячекратно... когда идет тьма, счет идет на тьмы, и тьмы, и тьмы. Устоять против нашествия не сможет никто, горний свет погаснет, залитый вечной ночью.

Канацци подошел вплотную, как ни один маг не подходит к другому, если тот не является его учеником.

— Теперь ты назовешь цену, за которую согласишься отдать Радима?

— Зачем тебе мальчишка, если ты уже победил?

— Он мне нужен.

— Но ведь не согласишься же ты поделиться умением открывать портал?!

— Если это цена ребенка, то ты научишься создавать проход в горный мир уже сегодня.

* * *

Два мага, темный и светлый, шли по дороге. Шли неторопливо, как ходят люди, когда им некуда особо спешить. Впервые они не собирались нападать и не ждали нападения. Просто шли по дороге и беседовали, как люди, которым есть о чем поговорить.

— Я в ту пору был шустрым парнишкой, — делился воспоминаниями Канацци, — умел и любил драться, так что от дивнюков, которые попадались на моем пути, только пух летел. Светлые гонялись за мной, где только могли, но я всегда умудрялся ускользнуть. Как я теперь понимаю, пару раз я уходил просто потому, что меня хотели взять живым, поскольку мертвый я не был нужен никому. Однажды я умудрился грохнуть серафима. Не радужного феникса, не стайку грифонов и даже не ошипанного ангелочка, а серафима в самом расцвете сил. Это все равно что тебе управиться с хорошо обученным дьяволом.

Больцано кивнул головой, соглашаясь. Серафим — создание света, почти равное архангелу. Убить его очень непросто.

— Я чувствовал, что за мной гонятся, — продолжил Канацци, — но при виде такого противника не мог устоять. Сам не понимаю, как мне удалось его завалить. А потом... представляешь, сколько благодати вытекло из его туши? Земля была отравлена на месяц пути в любую сторону. Надеюсь, ты понимаешь, что значит людям жить в краях, отвращенных благодатью. Фанатики, ханжи и фарисеи всех мастей стнут там нормой. Зверства инквизиции, войны по самому ничтожному поводу и невиданная, сверхъестественная жестокость — такова судьба тех, кто живет в благодати. Именно тогда я понял, что натворил. Прибить дивнюка — полдела, но потом оказывается, что мир, освобожденный от светлой мрази, стал только хуже. Точно так же ваши витязи, убивая нечисть, заражают земли скверной. Положение безвыходное, еще немного — и жить на земле будет нелегко.

Я прекратил убивать светлых тварей, а тех, что удавалось поймать, держал в подвалах своего дома, в надежде, что когда-нибудь найду выход. Выхода не было, а замок вскоре раздулся, словно чудовищный фурункул. Если такой нарыв прорвется, больной вряд ли выживет. В башнях моего замка обитали драконы, тронный зал де-

лили между собой три адских князя, по стенам несли караул демоны и лесные оборотни. А что копилось в темнице — можешь догадаться сам.

— Это уже похоже на сказку: замок Гурзух — обиталище темного властелина.

— Именно так и называлось место, где мне приходилось жить.

— Но ведь это было, если было вообще, в незапамятные времена! И потом, если верить легенде, замок Гурзух был сокрушен светлым магом Соттоном во время первой битвы света со злом.

— Это не совсем так. Соттон явился ко мне, и я вышел навстречу, но мы не стали бессмысленно сжигать друг друга, а начали разговор, и оказалось, что мы можем договориться мирно. Вместо войны мы объединили наши усилия и сумели разрешить проблему, над которой, как я понимаю, ты безуспешно бьешься уже полсотни лет. У самых стен замка мы открыли два прохода: в горный мир и в обитель тьмы, но не стали призывать оттуда чуждые земле сверхъестественные силы, а напротив, отправили туда все, что накопилось в моем замке. Дракону место во тьме, фениксу — в обители света, а тут им делать нечего. Наш мир цветной, а они — черно-белые, даже если снаружи их испестрило радугой. И когда вокруг стало спокойно, мы поняли, что нам тоже нечего делить. Потом мы так же дружно уничтожили замок Соттона и с тех пор уже не виделись. Все-таки мы слишком разные, и мне было так же тяжело находиться рядом с ним, как и сейчас с тобой. Когда не стало замков, мы смогли жить незаметно, и постепенно о нас забыли, вернее, люди решили, что мы оба погибли. Наши имена остались только в легендах.

— Говорят, замок Соттона рухнул в миг его смерти... Я частенько думал, куда девались те, кто его населял и почему вместе с замком не погиб мир.

— Потому что мир был спасен. Твоему замку еще далеко до устрашающей громады Соттона, где у ворот стоял архангел, а грифоны кружили в небесах десятками. Наверное, я бы еще несколько лет не появился у тебя, если бы не прослышал о Радиме. Чародей, который умеет возвращать подобие жизни убитой скверне, должен быть на свободе. Не знаю, станет ли он могучим чародеем, но он станет чистильщиком. Трудами светлых магов земля слишком загажена, а чистильщик может, воскрешая убитых тварей, уничтожать скверну. Жизнь станет опаснее, но и человечнее тоже. Парень вырастет, возрастет и его темное мастерство. Я думаю поселить его в тундре, по ту сторону Полуночных гор. Там нет людей, но Радим, слишком от людей страдавший, не нуждается в обществе себе подобных. Зато там — целое море скверны. Именно туда отводил на убой пленных тварей

великий Соттон, туда же хаживал и ты, и некоторые другие маги, умевшие захватывать чудовищ живыми. Вы наготовили Радиму работы на три сотни лет. Поначалу Радим будет создавать всякую ползучую мелочь, потом, когда почувствует себя одиноким, родятся химеры и оборотни, с которыми можно поговорить и перекинуться в картишки. И наконец, из-за Полуночных гор полетят драконы, и в мире снова заговорят, что черный властелин вернулся. Пока я жив, я буду перехватывать этих драконов и отправлять их домой. Не знаю, долго ли я еще проживу, ведь я действительно много старше тебя, но если я не успею найти себе замену, это должен будешь сделать ты. Когда-нибудь ты появишься у черного замка, где на страже стоят бесы, а в подвалах томятся херувимы, но не станешь воевать, а откроешь хозяину нашу тайну. Не знаю, кем будет этот хозяин. Вряд ли такое знание можно доверить Радиму. Он слишком любит свои создания, чтобы изгонять их из мира. Скорей уж, он откроет проход, чтобы призвать их сюда. Так что пусть остается чистильщиком.

Больцано молча кивнул.

Они подошли к замку, где все оставалось по-старому, если не считать изменений, случившихся с хозяином. Сигнальный флюгерок по-прежнему висел безвольно, но даже будь он цел, звук горна не встретил бы окрестности: замок больше не считал темного мага врагом.

— Пробуй, — сказал Канацци. — Здесь не так много светлых сил, но на первый раз достаточно.

Больцано отошел к самым воротам и прочел заклинание призыва.

Помятый грифон слетел со своей башни, через распахнутые ворота выбежали единороги и цепной пес, который на самом деле не был псом. С окрестных пустошей слетались луговые эльфы и крошечные радужники, светлые существа, не опасные никому, но способные чудным мерцанием зачаровать человека, так что иной сутки простоит, заворочено глядя на волшебный танец, и лишь потом вспомнит, что были у него неотложные дела и планы, которые теперь поздно выполнять. Покинув замковые печи и камины, приползли огненные саламандры, которые, если останутся без пригляда, могут запросто устроить пожар, доказав, что свет — не всегда добро. И наконец, из бездонной синевы небес спустился ангел-хранитель — тайная гордость Больцано. Он топорщил перья белоснежных крыл, гневно поглядывая на Канацци, и очень напоминал рвущегося в бой петушка.

Все постигается в сравнении: глядя на свое войско, Больцано вспомнил, что у ворот Соттона стоял некогда архангел с пылающим мечом в руках, а Канацци расправился с серафимом еще в ту пору, когда самого Больцано и на свете не было.

Теперь предстояло самое главное: проверить, усвоен ли данный ему урок. Все-таки он первый, кто не сам достиг великого знания, а получил его в наследство. Невероятным усилием Больцано прорвал ткань бытия, открыв проход в горный мир. Слепящий поток света затмил солнце. Свет был так ярок, что и теперь Больцано не видел скрывающееся за порогом реальности. Но дивные существа видели, они заволновались, подавшись вперед. Не оставалось сомнения, что они, если повелитель прикажет, останутся здесь и пойдут на гибель, но по-настоящему их родина — там, и туда они рвутся, пусть не душой, которой у них нет, но светом, что наполняет их.

— Чего стали? — крикнул Больцано, повторяя недавний приказ темного мага. — Ступайте домой, здесь вам делать нечего!

Ангел первым последовал призыву, следом, словно бабочки к фонарю, метнулись остальные дивные существа. И лишь когда последний радужник растаял в горном свете, Больцано отпустил тяжесть, пригибающую его к земле, позволив порталу захлопнуться. Без сил он опустился на камень, опустошенный, отдавший себя до конца.

Подошел Канацци.

— Я могу забрать мальчика?

— Да, конечно. Я отдам Радима и всех, кто сидит в подвалах. Только, наверное, ты не сможешь сейчас еще раз открыть проход.

— Ничего. Я просто заберу их с собой. Когда я рядом, они не посмеют причинять вред людям.

Больцано прошел в замок и вывел на улицу Радима. Все дни плена мальчишка жил в просторной, чистой, солнечной комнате, каких в прежней жизни ему и видеть не доводилось. Его хорошо кормили, и никто не обижал, но все же взгляд пленника потускнел, движения стали замедленны. Темный маг не может долго жить в плену у светлого, он зачахнет, несмотря на самый заботливый уход. Точно так же, как и светлый волшебник, захваченный черным врагом.

Увидав Канацци, Радим оживился, шагнул к нему и цепко ухватился за протянутую руку.

— Ты заберешь меня отсюда?

— Да, конечно, ведь я пришел за тобой.

Больцано один за другим снимал волшебные запоры, и наружу среди бела дня выбирались томившиеся в подвалах исчадия ада: вылезали оборотни и василиски, упыри и демоны. Выползла многоголовая гидра, гигантская лисица, способная загрызть быка, заметалась, не зная, бежать ли ей от светлого тюремщика или прижиматься к темному избавителю. Радим спокойно глядел на шабаш темных сил, а Канацци подобные вещи не удивляли уже очень давно.

Убедившись, что замок пуст, Больцано прошел внутрь и вынес

стеклянную банку, где под притертой пробкой копошились раздутые тела пауков. Протянул банку Радиму:

— Это твое.

Радим молча взял банку, открыл, высыпал на ладонь крошек, одно прикосновение которых смертельно для человека. Паучки, мгновенно оживившись, юркнули в рукав. Радим поставил пустую банку на дорогу и лишь потом сказал:

— Благодарствую.

Канацци и Радим повернулись и, не попрощавшись, пошли в сторону от замка. Адская свита побежала, запрыгала, поползла следом. Горе тому, кто окажется на пути, убить — не убьют, но напугают до икоты. И долго по окрестным селениям очевидцы будут шепотом рассказывать, как повстречались им бесовские крестины и только чудо избавило в этот миг от смерти.

Уходящих уже не было видно, одинокий смерчик заглаживал на дороге нечеловечьи следы, когда Больцано, по-прежнему стоящий на пороге, услышал голос темного мага:

— Ты это знаешь и без меня, но все-таки скажу: раз появился темный чистильщик, то должен быть и светлый, тот, кто сможет обращать дохлую благодать в нечто живое. На юге, где гнездится нетерпимость, откуда приходят изуверские секты, вся земля заляпана благодатью. В том есть и моя вина, но исправить причиненное мной зло может только светлый чистильщик. Не знаю, что способно породить такое чудо, но я буду его искать. Ищи и ты.

— Да.

Теперь они ушли окончательно, и Больцано повернулся лицом к замку. Замок стоял пустой, словно фурункул, вскрытый ножом хирурга. Теперь ему незачем быть таким огромным: скоро пересохнет ров, опадут башни, съедятся стены. Замок перестанет быть твердыней света и превратится в обычный дом, где можно жить. Но это будет завтра, а пока даже неохота возвращаться в пустые залы и неуютные комнаты, со стен которых следят неведомо чьи портреты.

Больцано тряхнул головой, отгоняя несвоевременные мысли, и, возвратив уставшему телу бодрость, быстрой походкой двинулся в сторону Вертебра.

Завтра вновь начнется исполненная борьбы жизнь мага, а пока он явится в городок, где на вечер в зале благородного собрания назначена ассамблея. Он пройдет среди нарядной публики, выпьет в буфете бокал вина, а потом выберет среди местных дам самую симпатичную и приударит за ней, словно полсотни лет назад.

Г Е Н Р И Л А Й О Н О Л Д И

ПРОКЛЯТИЕ

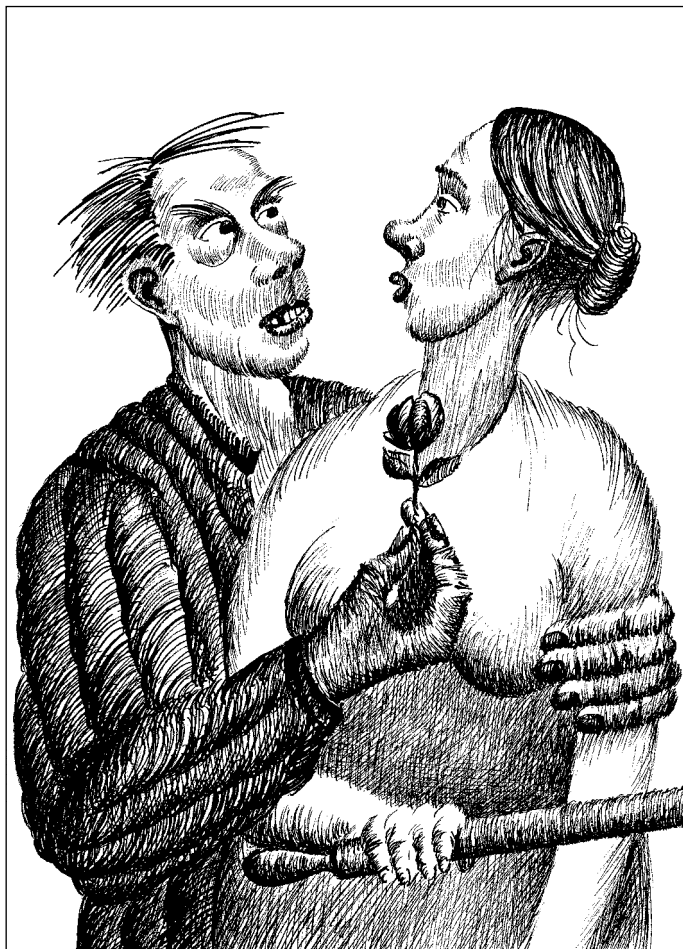

Иллюстрация Евгения КАПУСТЯНСКОГО

Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, — то я ничто.

Первое послание к Коринфянам.

*...Охалку вздохов на скамейке,
Меновенья чудного итог,
Аплодисменты шапито
И ужин старенькой семейки,*

*Затем беру вчерашний суп,
Пасть рокового чемодана,
Колоду карт, где дура-дама
Валета-блудня тянет в суд,*

*Крыжовник, от дождя рябой,
Немного страсти, много лени,
И столбенею в удивлении:
Любовь!*

Гляди-ка ты! — любовь...

Томас Биннори. «Я не умею о любви».

Ну так что, мастер? Выветрилось? Староста с жалкой надеждой заглянул в лицо Андреа Мускулюсу: снизу вверх. Не дождавшись ответа, он извлек из-за пазухи клетчатый платок размером с полковое знамя, снял картуз — и начал старательно промокать вспотевшую лысину. Блестящая, гладкая, в окружении редких прелых волосиков, лысина сочувствия не вызывала.

Мода на платки возникла в столице год назад. Начало ей положил заезжий нобилит — шеголь, знаток поэзии и записной дуэлянт Раймонд д'Эстанор. Нет, в Реттии и раньше не пренебрегали этим предметом туалета! Но лишь после д'Эстанора стали носить при себе не один, а целую коллекцию платков. За поясом, в карманах, за обшлагами рукавов; с кружевами и без, льняные и батистовые. Позже, когда мода получила широкое распространение, платки стали повязывать еще и на шею.

Франты спорили, что красивее: «узел висельника» или «мертвый узел». Офицеры-кавалеристы с пеной у рта доказывали, что правильно завязанный платок защищает шею от сабельного удара.

Кое-кто верил.

Однако староста Ясных Заусенцев, поселка строгалей, ничего не

знал о причудах столичных модников. Да и то сказать: платок в поселке имелся у него одного, чем он заслуженно гордился.

— С ходу не определишь, — Мускулюс счел выдержанную паузу достаточной. — Проклятие, сударь, штука тонкая. Опутает паутинкой, а на поверку-то паутинка крепче стали! Не кто-нибудь, сам Нихон клал. Великий Нихон!

Тяжкие вздохи строгалей послужили красноречивым ответом. Вокруг собралось человек двадцать. Стояли как бы поодаль, в разговор не вступали, но ловили каждое слово. Казалось, у яснозаусенцев вот-вот отрастут стоячие волчьи уши — чтобы лучше слышать.

«Среди бела дня от работы отлынивают? — вяло удивился малефик. — Непохоже на деревенских. Да еще в начале осени! Сельчане в такую пору головы поднять не успевают...»

— Исследовать надо, — подвел он итог. — За тем и приехал: глядеть. В смысле, глазеть. Астрал просвишу, мана-фактурку пошупаю. Тонкие возмущения, то да сё... Но первым делом — опрос свидетелей.

Староста охнул от изумления.

— Свидетели? Какие-такие свидетели?! Померли все давно. Проклятию сто лет в обед... В смысле, до завтраго цельный век сравняется.

— Юбилей, значит, — усмехнулся высокий гость.

— Убилей, ага. Где ж я вам свидетелей... Или подымать станете?

— Подъем усопших — не мой профиль. Я малефик, а не некрот, — сухо уведомил Мускулюс. — Зато проклятия — как раз по моей части. Потомки свидетелей в деревне есть? Ну, внуки там, правнуки?

— Ясен заусенец, есть...

Староста вдруг начал мямлить, сделавшись подозрительно косноязычным. Глазки его, похожие на незрелые ягоды крыжовника, забегали с беспокойством.

— Дык какого ж рожна они вам расскажут? Внуки эти?! Все быльем поросло! Где правда, где байки — не разберешь...

— Ничего, разберусь! — заверил Мускулюс. — Или вы хотите, чтоб я вызвал сюда свою дражайшую супругу? И она восстановила против себя полкладбища, дабы получить показания из первых уст? Моя Номочка это может. Запросто!

— Дражайшую не надо, — попросили из толпы.

— Мы уж сами...

— Как отцу родному!

— Эй, Юрась! Чего рожу воротишь?

— Твой пращур аккурат его привечал, колдуняку!

— Думал чужой бородой медку загрести?

— Идемте, сударь малефик, — Юрась Ложечник, староста Ясных Заусенцев, сдернул картуз, скомкал его в кулаке и погрозил предателям-землякам: ужо я вас, сволочей языкатых! — Отобедаем, а там и до-

прос учиним, на сытое брюхо. Ох, Ползучая Благодать, спаси-сохрани! Люди верно гутарят: с моего прапрадеда беда началась. Тоже Юрасем звали, шалолая. В смысле, это меня — тоже... Стал-быть, моей личности и ответ первой держать. Пошли, вон она, хата — недалече...

Малефик улыбнулся.

— Я и не сомневался в вашем содействии, сударь.

Он бы никогда в жизни не узнал, что есть такой поселок. Но бывают люди, которым нельзя отказать. Называются эти люди: начальство. А оно, начальство, уж такое непосредственное...

— Заходи, дружок! Присаживайся. Обожди минутку, я сейчас...

В столице давно перевелись самоуверенные болваны, которые могли бы купиться на добродушно-ласковый тон Серафима Нексуса, лейб-малефактора Реттии. Еще бы они не перевелись! Начни вести себя с приветливым старичком запанибрата, устрой интрижку за его согбенной, дряхлой спиной — сам не заметишь, как пойдешь гулять ногами вперед.

Андреа Мускулюс к самоуверенным болванам не относился. Перед главным вредителем королевства он до сих пор испытывал благоговейный трепет. Даже зная, что старец к нему благоволит — трепетал. Поэтому он тихо присел в «гостевое» кресло и затаил дыхание — дабы, упаси Нижняя Мама, не потревожить занятого важным делом Серафима.

Кресло делали лейб-малефактору на заказ. От ножек до спинки волхвы-краснодеревщики напичкали мебель уймой маго-механических устройств. При малейшей угрозе в адрес хозяина дома посетитель был бы в мгновение ока обездвижен — или умерщвлен дюжиной изящных способов. Остаться стоять? — но это означало бы проявить недоверие и тем оскорбить чувствительного старца. Уж лучше мы в креслице потоскуем, от нас не убудет.

В первый раз, что ли?

И начальству приятно, и мы силу воли закалим.

Серафим Нексус был поглощен творчеством во благо престола. Он выкладывал на подносе из рунированного серебра «висячку» — сложнейший экзанимарный узор отсроченного действия. На столе перед старцем красовалась целая выставка хрустальных скляниц с «веселой трухой» — измельченными ногтями, волосами и мозолями объекта. Нексус зачерпывал из скляниц фарфоровой ложечкой, смешивал компоненты в одному ему ведомых пропорциях, пересыпал смесь в миниатюрную бронзовую воронку, плевал туда — и выводил очередной фрагмент узора.

— Еще одно, последнее заклятие!.. — напевал лейб-малефактор, морща лоб.

Вскоре старец надежно закрепил новорожденное заклинание го-мео-стазиса и умыл руки.

— Теперь судьба графа Ивентуса всецело в руках его сиятельства, — с блаженной улыбкой сообщил он Мускулюсу. — Поостережется строить козни — проживет долгую и... хе-хе... счастливую жизнь. Если же окажется неблагоприятен... Пожалеть об этом он успеет, а испу-пить — вряд ли. Впрочем, в гробу я видал этого графа. Знаешь, отрок, зачем я пригласил тебя?

— Никак нет, господин лейб-малефактор!

— Тогда разуь уши и внимай...

Прошение из Ясных Заусенцев поступило на высочайшее имя. Его вручили королю вместе с другой прошедшей строгий отбор коррес-понденцией. Нечасто среди посланий от монархов сопредельных дер-жав, верительных грамот послов и ходатайств вельмож, ущемленных в правах, встречается такая «слёзница»-челобитная. Если уж робкие сельчане отважились писать лично государю, а бдительные канцеляр-мейстеры дали бумаге ход — значит, в прошении содержится важная изюминка.

Последний раз канцелярия так рисковала, когда в Малых Валуях нашли пряжку от сандалии Вечного Странника. Пряжка, между по-чим, оказалась подлинной: творила чудеса, облегчала дорогу дальнюю и оказывала снисхождение паломникам.

Его Величество хмыкнули с интересом и углубились в чтение. Затем Эдвард II около часа пребывал в задумчивости, кушая фисташки. На-конец король просветленно воскликнул: «О! Серафимушка!» — и, звяк-нув в колокольчик, велел слуге отнести письмо Серафиму Нексусу.

С указанием разобраться и по исполнении доложить.

— ...Вот, разбираюсь. На, дружок, почитай. Ехать-то тебе придется!

— Куда ехать? — оторопел Мускулюс.

— Не кудыкай, дорогу закудыкаешь, — строго напомнил вреди-тель.

— Далеко ли? — поправился малефик.

— В эти самые Заусенцы. Проклятие у них, понимаешь!

— Проклятие? Кто их, теплей, проклял?

Старец развел руками на манер уличного фокусника. Складыва-лось впечатление, что он вот-вот должен был достать из шляпы незна-комца-проклинателя, да передумал. Или фокус не удался.

— Нихон Седовласец. Сто лет назад.

— Нихон? Ерунда! Он никогда никого...

— Знаю, отрок. Не проклинал. Никогда, никого, ни за что. А этих, выходит, проклял. Аккурат в Гурьин день Нихонову проклятию сто лет исполняется. Поедешь, зарегистрируешь в «Старую клячу»...

«Старой клячей» в лейб-малефициуме именовали «Клятый свод» —

перечень известных Высокой Науке проклятий, с фиксацией прямых и косвенных воздействий, а также с базовыми методиками снятия. В свое время Андреа чуть не свихнулся, заучивая: «На объект, на жизнь объекта, на окружение объекта, на посмертие объекта, на объектельную деятельность...»

— Скорей всего, глупость несусветная...

— Разумеется, глупость! — согласился Мускулюс. — Совершенно незачем туда ехать! Виси над поселком реальное проклятие, да еще Нихона Седовласца — все б давно оттуда разбежались. А раз живут — значит, вранье. Выдумали тоже...

— ...А с другой стороны, — как ни в чем не бывало продолжил лейб-малефактор, и Андреа прикусил язык, — вдруг там и впрямь Нихоново словцо обнаружится? А? Ты вдумайся: единственное проклятие Седовласца! Такой случай упускать нельзя, дружок. Изучить надо, вникнуть. Если оно до сих пор действует — подпитать манкой, под охрану взять... Как ценный раритет и памятник Высокой Науки. — Старец чихнул от возбуждения. — Езжай, езжай, отрок! Нечего в столице киснуть!

«Вечный Странник, ну почему — я? Почему — именно сейчас?!»

— У меня отпуск, — отважился напомнить Мускулюс. — С завтрашнего дня.

Серафим милостиво покивал.

— Разберешься с этими, проклятыми — и бегом в отпуск. Заслужил. А если окажется, что зря челом били... — лейб-малефактор причмокнул от удовольствия, блестя глазками-вишенками. — Помяни их незлым тихим словом. Чтоб занятых людей от дела не отрывали.

— Мы с женой вместе собирались! — в отчаянии выложил малефик последний козырь. — Она уже из Чуриха сюда вылетела. Наама не поймет...

— А ты на меня сошлись, дружок, — подмигнул лукавый старец. — Скажи: я тебя силой принудил. Вали кулем на нас с королем! Жена поймет, ты уж не сомневайся. Она у тебя умница, я в курсе...

Кряхтя, Нексус стал выбираться из-за стола. Сухая, похожая на птичью лапу ладонь чуть не смахнула на пол стопку книг в переплетах из лильской кожи. Среди гримуаров явственно различались «Этические парадоксы высшего малефициума» Целтуса Масона и классический труд «Дифференциальное счисление малефакторных воздействий» Альбрехта Рукмайера.

«Рука славы», висевшая на стене, небрежно скрутила кукиш, давая понять, что аудиенция окончена.

Мускулюс с сожалением окинул взглядом длинный стол, установленный прямо во дворе Юрася Ложечника. Он успел отдать должное

и наваристой ухе, и печеным баклажанам с чесноком, и мясной кулебяке — с пылу, с жару, и подчеревине, копченной на вишне. Под шкалик-другой «сливянчика» еще можно было бы...

Он сурово пресек предательские мысли.

— Шкварочек, мастер?

— Благодарю, достаточно. Не пора ли нам перейти к делу?

— Да-да, оно, конечно... — староста с шумом выдохнул. — Я готов.

Выглядел Юрась — краше в гроб кладут.

— Про вас я помню. Отправьте кого-нибудь за другими. Мне нужны потомки свидетелей. Главное, чтоб помнили рассказы пращуров об известном нам событии. Человек пять наберется?

Староста наморщил лоб.

— Кжыш Тесля, Маланка Невдалая, Яшик-сукоруб, — он загибал корявые пальцы. — Братья Сычи, ясен заусенец. Ну и Брёшка Хробачиха, куды ж без этой гадюки... Эй, Марек, подь до батьки!

Когда белобрысый Марек, получив подробные инструкции, умчался прочь, малефик наклонился вперед, поймал взгляд старосты — и не отпустил.

— Это хорошо, что мы с вами остались наедине. Вы ведь тоже не забыли, что вам говорил прапрадед?

— Прапрадеда я живым не застал. Прадед рассказывал. А больше — дед.

— Ничего, сойдет. Прямая ниточка, по мужской линии. Три-четыре узелка — пустяки. Распутая. Сидите, молчите и не бойтесь. Я сделаю ваш рассказ максимально достоверным. Будьте спокойны, чары совершенно безопасные. Вы меня поняли?

Юрась сглотнул, дернув кадыком.

— Ага, мастер. Понял.

— Вот и чудесно. А теперь — ни слова. Начнете говорить, когда я подам знак. Нуте-с, приступим!

Малефик взял старосту за ауру, нащупывая пратеритные нити.

Прислушался.

«Бродяга!..»

Что ж, для начала — неплохо.

— Бродяга! Эй, бродяга!

Нихон обернулся.

— Ну бродяга же!

Мелкий, но бодрый дядя махал ему из-за плетня сразу обеими руками. Со стороны дядя напоминал ветряк. Таких Нихонова бабушка, светлая память старушке, звала «мужичок-свежачок». И утверждала, что они долго не портятся, потому что дальше некуда.

— Да иди ж сюда!

Нихон подошел. Огромный, в одежде, бурой от пыли, с длинными, крепко битыми сединой волосами, он меньше всего походил на мага. Даже на волхва-странника, гадающего встречным-поперечным на конском черепе — ну ни капельки! Скорее на бродягу, готового батрачить за хлеб и кров.

Ладони в мозолях. Ручищи-окорока. Плечи грузчика. Портовые амбалы завидовали, глядя на эти плечи. Низкий, хриплый голос — точь-в-точь мычание бугая. При способе накопления маны, который Нихон разработал сам, под свою ауральную фактуру, телесная сила была побочным эффектом — и маскировочным плащом.

А в глаза ему заглядывали редко.

Высоковато тянуться.

— Вот недотепа! Его в гости зовут, а он упирается! Другой бы за честь журавлем кланялся! Ноги мыл бы, воду пил...

— В гости? — не понял Нихон.

Свежачок подпрыгнул, раздраженный тупостью бродяги.

— Куда ж еще? Ты посуди, дуралей: стоит честный хозяин, глотку дерет, здоровье на тебя, оборванца, тратит... Ясен заусенец, гостя заворачивает! Пошли, задарма жрать станешь! Еще и налью...

Нихон не собирался задерживаться в поселке на ночь. Спать под ракиновым кустом, на воле, было для мага делом привычным. С другой стороны, мерных лиг за день отмахал — сосчитаешь, заново в пот бросит.

Отказывать гостеприимцам он не умел.

— Спасибо, хозяин. Храни тебя Вечный Странник!

— Это правильно, — согласился гостеприимец, выпячивая цыплячью грудь. — Это по-нашенски. Ты благодари меня, бродяга. Мне, значит, приятно. Ты чаще благодари, а? И с этим... как его... с уважением! Обожаю, когда мне спасибо...

Нихон раскрыл рот, поскольку от лишнего «спасибо» язык не отвалится. Но свежачок вновь замахал руками, да чаще прежнего.

— Не здесь! В хату зайдем, там и благодарствуй! — Он моргнул и уточнил: — Нехай стервь моя ухом слышит...

В хате было чисто и скучно. Это Нихон чуял с детских лет: где скука поселилась. Можно прогнать злыдней. Можно отвадить лысо-го бедуля, если гаденыш угнездится под стрехой. Можно истребить жирующих в запечье лихачей-одноглазиков. Но суку-скуку — ее трехдневной гульбой не прогонишь, если хозяева вконец оскучили.

Тут Высокая Наука бессильна.

— Стервь! Мечи калачи!

Мужичок подбоченился, красуясь перед гостем.

— Вот! Как сказал, так и по-моему! Сказал, что первого встречного в дом пушу — пустил! Сказал, что будем в два горла твою стряпню

жратеньки — небось не подавимся! А я бродягу еще и спать у нас уложу! Чтоб ты от злости чихала, клюква сушеная!

— Чтоб вас обоих с копну раздуло, проходимцы!

Кислей ходячей оскотины хозяйка встала у печи с ухватом наперевес. Была она тощей, в пару супругу, но ростом превосходила муженька на голову. Волчий оскал не красил хозяйку. Хотя и чувствовалось: скалить клыки ей не в новинку.

— Чтоб вам дня не дожидаться! Садитесь, ироды! Ешьте мое, пейте, не впрок бы...

— Я пойду? — спросил Нихон.

— Пойдешь? — возмущился гостеприимец. — Я тебе пойду, детинушка! Поленом огрею, мало не покажется! Ты давай садись, жуй-глотаю, зли эту клюкву...

Маг-великан топтался на пороге, медля идти за стол.

— Ты меня что, назло ей пригласил?

— А то! Иначе на кой ты мне надобен? Мы ее, стервь, достанем! Мы ей трухи в печенку натолкаем... Ты во сне храпишь? Не ври, храпишь, ишь каков вымахал! Ляжешь на полу, у печи. Она на печке спит, ты ей в оба уха храпи, бродяга! А я буду слушать да радоваться...

— Извини, хозяин. Не стану я у тебя ужинать.

— Сытый? Тогда выпьем! Чтоб она желчью изошла...

— И пить не стану.

— И спать?

— И спать. У вас корчма в поселке есть?

— Трактир у нас. Здоровущий!

— Вот в трактир и пойду.

— Обожди! Я с тобой! А ты, клюква, ежа тебе под подол — ты жди! Вернусь пьян-буян, драться полезу!

Судя по виду хозяйки, она только об этом и мечтала.

Вечерело. С лентой брехали собаки. Кое-где мычали коровы, ожидая дойки. Двое людей шли по поселку: большой и маленький, бродяга и местный. Свернув за угол, встретили парней-драчунов. Воевали парни тупо и бестолково. Один размахивался, кряхтел, долго думал — и бил второго куда придется. Тот размазывал кровь по лицу, икал, если удар приходился поддых, и размахивался в свой черед.

За парнями наблюдала детвора.

— Из-за чего они? — Нихон указал на драчунов.

Свежачок пожал плечами.

— Эти? Отдыхают. Скоро за колья возьмутся.

— Без причины?

— Ну ты, брат, дербалызнутый! Кто ж с причиной морду бить лезет? С причиной хорошо дом подпалить! Или дохлого кобеля в колодец...

Они свернули за угол.

— Ряшка, душа моя! Дай чмокну...

— Наливай!

— Дурного не скажу! Но и доброго!.. Свиньей жил, свиньей дожил!..

— Ряшенька! Ну дай щипнуть...

— А хату кому?

— За хату деточки судиться хотят!

Из-за щелястого забора несея пьяный гогот. Визжала девка: ее тискали. Визг был скорее радостный, для приличия, чтоб соседи не ославили. Кто-то горланил песню о рыбаке и кривом удилище. Ему не в лад подпевали. Чавканье, бульканье, топот плясунов — гомон мутной волной растекался по улочке.

— Что там? Свадьба?

— Поминки. Хромого Тузла закопали, гори он синим пламенем. Теперь провожают...

— Хороший человек был?

— А тебе не один ляд? Пошли зайдем: нальют...

— Нет, я в трактир.

— Ну и я в трактир...

В трактире сидели те строгаи, кто был побогаче. Дородный хозяин сновал меж столами, разнося пиво и мясо. Он внимательно следил за едоками: чтоб не сбежали, «забыв» о плате. В дверях скучал верзила с дубинкой на поясе. Охранник посторонился, впуская Нихона со спутником.

— Зачнешь бузить, — предупредил верзила мелкого гостеприимца, — скулу набор сворочу. Я тя знаю, ты шиш бузинный. Заваришь кашу и сбежишь. Уразумел?

Мужичок плюнул ему под ноги и увернулся от подзатыльника.

— Вот так ушлый плут Требля, — толстяк за центральным столом возвысил голос, заканчивая какую-то историю, — объегорил глупого купца Цыбулю!

— Хо-хо! — взорвались слушатели. — Х-хы!

— Облапошил!

— А женку купцову: ты, грит, к сундуку — передом, ко мне — задом!

— Гы-гы-гы!

— Купцу теперь одна дорога: в петлю!

— И ладно! А чего он богатый?

— Пусть висит, язык наборк...

— Песню! Кёмуль, части!

Толстяк Кёмуль, явно местный байкарь, готовый импровизировать за шмат ветчины, ломаться не стал. Он напрягся, пустил ветры, хмыкнул басом — и заорал на весь трактир:

*Я попал, как кур в ощиц,
Только не желаю в щи —
Ты тащи меня в борщи,
А не то ищи-свищи!*

- Еще!
- Валяй!

*Полюби меня, козла,
Отличи добро от зла,
Путь-дороженька кривая
От меня к тебе свезла!*

- Ха-ха-ха!
- Жжешь, Кёмуль!
- Деньги есть?

Последняя реплика принадлежала трактирщику. Он стоял, загоразживая Нихону путь к свободной лавке. Толстая морда трактирщика лоснилась от недоверия.

- Есть.
- Покажь. Все вы: есть, мол... Только есть и горазды, — он хохотнул, гордясь удачным каламбуром. — А как доели, так карман с дырой...

Нихон достал горсть мелких монет.

- Садись. Туда, в угол. Натрясешь вшей...
- Нет, не сяду.
- Стойма жевать будешь? Как вол?
- Пойду я. Тускло у тебя...
- Свечи им жечь, босякам, — ворчал трактирщик, плясая в широкую Нихонову спину. — Брезгут, значит. Иди, иди, шалопут! Мы не обеднем...

- Проклинаю!

Весь поселок вскочил на зорьке, как пчелой ужаленный.

- И во второй раз: проклинаю!

Где бы ни находились жители Ясных Заусенцев — дома, в канаве, на сеновале, под забором или на полу в трактире, — везде они видели одно и то же, словно злодей-чародей швырнул каждого на окраину поселка. Вон напротив: холм, бузина... А под деревом — облом-бродяга, которому не волхвовать бы, а телеги из грязи выволакивать.

Нихон стоял в красивом ореоле из пламени.

- За что? — хором выдохнули строгали.
- И вы еще спрашиваете?!
- Дык это, — согласился поселок. — Интересуемся.
- За то, что никого не любите! Нет любви в ваших сердцах! А раз

так, то положу свое проклятие на души ваши. И пусть тяготее до скончания веков!

— Ты погоды! — возмутились строгаи. — Как это: никого не любим?

— Я мамку люблю!

— А я — Ряшку! Ить, кругленькая...

— Я пиво люблю!

— Любим!

— Лю-бим! Лю-бим!

— Всем сердцем!

Пламя вокруг мага налилось темным багрянцем.

— Врёте! И потому — проклиная в третий раз! Отныне, едва наступит Гурьин день, первый от начала осени — ни один из вас не переживет сего дня, ни один не застанет нового рассвета, если в сердце его не зазеленеет хоть малый росток любви! Не возлюбите ближнего, так и в гроб ляжете! Поняли, суесловы?

— Поняли...

Ясные Заусенцы перевернулись с боку на бок.

— Ишь, шлендра...

— Тоже мне, проклял!..

— Да у нас любви, если хочешь знать, на сто лет жизни!

Позже многие поднялись на холм: глянуть, что да как.

Бузина сгорела без остатка.

До конца лета проклятие бродяги служило неизменным поводом для шуток. О нем и не вспоминали. Да-да, никакой ошибки! Именно так, одновременно. При встрече два честных яснозаусенца, обсуждая отел коров или урожай проса, рано или поздно скатывались к сакраментальному:

— А проклятие?

— Какое?

— То самое!

— Да я о нем давно забыл!

— И я забыл!

— Еще о всякой ерунде помнить!

— Ага! А колдуняка-то — дурень!

— Горлохват! Думал, мы тяпкой деланые...

— Ну! Любви, грит, нету...

— У меня любви: вайлом!

— А у меня — хоть на зиму соли!

— А то!

И расходились, довольные разговором.

Впрочем, за неделю до Гурьина дня болтовня угасла. О колдуняке

помалкивали. О любви и не заикались. Разве что поглядывали искоса друг на дружку. На чужую семейную жизнь. На родительское уважение. На дело молодое: шашни, посиделки, тайные прогулки в заросли лещины. Кто детей ремнем порет, кто жене глаз синькой подкрасил. Кто к дряхлой мамане носа не кажет. Кто в колья пошел с закадычным дружком.

Не судили не рядили, будто и не видели.

А так, примечали.

Утром Гурьина дня Юрась Ложечник, свежачок-гостеприимец, с которого все началось, сидел во дворе. Обложившись загодя битыми баклушами, он собирался резать ложки. Рядом, на кожаном фартуке, блестели инструменты: резцы, рапили, ложкарный топорик, тесло и нож.

— Гей, Юрась!

За плетнем возвращался с ярмарки сосед, резчик Никлаш Тесля. Пегая кобылка волокла телегу, пустую после удачной торговли. Сосед, свесив ноги, махал Юрасю цветастым платком. Ночная дорога не утомила Теслю. Напротив, он сиял медным грошиком.

— Как оно?

— Помаленьку! — откликнулся Юрась, приглядываясь.

«Нет, не платок это, — сказал он сам себе. — Цельный полушалок! С бахромой...»

— А что там у тебя, Никлаш?

— Где? — подлец-сосед притворился, будто не понял.

— Да в руке?

— В левой? Вожжи у меня там...

— А в правой?

— Вот ведь!.. — сосед уставился на яркую обновку. — Так это шаль, Юрась! С выручки купил! Славная вещь, кучу денег отвалил...

— На кой тебе шаль? Нос утирать?

Сосед натянул вожжи, останавливая кобылку.

— Нет, Юрась, — строго сказал он. — Нос я и рукавом утру. А шальку мы супруге везем. В подарок. Негоже с ярмарки пустым возвращаться. Мы, значит, шаль, а нам, значит, почет и уважение. И эту... как ее?... — Он сделал вид, что припоминает. — Любовь! Любовь, брат, ее в окошко не кинешь! — И рывкнул на лошадь, будто страсть как торопился: — Н-но, мертвая! Шевели копытами!

Провожая соседа взглядом, Юрась чувствовал, как настроение стремительно портится. В душе закопошились гадкие червяки. Ясно представилось: утро следующего дня, двор, открытый гроб на четырех табуретках... В гробу — он, Юрась Ложечник. Острый нос, синие щеки. Жена воеет — притворяется, что убита горем. Чужие дети тайком жуют поминальные калачи.

А гад-сосед распинается над домовиной:

«Любовь, это вам не ёрш начихал! Спи спокойно, дорогой Юрасик!...»

От расстройства чувств он пнул ногой баклуши. Вспомнил, что бил-то баклуши сам, а шкурила и полировала жена — и совсем огорчился. Желая вернуть душе покой, Юрась вышел со двора. Вот привычное житье-бытьё. Малышня из грязи куличики лепит. Спит в луже поросенок. Напротив, за своим плетнем, бабка Сычиха в огороде копается.

— Бабуля! Ну дайте подмогну!

— Кыш, оглоед! Срамить явился?

— Ну, бабуля! Я ж от чистого сердца!

— Сроду у тебя сердца не было, стоерос! Иди, не то камнем кину!

— Бабулечка! Не губите...

У плетня мялся Фица Сыч, внук старухи. Пьяница и шалопай, Фица если и навещал бабку, так только чтоб набить брюхо на халяву. И тащил со двора все, что плохо лежало — продавать заради выпивки.

— Хмельной? — сурово поинтересовалась Сычиха, с кряхтеньем разгибая спину. — Залил очи спозаранок?

— Трезвый, бабуля...

— Похмельный?

Честное слово, не знай Юрась характера Сычихи, так мог бы подумать, что старая готова достать из подполья заветный жбан — похмелить гулящего внука.

— Не-а... вчера дома сидел!..

— А ну дыхни!

Фица дыхнул через плетень.

— Ладно, иди сюда! Ох, сердце мое бабье, слабое... Будешь подзимний чеснок убирать. Закончишь, польешь капустку. А я в хату...

— Да куда ж вы, бабуля? — охнул внук. — Вы что, глядеть не станете?

— На что?

— На работу мою!

— А чего мне на нее глядеть, на твою работу?

— Да чтоб узнать, как я вас сильно того... ну, этого...

— Я о тебе, шалопут, и без работы всю правду знаю. Иди, спасайся. А я пока обед спроворю. Утомишься, жрать захочешь... чарочку, туда-сюда...

Смотреть дальше Юрась не стал. Воображение живо поставило над его завтрашним гробом эту парочку: молодого Сыча с древней Сычихой. Ишь, лыбятся! — в последний путь, выходит, провожают.

Вконец огорчившись, он отправился в трактир. По дороге печали добавилось: Тёмка и Сёмка, двое знатных буянов, обнимались возле колодца. Рядом валялись многократно сложенные колья. Похоже, ко-

ля нынче ломались не о спины драчунов, а о колодезный сруб — в знак примирения.

- Звиняй, братан! — гудел Сёмка.
- И ты, братан, звиняй!
- Я ж не по злобе!
- А я?
- Я ж от удалства!
- А я?
- Ты кого не любишь? Хошь, мы ему на пару рыло начистим?
- Я, Сёмушка, всех люблю! Страсть как обожаю!
- Хитрец ты, Тёмка! Ух, хитрец! За то и любим тя, прохвоста!
- А ты?
- И я...

В трактир Юрась заявился мрачней тучи. По причине раннего времени трактир пустовал. Лишь в углу на лавке сидел байкарь Кёмуль, сосредоточен и напряжен. В руках его тихо пели гусли. Уж и не вспоминалось, когда толстяк вынимал из чулана гусли, не востребованные дешевой публикой. Строгали предпочитали озорные «частики» или байки о плутах, ворах и разбойниках.

Кёмуль тихо напевал себе под нос.

Юрась прислушался.

*Как на огороде
Расцвела морковь,
А в моем народе
Выросла любовь...*

«А что? — подумал былой гостеприимец. — Складно! И уху приятно, и сердцу...»

*Выросла обильно,
Радует народ,
Как ее ни били,
А она растет!*

Тут байкарь заметил Ложечника и застеснялся. Сделал вид, что так, шутит. Даже руками широко развел: сам видишь, какие глупости!.. В другое время Юрась поддержал бы: мол, глупости! Да только представил, как над его гробом и этот толстый песни распевает...

— Еще пой! — сказал Юрась, садясь рядом. — Хошь, я тебе пива спрошу? — И добавил, чувствуя, как сразу полегчало: — Я сердечные песни страсть как люблю!

— Трудно мне, — пожаловался Кёмуль. — Я ведь сирота! Папки-мамки нет, деда-бабки нет... Жениться забоялся. Кого мне любить, а? Трактирщика? Ну, кашу я люблю. С телячьими мозгами. Так каша, пожалуй, не в счет. Вот и не складывается про эту... про телячью...

И задумался, напевая:

У любви есть крылья,

У любви есть... э-э...

— Хвост! — подсказал Юрась.

— Хвост? — засомневался байкарь.

— Ага! Красивый такой, пушистенький...

— Ну, допустим...

У любви есть крылья,

У любви есть хвост,

Пусть ее забыли...

— Лезет в полный рост!

— Да? А что, разумно...

Честное слово, Юрась Ложечник чувствовал себя счастливым.

Домой он вернулся к обеду. Жена сидела во дворе, перед битыми баклушами, и сосредоточенно резала уже третью ложку. Получалось красиво: с ручкой в виде свитых вместе хвостов. Вспомнив про «хвост любви», Юрась растрогался. Тихонько подкравшись к супружнице, он присел рядом, на корточки.

Притих, думая о чем-то странном.

Сам не заметил, как погладил жену по тощей спине.

— Иди есть, — ответила жена. — Стынет.

— Успеется...

— Горячее для брюха полезней.

— А, моему брюху хоть гвоздь давай! Слушай, а почему у нас детей нет?

Не прекращая работы, жена пожала плечами.

— Кто его знает, Юрась. Не сложилось. А может, я пустая.

— Полно языком молоть! Пустая она! Такая лапушка, и пустая!

— Ты-то у нас орел...

— Где там орел! Петух я драный!

— Я ж помню. Бил девок, как кречет — уток. Меня в лещину заволокло, глазом моргнуть не успела. Маманя ругалась, говорила: обманет, не женится... А ты взял и ей назло женился.

— Будут, — уверенно заявил Ложечник. — Я тебе точно говорю: будут дети. Мы с тобой еще совсем молодые...

И с пронзительной ясностью увидел, как обещанный на завтра гроб тает в тумане.

На рассвете следующего за Гурьиным дня Баська Хробачиха, главная поселковая сплетница, ринулась в обход.

— Как дела?! — кричала она, притворяясь глухой. — Ась? Дела-то как?!

Кликуша останавливалась у каждой хаты.

— Как дела, Янчик? А у Ирмы как дела? А детки что, здоровы?

Вслед Баське лаяли собаки. Кто-то бранился спросонок. Кто-то отзывался сразу, кто-то — погоды. Старая Сычиха бросила в кликушу мокрой тряпкой. Юрась пообещал вытянуть кнутом. А Баська все неслась, как оглашенная, все голосила:

— Как дела, Сёмочка? Как дела, Тёмочка?

Плывать ей было на чужие дела. Просто до смерти хотелось знать: кого будем сегодня хоронить? К сожалению, по всему выходило, что никого.

— Как дела, Кёмочка?

— Не дожدهшься! — напрямую ответил байкарь Кёмуль. И вслух подумал, глядя на Хробачиху: — А ведь и эта шишига кого-то любит. Раз жива покамест...

— Сплетни она любит, — буркнул хмурый трактирщик.

Вчера вечером он устроил всем посетителям праздничную скидку. Сегодня эта идея уже не казалась ему столь привлекательной.

— Нет, — не согласился Кёмуль. — Сплетни, они не в счет.

...Малефик вздохнул и отпустил пратеритные нити.

Прошрое начало таять, глубоководной рыбой возвращаясь в пучины человеческой памяти. Прошрое устало ничуть не меньше мага. Сперва тебя без лишних церемоний извлекают на поверхность, где ты чуть не лопаешься мыльным пузырем; затем отряхивают пыль, вертят, разглядывают со всех сторон... И не захочешь, а утомишься. Фигуры Никлаша Тесли, пьяницы Сыча, Тёмки с Сёмкой, Баськи Хробачихи истончились, делаясь прозрачными...

Исчезли.

Вместо прадедов и прабабок во дворе стояли правнуки и правнучки. Пришли все, кого звали. Никто не увильнул. Правда, их воспоминания мало что добавили к картине, возникшей перед малефиком во время рассказа Юрася Ложечника.

Люди с надеждой смотрели на столичного гостя. Магистра Высокой Науки, мага высшей квалификации. Люди ждали его слова. Вердикта. Приговора. Черты под сотней проклятых лет.

А маг медлил.

Выходя из транса, он успел прошупать складки Вышних Эмпиреев над поселком. А кое-какие замеры сделал еще утром, на подъезде к Ясным Заусенцам. Результаты наблюдений лишь подтвердили то, в чем малефик не сомневался с самого начала.

Но озвучивать выводы он не спешил.

— Так что, мастер? Эта... Изучили? — не вытерпел наконец староста.

— Изучил, — кивнул Андреа Мускулюс.

— И... как? Выветрилось?

— Сгнуло?

— Выдохлось?

Малефик самую малость — чтоб не сглазить кого ненароком! — приоткрыл третий глаз: «вороний баньши». Когда он хмуро обвел собравшихся взглядом, люди попятились. Строгалеи мороз продрал по коже. Но ретироваться никто и не подумал.

Все жаждали узнать ответ.

— Вы б язычки-то попридержали, любезные! Выдохлось? Сгнуло? Проклятие великого — нет, величайшего! — Нихона Седовласца? Губителя Жжёного Покляпца?! Изобретателя скреп-горгулий?! Вы меня изумляете...

Строгали опустили взоры.

— Он вашим предкам что сказал? «Пусть тяготееет до скончания веков!» А Нихоново слово — тверже камня. Уж я-то знаю! У меня и диплом, и диссертат...

— Эх! — зашептались в народе. — Вона!

— Слыхала, Малася?

— Ага. Как сказал, значит, так и будет.

— До скончания? Это сколько: до скончания?..

— Ну, ежели диплом, тогда сливайте воду...

Тяжкий вздох вырвался из уст яснозаусенцев. Словно осень закончилась, не начавшись, и порыв стылого ветра пронесся над двором. Брёшка Хробачиха охнула, в испуге зажав рот ладонью.

— Да за что ж нам такое наказание?!

— Прадеды провинились, а мы — страдай?

— Где ж справедливость?

— Уж сто лет в обед...

Староста бочком подобрался ближе к малефику.

— А убрать его как-нибудь нельзя? — вкрадчиво поинтересовался он. — Снять, расточить, в меду сварить? Вы ж сами сказывали — по этой, мол, части. А мы б, ясен заусенец, в долгу не остались. Вы не сумлевайтесь, отблагодарим!

Говорил Юрась тихо. Но строгали вдруг примолкли, и Ложечника услышал каждый.

— Снять Нихоново проклятие? Да вы смеетесь, сударь?! Не родился еще тот маг, кто бы слово Нихона вспять обратил! Даже за взятку! Постыдитесь!

Маланка Невдалая жалостливо хлопнула носом.

— И что, никакой управы на заразу не найти?

— Никакой! — развеял Андреа робкий призрак надежды.

— Как же нам жить теперь?

— Ить життя-то и нетути!

— Хоть в гроб ложись!
— Что, сильно докучает? — малефик закрыл третий глаз и, прищурясь, оглядел собравшихся заново, по-человечески. — Прямо-таки жизни нет?

— Ох, докучает!

— Как Гурьин день на носу, так и мучаемся...

— И... это...

— Оно самое...

— Мы вообще-то привыкли... — отважился выдавить Яшик-сукоруб.

— Дык, за целый век к чему не привыкнешь?

— Оно бы вроде и ничего...

— Только люди смеются! — решила Брёшка.

— Верно! Насмешничают!

— Потеху строят!

— Особенно на ярманках...

— Пальцами тыкают — во, гляди, проклятуны идут!

— И давай ржать...

— Ни на ком больше проклятия нет: ни на Малых Валуях, ни на Больших...

— ...ни на Крыженицах...

— ...ни на Ухватке...

— ...а на нас есть!

— В общем, чистый срам выходит, — подвел итог староста.

— Срам?

Мускулюс возвысил голос, да так, что все втянули головы в плечи.

— Вы этим «срамом» гордиться должны! Вы ж уникамы! Редкость! Гордость королевства! Никого Нихон не проклинал, одних вас!

— Вот они и гогочут...

— Гуси тоже гогочут! — отрезал малефик. — Ничего, скоро перестанут.

Он жестом велел яснозаусенцам молчать. Постарался придать своей осанке торжественность, а голосу — значительность. При комплекции и глотке Мускулюса это оказалось проще простого.

— Как действительный член лейб-малефициума объявляю вам: отныне поселок Ясные Заусенцы вкупе с проклятием, тяготеющим над ним, переходит под охрану Коллегиума Волхвования. Как уникальный памятник Высокой Науки: единственное существующее и до сих пор действующее проклятие Нихона Седовласца.

Сельчане онемели от потрясения.

— Ишь ты! — первым опомнился староста. — Ну, это другое дело... Храни вас Вечный Странник за заботу, мастер! Выходит, мы теперь по магической части? Ну, уважили! Вы только скажите: что ж нам — и впрямь до скончания веков? Под проклятием?

— Высокая Наука требует жертв! Терпите, и воздастся! Зато смеяться над вами точно перестанут. Наоборот: завидовать начнут.

— Живем, земляки! — Яшик-сукоруб, до которого наконец дошло, запустил шапкой в небо. — Крыженцы, гады, иззавидуются! Ухватинцы желчью изойдут! Кто тут еще под охраной? Кто проклятый? А никто! Только мы!

Мускулюс поймал шапку сукоруба и ударил ею оземь.

— На въезде в поселок мемориальную доску установим! Чтoб знали! Вернусь в столицу — сразу подам прошение...

Провожали малефика всем поселком.

— Мы тут вот чего надумали, мастер, — при расставании Юрась Ложечник деликатно придержал столичного гостя за локоток. — Может, надо бы памятник ему? Нихону? На холме и поставим: огонь, бузина и он! Наш, значит, славный поселок клянет! Отовсюду видно будет, чтoб помнили, как оно...

— И название сменить! — осмелев, влезла Брёшка. — Были Ясные Заусенцы, стала — Великая Нихоновка!

— А вот это лишнее, — осадил ее староста. — Неча историю перекраивать! Как прадеды называли, так пусть и остается. На века. Я насчет памятника, мастер? Пособите, а?

Мускулюс кивнул.

— Идея хорошая. Мне нравится. Передам в Коллегиум — думаю, они одобрят.

— Вот спасибо! Вы уж передайте, не забудьте. А денежки — это мы сами...

Больше всего Андреа опасался, что лейб-малефактор не поддержит проявленной им инициативы. Однако опасения, к счастью, оказались напрасны. Выслушав подробный доклад Мускулюса, старец милостиво дозволил повременить с письменным отчетом до возвращения из отпуска. И без малейших возражений подписал официальное обращение в Коллегиум Волхвования.

От себя же сделал записку:

«Согласен и поддерживаю. Серафим Нексус».

Андреа вздохнул с облегчением. После такой поддержки одобрение Коллегиума можно было считать делом решенным. А старец в заметном возбуждении принялся мерить шагами кабинет.

— Кого только не проклинал!.. — бормотал он себе под нос. — Сто раз! Тысячу! Казалось бы, собаку съел... Но чтобы вот так! Великий человек был... Великий! Не нам чета, отрок...

— Гений, — согласился Мускулюс.

«Плод моего воображения стоит передо мной...»

Именно так высказался Терри Пратчетт о «страшдественской» сказке «Санта-Хрякус» — экранизации одноименной книги из его знаменитого цикла о Плоском мире. Первая экранная инкарнация Плоского мира в виде трехчасового двухсерийного фильма состоялась на телеканале SkyOne в канун Рождества 2006 года.

Плоский мир поклонники Пратчетта представляли себе по-разному — либо ориентируясь на собственное воображение, либо при помощи обожаемых фанатами иллюстраций Пола Кидби. Теперь вот появился и третий вариант — киношный. Ибо этот фильм снят поклонниками и для поклонников. В Плоскоммирье происходят вещи часто не вполне понятные, которые нелегко принять, но если уж пришлось по душе — то навсегда.

Сюжет сказки совсем не детский. Действие происходит в напоминающем Лондон эпохи династии Ганноверов городке Анк-Морпорке — столице Плоского

мира, — который покоится на спинах четырех слонов, стоящих на панцире огромной черепахи... Некие высшие существа, Аудиторы, накануне Страшдества решают устранить Санта-Хрякуса: ведь он не вписывается в их взгляды на Вселенную. И после переговоров с Лордом Низзом, главой Гильдии Убийц, нанимают самого лучшего, безумного и жестокого специалиста Гильдии — господина Чайчая.

Убить добродушного бородача, раздающего подарки на Страшдество, только полдела. Главное — чтобы дети перестали верить в него. И во всех других сказочных существ.

Смерть временно оставляет свою постоянную работу в должности Мрачного Жнеца и занимает место Старика Борова: надевает его красный полушубок, прицепляет к черепу седую бороду, учится правильно говорить «ХО-ХО-ХО» и раздает детям подарки. Чем все усложняет, потому что выполняет детские пожелания слишком буквально. Тем временем внучка Смерти Сюзан выполняет работу своего дедушки, Чайчай крадет зубы в замке зубной феи, в Незримом университете появляются несколько несуществующих божков, капитан Шноббс клянчит подарок у Смерти, и происходит масса других удивительных событий.

Удивительно не то, что наконец-то, спустя десять лет после первого издания, Терри Пратчетт дал согласие на экранизацию своего романа — с его книгами такое случалось и раньше. Были забавные мультипликационные ленты о Ведьмах, случались экранизации историй о Джоне Максвелле. Поразительно то, что кино получилось на удивление адекватным своему книжному варианту.

Интерес деятелей кино к романам Пратчетта существовал всегда, но как истинный английский патриот Пратчетт отклонял каждое предложение голливудских студий-мэйджоров, опасаясь, что при переносе романа на экран

потеряется большая часть всех тех изюминок, которыми так славятся произведения писателя.

Продюсер Рон Браун и режиссер Вадим Жан пошли другим путем. Им удалось заинтересовать Пратчетта своей идеей, а главной мотивацией при подписании договора послужило клятвенное обещание держать автора в курсе происходящего. «Все, что нужно — это любить и признавать реальными характеры героев», — подтвердили они.

Слово создатели сдержали. Пратчетт принимал участие во всех стадиях создания фильма, и, по-видимому, ему это чертовски нравилось. Как вспоминает писатель: «В первый же съемочный день меня снимали в маленьком эпизоде. Я должен был выглядеть испуганным — и, поверьте, это было совсем не сложно. Представьте, я за прилавком и должен что-то делать, вспомнить свои реплики, а плод моего воображения стоит передо мной...»

Выбор актеров на роли тоже не был случайным. Роль Альберта, камердинера Смерти, исполнил британский актер сэр Дэвид Джейсон, много лет являющийся большим поклонником Плоского мира и с радостью согласившийся на эту роль. Другого актера, пожилого Джосса Эккланда, на роль Наверна Чудакулли уговорили вну-

ки, восторгающиеся книгами Терри Пратчетта. А уж с каким энтузиазмом взялись за дело продюсер и режиссер!.. По словам Терри Пратчетта, во время первой встречи Вадим Жан буквально скакал от нетерпения.

После того как SkyOne анонсировали в своем пресс-релизе готовность экранизировать роман, самым волнующим был вопрос, каким на экране предстанет Смерть — вероятно, самое удивительное существо Плоскомирья? Кстати, говорящее с персонажами ЗАГЛАВНЫМИ БУКВАМИ.

По словам Терри Пратчетта, не являющегося большим любителем умопомрачительных спецэффектов, господин Смерть получился на экране абсолютно фантастическим. Как, впрочем, и все остальное. Одна из первых сцен фильма происходит в кабинете лорда Низза: «...Выглядело великолепно — огромная комната, повсюду щиты, оружие. Помню, я спросил: наверное, подобные декорации стоили кучу денег? На что мне ответили — нет. Достаточно было навестить Гильдию Оружейников и попросить их сдать зал на время съемок. Мне нравится работать с такими людьми, способными включить изобретательность, а не большие деньги».

При этом «Санта-Хрякус» вовсе не выглядит дешевой телепоста-

новкой. Спецэффекты, конечно, присутствуют. Но они не мешают зрителю. Все, что в книге подробно описывалось Пратчеттом — так же детально выглядит на экране. Каждая снежинка, каждая дверная ручка... А уж Великий А'Туин — вообще как живой! Вот он — метод, отличный от голливудского, в котором чем больше взрывов, тем «круче».

Экранизация удалась. Хотелось бы надеяться, что российские компании выпустят мини-сериал на DVD. Все-таки армия поклонников Терри Пратчетта в России хоть и меньше, чем в Великобритании, однако достаточно значительна. Те, кто знаком с творчеством Терри Пратчетта, с интересом посмотрят телефильм. Для остальных будет полезно познакомиться как с историей о природе необычного, так и с тем, о чем размышлял Смерть. А размышлял он о необходимости детской веры в маленькую ложь — Санта-Хрякуса и зубную фею, — без которой потом невозможно будет поверить в ложь большую: в правосудие, жалость и все остальное.

И хочется надеяться, что продолжение сотрудничества SkyOne и Пратчетта на этом не прекратится. Плоскомирье большое, приключений хватит надолго.

ХО-ХО-ХО...

Вячеслав ЯШИН

ПРИЗРАЧНЫЙ ГОНЩИК

(GHOST RIDER)

Производство компании Columbia Pictures, 2007.

Режиссер Марк Стивен Джонсон.

В ролях: Николас Кейдж, Ева Мендес, Уэс Бентли и др. 1 ч. 45 мин.

Спасая отца от гибели, юный Джонни Блэйз (Николас Кейдж) заключает сделку с дьяволом. Спустя несколько лет повелитель тьмы напоминает о себе. Джонни теперь суперзвезда мотоспорта, а сатана так и остался сатаной, только семейных проблем прибавилось. Его неслышимый отпрыск сбежал из ада в поисках древнего договора, способного превратить чертенка в сущего демона. Обернувшись гонщиком с горящей черепушкой да подпоясавшись цепью, Джонни вынужден исполнить сатанинский приказ...

Представители Фабрики грез продолжают упорно штамповать кинокомиксы, аки китайцы-нелегалы — кроссовки известных фирм. Причем качество произведенной продукции обычно примерно одинаковое у тех и у других (то есть никакое), разница лишь в барышах. К сожалению, «Призрачный гонщик» относится именно к этой категории подделок. От краха ленту не спасли ни талант Кейджа, ни длительные сроки съемок. Дата релиза переносилась не раз, оставляя надежду, что Марк Стивен Джонсон (режиссер и сценарист в одном лице) сумеет выдать что-то пристойное. Не сумел. Опять явил миру нелепицу, подобную своему прежнему творению, кинокомиксу «Сорвиголову». Сюжетных ляпов туча. Непонятно, почему дьявола так просто надуть? И почему это надувательство так легко сходит с рук простым смертным? Наконец, отчего на Земле дьявол слабее своего выроodka? Ответов нет, зато есть спецэффекты, ради демонстрации которых, видимо, и снимался фильм.

Да, если бы режиссеры трудились так же, как специалисты по взрывам, вспышкам и прочей мишуре, то о большинстве современных фантастических фильмов можно было бы говорить с восторгом. Превращение Джонни в призрачного гонщика да и другие выкрутасы с огнем выполнены превосходно. Что вкупе с недурной операторской работой создает восхитительную картинку. Печально, но ничем другим фильм не радует. Перед нами типичный кинокомикс: хорош как иллюстрация достижений современных кинотехнологий и ужасен во всем остальном.

Степан КАЙМАНОВ

МАЛЬЧИК-ОБОРОТЕНЬ И ВОЛШЕБНЫЙ АВТОБУС

(DE GRIEZELBUS/HORROR BUS)

Производство компании Bos Bros. Film (Нидерланды), 2005.

Режиссер Питер Куйперс.

В ролях: Серж Прайс, Лиза Смит, Виллем Нийхолт и др. 1 ч. 36 мин.

Голландская кинофантастика — явление довольно редкое. Да и жанр «детский ужастик», заполонивший полки книжных магазинов, в игровое кино пробивается нечасто. К тому же этот фильм — типичный пример, как надо снимать в Европе низкобюджетное кино. На экраны Нидерландов картина вышла в 2005 году, «прокатилась» там не без успеха, вполне окупив мизерный бюджет. В 2006-м «Волшебный автобус» вышел на фестивальную арену, где, помимо национальной премии «Golden Film», завоевал призы на международных фестивалях детского кино в США и Германии, а затем стараниями Warner Bros. пошел по миру.

Малый бюджет предполагает отсутствие спецэффектов. Их в фильме действительно почти нет. Компенсируется «недостача» привычными методами европейского кино — оригинальностью сюжета, операторскими находками и общей атмосферой фильма.

Мальчик Онновал (в русском дубляже почему-то Вова) — ребенок не от мира сего: он нелюдим, сочиняет стихи и страшные истории... Поэтому не любим одноклассниками и терзаем шайкой хулиганов под руководством мальчика Джино (он же Коля). Джино ревнует Онновала к девочке Лизелоре (над ней наши переводчики сжалились — обозвали ее всего-навсего Лорой), которая единственная понимает юного поэта. К затюканному Онновалу является нечто инфернальное под именем Ферлюци (анаграмма от сами понимаете чего) и предлагает написать про злых одноклассников жуткую историю, а оно уж постарается реализовать ее на деле. Онновал пишет чудовищу «конспект» будущей поездки класса в Парк Ужасов на волшебном автобусе — врагов в истории ждет печальная участь. Но когда Онновал понимает, что натворил — уже поздно. По совету писателя Нола ван Пауло (так, видимо, автор романа, по которому снят фильм — Паль ван Лоон, — обозвал сам себя) мальчик должен отобрать у вампиров свой блокнот и переписать концовку...

Действо получилось довольно забавное для взрослых и чуть-чуть страшное для детей — вполне семейное, если коротко.

Тимофей ОЗЕРОВ

МЕРТВЫЕ ДОЧЕРИ

Производство компании Praktika Pictures, 2007.

Режиссер Павел Руминов.

В ролях: Екатерина Щеглова, Артем Семакин, Никита Емшанов, Михаил Ефимов, Равшана Куркова и др. 2 ч. 3 мин.

Если голливудская продюсерская компания Gold Circle Films приобретает права на римейк «Мертвых дочерей», то эта сделка красноречиво демонстрирует, что с производством кинохоррора дела обстоят совсем не лучшим образом. Ведь сюжет разрекламированного российского ужастика — дурно пахнущая свалка штампов. Режиссер, а по совместительству и сценарист, Павел Руминов настолько глубоко в нее залез, что так и не смог выбраться.

Итак, в одну темную-претемную ночь безумная мамаша утопила трех малолетних дочерей. Мамашу, как водится, определи туда, куда обычно определяют всех безумных, но не прошло и года, как палата освободилась. Догадываетесь, что случилось? В яблочко! Озлобленные чада вернулись с того света и, покончив с горе-родительницей, со стахановским рвением взялись за всех встречных и поперечных...

Находишь Руминов последние лет эдак десять в далекой космической экспедиции, можно было бы его хоть как-то оправдать за съемку подобной двухчасовой ахиней. Мол, не слышал, не видел, не привлекался. Но в том-то и дело, что все он видел — и ничтоже сумняшеся поведал бедным зрителям очередную историю про мстительных девочек, вернувшихся с того света.

Однако среди виновных во всем этом безобразии не только режиссер. Отдельного порицания заслуживает оператор. Камера то и дело лихорадочно дергается, причем во мраке, и берет удивительно неудачные ракурсы, в которых непонятно кто, с кем, зачем, как и почему. Для зрителей, наверное, так и осталось загадкой, какая такая дымящаяся фиговина влетела в окно к одному из героев и как все-таки умер другой персонаж, пытавшийся перед смертью сделать что-то странное с собственным животом. Ну а работа осветителей и шутки «про сыски» добили и без того никудышный фильм.

Полный провал. «Мертвые дочери» способны напугать только своей вторичностью и невыразительностью. Знакомиться с лентой не стоит даже на безрыбье, лучше пересмотреть «Звонок» и «Сайлент Хилл».

Степан КАЙМАНОВ

ПАПРИКА

(PAPRIKA)

Производство компаний Madhouse, Sony Pictures Entertainment (Япония), 2006.

Режиссер Кон Сатоши.

**Роли озвучивали: Мигуми Хайяшибара, Тору Фуруя, Акио Отсука и др.
1 ч. 30 мин.**

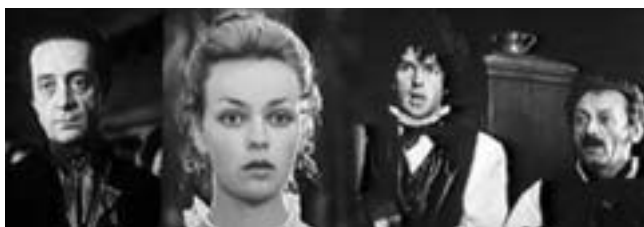
«Паприка» добавляет в анимэ пряности — развивая эту удачную метафору сетевого рецензента, скажем, что под «пряностью» следует понимать философский подтекст, постулаты фрейдизма, иронию, поэтичность и сюрреалистический гротеск. Сюжет о похищении фантастического компьютерного устройства, позволяющего врачам-психотерапевтам, а равно и злоумышленникам, проникать в мир снов своих пациентов, записывать эти сны на цифровой носитель и даже перемещать их из подсознания в сознание, служит лишь стволom, на котором произрастает пышная крона из картин реального и виртуального миров, героев-трансформеров, комедийных гэгов и саундтрека.

Бурлящая энергией рыжеволосая Паприка (гремучий коктейль из роковой женщины и отвязного тинейджера) — это даже не героиня, а лишь виртуальная ипостась героини, строгой и хладнокровной Атсуко Чибя. Доктор Чибя живет в мире реальном, Паприка — в мире снов, который и становится настоящей ареной борьбы сил добра и зла, погонь, поединков и невероятных превращений. Впрочем, и этой арены режиссеру оказывается мало, и он выплескивает сны в реальность. Самым буквальным выражением этого становится фантазмагорическое шествие «азеркальных» персонажей — льющейся водопадом толпы из странных кукол по улицам реального, точнее, анимационно-реального японского города. Подкупающая многомерность фильма Сатоши выражается прежде всего в удивительно богатом арсенале его анимации. Многофигурность и многокрасочность, проработка деталей и виртуозный монтаж выводят «Паприку» далеко за рамки традиционного анимэ.

Кон Сатоши, который до «Паприки» уже не раз снимал полнометражные мультфильмы на тему виртуальной реальности («Совершенный блюз», «Актриса Тысячелетия»), стал желанным гостем на крупнейших фестивалях артхаусного и новаторского кино. На просмотрах «Паприки», будь то в Нью-Йорке или Роттердаме, фестивальные залы были забиты до отказа, а просмотры неизменно заканчивались овацией.

Дмитрий КАРАБАЕВ

ОСТАЛИСЬ ОДНИ УТЫРИ...

Очередной обзор в рубрике «Экранизация», посвященный киноверсиям русской дореволюционной фантастики, объективно получается самым «маргинальным» из всех, уже опубликованных в журнале. Киношедевров, даже просто значительных лент — увы... За единственным, пожалуй, исключением, фильмы, о которых пойдет речь, навсегда остались на обочине отечественного кино. Их мало кто видел, еще меньшее число помнит сюжетные перипетии, образы героев, что там было и как.

Поразительно, но забвение постигло не только немые дореволюционные короткометражки — напрочь улетучились из памяти ленты, вышедшие всего-то десять—пятнадцать лет назад! Впрочем, что касается большинства таких картин, и поделом им. Должна же существовать какая-то высшая справедливость по отношению к бездарям и халтурщикам. Вот функцию «санитара искусства» и выполняет главный и бесспорный критик — время.

Хотя в том, что нарисованная картина получается унылой даже на фоне общей судьбы литературной фантастики на экране (состояние которой почти всегда вводит

в тоску и отчаяние), виновато не только важнейшее из искусств. Ведь и сама фантастика в дореволюционной русской литературе, что бы там ни писали энтузиасты-критики (сам, какось, частенько впадал в подобный грех), занимала положение маргинальное, потустороннее. Не был этот жанр в чести у русских классиков. Так, всего лишь отдельные, часто неожиданные для самих авторов вылазки — то в космос, то в утопию, то в сатиру на грани фантастики.

Хотя... была одна тема в русской словесности, имевшая отношение к фантастике и представленная относительно полнокровно — во всех смыслах. Может быть, оттого

и деятели кино на ней потоптались изрядно. В духе всемерно возрождаемой нынче борьбы с «низкопоклонничеством» нам есть что противопоставить «гнилому Западу». Во всяком случае — в области фантастики. Пусть не кичатся своими вампирами и прочей нежизнью: насчет платонов и ньютонов разговор особый, но то, что российская земля оказалась плодотворна и на собственную нечисть, — факт! Да, на наших, исконных и посконных упырей, ведьмаков, оборотней, вурдалаков и прочих любителей активной ночной жизни, мастеров пошалить и попугать благонамеренных обывателей, предварительно хлебнув «из горла»...

Хватало, да, хватало подобных бесовских и еретических произведений в нашей высокодуховной литературе. И в отечественном кино поток «вампира во время чумы» оказался на удивление бурным и полноводным. Точнее, полнокровным.

Однако начать разговор хотелось бы как раз с исключения. С фильма, который, на взгляд автора, бесспорной удачей назвать нельзя — но и обвинений в бездарности, серости и конъюнктурщине картина также не заслуживает. И к жанру «русского хоррора» ее при всем желании не притянешь. Хотя, если задуматься, и этот литературный первоисточник, и эта эк-

ранизация — все о том же. Об упырях, живых мертвецах, нечистой силе и дьявольских искушениях...

Речь, как уже догадался литературно подготовленный читатель, пойдет о главной «антиутопии» русской литературы — «Истории одного города» Салтыкова-Щедрина. Произведении эталонном и не стареющем, потому что главный объект салтыковской сатиры — российская власть — упорно сопротивлялась «новым временам». Так было века назад, и ныне и пригно... не хочется завершать фразу каноническими словами. Остается только изумляться, как эту взрывоопасную книгу, стоившую всех диссидентских сочинений, не запретила, не загнала в спецхраны советская власть, а вместо этого с какого-то перепугу даже включила в школьную программу (нынешняя, уверен, не оплошает. Какой такой Салтыков-Щедрин — в обстановке всенародного возрождения державности и народности?).

В советский период кино лишь трижды пыталось обратиться к этой нестареющей «энциклопедии российской власти». Два мультфильма — «Органчик» 1933-го и «История одного города (Органчик)» 1991-го — решили тему камерно, взяв лишь самый известный эпизод салтыковской эпопеи, о чем свидетельствуют названия. О довоенном рисованном мультфильме ничего сказать не могу, не видел. Хотя дата выпуска — как

раз накануне «съезда победителей», вскоре ставшего «съездом расстрелянных» — вызывает тревожные мысли по поводу дальнейшей судьбы постановщиков картины. Зато более поздняя версия, вышедшая накануне другого решительного переворота в жизни салтыковского «одного города», несла на себе все черты тогдашнего «перестроечного» кино.

Но коротенькие мультфильмы переворотов в общественном сознании не производили. Зато талантливый и самобытный режиссер Сергей Овчаров — автор великолепных «Левши» и «Небывальщины» и более спорных «Барабаниады» и «Сказа про Федота-стрельца», — замахнувшись на полнометражную экранизацию салтыковского романа, вполне мог рассчитывать на успех, сравнимый со взрывом бомбы. Литературный материал вкупе со временем выхода фильма «Оно» на экран (1989) давали основание для таких ожиданий. Плюс музыка культового Сергея Курехина, блестящий актерский состав: Наталья Гундарева, Светлана Крючкова, Маргарита Терехова, Ролан Быков, Леонид Куравлев, Олег Табаков... Словом, все предвещало успех — но ожидаемого взрыва не произошло.

Фильм был заявлен как «гротескная комедия по мотивам». Поэтому режиссер, сам же написавший сценарий, счел себя вправе не ограничиваться формальным и до-

тошным перенесением салтыковского романа на экран. Овчаров, во-первых, попытался найти адекватный киноязык для прозы полуторавековой давности, а во-вторых, решил несколько «дописать» классика, понятия не имевшего, как жил описанный им «город» эти самые полтора века.

Первое режиссеру, по общему мнению, удалось. Причем с блеском. Потрясающая стилизация самой съемки (от черно-белого кино — с обрывами, царапинами на пленке, под шелестящую фонограмму — до современного видео) создала эффект, который трудно было предугадать. Мы не просто смотрим «фильм про историю», но и погружаемся в нее с помощью «адекватных» технических средств воспроизведения. Талантливая мистификация с «хроникой» — будь то елизаветинские или николаевские времена — сработала на все сто. Можно поверить и в совершенно анекдотический случай, рассказанный Овчаровым: будто бы после просмотра картины один немецкий кинокритик пристал к ее автору: «Где вы взяли такую хронику. Я работал во всех архивах мира и ничего подобного не видел!»

Зато вторая затея — сознательное дописывание Салтыкова-Щедрина — вызвала куда больше вопросов. Такие вопросы неизбежно возникают всегда, когда мастера кино, ничтоже сумняшеся, начи-

нают досочинять за классиков (которые, понятное дело, не доросли до современного киноязыка и вообще писали сплошной «неформат»). Мысль о том, что, вставая в обнимку с писателем-классиком, рискуешь нарваться на нелюбимые сравнения с ним, в голову, очевидно, не приходит. Ладно еще, когда Тарковский допускал отсебятину в отношении прозы Стругацких или Лема! Но ведь чаще любимую миллионами литературу препарируют отнюдь не Тарковские...

Конечно, покойный Михаил Еванграфович погорячился, завершив свое описание российской действительности николаевской эпохой и поставив точку вызывающим дрожь финалом: «Оно пришло... История завершила течение свое». Еще как не завершила — сколько всего приходило, наваливалось на несчастный город Глупов в последующие эпохи! Наверное, любой на месте Овчарова поддался бы соблазну — дописать. Да еще в благодатный 1989-й год, когда стало можно.

Но беда в том, что, как ни старался режиссер выдержать ту же стилистику в додуманных им эпизодах, вышло совсем другое. Не высокая фантастическая сатира (а кто ж будет спорить, что «История одного города» — это еще и шедевр российской литературной фантастики!), а актуальная политическая карикатура. Иногда

остроумная и претендующая на философские обобщения, но в целом, увы, созданная на потребу времени. Попробуйте сегодня, спустя полтора десятилетия после хмельного перестроечного загула, еще раз пересмотреть «постсалтыковские» эпизоды фильма. Поверьте — грустное зрелище...

Притом, что и тогда, в 1989-м, и ныне проза Салтыкова-Щедрина остается актуальной. И фильмы по ней всегда будут кстати и ко времени. Пока Россия остается Россией и кардинально меняться, кажется, не собирается. Как мрачно острил поэт, нам нужны подорожники, и такие гоголи, чтобы нас не трогали...

Теперь настала пора поговорить об основной «контентной массе». О них, родимых, об упырях...

Оставим в стороне многочисленные (и порой весьма изобретательные по части фантастических спецэффектов) экранизации «нашего всего» — Гоголя и Пушкина: для рассказа о них потребуется не одна статья. И в таком случае придется привлекать все прочие киносказки на фольклорном материале, имя которым легион. Здесь можно с ходу назвать автора, которому более всего повезло с киноверсиями. По крайней мере, количественно. Это, разумеется, заслуженный «упыреолог» отечественной словесности — Алексей

Толстой. Который не Николаевич, а Константинович.

Его архетипическую повесть «Упырь» неожиданно высоко оценил Белинский — хотя вроде бы и не остро социальная вещь. Стоит привести цитату из рецензии «неистового Виссариона» — тут и поразительно точная характеристика раннего произведения Толстого, и удачное «местоположение» самого этого жанра в русской литературе.

«Содержание ее (*книги*. — *М.К.*) многосложно и исполнено эффектов; но причина этого заключается не в недостатке фантазии, а, скорее, в ее пылкости, которая еще не успела умериться опытом жизни и уравновеситься с другими способностями души. В известную эпоху жизни нас пленяет одно резкое, преувеличенное: тогда мы ни в чем не знаем середины, и если смотрим на жизнь с веселой точки, так видим в ней рай, а если с печальной, то и самый ад кажется нам в сравнении с нею местом прохлады и неги. Это самое соблазнительное и самое неудобное время для авторства: тут нет конца деятельности; но зато все произведения этой плодovитой эпохи в более зрелый период жизни предаются огню, как очистительная жертва грехов юности... «Упырь» — произведение фантастическое, но фантастическое внешним образом: незаметно, чтоб оно скрывало в себе какую-

нибудь мысль, и потому не похоже на фантастические создания Гофмана; однако ж оно может насытить прелестью ужасного всякое молодое воображение, которое, любуясь фейерверком, не спрашивает: что в этом и к чему это?»

Толстовского «Упыря» в 1991 году экранизировал режиссер Евгений Татарский, назвав свою картину вполне в духе времени — «Пьющие кровь». Думаю, в тот год, с точки зрения маркетинга, название сто процентно било в цель. Тем более, что в титрах красовался тот же Курехин, а на одну из ролей была приглашена сама Марина Влади! И хотя тогдашний зритель в возрасте до сорока не мог помнить хита 1950-х — «Колдунью», где французская актриса уже примерила на себя «ведьмовской» литературный материал своей исторической родины («Олеся» Куприна), — но зато вдову Высоцкого в нашей стране знал каждый.

Надо сказать, что в части обращения с литературным материалом фильм заслуживает добрых слов — это честная, добросовестная экранизация, без отсебятины и натужного осовременивания. Фильм получился достаточно стильным, с настроением — для нашего экрана просто-таки эталонная «киноготика». Но, увы, и откровенно скучным. Чего никак не скажешь о ранней повести Алексея Константиновича — хотя сам автор и относился к ней, как к не-

существенному грешку литературной молодости, для традиционной русской литературы подобные экзерсисы в область потустороннего скуки, во всяком случае, не вызывали. По-нашему это — шок! А в фильме Татарского все очень старались — режиссер, оператор, художник, актеры (и молодой тогда Андрей Соколов, и уже заслуженный ветеран Донатас Банионис), но впустую. Перефразируя другого классика, можно резюмировать: они пугают, а нам не страшно. Сам собой напрашивается каламбур — страшнее результата для «фильма ужасов» не придумаешь.

Но это еще кладбищенские цветочки. Ягодками стали две картины, снятые по мотивам другого знаменитого «ужастика» Толстого — «Семья вурдалака». С равным успехом какая-нибудь экстремально неполиткорректная «чернуха» о том, как банда негров задушила на городской свалке белую девушку только за то, что у той в карманах не то что денег, носового платка не оказалось — могла бы гордо именоваться фильмом по мотивам «Отелло».

В фильме «Семья вурдалаков» (1990) литературный первоисточник заявлен в самом названии, но тем дело и ограничивается. Хотя, говоря современным слэнгом, «типа семья вурдалаков» в фильме присутствует — только живет она в наше время и в нашей стране. Герой — московский журналист —

накануне свадьбы отправляется в служебную командировку в какую-то глушь, где с ним происходит совершеннейшая дичь. Его зачем-то отвозят на пользующийся дурной репутацией остров и поселяют к той самой семейке. Главный вурдалак там, кажется, дедуля — но и остальные члены семьи хороши. Несмотря на столь безрадостный фон, у героя возникает «типа роман» с дочкой хозяев, затем он все-таки вспоминает, что в Москве его ждут. Но и в столице журналист никак не может забыть свою ненаглядную вампиршу (успела ли она приобщиться к семейному «кровному» делу — неясно), и он отправляется за ней на остров. В финале ему предстоит еще сразиться на снегу с целым полчищем кровососов, которых такой поворот никак не устраивает.

Вообще-то жанр «хоррор», особенно специфической вампирской заправки, никогда и не претендовал на уважение к логике, причинно-следственным связям и прочей естественнонаучной скукоте. Но когда к общей алогичности жанра (не за это, как говорится, мы его любим) добавляется еще и смысловая невнятица авторов фильма, впору взвыть от острого желания пустить им кровь. Кажется, единственным мотивом к созданию этого произведения было тогдашнее шальное ощущение, что «можно!». Или деньги, которые у кого-то столь же шальным обра-

зом завелись, и их срочно нужно было пристроить...

Все предельно понятно насчет мотивов и в другом, столь же клиническом случае экранизации «Семьи вурдалака» — фильме под веселеньким названием «Папа, умер Дед Мороз» (1991), поставленном известным в свое время адептом «некрореализма» Евгением Юфитом. Заявлена была картина в качестве «гротескового фильма ужасов», а идею экранизировать повесть Толстого, как я где-то прочитал, предложил режиссеру Алексей Герман. Вместо того, чтобы пытаться описать ЭТО человеческим языком, я малодушно предоставляю слово заслуженному некрореалисту, сказавшему о картине в авторской аннотации буквально следующее: «Это хроника смерти Деда Мороза, вернее, сообщение об этом. Есть проекция-прогноз, исчерпание телесного опыта, свертывание неопределенного пространства. Некротворчество выдыхается в особое состояние чувства, мысли, духа. Камера чутко замирает, вдумчиво работает во внутреннем срезе... Что это? Вывод не ясен, но он уже есть — хочется мыслить и домысливать: некрореализм — это гуманизм». Уяснили? Кто не смотрел, поверьте на слово — большей ясности не возникнет и после просмотра.

Для экстренного поднятия настроения осталось напомнить о четвертом и последнем киновоплоще-

нии А.К.Толстого — искрометной, динамичной, талантливой во всем и за то справедливо ставшей культовой экранизации повести «Граф Калиостро» — телевизионном фильме «Формула любви» (1984). Но к кинофантастике он отношение имеет самое непосредственное. К тому же все, что сотворили на телеэкране покойный Григорий Горин и пребывающий во здравии Марк Захаров, всецело и эксклюзивно принадлежит другому жанру — «Горин—Захаров». Будь оно «по мотивам» Шварца, Свифта, Распэ или того же Алексея Константиновича Толстого, все равно это Горин с Захаровым.

В этой, повторяю, блестящей картине есть все, чего желает душа интеллигентного и обладающего чувством юмора зрителя. Кроме фантастики. Не считать же ею лужавые иллюзионные номера старого итальянского плута с печальными грузинскими глазами Нодара Мгалоблишвили. Кстати, в литературном первоисточнике фантастика все-таки присутствовала — у Толстого статуя в финале оживала. А постановщики, видимо, сочли это чрезмерным, потому в фильме вместо ожившей каменной Галатеи подсуеутилась верткая ассистентка мага-экстрасенса. Но зато «уно моменто» в потрясающем исполнении дуэта Абдулова—Фарады вошло в историю!

Затерялась фантастика в ворохе мелодраматических и историко-

этнографических подробностей и в добротной экранизации повести «Конотопская ведьма» классика украинской литературы Григория Квитка-Основьяненко. Одноименный фильм 1990 года (в других источниках — просто «Ведьма») заявлен как мистическая драма, но если драм в нем хоть отбавляй, то мистики наблюдается очевидный дефицит. Да и то, что вытворяет молоденькая конотопская «ведьмячка», не требует даже мало-мальских спецэффектов.*

Зато фантазмагории и «ужастей» хватает в фильме «Жажда страсти» (1991 — вы уже обратили внимание на частое мелькание этой даты?), снятом по мотивам фантастических рассказов Валерия Брюсова из сборника «Земная ось»: «В зеркале», «Мраморная головка», «Теперь, когда я проснулся» и других. Между прочим, и этой картине одни только титры обещали успех. Анастасия Вертинская в сочетании с музыкой Игоря Крутого и анонсом-этикеткой «Мистика, эротика» — это что-то значит! Да и постановка стала режиссерским дебютом одного из секс-символов советского кино — актера Андрея Харитонова.

Для любителей «хоррора» в фильме есть все — галлюцинации главной героини, раздвоение личности, вампиры и прочие монстры, «врач-убийца», воспылавший страстью к своей пациентке. А вдобавок ко всему томная и порочная атмосфера *belle époque*, полная раскованность — вплоть до откровенных эротических сцен — Вертинской. Красиво до жути! В общем, не киношедевр, но жанр выдержан — что в нашем кино уже несомненный плюс.

Наверное, так же пугали публику в синематографах почти век назад три немых фильма, снятых по мистическим романам популярной тогда Веры Крыжановской-Рочестер — «Болотный цветок», «Венчал их Сатана» (экранизация «Адских чар») и «Кобра Капелла» (другое название — «Женщина-змея»). Все эти, по современным представлениям, короткометражки вышли накануне революции, в 1917-м, и с тех пор окончательно и бесповоротно забыты. Первая картина вообще до нас не дошла, другие сохранились лишь частично.

Та же судьба постигла самую, видимо, масштабную «фильму» рос-

** Для полноты картины можно упомянуть еще и короткометражный студенческий этюд «Бог» (1995), снятый в Беларуси, как сказано в аннотации, «по мотивам сказок Евгения Замятина и Даниила Хармса». Замятин — он, конечно, Замятин, но его дореволюционные сказки — это все-таки сказки, и к фантастике отношение имеют скорее. (Прим. авт.)*

сийского немого кино — картину «Девьи горы» («Легенда об Антихристе») по мотивам «Волжских легенд» не менее популярного тогда Евгения Чирикова. Этот фильм не пришлось ко двору ни прежней власти, ни новой. Царская цензура картину запретила, Временное правительство запрет сняло, но закончились съемки отечественного суперколосса только в конце 1918-го, когда власть в стране снова сменилась. И после единственного просмотра в сентябре 1921 года — во время проведения «Киннедели помощи голодающим» в Петрограде — картину запретили окончательно. Видимо, она и открыла собой печально знаменитый список «полочных» (в смысле — положенных на полку) советских кинолент.

«Это, безусловно, самая роскошная и самая художественная постановка, какие имеются в области русского производства фильмов, — вспоминал тогдашний нарком просвещения А.В.Луначарский (сам, кстати, писавший фантастические памфлеты и пьесы). — К сожалению, Советская Власть на основании отзыва 8-го Отдела Наркомюста не сочла возможным допустить «Девьи горы» к обращению, т.к. картина проникнута религиозной идеей». К тому времени автора сценария Евгения Чирикова уже не было в России. За год до того он получил записку от своего однокашника

по Казанскому университету: «Евгений Николаевич, уезжайте. Уважаю Ваш талант, но Вы мне мешаете. Я буду вынужден Вас арестовать, если Вы не уедете. В.Ульянов-Ленин».

Фильм дошел до нас не полностью, практически без титров. Лишь по воспоминаниям современников можно судить о размахе этого первого отечественного блокбастера. Причем, что приятно, фантастического во всех смыслах — в том числе и сюжетно. В грандиозной мистерии с участием Сатаны, Иуды, чертей и ангелов, монахов и «волжских амазонок» было занято 150 (!) артистов Художественного и Малого театров. Поставил фильм известный театральный режиссер, один из создателей МХАТ Александр Санин, а продюсером выступил известный купец-старообрядец Михаил Трофимов.

На том «чуждая советскому народу» мистика и чертовщина на экране закончилась. Однако киноупири, как и их литературные собратья, по определению бессмертны. Пришли иные времена, и они снова вернулись на экран. О том, что у нас потусторонние силы — живее всех живых, наглядно свидетельствует несмолкаемый топот по экранам необъятной родины ночных и дневных дозоров. Они не спят!

Михаил КОВАЛЁВ

К И Р И Л Л Б Е Н Е Д И К Т О В

КОРАЛЛОВЫЙ

Иллюстрация Игоря ТАРАЧКОВА

ОСТРОВ

Правило номер один заключается в том, что вы не должны нырять с людьми, в которых вы не уверены.

Запомните, что если у вас нет хорошего бадди, вы не можете быть уверены в том, что у вас есть резервный источник воздуха.

И раз уж вы нашли себе бадди, которому можно доверять, обращайтесь с ним хорошо — однажды может оказаться, что ваша жизнь будет зависеть от него.

Дэн Уолкер.

1.

Крузизная яхта «Хатшепсут» (водоизмещение — восемь тонн, порт приписки — Дахаб, владелец — туристическая компания «Лагуна Трэвел», арендаторы — Самойлов Олег Игоревич и Кольцов Максим Эдуардович, капитан — Ахмад Саид-бей, команда — два безымянных египтянина, пассажиры — Самойлова Татьяна Алексеевна и Нетребя Оксана Петровна) вошла в территориальные воды Судана вечером 21 октября.

Дневная жара уже спала, воздух был чист и прозрачен, африканский берег — волнистая линия желто-серых холмов — казался близким, так хорошо различимы были отдельные детали пейзажа. От маленького причала, за которым громоздились одинаковые белые коробки домов, скользил по отшлифованной закатом линзе моря пограничный катер. Флаг с ярко-зеленым треугольником безжизненно свисал с похожего на длинную удочку флагштока.

Максим сидел на свернутом бухтой канате, курил длинную египетскую сигариллу и смотрел, как приближается катер. Золотой отблеск закатного солнца танцевал на ржавом борту посуды, превращая ее в сказочный корабль из страны Эльдорадо.

Астматически пытаясь, подошел Ахмад Саид-бей, кашлянул, требуя внимания. Максим лениво повернул голову. Капитан, очень важный и даже надутый, держал в руках пухлую пластиковую папку.

— Суданцы, — произнес Ахмад Саид-бей на своем странном английском. — Будут проверять документы. Очень долго. Очень... — он запнулся и замолчал.

— Тщательно? — подсказал Максим. Капитан закивал.

— Да-да. Тщательно. Могут даже потребовать идти в порт. Нужен бакшиш, ОК?

— Сколько?

— Двести долларов, — Саид-бей закатил глаза. — Суданцы очень жадные, очень...

— У вас же есть лицензия, — укоризненно заметил Максим. — Зачем же тогда мы купили вам лицензию?

Лицензия на сафари у берегов Судана обошлась им в четыре тысячи — столько же стоила аренда яхты на две недели. Сам Саид-бей никогда бы не потратился на лицензию: египтяне вообще не питают особой склонности к венчурному бизнесу. Теперь же, благодаря щедрым русским, он мог целых два года возить туристов в заповедные, не опустошенные курортным бумом южные воды Красного моря. Впрочем, благодарность, которую капитан «Хатшепсут» испытывал к своим клиентам, ничуть не влияла на его желание вытрясти из них побольше.

— Без лицензии они бы нас арестовали, — ничуть не смущаясь, заявил он. — А может, даже расстреляли бы. Вот так, — коричневым палец указал Максиму на грудь, — пух-пух!

— Хорошо, — Максим вздохнул и поднялся с канатов. Выкинул сигариллу за борт и с удовольствием выдохнул сизый дым в лицо капитану. — Я поговорю с ними. Сам.

В глазах Саид-бея мелькнуло разочарование.

— А мистер Олег? Может, суданцы захотят видеть и его тоже?

— Обойдутся, — отрезал Максим. — Скажите им, что мистер Олег и его леди плохо себя чувствуют. Тем более, что это правда.

После грандиозной прощальной попойки, которую закатали им питерские ребята в Эль-Гуне, чувствовать себя хорошо мог бы только мутант с печенью слона. Максима спасла приобретенная еще в студенчестве привычка прочищать себе желудок после каждой пятой рюмки. Олег такой привычки не имел и в результате весь день провалился у себя в каюте. Таня, как настоящая жена декабриста, сидела у койки, меняла холодные компрессы на лоб, подавала воду с алка-зельцером и терпеливо выслушивала мужнино нытье. «Потрясающая женщина, — в сотый раз подумал Максим. — И почему она досталась Олегу?..»

Катер был уже совсем близко. Оглушительно тарыхтел старый движок, с наветренной стороны тянуло резкой бензиновой вонью. Максим, закулив новую сигариллу, рассеянно наблюдал, как суетятся египетские матросы, швартуя яхту бортом к пограничному судну. Солнце стремительно исчезало, его последние отблески дрожали на зубчатых вершинах далеких гор. «Хатшепсут» проваливалась в синие сумерки, хрусталь превращался в темный сапфир. Ярко-белая форма суданцев светилась в подступающей темноте.

Командир пограничников поднялся на борт, небрежно козырнул, смерил Максима презрительным взглядом и повернулся к капитану. Спросил что-то по-арабски. Ахмад Саид-бей шелестел бумагами, бормотал полудушенным голосом. Максим подошел и встал перед суданцем.

— Добрый день, майор, — сказал он по-английски. Вряд ли командир пограничников был майором, но обращение ему явно понравилось — с лакированного черного лица исчезло выражение презрения. — Мы дайверы из России. У нас сафари, две недели. Судан — прекрасная страна. Лучшее море в мире...

— Лисенс, — перебил его пограничник. Максим кивнул капитану. Ахмад Саид-бей протянул суданцу разноцветный лист формата А4, предусмотрительно запаянный в целлофан. Стоявшие за спиной командира солдаты вытянули шеи, чтобы поглазеть на документ — похоже, это была первая легальная лицензия, которую они видели в своей жизни.

— Все законно, майор. Мы очень любим вашу страну. Вот здесь маленький подарок для вас и ваших людей.

Максим протянул пограничнику плотный пакет, изукрашенный сфинксами и пирамидами — память о посещении сувенирной лавки в Хургаде. Теперь в пакете находилась литровая бутылка водки «Чайковский», тонкую шейку которой охватывала желтая резинка. За резинку была аккуратно заправлена купюра с изображением Франклина. Одна, что бы там ни говорил капитан Саид-бей.

Суданец заглянул в пакет. Пошевелил бровями.

— Хорошо, — сказал он без всякого выражения и опять заговорил с капитаном по-арабски. Тот быстро отвечал, ухитряясь одновременно улыбаться Максиму.

— Если яхта быть в порядке, — медленно проговорил пограничник, выслушав речь Саид-бея, — вы мочь следовать дальше. До третьего ноября. Потом — назад, в Египет. Какие места вы хотите делать визит?

Саид-бей услужливо развернул карту. Один из пограничников зажег фонарик — темнота быстро доедала палубу «Хатшепсут».

— Сначала пойдем сюда, — Максим ткнул незажженным концом сигариллы в почти невидимые глазу точки коралловых рифов. — Потом дальше на юг, к мысу Рас-Диша. Затем к отмелям Абу-Дахара. Это здесь. Может быть, сюда...

Сигарилла поползла по глянцевой синеве Красного моря. Пограничник хмыкнул.

— Не сюда, — неожиданно грубо сказал он. Его черный палец отпихнул сигариллу Максима к африканскому побережью. — Сюда плавать нет. Нельзя.

Максим удивленно поднял глаза.

— Почему нельзя? Запретная зона? Военная база?

В темноте сверкнули неправдоподобно снежные белки глаз.

— Нет. Просто плохо. Вернуться — нет. Многие вернуться — нет. Понятно?

— Отсюда? — Максим аккуратно вернул сигариллу на место и очертил ей маленький кружок. — Отсюда многие не возвращаются?

— Да, — теперь в голосе офицера звучало раздражение. — Если вы не дураки, не идти сюда. Ваша лисенс в порядке, ОК, мочь следовать дальше. Сюда идти — не мочь. Все понятно, нет?

— Все ясно, майор, — успокаивающе сказал Максим. — Вы нам прекрасно все объяснили.

На катере вспыхнул яркий прожектор. Его луч скользнул по палубе «Хатшепсут» и остановился на сходнях, переброшенных через борт яхты. Офицер коротко кивнул капитану и повернулся к Максиму спиной.

— Сколько вы ему дали? — трагическим шепотом спросил Саидбей, когда катер, оглушительно стуча двигателем, отвалил от «Хатшепсут» и взял курс на берег. — Обычно суданцы очень придиричивы, все смотрят, все ощупывают... Вы, наверное, дали ему слишком много...

Максим помолчал. Потом развернул карту и указал капитану на маленькую темную отметину.

— Если доставишь нас сюда, — сказал он, — получишь куда больше.

2.

Издалека остров казался золотой медалью, приколотой к лазоревому мундиру моря. За полосой неправдоподобно-желтого песка вставала ажурная изгородь перистых пальм. Над темно-зелеными кронами лениво парили крупные белые птицы.

— Красотища! — восхищенно протянула Оксана, прильнув к окулярам бинокля. — Как в кино!

Максим похлопал ее по круглой оттопыренной попке, перечеркнутой тонкой белой ниточкой стрингов.

— Лучше, котенок, — сказал он снисходительно. — Гораздо лучше, чем в кино.

На душе у него было беспокойно. Остров выглядел мирным, живописным, совершенно безопасным. Между тем в квадрате, помещенном на карте кончиком сигариллы, больше ничего не было. Голубая пустыня моря и золотое пятнышко острова. Именно сюда пограничники почему-то не рекомендовали им заходить.

— А там есть отель? А то каюта так надоела... Мне хочется выспаться на шикарнейшей кровати, а тебе, Максик?

— Нет там никаких отелей. Это необитаемый остров, понимаешь? Потерпишь со своей кроватью до Москвы...

Оксана была хорошей девушкой — доброй, не подлой, по-своему верной. Но иногда простодушие Оксаны раздражало Максима так, что ему хотелось ее ударить.

— Ну и зачем? — Оксана обиженно надула слегка подправленные силиконом губки. — Вы нарочно, что ли, в самую глушь забрались? Ни отелей, ни джакузи, жуем уже третий день одно и то же...

— Конечно, котенок, — терпеливо ответил Кольцов. — У нас же сафари, приключение. Чем меньше вокруг народу...

Остановись.

Он замер с открытым ртом, будто испугавшись, что голос, прозвучавший у него в голове, может услышать кто-нибудь другой. Оксана, разумеется, ничего не заметила.

— ...Тем больше рыбы в море. У популярных курортов давно уже всю распугали. А здесь до сих пор живут гигантские манти — восемь метров размах крыльев. Хочешь увидеть восьмиметровую манти?

— Не нужны мне ваши дурацкие манти. Я кровать хочу восьмиметровую. И ванну... Ой!

Оксана заплесала у фальшборта, не выпуская из рук бинокля.

— А вот он и не необитаемый, твой остров!

— Что ты там увидела? — спросил Максим, подходя. Он попытался отобрать у нее бинокль, но это оказалось трудным делом: Оксана хихикала, изворачивалась, отпихивала его загорелым бедром, и в результате едва не выронила дорожную кейсовую оптику за борт. В конце концов Максим одержал победу и поднес трофей к глазам.

Островок, судя по всему, был атолл — на это намекала и плавная закругленность его береговой линии, и голубое пятнышко центральной лагуны, блестящее за изгородью пальм. Там, у лагуны, стояло какое-то длинное низкое строение — то ли склад, то ли барак. Никаких людей, впрочем, на островке заметно не было.

— Разве ты кого-то там видела? Просто заброшенная хижина, вот

и все. Может, ее построили контрабандисты, чтобы хранить свои товары.

Во всяком случае, мне бы этого очень хотелось.

— А вот и нет! Там кто-то живет. Может, это такой экзотический отель, как на Сейшелах — бунгало на сваях, прямо над морем. Туда ездят влюбленные и молодожены проводить медовый месяц. Очень романтично, между прочим!

— Этот твой отель построен из гнилых досок, — сказал Максим. — И обломков какой-то проржавевшей посуды, насколько я вижу. И живут там только клопы и песчаные блохи... О черт!

Над крышей развалюхи поднимался едва заметный, почти сливающийся с жарким полуденным маревом, дымок.

— Ну-с, и что вы там обнаружили? — произнес за спиной Максима валяжный голос партнера. — Копи царя Соломона? Стриптиз-клуб имени царицы Савской?

Максим медленно обернулся. Чета Самойловых наконец-то изволила выйти на палубу. Олег, невысокий полноватый блондин с обрюзгшим, вялым лицом, и Татьяна — хленая стройная брюнетка с зелеными глазами лесной колдуньи. При виде Татьяны Максим, как всегда, испытал приступ ревности, смешанной с острейшим желанием. За пять лет их знакомства желание это не ослабело, а вот ревность становилась все сильнее и сильнее. Пять лет назад, когда Таня Смирнова пришла в компанию ОМСИ с дипломом Лондонской школы экономики, у Максима с Олегом были равные шансы затащить в постель молодого сексапильного консультанта по фондовым рынкам. Олег успел первым — он вообще был везунчиком, — и Максим не стал бы переживать, если бы дело закончилось только постелью. Но Олег, женатый к тому времени вторым браком на глупой, как доска, и такой же плоской топ-модели Альмирке, стремительно развелся и повел выпускницу London School of Economic под венец. Альмирка, даром что дура, сумела отсудить у него пару миллионов и коттедж в ближнем Подмоскowie, и уже тогда Максим почувствовал укол ревности — коттедж был записан на баланс фирмы, его потеря обернулась ударом по общему делу. А главное, стало ясно, что Олег Татьяну уже никуда не отпустит, и шансов у Максима нет.

Два года назад Самойлов на заседании совета директоров неожиданно предложил сделать Татьяну младшим партнером, и никто не посмел возразить. И сам Максим, конечно, голосовал «за» (куда бы он делся, интересно). И вот теперь, спустя годы, он по-прежнему сходит с ума по красавице, умнице, младшему партнеру процветаю-

шей компании и по совместительству жене декабриста, а сам вынужден довольствоваться услугами примитивных секс-бомбочек вроде Оксаны.

«Ничего, — подумал он, избегая смотреть на Татьяну. — Скоро все пойдет по-другому. Совсем по-другому!»

— На острове есть обитатели, — сказал он. — По крайней мере, один. Вот, можешь полюбоваться.

Олег подошел и протянул пухлую руку. Эта рука выглядела так, словно никогда не держала инструмента тяжелее паркеровской авто ручки. Типичная рука вчерашнего мальчика-мажора из семьи потомственной советской элиты. Кольцов, вынужденный зарабатывать себе на хлеб с первого курса института, ненавидел такие руки.

— Ну-ка, ну-ка, — без особого интереса проговорил Самойлов. — Да, действительно, вроде кто-то сидит. Слушайте, маркиз, почему бы вам не отправиться на берег и не потолковать с этим островитянином? Может, у него на этот клочок суши есть какие-то виды. Не хотелось бы, знаете, нарушать местное законодательство...

— Разрешите выполнять, сэр? — стараясь скрыть сарказм, спросил Максим. Олег рассеянно кивнул.

— Возьми с собой на всякий случай первую серию грузов для лагеря. Переночуем под пальмами.

— Слушаюсь, сэр, — Кольцов все-таки не стерпел и взял под воображаемый козырек. — Все будет сделано в лучшем виде, сэр...

Олег посмотрел на него почти по-человечески — на секунду Максиму даже захотелось его простить и отказаться от своего плана.

— Слушай, ты действительно думаешь, что это смешно? Ладно, считай, что я ничего не говорил... Иди работай, бадди*...

3.

Старик был высохшим, худым, желтым, как бумага, из которой капитан Саид-бей крутил свои вонючие папиросы. Он сидел в древнем кресле-качалке, угрожающе скрипевшем при каждом его движении, и время от времени подносил к пергаментным губам банку пива «Миллер». Отхлебывал он или нет, Кольцов не видел.

* Бадди — от английского *buddy*, приятель — партнер по погружению. Хотя некоторые энтузиасты практикуют так называемый соло-дайвинг (одиночные погружения), одна из самых старых традиций подводного плавания заключается в том, что погружения всегда нужно совершать с партнером. Вот этот-то партнер и называется бадди. (Здесь и далее прим. авт.)

— Добрый день, — поздоровался Максим. Голос прозвучал как-то неуверенно.

Старик вновь поднес ко рту банку, но глаза так и не раскрыл.

— Он, наверное, по-английски не говорит, — прошептала Оксана, прятаясь у него за спиной.

— А я не говорю по-арабски, — огрызнулся Максим и повторил еще раз, чуть громче: — Здравствуйте, мистер!

— Салам, — произнес старик равнодушно. Губы его при этом не шевельнулись. Слово прозвучало как бы само собой и осталось висеть в жарком воздухе.

— Точно не спикает, — вздохнула Оксана едва ли не с облегчением.

— Ну и хрен с ним, — пробормотал Кольцов, осматриваясь. Строение, которое он разглядывал с борта яхты в бинокль, вблизи оказалось еще более жалким и несуразным. Низкое, длинное, похожее на ангар для лодки, а не на человеческое жилище. «Как он туда забирается? — подумал Кольцов. — На четвереньках, что ли?»

Если бы не дурацкая уродливая хижина, на острове было бы очень красиво. Песок, пальмы, неправдоподобно-синее зеркало лагуны. «Идеальное место, — подумал Кольцов. — Лучше не придумать».

— Будем ставить лагерь, — сказал он решительно. — На той стороне, чтобы дедушке не мешать.

Тут он вдруг понял, что дедушка открыл наконец свои глаза и смотрит на него неприятным немигающим взглядом.

— Ну, чего уставился? — грубо спросил Кольцов по-русски. — Нравлюсь я тебе, что ли?

Старик не ответил. Молча смотрел на Максима неподвижными черными глазами. Потом поднес к губам банку «Миллера» и сделал большой звучный глоток.

Максим неожиданно разозлился.

— Пошли отсюда, нечего с ним разговаривать.

— Да я и не разговариваю! — возмутилась Оксана. — Ты же сам, Максим...

«А ведь она права! Зачем я вообще сюда поперся? Разрешения у этой обезьяны спрашивать? Смешно... Нервничаешь ты, Максим Эдуардович, сильно нервничаешь, а это не есть хорошо... Ну-ка, соберись, тряпка, и займись наконец делом!»

Белый песок взлетал из-под белых теннисных туфель Кольцова. Прочь от выжившего из ума старика, прочь от его мерзкого жилища, от зловещего скрипа разваливающегося кресла-качалки!

На берегу он немного отдышался. Сердце колотилось в груди, как после подъема пешком на двенадцатый этаж.

Олег стоял на палубе «Хатшепсут», облокотившись о фальшборт, и с интересом рассматривал запыхавшегося Максима. Так хозяин смотрит на любимого спаниеля, притаившегося ему из болота не ожидаемую утку, а чей-то рваный ботинок.

— Ну что там, маркиз? Огневая поддержка не требуется?

— Пустое, граф, — откликнулся Максим, которого бесила дурацкая привычка партнера называть его «маркизом», он предпочитал интернациональное «бадди». — Там какой-то африканец преклонных лет хлещет дрянное американское пиво. Нам он не помешает.

— Отлично. Тогда мы высаживаемся. До вечера успеем сделать пару дайвов.

Кольцов пожал плечами и уселся прямо на песок. Он все еще чувствовал на себе немигающий взгляд старика. Взгляд был липким, он словно приклеился к одежде и, что самое неприятное, к коже Максима, и отодрать его можно было только с кровью.

4.

Первый дайв они сделали с палубы «Хатшепсут» — яхта отошла от острова к проглядывавшему сквозь волны сине-зеленому массиву рифа и бросила якорь у его южной стены. Чередование светлых и темных пятен на поверхности подсказывало Максиму, что риф, начинаясь отсюда, выгибается под водой подобием значка доллара, а остров, на котором они разбили лагерь, представляет собою верхнюю полукруглую закорючку этого значка. Что ж, превосходно, они смогут пройти вдоль изогнутой стены рифа до самого острова.

Ни Кольцов, ни Самойлов не были новичками — правда, у Максима опыта было побольше. Он начал заниматься дайвингом лет семь назад, когда это экстремальное времяпрепровождение только входило в моду. Олег присоединился позже, под впечатлением рассказов и фотографий, которые Максим привозил из своих путешествий.

Когда Кольцов закончил подгонку снаряжения, Олег все еще топтался возле своего ящика. Максим подошел к нему и привычно поправил перекосившийся пони-баллон.

— Бадди, — сказал он чуть насмешливо, — вас снова ведет влево.

— Пояс неотрегулирован, — пробурчал Олег недовольно. — Опять Ахметка грузила перепутал...

Как у многих дайверов со стажем, у него были собственные, хорошо сбалансированные наборы свинцовых грузов, которые вкладыва-

лись в специальные брезентовые пояса и равномерно распределялись по пояснице. Грузила Олега были к тому же помечены специальным клеймом: значком ОС, сплетенным из начальных букв его имени и фамилии. Все эти мелкие понты партнера бесили Кольцова не меньше, чем игра в маркизов и графов.

По правилам дайвинга, совершающие совместное погружение всегда проверяют снаряжение друг друга. Максим тщательно осмотрел регулятор своего бадди, подтянул ремни БСД* и ритуально постучал ногтем по стеклу манометра. Потом терпеливо дождался, пока Олег проверит его акваланг.

— Ну что, — сказал он, опуская на глаза дорогую маску Mares Esa. — Указывайте путь, командор.

— Давай вдоль рифа, — предложил Олег. — Идем сначала на двадцать пять, потом по обстоятельствам, но я не думаю, что здесь будет глубоко.

Макс сложил большой и указательный пальцы в кольцо — стандартный жест дайверов «ОК» — и пошел на корму, где в специальных боксах стояли ласты.

В море он шагнул прямо с кормы.

Золотая плетть закатного солнца хлестнула по глазам. В следующий миг Максим, как пушечное ядро, вошел в воду, и золото сменилось холодным изумрудным свечением.

Он сразу же отплыл в сторону, чтобы Олег, традиционно погружавшийся вторым, не свалился ему на голову. По правую руку от него сквозь водяную толщу проглядывала темная громада рифа. Солнечные лучи освещали лишь те ее грани, которые почти соприкасались с поверхностью воды, и из-за этого казалось, что верхушка рифа купается в расплавленном зеленоватом серебре.

Тяжелый Самойлов погрузился метра на три глубже, поддул компенсатор и поплавок завис в воде рядом с Максимом. Лицо Олега за шестислойным стеклом маски сияло неподдельным счастьем. Это всегда поражало Максима: партнер, желчный и угрюмый в обыденной жизни, волшебным образом преображался, стоило ему надеть акваланг и оказаться в море. Словно Олег Самойлов был рожденной в океане амфибией, чем-то вроде современного Ихтиандра, вынужденного носить личину преуспевающего бизнесмена. На суше ему было плохо, он задыхался и кашлял, постоянно пребывая в дурном

** БСД — компенсатор плавучести. Жилет, в который нагнетается воздух из баллона с газовой смесью. Может также поддуваться ртом через специальный клапан.*

расположении духа. И лишь возвращаясь в родную стихию, чувствовал себя полноценным человеком.

Самойлов показал пальцем на риф — «идем туда». Максим снова сложил пальцы колючком и, грациозно перебирая ластами, двинулся к темной громаде.

Это тоже была традиция: Самойлов всегда пропускал Кольцова вперед. Обставлялось все это так, будто старший партнер признает техническое превосходство младшего, но Максим достаточно хорошо знал Самойлова, чтобы питать на его счет какие-либо иллюзии. При всей своей любви к морским глубинам Олег был человеком осторожным и избегал ненужного риска.

Риф поднимался из глубины моря, словно затонувший средневековый замок с бойницами, трещинами в стенах, полуразрушенными башнями и массивными контрфорсами. Стайки разноцветных рыб паслись над бурыми и зелеными пластинами кораллов, напоминавших исполинские грибы.

Максим шевельнул ластами и, сглатывая воздух из жилета-компенсатора, ушел на глубину. Стена рифа справа ошетичилась зарослями древовидных кораллов, в просветах между которыми темнели глубокие расщелины. В одной такой щели, особенно узкой и мрачной, мелькнуло длинное глянцево-черное змеиное тело мурены.

«Ничего особенного, — подумал Максим слегка разочарованно. — Обычный риф, красивый, но ничем не отличающийся от тех, что мы видели в египетских водах... Похоже, все, что рассказывали о чудесах Судана — только рекламная ерунда...»

Впрочем, подводные красоты занимали его сейчас меньше всего. Цепкий взгляд Кольцова, как луч радара, ощупывал коралловый массив, составляя его карту. Зрительная память у Максима была исключительной.

Дно обнаружилось на глубине восемнадцати метров. На белом песке чернели какие-то обломки, обросшие ракушками и серо-зелеными водорослями. Кольцов подплыл ближе и, достав из чехла нож, отковырнул кусок нароста. Обломок оказался металлическим — ржавая изогнутая пластина, похожая на фрагмент корпуса лодки. Максим подумал, что здесь затонул разбившийся о скалы небольшой моторный катер.

Подождав, когда приблизится Олег, он жестами показал ему, как собирается двигаться дальше — над самым дном вдоль подошвы рифа. Там, за частоколом странных черных камней конусообразной формы, рос целый коралловый лес — зародыш нового рифа, отделив-

шийся от старого массива. Проплывая над ним, Максим распугал целую стаю рыб-попугаев, клевавших ветки альционарии. В тени рифа двигалась величественная, как «Наутилус», крупная рыба-наполеон. Самойлов попытался приблизиться к ней и схватить за хвост — с некоторыми экземплярами такое проходило, но эта рыба дружелюбием не отличалась. С неожиданным проворством развернувшись к Олегу, она так выразительно шлепнула своими огромными губами, что Самойлов отпрянул, на шаривая на поясе нож.

«Ну же, милая! — едва удержался от восклицания Максим. — Сделай за меня всю работу!» Уже не первый год он мечтал о том, что партнер, имевший на родине репутацию беспощадной акулы бизнеса, встретит на своем пути настоящую акулу или кого-нибудь столь же опасного и смертоносного. Однако хищницы глубин, словно сговорившись, обходили Самойлова стороной — даже у берегов Австралии, где акулы нападают на человека чаще всего, ни одна из них не проявила к Олегу ни малейшего интереса. Всерьез рассчитывать на то, что работу акулы выполнит большая, но, в сущности, безобидная рыба-наполеон, Максим, разумеется, не мог. Просто очень хотелось.

Конечно, нож не понадобился. Прежде чем Самойлов вытащил его из чехла, наполеон, вновь продемонстрировав исключительную грацию, повернулся, взмахнул огромным, как лопасть пропеллера, хвостом и исчез в зарослях альционарии. Максим разочарованно проводил его взглядом и внезапно замер, покачиваясь на мягкой ладони придонного течения.

Впереди, чуть выше того места, куда уплыл наполеон, зияло треугольное отверстие пещеры. Довольно большое — два дайвера могли плыть туда, взявшись за руки. Пещеры всегда манили Максима. Иногда в них можно было встретить что-нибудь действительно интересное: редкий вид рыб, избегающих появляться на открытых просторах, природные скульптуры из сплетающихся между собою кораллов или затаившегося ската, похожего на инопланетное существо. Подплыв к партнеру, Кольцов постучал его по плечу и вытянул руку в направлении черного треугольника.

Олег быстро закивал. Он тоже любил пещеры — еще бы не любить, если первым, как всегда, идет верный бадди. Главная опасность подводных пещер Красного моря — колонии рыб-крылаток, довольно пугливых и от этого непредсказуемых. Это твари ночные, днем они обычно спят в расщелинах и гротах, прячась от каких-то неведомых врагов. Если аквалангист случайно заплывет в такое убежище,

то перепуганные рыбы, скорее всего, начнут метаться по пещере, неизбежно задевая непрошеного гостя своими крыльями-иглами. Яд крылатки не смертелен, но может вызвать временный паралич и судороги. С ними, как с осами: если человека укусит одна, дело закончится волдырем, а если двадцать, можно проститься с жизнью. Максим слышал несколько историй о дайверах, которые так и не смогли выбраться из пещер, облюбованных крылатками, хотя лично никого из таких бедолаг не знал.

Треугольное отверстие при ближайшем рассмотрении оказалось трапецией, причем на удивление правильной. Кораллы, росшие по краям, были словно подстрижены исполинскими ножницами. В глубине пещеры колыхалась бахрома темно-бордовых водорослей. Максим, взяв в левую руку фонарь, а в правую — нож, поплыл к этому занавесу, знаками показав Олегу, чтобы тот держался в двух метрах позади.

Водоросли раздвинулись, открыв почти круглый туннель, под небольшим углом уходящий вверх. Луч фонаря скользнул по неестественно гладким, казавшимся отполированными стенам. Максим никогда в жизни ничего подобного не видел. Искусственный туннель такой длины и такого диаметра, проложенный прямо в теле живого кораллового рифа, должен был убить этот риф за пару лет. Но никаких признаков близкой гибели экосистемы видно не было, напротив, она росла и развивалась, отпочковывая новые колонии. Значит, туннель возник естественным путем? Но кто же отшлифовал эти стены?

Крылаток в туннеле не оказалось, и Максим осторожно двинулся дальше, прикидывая, куда может вывести загадочный ход. Он плыл медленно, время от времени притрагиваясь к гладким стенам. Потом ему показалось, что он видит блеснувший впереди свет. Максим оглянулся — Самойлов следовал за ним на оговоренной дистанции и нервно вертел головой. Кольцов указал на фонарь партнера, а потом выключил свой. Олег последовал его примеру, и в туннеле воцарилась ночь.

Нет, он не ошибся — метрах в тридцати впереди сквозь толщу воды действительно пробивался слабый отблеск солнечного сияния. Где-то там был выход или, по крайней мере, отверстие. Максим вновь включил фонарь и поплыл навстречу свету.

5.

— Не ходи туда, — в десятый раз повторила Оксана, сосредоточенно намазывая вытянутую ногу кремом для загара. — Старик этот, по-

моему, из ума выжил. Да и выглядит так, как будто переболел проказой.

— Это от солнца, — возразила Татьяна. — В Африке многие так выглядят.

Она перекинула через плечо ремень фотоаппарата и поправила козырек бейсболки. На кепке, купленной еще в Дахабе, безмятежно улыбался условный фараон с испанской бородкой.

— Я задерживаться не буду, — успокоила она Оксану. — Если мальчики вернутся раньше, скажи, что я гуляю по острову.

Прозвучало это слишком уж по-хозяйски. Как приказ — не просьба. Впрочем, чему удивляться? Между женой старшего босса компании и временной подружкой босса младшего — пропасть, которую не перепрыгнуть, какими бы длинными у тебя ни были ноги. Татьяна всю дорогу старалась вести себя с Оксаной «как подруга», хотя прекрасно понимала тщетность этих усилий. Ну и, конечно, иногда срывалась. Пусть даже и в такой безобидной форме, как сейчас.

Общество Оксаны было ей в тягость. Нет, девочка вовсе не так глупа, как считают Олег и Максим. Более того, Татьяна вовсе не искалчала, что при определенных обстоятельствах у этой киевляночки хватит ума женить на себе Максима. Так сказать, окольцевать Кольцова. Возможно, тогда они и смогли бы общаться на равных. Но не раньше.

Удаляясь от лагеря, Татьяна с каждым шагом чувствовала себя все спокойнее. Она вообще любила и ценила возможность побыть подальше от людей, ради этого и согласилась на дайвинг-сафари. Сама Татьяна с аквалангом погружалась два или три раза и никакого удовольствия от этого не получила. Но тут просчитала все плюсы и минусы и пришла к выводу, что плюсов больше. Мужчины почти все время торчат под водой, Оксану можно игнорировать или оставить на хозяйстве, а самой наслаждаться свободой и одиночеством. Ну, придется в крайнем случае нырнуть разок, полюбоваться на каких-нибудь удивительных рыб... невелика цена за две недели покоя и тишины.

Неправдоподобно синее зеркало лагуны блеснуло из-за частогокола перистых пальм. В груди у Татьяны кольнуло — то ли предвкушение чего-то необычного и хорошего, то ли непонятная тревога.

Развалюха, о которой рассказывала Оксана, оказалась не такой уж и страшной — обычная времянка, сложенная по принципу «тяп-ляп» из подручных материалов. А старик и вправду был колоритен — сухой, как папирус, весь в каких-то свисающих серых складках (словно

у шар-пея, но без шерсти и не таких мясистых), с кожей, изрытой оспинами и покрытой пятнами солнечных ожогов. Татьяна, находясь под впечатлением рассказов Оксаны, опасалась, что от него будет вонять невымытым телом и даже, может быть, гниющей заживо плотью — но нет, старик ничем таким не благоухал. Разве что табаком — вместо описанной Оксаной банки с пивом он держал в руках еле тлеющую сигару и время от времени выдыхал сизый дым.

— Салам алейкум, — вежливо произнесла Татьяна, подходя. Она вряд ли сумела бы объяснить, зачем ей понадобилось заговаривать с этим странным Робинзоном, особенно учитывая ее недавнее желание побыть в тишине и одиночестве. Сначала она хотела просто снять его издали — телевик к дорожной зеркалке Nikon позволил бы это сделать. Но стоило Татьяне увидеть обитателя острова, планы ее неожиданно изменились. В конце концов, из всей компании она одна свободно говорит по-арабски. Почему бы не воспользоваться преимуществом и не узнать у таинственного старикана, что он забыл на этом торчащем из моря куске кораллового рифа?

Но старик не дал Татьяне возможности шегольнуть своей эрудицией.

— Что вы забыли на этом острове? — спросил он на чистом английском. «Почти без акцента», — машинально отметила обладающая отменным слухом Татьяна и только потом сообразила, что старик задал ей тот же самый вопрос, который собиралась задать ему она.

Самым позорным образом Татьяна Самойлова растерялась.

— Вы говорите по-английски? — пролепетала она. Старик поднял пергаментные веки и посмотрел на нее тяжелым, неприятным взглядом.

— И по-французски, и по-итальянски. Но я не слышал ответа ни на одном из этих языков. Что вы здесь забыли? Что оставили?

Татьяна уже справилась с первым потрясением и взяла себя в руки.

— Мы путешествуем, — ответила она с достоинством. — Наша яхта бросила якорь в бухте. Мы... ну да, мы дайверы. Это значит, что мы погружаемся в море с аквалангом. Дайвинг, знаете?

Старик смотрел на нее, как на умалишенную.

— Разумеется, знаю. Но я, черт возьми, не о том вас спрашиваю. Море большое, очень большое. Погружаться можно где угодно. Какого хрена вы приплыли именно сюда?

То, что Татьяна перевела как «какого хрена», в оригинале было весьма экспрессивным сленговым выражением, которое редко употребляли англичане и довольно часто — американцы, особенно вы-

ходцы из южных штатов. «А старичок-то — полиглот!» — снова удивилась она.

— Маршрут составляю не я, — дипломатично ответила Татьяна. — Нас отвез сюда наш капитан. Мой муж платит ему деньги, а куда уж нас за эти деньги везти, капитан сам решает.

— Дура ты, — сказал старик со вздохом. Сигара при этом едва не выскочила у него изо рта, но он каким-то невероятным образом изогнул губу и поймал ее в полете. — Твой муж платит капитану деньги, а тот везет вас в самое проклятое место Красного моря. Хороший, должно быть, у вас капитан.

— А почему этот остров проклят? — Татьяна выдавила из себя улыбку. «Дуру» она решила пропустить мимо ушей. А что еще делать, когда тебя походя оскорбляет какой-то сомнительный туземец? Настоящая леди просто не замечает такого.

— Потому что так захотели боги, — непонятно ответил старикан. — На самом деле сюда очень редко приплывают корабли. Больше того, мой остров не всегда находится выше уровня моря. Порой он годами спит в морской пучине.

— Ага, — подхватила Татьяна, — и пальмы в пучине растут, хотя и медленно. Без солнышка-то...

— Самое разумное, что вы можете сделать, — сказал старик, проигнорировав ее иронию, — это сесть на свой корабль и плыть отсюда куда глаза глядят, пока не поздно. Потому что поздно может наступить очень скоро.

— Мы вам мешаем? — спросила Самойлова с подкупающей прямотой. Точнее, кого-нибудь из ее московских друзей эта прямота и подкупила бы. Старик попросту не обратил на нее никакого внимания.

— Нет, — равнодушно отозвался он. — Вы мне помешать не можете. Он снова посмотрел на Татьяну пригибающим к земле взглядом.

— Не успеет день дважды смениться ночью, — сказал он, — один из вас умрет. И это будет только начало. Поверь, я знаю, о чем говорю. Лучше всего вам сейчас же уплыть прочь.

Татьяна принужденно рассмеялась.

— Я не думаю, что смогу уплыть без своего мужа. А он намеревается нырять здесь по крайней мере два дня...

— Что ж, — сказал старик. — Значит, такова ваша судьба. Не говори потом, что я тебя не предупреждал...

Он откинулся на скрипнувшую спинку своей качалки и вновь занялся сигарой. О Татьяне он словно бы забыл.

«Сумасшедший, — решила она. — Вот почему Оксанка меня отговаривала к нему подходить — он, верно, и ей тоже какую-нибудь чушь наплел...»

— Могу я спросить? — вежливо обратилась она к старику, сосредоточенно выдыхавшему сизый дым. — Вы здесь живете, на острове? Вы суданец?

Старика этот вопрос почему-то очень рассмешил.

— Что такое Судан? Всего лишь имя для холмов, лесов и песка, одно из сотни имен, которые носила эта земля. Нет, я не суданец. Я — повелитель Пунта. Это мой остров.

— Я бы хотела вас сфотографировать, — решила наконец Татьяна. Беседовать с умалишенным дальше было бесперспективным занятием. — Можно?

— Попробуй, — равнодушно отозвался старик. — Вряд ли у тебя что-то получится, но почему нет?

Самойлова расстегнула чехол и вытащила Nikon. Отошла на пару шагов, чтобы в кадр попал не только старик, но и его качалка, и приулыбаясь к пальме хибара.

Сделав серию снимков — в режиме «автосъемка», «портрет» и «пейзаж», — она вывела их на дисплей. Вместо старика на каждой фотографии расплывалось какое-то размытое черное пятно.

— Вы знали, что у меня ничего не получится? — спросила она. Старик насмешливо выпятил губу — сигара опять каким-то чудом не вывалилась у него из рта.

— Это мой остров, леди. Никто лучше меня не знает, что на нем может случиться, а что — нет. Можешь не тратить время зря.

Он вдруг резко отвернулся от Татьяны и уставился на синее зеркало лагуны. Самойлова испытала странное ощущение — будто чья-то рука отпустила невидимую уздечку, которая все это время была накинута ей на шею.

«Гипнотизер, — подумала она. — Он меня просто ввел в транс, и я сфотографировала совсем не то, что хотела...»

Нет, неправда — на снимках четко были видны пальмы, низкая вытянутая лачуга, даже часть кресла-качалки. Та часть, которую не закрывало уродливое темное пятно.

Старик произнес что-то на неизвестном Татьяне языке — полусвистящем, полушипящем. Голос у него был раздраженный.

Гладкое зеркало лагуны разбилось. Метрах в двадцати от берега из воды высунулась чья-то черная голова.

Татьяна закричала.

6.

— ...Прямо в центральную лагуну, — увлеченно рассказывал Олег в камеру. — Длина туннеля — метров семьдесят, я такого в жизни не видел! Подтверди, Макс!

— Подтверждаю, — Кольцов помахал рукой. — Совершенно уникальная штука. Выглядит так, будто кто-то его отполировал изнутри.

— Я думаю, течение, — перебил его Самойлов. — Хотя, конечно, версия о базе фашистских подводных лодок мне нравится больше...

— Мальчики, как интересно! — пискнула Оксана. — Я тоже туда хочу!

Татьяна сунула ей в руки работающий в режиме видеосъемки Nikon и встала перед объективом.

— Теперь представьте, как я перепугалась, когда увидела, что кто-то всплывает из лагуны! Я даже сначала решила, что это какие-то чудовища вроде Несси. Откуда же мне было знать, что лагуна сообщается с открытым морем?

— Вот такой таинственный остров мы открыли, — Олег подошел и обнял жену за талию. — Смотрите, завидуйте — мы здесь первые! Если не считать впавшего в маразм негра, который маячит где-то на заднем плане...

— Он не негр, — возразила Татьяна. — Он вообще непонятно кто. По-английски, между прочим, разговаривает не хуже меня...

Оксана опустила камеру.

— Ролик снят. Пойдем купаться? Ужас как хочется посмотреть на этот туннель...

— Сейчас уже поздно, котенок, — Кольцов вытащил из переносного холодильника две бутылки пива «Саккара» и протянул одну девушке. — Солнце сядет минут через двадцать. Завтра с утра пойдем под воду все вместе.

— Танечка, найди, пожалуйста, чехол для подводной съемки, — попросил Олег. — Хочу снимать в этом туннеле, хотя, боюсь, там слишком темно.

«Слишком темно, — повторил про себя Максим. — А это мысль!»

— Со вспышкой, может, что-нибудь и получится, — сказал он. — Надо попробовать.

— Давайте, давайте попробуем! — затормошила его Оксана. — Прямо сейчас! Подумаешь, солнце зайдет! Как будто мы ночью ни разу не погружались!

Ее трескотня разозлила Татьяну.

— Между прочим, — отдельно произнесла она, — этот негр, ко-

торый на самом деле не негр, сказал, чтобы мы вообще как можно скорее убирались отсюда. Здесь опасно, понятно?

Она пожалела о своих словах, прежде чем закончила фразу. Мужчины посмотрели на нее с легкой жалостью. «Трусишка, — отчетливо читалось во взгляде Олега. — И почему ты у меня такая трусишка?»

— Старый пень просто хочет получить с нас бакшиш, — хмыкнул Кольцов. — Я вспомнил: в Каире около Сфинкса промышлял точно такой же тип. Похож на этого, как близнец. Тоже пугал всякими ужа-сами, рассказывал про проклятие фараона, а когда получил десять баксов, сразу же о нем забыл и запел совсем по-другому...

— Кстати, ты заметил: наши египтяне на берег не сошли, — задумчиво проговорил Олег.

«Умница, — с благодарностью подумала Татьяна, — какой он все-таки умница... Поддерживает меня, пусть и считает трусихой».

— Вот именно! — подхватила она. — Даже Ахметка, который таскается за нашей Оксаной, как хвостик, и тот остался на яхте!

— Что? — нахмурился Кольцов. Нахмурился вроде бы всерьез, но Татьяна безошибочно распознала в его голосе фальшь. — Дорогая, это правда? Обезьянка положила на тебя свой блудливый глаз?

Оксана загадочно улыбнулась.

— Ну и что здесь такого? Пусть хоть шею себе свернет, если ему так хочется... Ты же знаешь, я вся твоя, мой сладкий котик!

«Какая пошлость, — подумала Татьяна. — Но как удивительно они подходят друг другу!»

В который раз она поблагодарила небо за то, что пять лет назад приняла предложение Олега. Конечно, Самойлов проигрывал Максу внешне... и плечи у него были уже, и животик больше, в общем, совсем не голливудский типаж. Но за все эти годы она ни разу не пожалела о своем выборе. И не только потому, что Самойлов был главным боссом ОМСИ, а Кольцов лишь его правой рукой.

Главное заключалось в том, что она могла представить себе, как прожить всю жизнь с таким человеком, как Олег, а как прожить жизнь с Максимом — не понимала. Это же должно быть ужасно скучно — жить с таким человеком. Он весь такой целеустремленный, такой правильный, так заботится о том, чтобы во всем и всегда быть первым... Казалось странным, что при подобной нацеленности на успех Максим был в компании вторым номером. «А это потому, — подумала Татьяна, — что Олег талантлив, а он — нет. В Олеге есть божья искра, а Максим холоден, как не остывшая зола. И никогда ему не стать номером первым!»

Если бы Кольцов умел читать мысли, он бы наверняка рассмеялся. Номером первым он собирался стать в ближайшие двадцать четыре часа.

7.

В туннель решили спуститься из лагуны. Кольцов на маленьком «Зодиаке»* навесил «Хатшепсут», которая по-прежнему стояла на якоре у южной оконечности рифа, и попытался уговорить капитана отрядить на остров одного из матросов. Оставляя лагерь без присмотра, имея соседом подозрительного старика, не хотелось. Но Саидбей уперся, как ишак: нес какую-то чушь про то, что граждане Египта не имеют права ступать на суданскую землю и тому подобное... Скорее всего, он просто рассчитывал срубить с арендаторов дополнительный бакшиш, но Кольцов полагал, что и так слишком много заплатил капитану за то, что тот привел яхту к острову. Не договорившись, они расстались, крайне недовольные друг другом.

Пришлось бросать жребий — выяснять, кто же останется в «лавке». Татьяна, правда, сразу же сказала, что не претендует на то, чтобы лезть под воду, но ее никто не слушал. Олег зажал в кулаке четыре спички — три длинные, одну короткую. Короткая досталась Оксане.

— Так нечестно! — обиделась та. — Вы все туннель уже видели, Таня сама отказывалась! А я больше всех хотела поглядеть, и мне же теперь оставаться!

— Не проблема, — попыталась утешить ее Самойлова. — Иди вместо меня, я вообще туда не рвусь...

— Ну уж нет, — возразил Олег, недовольно поглядев на жену. — Зачем тогда было жребий тянуть? Отказываться от результатов жребия — гневить судьбу. Татьяна идет первой, Оксана второй. Дискуссия закончена.

— Ну и ладно, — Оксана закусила губу и отвернулась. Ей до смерти не хотелось оставаться на острове одной, но показывать свой страх не хотелось еще больше. В конце концов в их маленькой компании все роли уже расписаны. У нее ампула дуры, а не трусики.

— Не волнуйся, котенок, — Кольцов полез в палатку, покопался там и вылез обратно с ракетницей в руках. — Вот, это тебе на всякий случай. Спокойнее будет.

* «Зодиак» — надувная лодка с подвесным мотором. Используется для погружения с аквалангом.

— Да вы ж ее не увидите! А эти, на яхте, и не пошевелиятся даже... Максим снисходительно улыбнулся.

— Во-первых, я уверен, что она тебе не понадобится. Во-вторых, если капитан яхты, увидев сигнальную ракету, не придет тебе на помощь, на него можно будет смело подавать в суд, и он это знает. В-третьих, ракетницу можно использовать, как оружие. Видишь, здесь два ствола? Первую ракету в небо, вторую — врагу в живот.

— Ну спасибо, Максик, утешил, — пробормотала шокированная девушка, но ракетницу взяла.

Вода в лагуне была почти горячей.

Ласты надевать пришлось уже на глубине — дно, усеянное острыми кораллами, не позволяло войти в воду спиной вперед, как делается обычно при погружении с берега. На ногах у дайверов были специальные боты из толстой резины с укрепленной подошвой, оберегающие от порезов и — теоретически — от шипов ядовитых рыб, прячущихся в песке. Несмотря на все предосторожности, Татьяна пару раз чуть не вывихнула лодыжку и сильно поцарапала колено. Они уже почти добрались до середины лагуны, а глубины все еще не было. Наконец дно резко ушло вниз. Татьяна надула жилет-компенсатор и легла на спину, натягивая ласты.

«Странно, — подумала она, — это не лагуна получается, а воронка какая-то... Точно, воронка с туннелем посередине. Удивительно, что здесь нет водоворота...»

Подплыл Олег, вооруженный спрятанной в прозрачный пластиковый чехол камерой.

— Ну как, солнышко? Не очень волнуешься?

Татьяна попыталась пожать плечами, но в положении «лежа на воде» это оказалось не так просто.

— Да нет, не особенно... Ластва вот не надевается... Поможешь?

— С удовольствием, — он что-то сделал с ластой, и она легко наделась на резиновый ботинок. — Значит, расклад такой: в туннеле впереди идет Макс, за ним ты, потом я. Это чтобы ты не отстала. Когда выплывем из туннеля, мы с тобой пойдем рядом, параллельным курсом. Главное, не забывай все время дышать, как я тебя учил. Дыхание не задерживай, договорились?

— Конечно, милый, — она поцеловала его в нос и натянула маску. Сжала зубами загубник шланга регулятора, показала мужу колечко из двух пальцев и нажала клапан, стравливающий воздух из БСД.

Туннель она увидела сразу же, как только оказалась под водой.

Если лагуна напоминала Татьяне нестерпимо-синий глаз острова, то туннель был зрачком этого глаза — круглым, черным, гипнотизирующим. Отверстие диаметром метра три окружали коралловые заросли кроваво-красного цвета. В одном месте коралловая изгородь была смята, словно на хрупкие алые конструкции наступила нога гиганта. Или даже не так: будто бы из глубины туннеля выкатился исполинский шар для боулинга и разнес кораллы, как кегли. В этом месте погружаться в туннель было удобнее всего. Кольцов включил фонарь и помахал Татьяне рукой. При мысли о том, что придется следовать за ним в темноту, девушку передернуло. Олег успокаивающе притронулся к ее плечу. Его глаза за голубоватым стеклом маски улыбались.

«Был бы он таким всегда, — некстати подумала Татьяна. — Да я готова за это даже каждый день нырять с его дурацким аквалангом... Что я, собственно, и делаю. Вот для чего — чтобы видеть его счастливым и веселым, а не злым и замученным, как в Москве...»

Она улыбнулась мужу в ответ и, вытянув перед собой руки, последовала за Максимом.

Ничего особенно интересного в туннеле не было — во всяком случае, на взгляд Татьяны. Скучные гладкие стены, редкие пугливые рыбы, прячущиеся в тень при приближении людей... Когда туннель наконец кончился и они выбрались на открытое место у подножия рифа, Татьяна почувствовала облегчение.

«А я и не знала, что страдаю клаустрофобией, — усмехнулась она про себя. — Бедная Оксанка, она так рвется посмотреть на этот подводный дымоход, совершенно не подозревая, что наши мужчины, как всегда, все преувеличили... База нацистских подлодок, как же!»

Олег подплыл к ней, показал большой палец — мол, здорово, а? «Как ребенок, честное слово! — подумала Татьяна. — Ну, пусть радуется...»

Кольцов между тем нашел еще что-то — он отделился от них уже метров на тридцать и висел теперь над роскошным куполом апельсиновых кораллов, подавая им знаки — «плывите сюда!». Приблизившись, Татьяна увидела, что купол раскинулся на самом краю обрыва, уходящего вниз, в темно-синюю глубину моря. Максим указывал на какой-то темный предмет, лежащий у самого основания кораллового куста. Указывал, но брать почему-то не спешил.

Это была рыба, безобразная, покрытая бородавками и какими-то сочащимися гноем язвами, с плоской головой и выпученными глазами, прикрытыми белесой пленкой. Рыба, судя по всему, умирала:

в боку у нее зияла дыра размером с кулак, хотя кто мог позариться на такое страшилище!.. Из дыры медленно вытекала бурая кровь.

Кольцов подплыл к Олегу, показал ему на камеру: снимай, мол. Сам опустился на дно, стянул с левой ноги ласту и очень осторожно подвел ее под издыхающее чудовище. Медленно, боясь спугнуть, поднял ласту вместе с ужасной рыбой на уровень груди и повернулся к объективу камеры.

Татьяна наблюдала за его манипуляциями с плохо скрываемым отвращением. Ясно было, что рыба очень опасна, и Кольцов просто рисуется. Зачем подвергать себя бессмысленному риску? Лишний раз покрасоваться перед ней, показать, какой он герой? Хвастаться потом photographиями в Москве: «Я и смертельно опасное чудовище морских глубин»? А то, что чудовищедохлое, на photographиях не видно. Что ж, вполне в духе Кольцова...

Рыба внезапно открыла глаза и шевельнула хвостом — очень слабо, но достаточно для того, чтобы Максим тут же сбросил ее с ласты. Страшилище медленно опустилось на грунт, не подавая больше никаких признаков жизни. На ласте Кольцова остались бурые разводы и неприятно поблескивающая слизь. Максим отплыл на безопасное расстояние и вытер ласту о песок.

Олег парил над обрывом, вглядываясь в темноту. Потом сделал неуверенное движение, словно бы хотел опуститься вниз, но обернулся и посмотрел на Кольцова.

«Не хочу туда!» — подумала Татьяна, но поняла, что ее мнение не играет здесь никакой роли. Она даже сказать толком ничего не способна, только помотать головой — и никто, разумеется, не станет ее слушать. Максим, понятно, горел желанием разведать что-нибудь новое. Он подплыл к ним, посмотрел туда, куда указывал Олег, и уверенно кивнул. Сделал легкое движение ластами и ушел на глубину.

Спускаться было жутковато, но по крайней мере не так скучно, как плыть по дурацкому туннелю. То, что они принимали за дно, оказалось всего лишь широкой, как поле, площадкой, венчающей древние коралловые структуры, уходившие в сине-зеленую тьму. В нагромождениях уже мертвых, превратившихся в камень, полипов угадывались руины древнего затонувшего города — массивные контрфорсы, тонкие минареты, зубчатые стены. Глубокие расселины, прорезавшие темную гору, казались мрачными провалами между облепленными водорослями и ракушками колоннами исполинского храма. Какому божеству поклонялись в этом храме до того, как над его крышей сомкнулись морские волны, страшно было даже подумать.

А еще ниже они увидели то, что поначалу представилось им игрой света и теней, хотя того света, что проникал сюда с поверхности, для подобной игры было явно недостаточно. То ли аркады, то ли стрельчатые галереи, вырезанные кем-то в известняке. Темные провалы полукруглых окон, нависающие над бездной фестоны каменных кружев. Целый потаенный мир, надежно укрытый от посторонних глаз под толщей вод.

8.

Только оказавшись на берегу, Татьяна почувствовала навалившуюся усталость. Измотанными выглядели и мужчины. Олега пошатывало, Кольцов, ругаясь сквозь зубы, швырнул подбежавшей Оксане под ноги ласты и принялся стягивать с себя гидрокостюм.

— Ну что там, мальчики? — щебетала Оксана, собирая его вещи. — Видели что-нибудь новенькое? Ну, что вы молчите?

— Там полно пещер, — проговорил Олег, снимая маску. — Не гора, а швейцарский сыр какой-то. Заблудиться элементарно.

— Здорово! А вы еще туда пойдете? Только чур я с вами! Ведь пойдете, да?

— Пойдем, — Олег помог Татьяне освободиться от тяжелого баллона. — Только мы там пробыли на десять минут дольше расчетного времени. Теперь четыре часа отдыхать. Ты, Оксаночка, пока приготовь нам пожевать чего-нибудь...

— Да я ж уже приготовила! Рис с морепродуктами — пальчики оближете! — Оксана, державшая в руках костюм и ласты Максима, вдруг осеклась и уставилась на свое бедро. — Что ж это такое, мамочка моя?

Она взвизгнула и выронила снаряжение. Татьяна смотрела на нее, не понимая, что происходит — на загорелой коже девушки с пугающей быстротой расплзлось винно-красное пятно размером с чайное блюдце. Оксана кричала — уже не только от страха, но и от боли: казалось, что еще мгновение, и она начнет кататься по земле, как человек, охваченный пламенем. Олег с Максимом подбежали к ней и крепко схватили за руки.

— погоди, котенок, не дергайся! — Максим повернулся к Татьяне и скомандовал: — Аптечку, быстро!

Татьяна метнулась к палаткам, несколько секунд соображала, где же аптечка, потом вспомнила, рывком откинула крышку контейнера, выхватила сумку с красным крестом, бросилась обратно к лагуне. Оксана, не переставая истошно кричать, билась в руках мужчин, пятно

на ее бедре достигло уже размеров тарелки. Максим выхватил у Самойловой аптечку и, опустившись на корточки, извлек из нее шприц и ампулу с каким-то лекарством.

— Держи ее! — рявкнул Олег. — Мне одному не справиться, она сильная, как лошадь!

Татьяна перехватила руку Оксаны и прижала к себе, стараясь не дотрагиваться до жуткого пятна. Кольцов наполнил лекарством шприц и без всяких церемоний всадил иглу в бедро подруги. Оксана дико взвыла и вырвала руку, угодив Самойловой по челюсти.

— Стоп, стоп, уже все! — Кольцов выдернул иглу и сжал Оксану в стальных объятиях. — Теперь все будет хорошо, я вколол тебе антидот...

Оксана обмякла, глаза ее закатились. «Обморок», — решила про себя Татьяна, опасливо трогая челюсть.

— Что это было? — спросила она дрожащим голосом. Олег пожал плечами.

— Похоже на укус какого-то ядовитого насекомого. Смотри, уже проходит...

Пятно на бедре девушки бледнело, теряя ярко-бордовый оттенок, хотя меньше пока не становилось. Но и расти, к счастью, тоже перестало.

— Боюсь, это я виноват, — сказал Кольцов, осторожно поднимая потерявшую сознание Оксану на руки. — На ласте, видимо, остались следы яда рыбы-камня, хотя, честно говоря, я не понимаю, как это могло произойти. Я же вытер ее, да и потом мы еще сорок минут находились под водой — все должно было смыть начисто...

— Рыба-камень? Та уродина, которую вы фотографировали?

— Ну да, — подтвердил Олег. — Бородавчатка. Самая ядовитая тварь во всем Красном море. Оксана прижала ласту к бедру, вот и получила ожог...

«Не успеет день дважды смениться ночью, один из вас умрет», — вспомнила Татьяна слова выжившего из ума старика. Ее передернуло.

— Но это же не смертельно? — робко спросила она. К огромному ее облегчению, Олег покачал головой.

— Ну что ты, нет, конечно. Вот если наступить на нее босой ногой, тогда все, гроб с музыкой. А так — ожог и ожог. Завтра будет прыгать, как коза.

— Найди мне еще адреналин с кортизолом, — деловито распорядился Кольцов. — А ты, Танечка, вскипяти воду и разведи там перманганат калия, ей сейчас будет полезен горячий компресс.

— Да, не повезло девочке, — хмыкнул Олег, роясь в аптечке. — Так и не увидит туннель и пещеры. Вот что значит — не судьба...

— Может, еще и увидит. Вряд ли мы до завтра успеем исследовать все эти норы...

— Зачем они вам вообще нужны? — нервно перебила Кольцова Татьяна. — Ничего стоящего там нет. Уж лучше за мантами охотиться, и то интереснее...

— Ничего себе! — возмутился Максим. — Да такого подводного дворца нигде не найдешь! Ты знаешь, какой у меня стаж? Семь лет! Тысяча с лишним дайвов! И я за все эти годы подобного не видел!

— Посмотрим, — Олег примирительно поднял руки. — После обеда мы с Максом еще раз туда спустимся, а там уже решим — оставаться здесь или нет. Что скажете, маркиз?

— Согласен с вами, граф, — откликнулся Кольцов. — В любом случае, мы уже первооткрыватели. Теперь осталось лишь подтвердить наш статус. Танюша, солнышко, перекинь, пожалуйста, файлы с камеры на ноутбук — нам понадобится много свободного места на карте памяти...

Его энтузиазм покорибл Татьяна. Как бы она сама ни относилась к Оксане, но Кольцов мог бы и не веселиться так открыто, когда его девушка лежит без сознания. А его, похоже, беспокоят только детали предстоящего погружения. Хотя, конечно, первую помощь он оказал Оксане быстро и четко, чего уж тут.

Она открыла ноутбук, подключила к нему камеру и скопировала файлы на хард-диск. Всего тридцать четыре кадра и шесть видеороликов — негусто. Проверив, открываются ли файлы на ноутбуке, Самойлова стерла их из памяти Nikon'a.

9.

Пока что все шло по плану. Благодаря так вовремя попавшейся под руку бородавчатке, Оксану удалось вывести из игры, не навлекая на себя особых подозрений. Первоначально Кольцов собирался просто запретить девушке спускаться с ними в лабиринт пещер, но запрет нужно было как-то обосновать. Оксана, в отличие от Татьяны, была неплохим дайвером. А брать ее с собой — неоправданный риск. Конечно, свидетель несчастного случая может оказаться очень полезным, но лишь при условии — он увидит именно то, что нужно. А вот это предугадать почти невозможно. Нельзя исключать и вариант, при котором от свидетеля тоже придется избавляться. А два несчастных случая подряд — это все-таки перебор. Поэтому рыба-ка-

мень оказалась для Максима (а может, и для Оксаны) просто подарком судьбы. Жалко, конечно, девочку, но ничего страшного, полечит денечек и к завтрашнему дню будет как новенькая. А вот для некоторых завтра уже не наступит...

Кольцов сделал над собой усилие и согнал с лица мстительную улыбку. Все-таки очень сложно оставаться спокойным, когда до реализации плана, уже давно ставшего смыслом жизни, остались считанные минуты. Сколько лет он ждал подходящего случая, чтобы расправиться с партнером? Три года, четыре? Когда впервые увидел Олега и Татьяну, сидящих во главе стола на десятилетнем юбилее компании? Компании, которую они с Олегом когда-то создавали вместе с нуля и которая каким-то удивительным образом стала вдруг семейным предприятием четы Самойловых?

«Предательство, — подумал Максим, — вот за что я осуждаю его на смерть. Я многое могу простить, но предательство — не способен...»

На этот раз он собирался подчеркнуто медленно, краем глаза наблюдая за натягивающим гидрокостью Самойловым.

— Что-то вы не торопитесь сегодня, маркиз, — недовольно проговорил Олег, подходя. — На солнышке разморило?

Было невыносимо жарко. Термометр показывал сорок градусов, чересчур для конца октября. Но Максим почти не замечал жары.

— Проверьте меня, граф, — попросил он. — Что-то я и вправду какой-то квелый...

Самойлов бегло осмотрел его снаряжение, слегка подтянул ремень спереди и поощрительно хлопнул партнера по плечу.

— Ваша очередь, маркиз.

У Максима перехватило дыхание. Манометр пони-баллона Олега был неисправен — точнее говоря, испорчен. Стрелка на нем показывала 200 атмосфер, но в действительности баллон был пуст. Более внимательный дайвер мог бы почувствовать, что баллон весит меньше, чем обычно, но Кольцов рассчитывал на то, что Самойлов, всегда надевающий пони-баллон после основного, ничего не заметит. И оказался прав.

Кольцов привычно постучал ногтем по стеклу манометра. Стрелка не шелохнулась — она была приклеена прозрачным клеем, который Максим нашел в магазинчике художественных принадлежностей. Помимо прозрачности, этот клей имел еще одно полезное свойство — он легко смывался водой.

— Порядок, — сказал Максим. — Можем погружаться.

На этот раз туннель они прошли быстро, не глаза по сторонам. По предварительной договоренности, на исследование лабиринта пещер отводилось полчаса, плюс десять минут на спуск, пятнадцать минут на подъем. Почти часовой дайв на приличной глубине — серьезная задача даже для опытного дайв-мастера. Именно поэтому уже отработанные этапы маршрута проходили, не теряя лишнего времени. Выплыли из заросшей бурыми водорослями трапезиевидной дыры, прошли над площадкой, на которой Кольцов играл с полудохлой рыбой-камнем, и «прыгнули» с обрыва. Галереи, в которые они так и не рискнули заглянуть утром, начинались ниже отметки в тридцать метров, а где заканчивались, сложно было даже представить. Максим вспомнил подводные башни Blue Hole — знаменитой Голубой Дыры, природного заповедника у берегов Синайского полуострова, где он погружался прошлым летом с командой безбашенных технодайверов. Blue Hole не зря называют Могилой дайв-мастеров: благодаря удивительному капризу природы солнечные лучи пронизывают эту голубую бездну на глубину более ста метров, и многие опытные аквалангисты не могут устоять перед искушением и опускаются все ниже и ниже, пытаясь достичь границ освещенного пространства. Сам Кольцов никогда не погружался глубже семидесяти метров — слишком велик риск азотной истерии, отравления закисью азота, тем самым соединением, которое в просторечии называется «веселящим газом». Отравленный закисью азота дайвер испытывает чувство эйфории и полностью теряет контроль над собой. Может рвануть еще глубже, туда, где чудовищное давление раздавит его череп, как скорлупу яйца, может взмыть вверх, забыв о необходимости декомпрессионных остановок*, а то и просто почувствует себя неуязвимым и сорвет маску. Разрабатывая свой план, Кольцов, разумеется, думал и о таком варианте, но в конце концов посчитал его трудноосуществимым. То решение, которое он принял после длительных раздумий, казалось почти идеальным — с поправкой на то, что по-настоящему идеальных решений не бывает.

Даже эти древние уровни рифа не были полностью мертвыми, как показалось утром. Верхний ярус пещер был полускрыт зарослями

* Декомпрессионные остановки — остановки, которые дайвер обязан делать, поднимаясь с большой глубины (рассчитываются при помощи специальных таблиц). Делаются для предотвращения образования пузырьков азота в крови (декомпрессионная болезнь).

хлыстообразных горгонарий, чьи красные и оранжевые нити медленно колыхались в такт едва заметному течению. Кольцов проплыл между ветвями горгонарий, спугнув стайку алых каменных окуней, и, держа перед собой включенный фонарь, углубился в чернильную тень пещеры.

Здесь было холодно и мрачно. Свет фонаря выхватывал из темноты изломы причудливо изогнутых стен, уродливые наросты на потолке, воронкообразные провалы в полу, ведущие на нижние уровни лабиринта. Несколько раз Кольцов останавливался, чтобы сделать снимок, и тогда вязкую тьму разрывала яркая вспышка электрического света. Самойлов следовал за ним, выдерживая обычную дистанцию в два метра.

«Если бы ты знал, что тебя ожидает, то рванул бы из этой норы, как ошпаренный», — усмехнулся про себя Максим. Он чувствовал почти сексуальное возбуждение — его цель была совсем рядом, достаточно только протянуть руку.

«Ну-ну, не торопись, — осадил он себя. — Не хватало еще запороть все на последнем этапе. Прежде всего надо незаметно зайти к нему за спину. А это не так просто».

Он посмотрел на таймер — прошло уже пятнадцать минут с момента их погружения и пять из них они провели на глубине тридцать метров. Следовало торопиться, еще десять минут — и пора будет поворачивать обратно. И опять Самойлов пропустит его вперед, как всегда. «Может быть, это не случайно? — в который раз подумал Максим. — Может, он подсознательно чувствовал что-то все эти годы и поэтому старался не поворачиваться ко мне спиной?»

Пещера, по которой они плыли, постепенно расширялась, превращаясь в просторную галерею, стены которой скрывала густая тень. Вода стала совсем холодной — это чувствовалось даже сквозь хорошо изолирующий тепло неопреновый гидрокостюм. Максим уловил впереди какое-то движение и остановился, взяв на изготовку камеру.

Вспышка на мгновение приоткрыла завесу мрака, осветив толстые грибообразные колонны, за которыми медленно скользило что-то смутное, огромное — то ли рыба, то ли змея, то ли какая-нибудь доисторическая тварь вроде шотландской Несси. А может быть, это колыхались в первозданной тьме похожие на змей стебли гигантской водоросли. Максим не успел рассмотреть открывшуюся ему картину как следует, потому что как раз в этот момент луч фонаря, которым светил ему в спину Самойлов, вильнул куда-то в сторону и уперся

в одну из приплюснутых колонн. Палец Кольцова нажал на кнопку фонаря раньше, чем он успел сообразить, что делает. Оказавшись в полной темноте, Максим резко ушел вверх и вбок. Олег, казалось, не сразу заметил его исчезновение, продолжая водить лучом фонаря по колонне. Кольцов вытащил нож и, стараясь двигаться очень осторожно, начал заходить партнеру за спину.

Луч фонаря заметался по пещере — Самойлов понял, что внезапно остался один. Слишком поздно. Максим приблизился к нему сзади, протянул руку и одним выверенным движением закрутил вентиль баллона.

Олег обычно использовал пятнадцатилитровые баллоны Viking, идеально подходившие под его рост и вес. Дорогие американские баллоны имели только один недостаток — вентильный механизм на них находился ниже массивной насадки-переходника для «октопуса»*, и дотянуться до него можно было, только сняв жилет.

Самойлов был достаточно опытным дайвером, чтобы не поддаться панике. Воздух может кончиться у аквалангиста по сотне разных причин, и совершенно необязательно перебирать их все. Он начал разворачиваться к Кольцову, одновременно выпустив из рук фонарь. Тот, медленно кружа, опустился на каменный пол галереи. Луч его скользнул по ногам Кольцова, и тот отступил на шаг в темноту, жадно наблюдая за разворачивающейся на его глазах трагедией.

Самойлов, справившись с секундным замешательством, выплюнул загубник. Схватил закрепленный на груди шланг пони-баллона, с силой выдул из него воду, впился в него зубами...

В эту секунду Кольцов включил свой фонарь.

Он увидел искаженное невыразимым ужасом лицо партнера, его глаза, готовые выскочить из орбит, его сведенные судорогой челюсти, сомкнувшиеся на силиконовом загубнике пустого пони-баллона. На короткую долю секунды он испытал ни с чем не сравнимое ощущение безраздельной власти над жизнью человека, который всерьез полагал себя лучше, успешнее и талантливее его, Кольцова. Еще несколько мгновений он мог спасти Самойлова — для этого было достаточно приблизиться и дать ему шланг своего пони-баллона или загубник «октопуса». И эти мгновения были сладостнее всего, что он испытал в своей жизни.

* *Октопус* — резервный аппарат дыхания, подключенный к основному баллону.

Кольцов отступил назад, во тьму. Олег протягивал к нему руки — вряд ли он видел Максима, только свет его фонаря — и приближался какими-то странными рывками. Воздуха у него в легких должно было хватить еще на полминуты, не больше. Все, что требовалось от Кольцова, это терпеть и ждать.

Самойлов, по-видимому, понял, что помощь не придет. Он все еще не мог поверить, что все кончено, что вся его жизнь, сплошная череда побед и успехов, обрывается здесь, в мрачной холодной пещере глубоко под водой. Только теперь он наконец сообразил: ему нужно выпутаться из жилета и попробовать разобраться, что случилось с вентильным механизмом. Но время было упущено.

Когда он попытался расстегнуть ремни жилета, Максим выплыл из тени, перехватил его руки и сжал их так крепко, словно собирался сломать Олегу запястья. Годы посещения фитнес-клубов, изматывающей работы на тренажерах, тонны железа, которые он выжимал лежа, сидя и стоя, занятия в залах бокса и дзюдо, горные лыжи и дайвинг — вся его спортивная подготовка была лишь прелюдией к этому триумфальному движению. Он удерживал Самойлова на безопасном расстоянии от себя, не давая выскользнуть из жилета, и ждал его последнего вдоха. И когда Олег выплюнул наконец бесполезный загубник, чтобы сделать этот вдох, и вода под давлением в пять атмосфер хлынула ему в легкие, Максим смотрел ему в глаза.

10.

На «Хатшепсут» была установлена спутниковая антенна, что позволяло выходить в интернет, используя технологию WiFi. Татьяна настроила соединение и набрала строчку yandex.ru.

Она ввела в поисковик «ядовитые рыбы красного моря», «бородавчатка» и «рыба-камень». Информации по всем трем запросам нашлось так много, что пришлось вводить дополнительный параметр «лечение». С некоторым удивлением она узнала, что все меры, принятые Кольцовым, были совершенно правильными — даже горячий компресс с перманганатом калия, который показался ей издевательством над пострадавшей (еще бы — лечить ожог кипятком!) рекомендовался медиками как хорошее подручное средство нейтрализации нейротоксинов.

«При оказании своевременной первой помощи ожог проходит за 6 — 8 часов», — прочла она на одном из сайтов.

— Потерпи, милая, — сказала Татьяна, потрепав Оксану по растрепанным белокурым волосам. — Скоро твои мучения закончатся.

— Совсем? — через силу усмехнулась девушка. Она лежала на надувном матрасе под тентом, слегка защищавшем от палящего солнца. Татьяна сидела рядом на раскладном стульчике с ноутбуком на коленях.

— Дурочка ты, — почти ласково проговорила Самойлова. Пальцы ее автоматически пробежали по клавишам ноутбука, набирая «рыба-камень летальный исход». «Если нечаянно наступить или дотронуться... стреляющие иглы проникают под кожу... обожженное место распухает, в нем возникает пульсирующая боль... дыхание становится затрудненным, сердцебиение учащенным, в некоторых случаях возникает частичный паралич... боль не прекращается в течение нескольких дней... иногда возможен летальный исход». Что значит «в течение нескольких дней»? А как же «проходит за 6—8 часов»? Вот ведь воистину не всемирная Сеть, а всемирная помойка, каждый что хочет, то и пишет... — Как ты себя чувствуешь? Сердечко не частит?

— Да вроде нормально... Слушай, Танечка, ну что ты возле меня все сидишь, как возле умирающей? Ты ж со мной как мама родная, мне, конечно, приятно, но тебе ж тоже хочется отдохнуть! Сходи вон искупайся, тебе жарко, наверное...

«Стесняется, — неожиданно поняла Самойлова, впервые подумав об Оксане без привычного раздражения. — Не хочет быть мне в тягость... Странно: почему некоторые люди раскрываются с хорошей стороны именно тогда, когда им плохо?»

— Схожу, не волнуйся. Сейчас еще немножко по сайтам полажу и обязательно искупаюсь...

«Повелитель Пунта», — набрала она в строке поиска неожиданно для себя. Как там говорил старик? I am Lord of Punt. Повелитель Пунта... Что-то очень знакомое...

Сказал он мне: «Не много у тебя мирры, то, что есть, — это ладан. Я же повелитель Пунта, и мирра в нем принадлежит мне».

Мирра, ладан? Что-то из Библии? Нет, гораздо раньше. Вот что говорит нам ссылка на энциклопедию Британника: цитата взята из «Сказки о потерпевшем кораблекрушение», древнеегипетского папируса эпохи Среднего Царства...

Расследование увлекло Татьяну. Поначалу она искала информацию на англоязычных сайтах (сказывалась привычка, приобретенная за годы учебы в Лондоне), но вскоре выяснила, что папирус был обнаружен русским египтологом Голенищевым и изучался, главным образом, тоже в России. Существовало несколько переводов этого

текста, в том числе стихотворные, но все они отличались друг от друга незначительно. И говорилось в них об одном и том же...

Сказал сопровождающий лучший: «Да будет благополучно сердце твое, о князь. Вот достигли мы родных берегов; схвачена колоушка, вбит причальный столб, передний канат отдан на землю; воздаются хвалы, прославляют бога; каждый обнимает товарища своего; команда наша пришла невредимой — нет потерь в войске нашем.

Достигли мы границ конечных Вават, миновали мы Сен-мут. Вот же мы, пришли мы в мире на землю нашу, достигли мы ее. Слушай же меня, о князь.

Отправился я к руднику царя, спустился я в море на корабле: 120 локтей в длину его, 40 локтей в ширину его. 120 гребцов на нем, избранных Египта. Видели они небо, видели они землю, храбрее сердца их, чем у львов. Предсказали они бурю прежде, чем пришла непогода, до того, как случилась она.

Буря вышла, когда мы были в море, до того, как коснулись мы земли. Поднялся ветер, сделал он удвоение волны там в восемь локтей. Вот бревно. Ухватился я за него. Начал корабль погибать. Из тех, кто был на нем, не стало ни одного. А я был отнесен к острову волной моря. Провел я три дня в одиночестве, только сердце мое было в качестве сотоварища моего. Спал я в кроне дерева, обнимал я тень. Нашел я инжир, виноград там, лук всякий, плоды кау там вместе с некут, огурцы, подобные возделанным, рыбы там вместе с птицами, — нет того, чего не было бы на нем.

Насытился я и положил на землю то многое, что было в руках моих. Взял я огниво, разжег я огонь, принес я огненную жертву богам. Тогда услышал я раскаты грома. Подумал я — это волны моря. Ломались деревья, земля дрожала. Открыл я лицо мое и увидел я — Змей это.

И вот он шел — в нем 30 локтей в длину, борода его, больше она, чем два локтя, тело его покрыто золотом, брови его из лазурита настоящего. Извивался он, двигаясь вперед.

Открыл он рот свой ко мне, я же на животе моем перед ним. Сказал он мне: «Кто принес тебя, малый, кто принес тебя? Если промедлишь ты с ответом мне, кто принес тебя на остров этот, сделаю я так, что будешь ты пеплом, исчезнешь ты!»

Взял он меня в рот свой и потащил он меня к месту отдохновения своего. Положил он меня без повреждений. Был я цел и невредим. Открыл он рот свой ко мне — я же на животе моем перед ним. Тогда сказал он мне: «Кто принес тебя, кто принес тебя, малый, кто

принес тебя к острову этому в море, берега которого в волнах?» Тогда ответил я ему это — руки мои согнуты в благоговейном жесте перед ним.

Сказал я ему: «Спустился я к руднику по поручению царя на корабле, у которого 120 локтей в длину, 40 локтей в ширину, гребцов 120 на нем, избранных Египта. Видели они небо, видели они землю. Храбрее сердца их, чем у львов. Предсказали они непогоду прежде, чем пришла буря, до того, как случилась она. Каждый там — храбро сердце его. Сильнее рука его более, чем у товарища его. Не было нерадивых среди них. Буря вышла, когда мы были в море, до того, как коснулись мы земли. Поднялся ветер, сделал он удвоение волны в восемь локтей. Вот бревно. Ухватился я за него. Стал корабль погибать. Из тех, кто был на нем, не осталось ни одного, кроме меня. И вот я перед тобой. Принесло меня к острову этому волной моря».

Сказал тогда он мне: «Не бойся, не бойся, малый, не прячь лицо твое. Достиг ты меня. Вот бог, дал он жизнь тебе, принес он тебя к острову этому Ка. Не существует того, чего не было бы внутри его. Наполнен он вещами всякими прекрасными. Вот проведешь ты месяц за месяцем — всего четыре месяца — на острове этом, и придет корабль от родных берегов. Команда там, знакомая тебе. Отправишься ты с ними к родным берегам. Умрешь ты в городе своем. Сколь радостно рассказывать об испытании, когда прошло все печальное. Расскажу же я тебе нечто подобное, случившееся на острове этом.

Был я на нем вместе с соплеменниками и детьми, был среди них. Было нас 75 змей — детей с братьями и сестрами моими. Не напомнил я тебе о дочери меньшей, принесенной мне судьбой. Тогда звезда упала. Стали они огнем в руке ее. Случилось же, что не было меня вместе с ними, когда сгорели они, не было меня среди них. Тогда умер я душой из-за них, когда нашел я их в виде трупа единого. Если силен ты и крепко сердце твое, наполнишь ты объятия твои детьми твоими, поцелуешь ты жену свою, увидишь ты дом свой — прекрасно это более, чем все. Достигнешь ты родных берегов, будешь ты там среди соотечественников твоих, да будешь ты».

Распростерся я на животе моем, прикоснулся я к земле перед ним. Сказал же я ему: «Поведаю я о могуществе твоём царю, чтобы узнал он о величии твоём, сделаю я, что принесут тебе иби, хекену, иуднеб, хесаит, ладан для храма — удовлетворит он бога всякого в нем. Расскажу я обо всем случившемся со мной, об увиденном

мною могуществе твоём. Будут поклоняться тебе в городе перед Высшим Советом земли всей. Зарежу я для тебя быков для огненной жертвы, совершу я жертвоприношение для тебя птицами. Распожусь я, чтобы доставили для тебя корабли, груженные ценностями всякими Египта, как подобает делать это для бога, любящего людей, из страны далекой, о которой не знают люди».

Тогда засмеялся он надо мною, над тем, что сказал я глупость в понимании его. Сказал он мне: «Не много у тебя мирры, то, что есть, — это ладан. Я же повелитель Пунта, и мирра в нем принадлежит мне. Что же касается хекену, о котором ты сказал, что будет принесен мне, то много места для него на острове этом. Случится же следующее: покинешь ты место это. Никогда не увидишь ты остров этот — станет он волной».

Корабль тот пришел, как и предсказал он. Отправился я, влез на высокое дерево и узнал тех, которые на нем. Тогда отправился я сообщить об этом, но понял я, что он уже знает это. Тогда сказал он мне: «Да будешь ты здоров, да будешь ты здоров, малый, в доме твоём. Да увидишь ты детей своих. Сделай имя мое прекрасным в городе твоём — вот это надлежит сделать тебе». Тогда пал я на живот мой. Руки мои согнуты в благоговейном жесте перед ним. Дал он мне груз: мирру, хекену, иуцнеб, хесаит, тишелс, шаасех, черную краску для глаз, хвосты жирафов, большой слиток ладана, бивни слона, охотничьих собак, обезьян гемуф, обезьян киу, — ценности разные прекрасные. Тогда погрузил я это на корабль этот, и пал я на живот мой, чтобы восхвалить бога за него.

Тогда сказал он мне: «Вот приблизишься ты к родным берегам через два месяца, наполнишь ты объятия твои детьми твоими, воскреснешь ты в гробнице твоей». Тогда спустился я к берегу вблизи корабля этого, поднял я лицо и призвал воинов, находившихся на корабле этом. Воздал я хвалы на берегу владыке острова этого. Те, кто на нем, сделали подобное же. Плавание это совершили на север, к резиденции царя. Приблизились мы к родным берегам через два месяца, в соответствии со сказанным им. И пошел я к царю. Вот пришел я к нему и принес дары эти, доставленные с острова этого. Восхвалил он бога за меня перед Высшим Советом земли всей. Наградил он меня титулом «сопровождающий», получил я людей его...»*

* «Сказка о потерпевшем кораблекрушении», XXI в. до н.э., Египет, эпоха Среднего Царства. Перевод Т.А.Шерковой.

«В соответствии со сказанным им, — повторила про себя Татьяна. Корабль тот пришел, как и предсказал он». И еще: «Не успеет день дважды смениться ночью, один из вас умрет...»

Она посмотрела на Оксану. Та дремала, прикрыв глаза рукой с аляповатым золотым браслетом. Ожог на ее бедре заметно побледнел.

— Ты поспи пока, — тихо сказала Татьяна, закрывая ноутбук. — А я и вправду схожу прогуляюсь...

11.

Вторая часть плана была технически проще первой. Но сил, как ни странно, потребовала гораздо больше. Может быть, потому что почти все время, которым располагал Кольцов, ушло на схватку с Олегом.

Первым делом Максим подтащил безжизненное тело партнера к торчавшему из стены треугольному скальному выступу и с некоторым трудом перепилил об острый каменный край шланг высокого давления. Раздался довольно громкий хлопок, шланг разорвало пополам так, что края половинок распушились мелкой махрой. Из шланга ударил фонтан вскипающих пузырей. Воздух, сжатый в баллоне под давлением в 200 атмосфер, вышел из него меньше чем за минуту.

Максим обнял Самойлова за плечи и выволок его из пещеры. Поглядел на приборную панель: времени почти не оставалось. Он провел на глубине на десять минут дольше расчетного времени, теперь нужно было сделать две декомпрессионные остановки, а воздуха у него самого оставалось немного. «Не успеть», — мелькнула предательская мысль, но Кольцов тут же подавил приступ паники. Он с самого начала не собирался возвращаться через туннель, а планировал подняться на поверхность за пределами рифа, так, чтобы его заметили с «Хатшепсут». Самое главное — не допустить ошибки сейчас, на последнем этапе плана.

Прежде всего следовало замести все следы. Собственно, вероятность того, что кто-то захочет провести расследование несчастного случая, произошедшего в территориальных водах Судана, была крайне невелика. Но Кольцов задумывал идеальное убийство и должен был предусмотреть любые случайности.

Он поднялся до площадки, на которой утром нашел рыбу-камень, и принялся стаскивать с Самойлова сбрую пони-баллона. Пустой баллон с испорченным манометром Максим повесил себе на спину,

кое-как закрепив ремнем, а свой, с четырьмя литрами драгоценной газовой смеси, отдал мертвому бадди. На эту операцию ушло еще пять минут. Компьютер на панели уже давно мигал красной лампочкой: пора всплывать! Воздух на исходе! Во рту ощущался характерный кислотный привкус — «вкус последнего глотка», как шутят склонные к черному юмору дайверы.

Он обхватил Самойлова руками крест-накрест и, стравив остатки воздуха в БСД, начал медленно подниматься на поверхность.

12.

— Вы назвали себя повелителем Пунта, — медленно произнесла Татьяна, глядя в немигающие глаза старика. — Пунт — это очень древнее слово.

— А мне очень много лет, леди, — ответил старик. На этот раз он курил кальян — роскошную медную башню, изукрашенную лазурью и серебром. Все прочие декорации оставались неизменными — противно скрипящее кресло-качалка, длинная и низкая лачуга на заднем плане, разбросанные по песку пустые банки из-под пива «Миллер».

— Вы знаете легенду о потерпевшем кораблекрушение? Это тоже очень древняя легенда. Там Змей говорит человеку: «Я — повелитель Пунта». Знаете?

Старик ответил не сразу. Затянулся ароматным дымом кальяна, отчего его пергаментная кожа еще теснее обтянула костистые скулы. Потом медленно сложил худые руки на впалой груди и принялся мерно раскачиваться в своем кресле.

— Это смешная сказка, леди. За многие тысячи лет было всего три человека, которым удалось вернуться с моего острова живыми. Потерпевший кораблекрушение был первым из них. От него люди услышали сказку о добром Змее.

— А другие два? — Татьяна вдруг почувствовала, что готова поведать старику. — Кто они были?

— Одного звали Моисей, — отозвался старик. — Он был жрецом солнечного бога. Имя второго никому не известно, он никогда не рассказывал о встрече со Змеем и ушел из мира вместе со своей тайной.

— Ничего себе, — сказала Татьяна по-русски. Старик удивленно поднял бровь, и она снова перешла на английский. — А почему не вернулись остальные? Повелитель Пунта их убивал?

— Нет, леди. Они все делали сами.

— Почему? Из-за сокровищ?

Старик усмехнулся.

— Посмотри вокруг, — предложил он. — Ты видишь здесь сокровища? Ты видишь мирру, хекену, иуцнеб, хесаит, тишелс, шаасех, черную краску для глаз, хвосты жирафов, слитки ладана, бивни слона, охотничьих собак, обезьян гемуф, обезьян киу? Видишь золото и серебро? Видишь скрижали, на которых записана древняя мудрость погибших племен?

— Ничего я здесь не вижу, — сказала Татьяна с раздражением. — Одни банки из-под пива.

— Каждый видит то, что хочет видеть. Кое-кто верил, что остров Ка хранит все сокровища Пунта. Кто-то приходил сюда, чтобы получить власть. Иные приплывали, чтобы удовлетворить жажду мести. Но все они приносили свою смерть с собой.

Татьяна напряглась. Наступило время задать главный вопрос.

— Вы умеете предсказывать будущее? Как тот, легендарный повелитель Пунта?

Молчание.

— Вы сказали, что один из нас умрет в ближайшие два дня. Сегодня Оксана... подруга делового партнера моего мужа... получила очень сильный ожог. Рыба-камень, знаете? Бородавчатка. Вы ее имели в виду? Она умрет?

— Она умрет, — не стал спорить старик. — Как и все вы. Но я имел в виду не ее. Тот человек... он уже мертв. Это твой муж.

Несколько секунд смысл слов старика не доходил до Самойловой — ей даже показалось, что он перестал говорить по-английски и перешел на тот самый свистяще-шипящий язык, который так поразил ее в прошлый раз.

А потом она поняла — и вскочила на ноги, словно укушенная скорпионом.

— Что вы врете! — закричала Татьяна. — Вы все врете! Мой муж жив! Он сейчас вернется и вобьет ваш лживый язык вам в глотку! Старый мерзавец!

На старика ее крик не произвел никакого впечатления. Он прикрик к кальяну, просто перестав обращать внимание на женщину. Татьяна хотела бросить ему в лицо что-нибудь особенно обидное, но не нашла слов, развернулась и побежала обратно в лагерь.

Там все было по-прежнему. Оксана все еще не просыпалась, пятно на ее бедре приобрело нежно-розовый оттенок и было по виду неотличимо от солнечного ожога. Часы показывали половину пятого, мужчины ушли в море почти час назад. Татьяна ощутила липкое при-

косновение страха. Старик, конечно, был обыкновенным сумасшедшим, пусть даже и знатоком древнеегипетского фольклора, и верить в то, что он действительно умеет предсказывать будущее, могла бы только какая-нибудь дурочка вроде Оксаны. «Но Олег и Максим уже должны были вернуться, — шепнул Татьяне мерзкий внутренний голос. — А их все нет...»

«Жаль, что Олегу нельзя позвонить на мобильный», — подумала Татьяна и едва не рассмеялась истерическим смехом. Привыкла, что в Москве муж доступен в любую минуту, даже на самом важном совещании никогда не отключает телефон, номер которого знает только она. У Олега не было от нее никаких тайн, он слишком дорожил их отношениями. Не позволял себе никаких мальчишников и сомнительных саун, стандартных грешков деловых мужчин. И был всегда доступен по мобильному телефону, где бы ни находился. Но то — в Москве...

«Вернись, — попросила Татьяна, глядя на неподвижное зеркало лагуны, — пожалуйста, вернись. Я никогда больше не оставляю тебя одного, я буду нырять с этим дурацким аквалангом столько раз, сколько ты захочешь, только, пожалуйста, вернись!»

Она смотрела на лагуну, боясь даже на мгновение отвести взгляд, как будто это могло разрушить что-то очень хрупкое и важное. Поэтому она не сразу обратила внимание на крики, доносившиеся со стороны «Хатшепсут». А когда наконец поняла, что матросы кричат по-арабски: «Беда, беда!» — целую минуту не могла заставить себя повернуться.

13.

— Мы потеряли друг друга в лабиринте, — с трудом подбирая слова, проговорил Кольцов. Руки его дрожали: наливая себе и Татьяне коньяк в пластиковые стаканчики, половину он разлил на песок. — Там... там сам черт ногу сломит. Я, как обычно, плыл впереди, потом увидел, что Олега за мной нет... вернулся к выходу... а его и там нет. Видимо, он повернул в какой-то из боковых коридоров. Я минут двадцать его искал. Ты же знаешь, по инструкции я должен был сразу вернуться на поверхность и ждать...

«Это правда, — тупо подумала Татьяна. — Кто только придумал эти людоедские инструкции для дайверов?» «Если вы потеряли вашего бадди под водой, ищите его не более пяти минут, а затем поднимайтесь на поверхность». Конечно, авторы инструкции исходили из принципа минимизации жертв. Но ей-то от этого не легче!

— У меня уже воздух кончился, когда я его нашел, — Кольцов выпил свой коньяк, как воду. — Он застрял в таком длинном узком кармане, там и развернуться-то было негде... Я надеялся, конечно, что Олег еще жив. Долго не мог поверить, Танюш... совал ему свой октопус... а он, понимаешь, он уже не мог...

Голос его прервался. Он схватил бутылку и сделал большой глоток прямо из горлышка.

— Прости, Танечка, прости... Олег — он для меня был как брат... Больше, чем брат...

«Больше, чем брат, — повторила про себя Татьяна. — А ведь правда, больше. Друг, старший партнер по бизнесу, бадди... Кто тебя вывел в люди, кому ты обязан всем, что сейчас имеешь? А что толку, если ты даже спасти его не сумел?»

— Прекрати, — сказала она неожиданно резко. — Прекрати, пожалуйста, у меня болит голова.

«Что я такое говорю? — изумилась Самойлова. — Какая голова? Олег погиб, муж мой, любовь моя, а у меня, видите ли, голова болит! Нет, это не я, это кто-то внутри меня говорит моим голосом, это какой-то паразит, забравшийся в мое тело...»

Максима, однако, ее слова совершенно не удивили. Он часто закивал и плеснул себе еще коньяка.

— Конечно, Танечка. Ты выпей таблетку и ложись спать. Я все устрою. Сейчас свяжемся с береговой охраной, сообщим, дождемся их, все формальности уладим и обратно в Египет. В Дахаб не пойдем, это долго, по такой жаре... ну, ты понимаешь. Высадимся сразу на границе, там до Асуана рукой подать, а в Асуане есть международный аэропорт. Послезавтра уже будем в Москве.

— Да, — механически, как кукла, повторила Татьяна. — Послезавтра будем в Москве.

«Вы все умрете», — сказал страшный старик. Он не был умалишенным. Он точно знал, что Олег мертв. Каким образом — Татьяна не понимала. Но если он предрек им всем смерть на этом острове, значит, ни один из них не вернется в Москву.

Вот только говорить об этом Кольцову не нужно.

— Иди, Максим. Я побуду тут... с Оксаной.

— Как она? — спросил Кольцов. Равнодушно, как будто девушка его совсем не интересовала.

— Лучше. Спит только все время.

— Я ей вколол димедрол с тавегилом, — сказал Максим. — Может до утра продрыхнуть.

«Что-то не так, — подумала Татьяна беспомощно. — Как-то он нелепо говорит, только я не понимаю, в чем странность... Сейчас вот сосредоточусь и пойму...»

— Я возьму «Зодиак», — Кольцов поднялся резким, энергичным движением большого хищника. От его растерянности не осталось и следа. — Не волнуйся, я скоро вернусь.

«Он слишком спокоен, — поняла вдруг Самойлова. — Он играл, когда глотал слезы и проливал коньяк... На самом деле он совершенно спокоен... Он рассуждает четко, по-деловому, как будто ведет заседание совета директоров. Или как будто все уже продумал... давным-давно...»

Она замерла, пораженная внезапно мелькнувшим подозрением. Даже перестала дышать. Кольцов шел по берегу, направляясь к привязанному к пальме «Зодиак». Высокий, широкоплечий, уверенный в себе. *Слишком* уверенный в себе.

«Это невозможно, — кричал ее рассудок, съезживаясь под ледяным взглядом поселившегося у нее внутри Чужого, — он бы никогда так не поступил! Он всем обязан Олегу, без Олега он никто! И потом, они же друзья, сколько раз они погружались вместе и вместе выпутывались из разных переделок... Ты ошибаешься, Максим не мог, не мог специально оставить его там умирать!»

«А ты проверь, — насмешливо ответил рассудку голос завладевшего ее телом паразита. — Ты ведь можешь кое-что проверить, так давай, сделай это! Довольно тешить себя иллюзиями!»

Татьяна откинула крышку ноутбука. Папка «Красное море, 24 октября». Фотографии и видеоролики, сделанные Олегом сегодня утром.

Вот они спускаются по туннелю... Камера рышет по гладким, словно отполированным стенам, время от времени в объектив попадает сама Татьяна — ее длинные ноги, туго затянутая в синий неопрен попка... Ну конечно, ничего удивительного — Олег, снимавший ролик, плыл за ней, вот и не упустил случая лишний раз запечатлеть любимую женщину...

Татьяна всхлипнула и ткнула курсором в другой видеофайл.

Это был именно тот ролик, который она искала. Кольцов, чрезвычайно гордый собой, держит на ласте чудовищную бородавчатку. Позирует перед камерой, выпячивает грудь — не аквалангист, а живая скульптура «Повелитель глубин». Но вот рыба-камень делает вялое движение хвостом... из распоротого бока ее поднимается темное облачко то ли крови, то ли яда, и Максим, мгновенно потеряв всякую

важность, скидывает рыбу на дно. Уродина медленно опускается к подножию кораллового куста, а Кольцов, проворно отплыв в сторону, пытается вытереть ласту о песок. Олег продолжает зачем-то держать его в объективе камеры, и Таня вдруг понимает, что движение, которым Максим вытирает ласту, на самом деле всего лишь имитация движения — между плоскостью ласты и поверхностью дна отчетливо виден разрыв в несколько сантиметров.

Она прокрутила этот ролик несколько раз, пока окончательно не убедилась, что Кольцов и не думал вытирать яд рыбы-камня со своей ласты. Только делал вид. А выбравшись на берег, демонстративно швырнул ласты под ноги Оксане, прекрасно зная, что она так или иначе к ним притрется.

«Теперь у тебя достаточно информации, — вновь прозвучал в ее голове голос Чужого. — Выводы делай сама».

Некоторое время она сидела неподвижно, пытаясь привыкнуть к открывшейся ей новой, отвратительной картине мира. Полными слез глазами она смотрела на нарисованный яркими, щедрыми красками пейзаж райского острова, за которым проступало что-то невыразимо страшное, бесконечно чуждое. Таня видела темно-синюю плиту моря в белых крапинках бурунов, голубое, словно затянутое прозрачной дымкой небо над ним, полосу вскипающего прибоя у первой линии рифов, плетеные стволы пальм с гнущимися по ветру желтовато-зелеными листьями. Видела косо взлетающих над волнами чаек, похожих на оторвавшиеся от полосы прибоя бурунчики. Видела застывшую на фоне окутанного дымкой неба белоснежную красавицу яхту и спешащую к ней надувную моторную лодку, у руля которой сидел убийца ее мужа. А за всей этой фальшивой красотой она каким-то внутренним зрением видела мертвое тело с посиневшим лицом, лежащее на палубе «Хатшепсут» и небрежно прикрытое куском парусины.

14.

— Зачем ты пришла? — спросил старик по-русски. Таня обомлела. Она уже смирилась с тем, что хозяин острова может предсказывать будущее, но это было уже слишком.

— Я могу говорить на любом языке. Я — повелитель Пунта.

Она покорно склонила голову.

— Прошу вас извинить меня... Я была не права, что не верила вам. Мой муж действительно погиб в море...

Старик ничего не ответил, но что-то в его холодном, немигающем взгляде подсказало Тане, что он ждет продолжения.

— Мне кажется, это не был несчастный случай.

И снова молчание.

— Вы ведь знаете все... скажите — это Кольцов его убил? Кольцов — его деловой партнер. Я думаю, это сделал он. Скажите мне!

— Это что-то изменит? — поинтересовался старик. — Если я скажу тебе, что твоего мужа убил его товарищ, вернет ли правда твоего мужа к жизни? Воскреснет ли он в гробнице своей?

Таня закусила губу и помотала головой.

— Нет. Но я хочу знать!

— Да, — сказал старик без всякого выражения. — Твоего мужа убили. Его товарищ напал на него сзади и убил... Тебе легче?

— Зачем? — прошептала Таня. — Зачем он это сделал?

И опять хозяин острова ответил не сразу.

— Ты уверена, что хочешь знать?

— Уверена. Скажите мне. Скажите мне все.

Луч закатного солнца отразился от блестящего зеркала лагуны и ударил старику в лицо. Тот прикрыл глаза рукой, и на мгновение Тане показалось, что она видит струящиеся переливы серебристой чешуи.

— Из-за тебя. Товарищ твоего мужа желал тебя. Он убеждал себя в том, что хочет убить своего друга, чтобы завладеть его имуществом, его деньгами, присвоить себе компанию, которая принадлежала им обоим. Но на самом деле он хотел только тебя.

— Он бы не смог, — быстро сказала Таня. — Он бы не смог прибрать к рукам компанию, потому что на самом деле она принадлежала нам троим...

— Вот именно, — усмехнулся старик. — Вам троим. Убив твоего мужа, он делал первый шаг к тому, чтобы завладеть тобой. Вам пришлось бы вместе вести дела. Понемногу он окружил бы тебя заботой. Постарался бы сделать так, чтобы ты привыкла к нему, чтобы ты не могла без него обходиться. Он знал, что когда боль утраты станет не такой острой, ты сама согласишься...

— Нет! — крикнула Таня. — Никогда! Он никогда не сможет...

И осеклась.

Поняла, что именно так все и случилось бы. Несмотря на то, что Максим никогда не нравился ей и не питал на этот счет никаких иллюзий. У нее просто не осталось бы другого выхода. Это Кольцов считал точно.

Несколько минут она сидела молча, глядя в одну точку. Старик неторопливо раскачивался в кресле-качалке.

— Я хочу отомстить, — сказала она наконец. — Вы мне можете?

На этот раз молчание хозяина острова едва не раздавило ее. Тянулось бесконечное ожидание. Потом старик открыл наконец свой черный, похожий на пещеру рот.

— Я помогу. Но тебе придется заплатить, и цена будет велика.

— Почему? — спросила Таня, чувствуя, как отпускает ее вцепившаяся в сердце безысходность. — Почему вы не потребовали никакой платы с потерпевшего кораблекрушение? Или это просто сказка?

— Нет, — голос повелителя Пунта прозвучал холодно и твердо. — Тот, которого ты называешь потерпевшим кораблекрушение, ничего не просил у меня. Он просто хотел вернуться домой.

— А я, — сказала Таня решительно, — хочу, чтобы этот подонок попал в ад. И для этого я готова сделать все, что потребуется.

— Принеси мне тело своего мужа, — потребовал старик.

15.

Оксана проснулась от холода.

Пока она спала, на остров спустилась ночь, но никто не позаботился укрыть ее хотя бы полотенцем. Теперь ее бил озноб: легкий ветерок, дувший с моря, казался ледяным. Бедро все еще болело, хотя и не так невыносимо, как раньше.

— Эй, — позвала Оксана слабым, охрипшим голосом. — Эй, кто-нибудь! Попить дайте!

Горло саднило так, словно его изнутри начистили наждаком. Ужасно хотелось горячего чаю с лимоном. Но никто не спешил принести ей даже простой воды.

«Куда же все подевались? — подумала девушка. Сон еще не до конца выпустил ее из своих мягких лап, в голове была какая-то вата. — Ну, мужики, наверное, в море, хотя какие сейчас погружения, вон ночь на дворе... А где же Танька? Тут ведь сидела, рядышком...»

Она со стоном приподнялась на своем матрасе, увидела опрокинутый раскладной стульчик, косо воткнувшийся в песок ноутбук и ощутила острый укол тревоги. Похоже, Татьяна убежала, бросив ее на произвол судьбы.

«Что-то случилось, — решила Оксана. — И не с Танькой, а с кем-то из мужиков».

Над раскинутыми веером верхушками пальм висела серебряная, неестественно яркая луна. В ее свете покрытая пупырышками кожа девушки отливала мертвенной синевой.

«Как покойница, честное слово! — ужаснулась Оксана, пытаюсь встать на ноги. Получилось только с третьей попытки. — Вот же уроды, бросили голую на берегу, а сами куда-то свалили...»

Лагерь был пуст. Ветер с моря трепал расстегнутые клапаны палаток. Тент, под которым спала Оксана, покосился, потому что одна из опор выскочила из песка, и вот-вот готов был рухнуть. Костер, судя по холодным углям, не разводили со вчерашнего вечера.

«Они меня бросили, — подумала девушка. — Уплыли на своей яхте, а меня бросили здесь. Одну на острове, с этим жутким прокаженным...»

Не успела она как следует испугаться, как увидела огни «Хатшепсут» — яхта по-прежнему стояла на якоре недалеко от берега. Да и вряд ли ее компаньоны оставили бы на берегу дорогие палатки и снаряжение. По крайней мере, с баулами с гидрокостюмами и баллонами они точно не расстанутся.

Оксана, бормоча под нос невнятные ругательства, рылась в вещах, пытаюсь найти термос — она помнила, что перед утренним погружением заваривала чай на всю компанию. Термос она так и не нашла, но откопала джинсы и кофту, которые сразу же на себя и натянула. В лунном свете что-то блеснуло, и Оксана, протянув руку, вытащила из песка бутылку «Хеннесси», в которой еще плескалось на два пальца коньяка.

— Коньяк, — проговорила она жалобно, — не чай, конечно, но тоже ничего...

Она запрокинула бутылку к небу и осушила ее одним большим глотком. Закашлялась.

Что-то огромное, черное закрыло собой блестящую монету луны. Сразу стало темно, сильный порыв ветра зашумел жесткими листьями пальм.

Оксана медленно, преодолевая рвущийся из глубины души страх, повернулась. Над перистыми кронами деревьев вырастала гибкая, как гигантский хлыст, тень. Тень поднялась в зенит, замерла, раскачиваясь, затем закрутилась черной спиралью и опала. Оксана ожидала услышать хруст ломаемых, как спички, деревьев, но все происходило в полнейшей тишине. Только когда тень исчезла окончательно, со стороны лагуны донесся слабый плеск волн.

Оксана выронила пустую бутылку и, не обращая внимания на боль в обожженном бедре, бросилась к берегу. Где-то там есть надувная лодка, на которой можно добраться до яхты. Пусть компаньоны считают ее трусихой, пусть обвиняют в том, что она забрала лодку,

бросив всех на произвол судьбы, но на этом страшном острове она больше не останется ни минуты.

Но где же эта чертова лодка?

«Зодиак» исчез. Оксана точно помнила, что Максим привязывал его крепким канатом к кривой, похожей на изогнутую саблю пальме. Теперь там не было ни лодки, ни каната. Берег оказался пуст. Лагерь брошен. Оксана окончательно уверилась: пока она спала, на острове произошло что-то страшное.

«Надо уходить, — повторяла она про себя, — надо немедленно уходить!»

Но как? Добираться до яхты вплавь? Днем, она, пожалуй, рискнула бы, но не сейчас, не в крошечной темноте, когда можно запросто разбить голову о рифы в полосе прилива. Что же делать? Может, надеть акваланг и попробовать пройти под водой? Если сразу уйти на глубину, волны будут не страшны... А с полным баллоном можно, пожалуй, не только до яхты доплыть, но и до суданского берега...

Но для этого нужно возвращаться в лагерь. Снаряжение осталось там... во всяком случае, два баула она видела точно. Вернуться?

Пока Оксана раздумывала, в серебряной полосе лунного света, протянувшейся между островом и яхтой, мелькнула какая-то черная точка. «Зодиак»? Нет, не слышно тарахтения мотора, разве что кто-то идет на веслах... Тогда что же это? Оксана приподнялась на цыпочки и принялась пристально всматриваться вдаль. Точек, оказывается, было две, и они приближались к острову — не так быстро, как хотелось бы девушке, но все-таки приближались. Вскоре Оксане удалось различить появляющуюся над волнами маску аквалангиста — стекло поблескивало в лунном сиянии. Но за головой плывущего к острову дайвера двигался какой-то черный вытянутый предмет. Пока Оксана безуспешно старалась понять, что это такое, пловец свернул в сторону и покинул лунную дорожку. Вместе с ним пропал из зоны видимости и загадочный объект.

Оксана запаниковала. Таинственный аквалангист явно не собирался выходить на берег там, где она его ждала. Судя по всему, он решил обогнуть остров с запада. Идти к нему навстречу? Но кто знает, что творится там, на обратной стороне острова, куда Оксана не удосужилась заглянуть и при свете дня? Это Татьяна, неугомонная душа, успела облазить весь остров, а Оксана все время сидела в лагере, с ракетницей на коленях...

Мысль о ракетнице неожиданно придала ей мужества. Ну конечно, как же она могла забыть! Сейчас она вернется в лагерь, отыщет

ракетницу — какое-никакое, но оружие! — и отправится на поиски аквалангиста. А если не найдет, то по крайней мере сумеет подать сигнал на «Хатшепсут».

Ракетница лежала там, где она ее и оставила — на пластиковом контейнере с грузовыми поясами, в их с Максимом палатке. Оксана припомнила инструкции Кольцова, проверила, заряжен ли пистолет, и, держа его перед собой, осторожно двинулась вдоль берега.

Песчаная полоска пляжа, по которой она шла, оказалась усеяна осколками кораллов, острыми раковинами и какими-то шипастыми шариками, которые искололи ей все пятки. С каждым шагом Оксана все больше жалела, что не задержалась в лагере еще на пару минут, чтобы найти фонарик. «А умная девочка к тому же надела бы нормальную обувь и не таскалась по острову в дурацких вьетнамках», — мысленно обругала она себя. В следующую секунду она услышала впереди какой-то звук и резко остановилась.

За небольшой пальмовой рощицей, спускающейся почти к самой полосе прибоя, что-то двигалось. Оксана слышала чье-то прерывистое дыхание, шорох песка, невнятное бормотание — кто-то волок по песку что-то тяжелое, часто останавливаясь, ругаясь вполголоса, кашля и отплевываясь. Почему-то эти звуки ужасно напугали Оксану: ей представилось, что там, за пальмами, ворочается огромное животное, вроде медведя, хотя откуда взяться медведю на коралловом острове? Захотелось бежать куда глаза глядят, но тут до Оксаны внезапно дошло, что голос, который она слышит, принадлежит женщине. Это открытие сразу успокоило ее. Сжимая обеими руками ракетницу, она решительно пересекла рощу и вышла на залитую лунной прогалину.

Она увидела тонкую, гибкую фигуру, в которую вцепилась какая-то темная, бесформенная туша. В первое мгновение Оксане показалось, что туша тянет свою жертву к морю, и только увидев глубокую борозду, проложенную в мокром песке, она поняла, что все обстоит как раз наоборот: женщина изо всех сил пыталась оттащить свою ношу в глубь острова.

— Таня? — неуверенно произнесла девушка. Фигура выпрямилась, темная туша безжизненно сползла к ее ногам.

— А, это ты, — казалось, Татьяна совсем не удивлена. — Очень вовремя. Помоги мне, пожалуйста, а то я одна не справлюсь.

Оксана осторожно приблизилась, по-прежнему держа пистолет на изготовку. Вгляделась в то, что черной грудой лежало у ног Татьяны, и едва сдержалась, чтобы не закричать.

— Это Олег, — сказала Татьяна ровным голосом. — Он умер.

— Меня сейчас стошнит, — проговорила Оксана, стараясь не смотреть на распухшее, синее лицо Самойлова. — Зачем ты его туда тащишь?

— Так надо. И ты мне сейчас поможешь.

— Я не могу, — прошептала Оксана. — Я боюсь мертвецов... Тачечка, пожалуйста, не надо...

— Закинь его руку себе на шею, — скомандовала Татьяна, не обращая внимания на ее бормотание. — Стой, погоди, я сама. Не держайся, стой спокойно. Да не дрожи так! Все, потащили. Видишь, вдвоем гораздо легче...

16.

Максим сидел в каюте Саид-бея и ждал, пока тот закончит составлять протокол. Квалификация Саид-бея могла вызвать сомнения, но формально капитан считался руководителем сафари, а значит, составление юридических документов лежало именно на нем.

Писал Саид-бей по-арабски, время от времени зачитывая Кольцову отдельные абзацы и переводя их на английский. Максим записывал английский текст на отдельном листе бумаги, так что в итоге должно было получиться два протокола.

— Нарушив инструкцию, мистер Самойлов удалился от своего партнера, — переводил Саид-бей. — Он заплыл в опасное место, где получил повреждение шланга своего дыхательного аппарата... Вы записали?

— «Опасное место» — очень расплывчатый термин, — заметил Максим. — Я нашел его в расщелине, где было полно острых камней. Один из этих камней разорвал ему шланг. Это нужно обязательно отметить.

— Хорошо, — не стал спорить Саид-бей и что-то исправил в своей бумажке. — Так... получил повреждение шланга своего дыхательного аппарата... По неизвестным причинам — в скобках: по-видимому, находясь в состоянии стресса — мистер Самойлов не воспользовался своим пони-баллоном, хотя тот был в полном порядке...

Все оказалось даже проще, чем предполагал Максим. Капитан нес ответственность за безопасность участников сафари, поэтому протокол в любом случае был бы составлен так, чтобы возложить всю вину на самого погибшего. А суданская береговая охрана, с которой удалось связаться только с третьей попытки, наотрез отказалась высылать к острову катер, потребовав, чтобы «Хатшепсут» сама шла в ближайший порт.

«И зачем только я так заморачивался? — лениво подумал Кольцов. — Какое, к чертям, расследование? Никому ничего не надо... Но все-таки я молодец. Получилось у меня идеальное убийство!»

Однако прежнего возбуждения он от этой мысли не почувствовал. Восторг первых минут прошел, на душе было тяжело, как в душевной и прокуренной комнате.

Кто-то с силой забарабанил в дверь каюты. Саид-бей недовольно отложил ручку, крихтя, поднялся и откинул задвижку замка. На пороге стоял один из матросов — тот самый Ахметка, который ходил хвостом за Оксаной. Лицо у него было белое, как брынза.

Он что-то быстро залопотал по-арабски. Саид-бей задышал с присвистом, побагровел и вдруг громко гаркнул на Ахметку так, что того вынесло в коридор. Потом повернулся к Максиму и, запинаясь, проговорил:

— Матрос говорит, мистер Самойлов пропал...

Кольцову показалось, что он ослышался.

— Что значит — пропал? Он же мертвый!

На Саид-бея было жалко смотреть. Он стал совсем красным, на лбу его выступили крупные капли пота.

— Тело, — пробормотал он, подыскивая подходящее английское слово. — Труп. Труп мистера Самойлова пропал...

Кольцов выскочил из каюты и бросился на палубу. Кусок парусины, под которым лежало тело Олега, был отброшен к фальшборту. Свет фонаря, раскачивавшегося на мачте, скользил по темному пятну на досках палубы — гидрокостюм с Самойлова снимать не стали, и воды под ним натекло изрядно. «И осталось от него одно мокрое место, — подумал Максим, — вот уж, действительно...»

Куда делся труп, он понял сразу: достаточно было посветить фонарем, чтобы увидеть тянущийся к корме мокрый след. Кто-то отволокло тело на корму и скинул его в воду. Вопрос только — зачем?

— Соберите команду, — приказал он Саид-бею. — Обыщите «Хатшепсут» — всю, до последнего закоулка. И выясните, может быть, это кто-то из ваших бездельников выкинул труп за борт. А я возьму «Зодиак» и обойду вокруг яхты. Утонуть он не мог, значит, болтается где-то поблизости.

Неприятности, однако, на этом не закончились. «Зодиак», принайтованный к борту «Хатшепсут» канатом, напоминал скомканную грудку тряпья. Кто-то проколол его боковые секции ножом, и теперь тяжелый мотор «Ямаха» полностью ушел в воду, борта лодки сдулись и над волнами торчал только ее вздернутый нос.

Кольцов заскрипел зубами. Тот, кто похитил труп Самойлова, действовал по хорошо продуманному плану.

...Итак, у него появился враг. Враг, который, возможно, догадывается о том, что Самойлов погиб не случайно. Правда, для чего ему понадобилось тело Олега, Кольцов все равно не понимал. И это было хуже всего.

«Нужно уходить, — сказал себе Максим. — Нужно срочно забирать Таню, дуру Оксанку и уходить в ближайший суданский порт. Вот только как теперь эвакуировать лагерь без «Зодиака»?

На яхте была еще маленькая, так называемая «капитанская» шлюпка, рассчитанная на двоих. Именно на ней Максима доставили на остров после того, как он поднялся на поверхность с телом Самойлова поблизости от «Хатшепсут». Правда, матрос, который отвез Кольцова на остров, наотрез отказался подходить к самому берегу и рванул обратно к яхте сразу же, как только Максим, матерясь, спрыгнул со шлюпки в воду. Чертовы египтяне — суеверные, словно бабы! Все члены команды, включая Саид-бея, боялись острова, как чумы.

Капитанскую шлюпку Саид-бей отдавать не хотел. Ругался, брызгал слюной, жаловался, что русские принесли ему столько несчастий, сколько у него не было за всю жизнь. Остров проклят, кричал он, наливаясь дурной кровью и заходясь астматическим кашлем, к нему вообще нельзя приближаться, а глупые русские ступили на его землю и навлекли на свою голову страшные кары... Он уже потерял «Зодиак», а ведь тот стоит целое состояние (о том, что лодка была застрахована, Саид-бей, разумеется, не вспомнил)! Теперь у него хотят отобрать и шлюпку! Немыслимая наглость!

Перекричать капитана было нереально. Кольцов достал бумажник и начал выкладывать перед Саид-беем двадцатидолларовые банкноты. На десятой банкноте капитан поутих, на двадцатой замолчал совсем. Капитанскую шлюпку Кольцов получил в свое распоряжение за пятьсот долларов. Ему показалось, что Саид-бей включил в эту сумму и стоимость самой шлюпки — видимо, назад получить ее уже не рассчитывал.

Сопровождать его, разумеется, никто не захотел. Спустили шлюпку на воду — и на том спасибо. Берясь за весла, Кольцов остро пожалел о том, что из оружия при нем только подводный нож. В лагере, правда, лежит зачехленное гарпунное ружье, купленное на черном рынке в Дахабе. Но до него еще нужно добраться...

Он греб к острову, уверенный в том, что таинственный враг ждет его.

17.

Тащить Самойлова пришлось не так уж и далеко, хотя Оксане этот путь показался бесконечным. Мертвое тело было просто нереально тяжелым — как хрупкая Таня смогла вытянуть его из воды, оставалось загадкой. Впрочем, Оксане было не до загадок. Ее трясло от страха; кофта, соприкасавшаяся с гидрокостюмом Олега, моментально промокла и прилипла к коже. «А что если это кровь? — пугала себя Оксана. — Вдруг я уже вся в его крови перемазалась...»

Ей ужасно хотелось бросить труп и бежать, но она не могла. Стыдно было признаться, но она боялась Татьяну. В Самойловой что-то изменилось, как будто лопнула целлофановая кукла и из оболочки выглянула совершенно другая женщина. И эта женщина имела над Оксаной загадочную власть.

Они проломились через кусты, ошарапавшие Оксане лицо и руки, и вышли к центральной лагуне. В неподвижной воде отражался круглый серебряный глаз луны. Неподалеку, метрах в тридцати, чернела под пальмами жалкая лачуга старика, похожая на собранный из подручных материалов ангар для лодки.

— Нам нужно отнести его туда, — сказала Татьяна, показывая на хижину. Сказала так буднично, словно отдавала распоряжение приготовить обед.

— Я не хочу, — пролепетала Оксана. — Там этот ужасный старик...

— Он не ужасный, — ответила Татьяна. — И не старик. И его там нет.

«Откуда ты знаешь?» — хотела спросить Оксана, но не смогла заставить себя открыть рот. Говорить с этой новой Татьяной было еще страшнее, чем тащить труп. Она знала что-то такое, чего Оксана предпочла бы не знать никогда в жизни.

Они немножко передохнули, снова подхватили мертвого Олега под мышки и потащили к лачуге старика. Когда до хижины оставалось шагов пятнадцать, Оксана заметила, что в хижине горит свет.

Нет, горит — не то слово. Мертвенное, синеватое свечение едва сочилось из щелей лачуги, как будто там, внутри, на последнем издыхании работала кварцевая лампа. Песок, на который попадали отблески этого странного света, казался черным.

Оксана почувствовала, как у нее подгибаются колени. Ей представилось, что синий свет падает ей на лицо и оно на глазах чернеет, превращаясь в обугленную маску. Она отпустила руку мертвеца и рухнула на землю, всхлипывая и размазывая по щекам слезы.

— Не пойду дальше! — бессвязно бормотала она, молотя кулачка-

ми по песку. — Не пойду! Отпусти меня, Танечка, пожалуйста! Там ужас какой-то, я не хочу, не хочу туда идти!

Небрежно заткнув за пояс ракетница вывалилась на песок, но Оксана этого не заметила. Ей хотелось только одного: чтобы ее оставили в покое. Она понимала, что если Татьяна сейчас скажет: «Хватит реветь, тряпка, вставай!», ей придется подниматься и тащить труп дальше. К счастью, Татьяне, видимо, надоели ее истерики.

— Ладно, — равнодушно отозвалась она. — Сама справлюсь.

Самойлова закинула обе руки трупа себе на шею и, покачиваясь под его тяжестью, побрела к хижине. Оксана, глотая слезы, смотрела ей вслед.

Она видела, как Татьяна свалила свою жуткую ношу на землю у самой двери лачуги. Как встала на колени перед этой дверью и несколько раз поклонилась ей — низко-низко. Смотреть на это было очень страшно, но заставить себя отвернуться Оксана не могла.

Потом дверь открылась, и на лоснящийся неопреновый костюм Татьяны упал отблеск синего света. У порога хижины произошло какое-то движение — Оксане показалось, что Самойлова заталкивает труп в открывшуюся дверь. Мелькнуло что-то черное, похожее на шланг регулятора. В следующую секунду синий свет потускнел, дверь закрылась. Стало очень тихо. Оксана слышала, как вода в лагуне с едва различимым шелестом трется о берег.

Она стояла на четвереньках, глядя на слегка подсвеченный синим силуэт лачуги. Нужно было уходить, и как можно скорее, пока не случилось что-то совсем уж кошмарное. Уходить, убегать, добираться вплавь до яхты, умолять капитана скорее сниматься с якоря и возвращаться в Египет. Но она не могла даже пошевелиться.

«Божечка, — тихо скулила про себя Оксана. — Божечка мой родненький, я плохая девочка, я знаю... Я в тебя не верила, родителей не слушала, уехала в эту чертову Москву, век бы ее не видать... Как будто дома плохо, ой, Божечка, какая ж я глупая! Но я правда больше не буду, я все эти глупости брошу, замуж выйду, ребеночка рожу... В церковь ходить буду хоть каждый день! Только, пожалуйста, сделай так, чтоб я жива осталась... Я так боюсь, так боюсь... Пожалей же меня, я ж тут совсем одна, на этом острове...»

Слезы стекали по ее щекам и падали на песок.

Слезы мешали ей видеть, застилали глаза пеленой. Потом Оксана услышала скрип старых досок, скрежет жести — и поняла, что дверь отворилась снова.

— Пойдем, — сказал в недостижимой высоте голос Татьяны. — Вытри слезы и вставай. Он ждет тебя.

18.

Провести лодку через рифы ночью оказалось чертовски сложным делом, но Кольцов справился. Причалил он в сотне метров от лагеря — на всякий случай. Он вытащил шлюпку на песок и забросал ее пальмовыми листьями. История с «Зодиак» его кое-чему научила.

Фонарь он включать не стал — луна давала достаточно света, чтобы без особого шума приблизиться к лагерю. Максим крался между пальмами, сжимая в руке нож и чувствуя себя совершенным идиотом. Кем бы ни был его загадочный противник, одну победу ему уже удалось одержать: он сломал сценарий Кольцова, превратил уважаемого туриста в какого-то нелепого диверсанта, вынужденного играть в казаки-разбойники. От кого он спрячется на острове, где кроме него и девочек живет только сумасшедший старик? От этого старика? Максим ни на минуту не допускал мысли, что у древней развалины хватит сил, чтобы доплыть до яхты, украсть труп Самойлова и напоследок дюжину раз продырявить «Зодиак». Но почему он так уверен, что старик живет на острове один? Он что, обошел весь этот дурацкий атолл? Да и хибара старика, если хорошенько подумать, с самого начала показалась ему непропорционально длинной для одного человека. Низкой, да, но очень длинной...

К тому моменту, когда Максим добрался до лагеря, он был практически уверен, что имеет дело с человеком, который все это время скрывался в хижине у лагуны. Новая игра обретала хоть какой-то смысл: теперь Кольцову противостоял уже не бесплотный «призрак острова», а вполне реальный араб, Мустафа или Ибрагим, скрывавшийся здесь от суданских властей. Вот только для чего ему понадобился труп Самойлова?

Выходить на открытое место Кольцов не решился. Он тенью скользнул за свою палатку и осторожно, чтобы не производить лишнего шума, вспорол ножом прочную ткань. Жаль, конечно, вещь дорогая, но жизнь дороже. Отогнув разрезанный кусок, заглянул внутрь — палатка была пуста. Максим ужом заполз внутрь, встал на четвереньки и осмотрелся. Вещи вроде бы пребывали в относительном порядке, то есть в беспорядке, конечно, но таком, который не напоминает обыск или визит стаи обезьян. Кольцов зачем-то потрогал мат-

рас Оксаны, покрутил в руках брошенное у изголовья зеркальце. Похоже, девушка в палатку не возвращалась.

Контейнер, в котором лежало гарпунное ружье, оказался на месте. Кольцов откинул крышку, вытащил тяжелый сверток, расчехлил оружие. Руки почти не дрожали. Зарядив ружье двухсотграммовым трезубцем, он взвел пружину и поставил на предохранитель. Почувствовал, как успокаивается зачавшившее было сердце.

«Ну, — мысленно сказал он невидимому противнику, — вот теперь поиграем...»

Покинул он палатку так же, как и вошел в нее — ползком через проделанное в задней стенке отверстие. Обошел пляж по большой дуге, стараясь держаться в тени пальм. Убедился, что в лагере действительно никого нет, и только после этого рискнул подойти к покосившемуся тенту, под которым несколько часов назад оставил убитую горем Таню и спящую Оксану.

Если где и похозяйничала стая взбесившихся обезьян, то как раз под тентом. Все здесь было перевернуто вверх дном, раскрытый нутбук валялся в песке, на экране застыл поставленный на паузу кадр утреннего видеоролика. Матрас, на котором спала Оксана, был отброшен почти к погасшему костру, аптечка перевернута, лекарства раскиданы в радиусе двух метров. Валялась пустая бутылка из-под «Хеннесси» — а ведь Максим четко помнил, что не допил коньяк. Впрочем, это как раз могли сделать и сами девушки. Напились и устроили пьяный дебош? Кольцов скептически хмыкнул. Нет, похоже, здесь тоже побывал его таинственный враг. И хорошо, если девушкам удалось убежать...

При мысли о том, что Таня могла попасть в лапы какому-нибудь арабскому хмырю, у Максима противно засосало под ложечкой. Таня, такая гордая, такая неприступная... Все эти годы она хранила верность своему обожаемому мужу, своему Олежке — это Кольцов знал точно, этот вопрос выясняли для него в Москве серьезные люди, привыкшие отвечать за свои слова. И Олега Кольцов заранее готов был ей простить — в конце концов, Олег уже заплатил ему ужасом своих последних секунд за все те годы, что Татьяна провела рядом с ним. Но представить, что его Таню насилует грязный араб, было выше его сил. Все равно что выиграть Самый Главный Приз на Самых Главных Соревнованиях и смотреть, как блестящий золотой кубок затаптывает в вонючую грязь толпа пьяных гогочущих уродов.

«Надо идти к хижине, — сказал он себе. — Таня, скорее всего, там,

а если нет, надо брать старого мухомора за шиворот и вытряхивать из него всю правду».

Он уловил сзади какое-то движение, резко развернулся — и никого не увидел. Вроде бы что-то светлое мелькнуло между стволами пальм. Птица? Какой-нибудь зверек вроде лемура? Чушь, откуда здесь лемуры... Сердце колотилось, как будто Максим только что пробежал пятикилометровый кросс. Светлое пятно мелькнуло снова, на этот раз уже дальше. Это человек, понял вдруг Кольцов. Голый человек...

Он пригнулся и побежал вслед за удаляющимся светлым силуэтом.

Максим и забыл, каким, в сущности, маленьким был их коралловый остров. Он проскочил пальмовую рощу и вылетел на берег лагуны. Луна заливала пляж своим холодным сиянием, и холодным серебром светилась обнаженная кожа стоявшей на берегу девушки.

— Оксана? — проговорил Кольцов хрипло. — Оксана, девочка, что с тобой?

Девушка повернулась и посмотрела ему в глаза. Взгляд ее Максима не понравился. Он уже видел однажды у нее такой взгляд — когда увозил Оксану из ночного клуба, где она перебрала экстази.

— Со мной? — переспросила она непонимающе. — Со мной все в порядке, милый.

«Бред какой-то, — подумал Максим. — Неужели они действительно напились с горя и затеяли какие-нибудь русалочки и гришца?»

— Почему ты голая? Простудишься, холодно же! И где Татьяна?

— Простужусь? — Оксана улыбнулась, блеснув красивыми крепкими зубами. — Нет, милый, не беспокойся. Мне это не грозит.

Она вскинула руки, словно хотела снять с неба луну и бросить ее в лагуну. Двинулась навстречу Максиму, зазывно покачивая бедрами.

«Нализалась какой-нибудь гадости, — брезгливо подумал Кольцов. — Или нашла в аптечке таблетки... Закинулась и бегаёт теперь голая по острову...»

— Где Татьяна? — повторил он, повысив голос. — Ты ее видела?

Оксана рассмеялась и подошла к нему совсем близко. Стояла в двух шагах, дразня своей наготой.

— Видела, милый. С ней все хорошо. Пойдем купаться, а? Пойдем! Вода такая теплая...

Максим не шелохнулся, и тогда она положила руки ему на плечи. Руки у нее были ледяные.

— Ты совсем замерзла, — сказал он, стараясь говорить медленно и внятно, как разговаривают с пьяными или сумасшедшими. — Тебе нужно немедленно одеться и выпить чего-нибудь согревающего. Но прежде скажи мне, где Татьяна.

— А зачем она тебе, милый? Может быть, ты любишь ее больше, чем меня? Может быть, ты вообще приплыл на этот остров только ради нее? Я ведь права, Максик?

— Не мели чепухи, — Кольцов попытался отстраниться, но Оксана держала его крепко. — Я приехал за вами обеими. Мы плывем в Египет, немедленно. У меня нет времени на эти дурацкие выяснения отношений...

— Они совсем не дурацкие! — обиделась Оксана. — Я ведь правда думала, что ты меня любишь. Замуж за тебя хотела, хотя и знала, что ты на мне не женишься. Но надеялась, знаешь, как надеялась!

Она прижалась к нему всем телом, обвила руками, ткнулась ледяными губами в ухо, торопливо зашептала:

— И все тебе прощала, даже то, что ты все это время любил Татьяну. Думаешь, не видела? Да я бы все тебе простила, только бы быть с тобой. А вот рыбу эту — извини, не прощу.

— Какую рыбу? — тупо спросил Кольцов и вдруг почувствовал боль. словно дюжина раскаленных игл вонзилась ему в правую ногу. Он дернулся, взглянул вниз — и замер от ужаса и отвращения.

На бедре Оксаны багровым клеймом проступал давешний ожог. Нет, не просто ожог — там, где минуту назад была чистая, отшлифованная лунным серебром кожа, вспухали страшные волдыри, раскрывались кровоточащие язвы, лопались мерзкие гнойники. Сочившаяся из них сукровица, как кислота, прожгла его джинсы там, где они соприкасались с ногой девушки, и теперь разъедала его плоть.

— Мне тоже было больно, — доверительно шепнула ему Оксана. — Очень больно, милый.

Кольцов рванулся, пытаясь освободиться — безуспешно. Девушка будто приклеилась к нему, ее руки сомкнулись у него за спиной стальным капканом. Боль в ноге с каждой секундой становилась все невыносимее. Максим взвыл и изо всех сил ударил Оксану головой в лицо.

Хрустнула кость. Из носа Оксаны хлынула темная кровь, и девушка отпрянула, на мгновение ослабив хватку. Кольцов оттолкнул ее и, прихрамывая, бросился бежать.

Добежав до лагуны, он обернулся. Оксана, всхлипывая, ползала по песку. «Так тебе и надо, сука, — подумал Максим со злостью. — Скажи спасибо, что вообще не убил...»

Он вытащил нож и располосовал правую штанину от лодыжки до середины бедра. Нога выглядела так, будто на нее плеснули крутым кипятком.

— Ах ты тварь, — растерянно пробормотал он, — как же ты меня так, а?

Вместо ответа Кольцов услышал громкий металлический шелчок. На этот раз боль пронзила левую ногу. Он закричал и, покачнувшись, упал на колени.

Из левой ноги Максима торчал металлический стержень — тот самый двухсотграммовый трезубец, которым он собственноручно зарядил гарпунное ружье. Ружье он, видимо, выронил, когда боролся с Оксаной. Вот что она искала, ползая на четвереньках!

Хитрая сука!

Кольцов попытался встать и не смог. Попытался вырвать трезубец из бедра — и чуть не потерял сознание от боли. В конце концов он пополз по песку, опираясь на руки и то и дело заваливаясь на правый бок, словно искалеченный рак-отшельник. Оксана приближалась к нему, сжимая в руках разряженное ружье.

«Она же с ума сошла, как я сразу не понял! — подумал Максим. — Сейчас забудь меня этим ружьем насмерть...»

Он полз по берегу, не замечая, что движется по направлению к хижине старика. Оксана медленно шла за ним, словно наслаждаясь его унижением и страхом. Лицо ее, залитое кровью, напоминало маску жестокой богини мщения.

— Ксана, — прохрипел Кольцов, чувствуя, что силы оставляют его. — Ксана, девочка, я прошу тебя! Мы же не чужие друг другу люди! Давай прекратим все это безумие, ну пожалуйста! Я люблю тебя, девочка! Хочешь замуж — прекрасно. Вернемся в Москву и сразу же идем в ЗАГС. Я знаю, ты всегда хотела венчаться — мы повенчаемся. Полетим в свадебное путешествие на Сейшелы... Только прошу тебя, брось это ружье и помоги мне. Я все для тебя сделаю, обещаю...

Он продолжал бормотать бессмысленные слова, а сам все отползал и отползал от надвигающейся на него обнаженной, окровавленной богини, пока не наткнулся спиной на что-то твердое, наполовину закопанное в песок. Камень? Нет, вроде бы металл. Кольцов со стоном повалился на бок, попытался дотянуться до твердого предме-

та. Пальцы сомкнулись на пластиковой рукоятке, нащупали металлическую скобу, спусковой крючок...

Ракетница.

«Благодарю тебя, Господи!»

Времени на раздумья не оставалось. Оксана была уже в пяти шагах, уже поднимала ружье, чтобы ударить. Молясь, чтобы пистолет был заряжен, Кольцов выбросил вперед руку с ракетницей и потянул тугой крючок на себя.

Перед глазами у него вспыхнул огненный цветок. Ракета, шипя, прочертила короткую сверкающую дугу и ударила Оксану в живот.

Девушка закричала.

Кольцов, приподнявшись на локтях, смотрел, как она зажимает руками расплзающееся по животу темное пятно. Богиня мщения в одно мгновение превратилась в маленькую, смертельно напуганную девочку.

«Смертельно, — подумал Максим. — Ключевое слово — смертельно».

Он смотрел, как его бывшая подруга корчится на песке, и не испытывал ничего, кроме холодного любопытства естествоиспытателя. Как выглядит смерть под водой, он уже видел. Теперь пришла пора посмотреть, как выглядит смерть на суше...

— Ты убил ее, — произнес чей-то голос у него за спиной. — Зачем ты убил ее, Максим?

Кольцов вывернул шею так, что хрустнули позвонки. Оказывалось, он почти дополз до уродливой лачуги сумасшедшего старика — до нее оставалось от силы пятнадцать шагов. А на полпути между ним и хижинкой стояла Татьяна.

Она тоже была совершенно обнаженной. И выглядела куда соблазнительнее, чем Оксана. Но Максиму сейчас было не до эротических переживаний.

— Я защищался, — прохрипел он. — Видишь гарпун? Она стреляла в меня. Хотела убить...

— Хотела? — усмехнулась Самойлова, и Кольцов вдруг подумал, что если она дотронется до него, то ее руки будут такими же ледяными, как у Оксаны. — Но убил ее ты. Как и моего мужа, да, Максим?

— Нет! — взвизгнул Кольцов. — Я не убивал Олега! Это был несчастный случай! Несчастный случай, понимаешь?

Татьяна подошла ближе и присела рядом с ним на корточки. Прямо перед собой Максим видел ее крепкие маленькие груди с выпук-

лыми коричневыми сосками. Кожа ее отливала голубым и казалась почти прозрачной.

— Ты ударил его в спину, — сказала она спокойно. — Олег всегда опасался, что ты сумеешь оказаться у него за спиной. Поэтому всегда шел вторым. Но ты перехитрил его.

Кольцову показалось, что в голосе ее промелькнуло что-то вроде уважения. Внезапно он понял, что врать больше не имеет смысла. Все, что он сейчас может ей сказать, не будет иметь никакого значения. Все, кроме...

— Танечка, — задыхаясь от волнения, проговорил он, — Танечка, я люблю тебя. Я сделал это ради тебя. Я не мог выносить этого унижения, пойми! Он жил с тобой, спал с тобой, он сделал из тебя икону и молился на тебя... А какое он имел право? Ведь ты же для меня предназначена, ты же моя судьба, я люблю тебя, Танечка...

Татьяна негромко засмеялась.

— Пять минут назад ты признавался в любви Оксане. А потом застрелил ее.

Она снисходительно потрепала его по щеке и выпрямилась во весь рост.

— Может, ты и меня застрелишь, а, Макс? У тебя в ракетнице как раз остался один патрон.

Кольцова будто хлестнули по лицу мокрой тряпкой. Он приподнялся на локтях и швырнул пистолет прямо ей под ноги.

— Таня! Да как ты могла подумать! Я — тебя? Да я ради тебя весь мир на колени поставлю! Вот увидишь, это не просто слова. У тебя будет все, все, понимаешь? То, что тебе давал Олег — пыль, по сравнению с тем, что дам тебе я! Только будь со мной, Танечка! Я никогда никого не любил, кроме тебя!

— Как трогательно, — сказала Татьяна, поднимая ракетницу. — А я никогда не любила никого, кроме своего мужа.

Она направила пистолет на Максима и улыбнулась.

— Если ты думаешь, что я не смогу выстрелить в тебя, убудодок, то сильно ошибаешься. Я сделаю это с удовольствием. Но поскольку ты так красиво говорил здесь о своих чувствах, я, пожалуй, дам тебе шанс.

— Шанс? — растерянно переспросил Максим. Он не мог поверить, что так ошибся в этой женщине. Как ему могло показаться, что она на его стороне? Что она разгадала его замысел, но не осуждает его, а даже в некоторой степени гордится им?

— Если ты сумеешь переплыть лагуну, я обещаю оставить тебе жизнь. Не буду преследовать тебя, не сдам тебя полиции. Живи, если сможешь. Но сначала ты должен переплыть лагуну.

— Я ранен, — быстро сказал Кольцов. — Как я поплыву с такой железкой в ноге?

Ствол ракетницы уперся ему в переносицу.

— А вот это меня не интересует.

Максим неловко развернулся и пополз к воде. Правую ногу как будто поджаривали на адской сковороде, левую сводило судорогой каждый раз, когда торчавший из нее гарпун задевал за камень или втыкался в песок.

«Ничего, — думал он, стараясь не закричать от боли, — я переплы-
ву эту чертову лагуну. На одних руках переплыву. Подумаешь, гар-
пун...»

Оказалось, однако, что он недооценил все коварство замысла. Дно лагуны у самого берега состояло сплошь из острых, как бритва, кораллов, и скользких камней. Руки Максима превратились в изрезанные и кровоточащие куски мяса, прежде чем он добрался до настоящей глубины.

Когда дно под ногами Кольцова наконец ушло вниз, он сделал глубокий вдох и перевернулся на спину, едва сдерживаясь, чтобы не завывать от боли. Черный купол южного неба висел над ним, отражаясь в водах лагуны россыпью крупных звезд.

До берега было метров двадцать. «Спасен, — подумал Максим. — Даже если она сейчас выстрелит в меня, то наверняка не попадет».

Мысль эта не принесла ему никакой радости. Все, что происходило с ним в последние полчаса, казалось кошмарным сном, и единственным желанием Максима было поскорее проснуться.

Что-то с силой потянуло его вниз. Он глотнул соленой воды, вынырнул, отплеываясь, забил руками по неподвижному зеркалу лагуны.

И снова ушел под воду.

Максим был хорошим пловцом и неплохим ныряльщиком. Перед тем как уйти на глубину, он успел как следует вдохнуть воздух. Его тренированным легким этого должно было хватить минуты на полторы.

Сначала он ничего не увидел — поднявшаяся со дна илистая муть клубилась вокруг, словно дымовая завеса. Он чувствовал: кто-то, вцепившийся сзади в пояс его джинсов, тянет его все глубже и глубже. Пытался извернуться, чтобы схватиться с невидимым врагом врукопашную, и не мог.

А потом хватка ослабла, и Максим все-таки повернулся к своему противнику.

У него за спиной скалился Олег. У Олега было посиневшее, раздувшееся лицо и мертвые, лишенные всякого выражения глаза.

Но он улыбался.

19.

Старик сидит в своем кресле, скрипучем и древнем, отхлебывает из банки дрянное американское пиво и смотрит на воды лагуны. Он сидит так много, много дней. Так много, что уже не помнит, сколько их было. Не помнит, менялся ли узор созвездий над островом. Приплывали ли на остров корабли с изящными изогнутыми носами, с грузом мирры, золота и черных жемчужин, которые порой снятся ему в красочных снах.

Он не помнит, как его зовут. Он — повелитель Пунта, и этот ничего не значащий уже много тысяч лет титул заменяет ему имя.

Боги стареют, вот печальная истина, которую открывают для себя все бессмертные на этой земле. Боги становятся дряхлыми и забывчивыми. Они перестают вмешиваться в судьбы людей, предоставляя их самим себе. Когда-то старику казалось забавным играть с людьми, искажая или выпрямляя линии их судеб. Это время прошло. Теперь он устал и потерял интерес к играм. Если людям хочется играть, он не мешает им — только и всего.

Люди раз за разом приходят на остров, будто надеются найти здесь скрытые сокровища. Ведь его остров — это остров Ка, и не существует того, чего не было бы внутри его. «Наполнен он вещами всякими прекрасными», — говорил он когда-то египетскому мореходу, и это была правда. Но не вся.

Не существует того, чего не было бы внутри его. Все, что находит свое отражение в душе человека, есть и на острове. В этом — вторая, ужасная часть правды острова Ка.

Старик смотрит на сонную гладь лагуны и думает о кораблях с парусами, золотыми, как восходящее солнце.

Автор выражает глубокую признательность своему инструктору Ахмаду Мохаммеду из Макади-Бей — за профессиональную подготовку, своему другу Владимиру Смирнову — за своевременные консультации и ценные советы, а также своему бадди Кэтрин — за резервный источник воздуха.

П И Т Е Р Б И Г Л

ДАР

Иллюстрация Любимилы ОДИНЦОВОЙ

Нет, нельзя его убивать, — твердо сказал мистер Люк. — Твоей маме это не понравится, — и, подумав, добавил: — Да и я, наверное, расстроюсь.

— Это еще не все, — возразила Энжи с мелодраматичным нажимом, как в рекламе чудо-швабры. — Далеко не все. Я тебе не рассказала про «начинку» в кексах...

— Нет, рассказала.

— И про то, как он выболтал Дженифер Уильямс о том, что я купила ей на день рождения, а она закатила истерику, потому что у нее уже было два таких...

— Он хотел как лучше, — осторожно вставил отец. — Я почти уверен.

— А потом он наябедничал маме про нас с Орландом Крузом, а мы вообще ничего такого не делали.

— Все равно. Никаких убийств.

Смахнув со лба потные мышино-русые волосы, Энжи зашла с другой стороны:

— А хотя бы чуточку покалечить можно? Честное слово, он это заслужил.

— Не сомневаюсь, — согласился мистер Люк. — Но тебе двенадцать, а Марвину восемь. Восемь с половиной. Ты больше его, поэтому бить его нечестно. Когда тебе будет... ну, скажем, двадцать, а ему шестнадцать с половиной, тогда ладно, можешь попробовать. Но не раньше.

Фырканье Энжи можно было принять или не принять за согласие. Она уже собралась выйти из комнаты, но отец, протянув правую руку, позвал ее:

— Клянись мизинцем, дружок.

Энжи поглядела на него настороженно, но без заминки зацепила своим мизинцем его, что было ошибкой.

— Слишком уж ты легко согласилась, — нахмурился отец. — Клянись Баффи.

— Что? Нельзя клясться телесериалом!

— Где это написано?.. Повторяй за мной. Клянусь Баффи, истребительницей вампиров...

— Ты правда мне не доверяешь?!

— Клянусь Баффи, истребительницей вампиров, что и пальцем не трону младшего брата...

— Младшего брата-монстра. С тех пор как он повелся с этим... как его там... он стал еще хуже.

— ...и перестану звать его Гуталаксом...

— Да брось. Я обзываюсь, только когда он совсем меня достает.

— ...пока он не достигнет возраста шестнадцати лет и шести месяцев, по истечении...

— По истечении этого срока я сделаю из него котлету. Идет. Могу и подождать.

Она расплылась в улыбке, потом смущенно отвернулась, старательно прикрывая нижней губой новенькую пластинку. У двери она оглянулась и бросила через плечо:

— Слишком ты умный для отца.

— Я и сам часто так думаю, — ответил уже скрывшийся за книгой мистер Люк.

Остаток вечера Энжи провела у себя в комнате, делая по телефону домашнее задание со своей лучшей подругой Мелиссой Фельдмен. Закончив и сочтя, что теперь достойна награды в виде обезжиренного мороженого, она спустилась на кухню. Путь лежал мимо двери в комнату брата. Заглянув туда (не потому что там ждало что-то интересное, а потому что Марвин вечно болтался у ее собственной двери, с увлечением наблюдая, что она делает), она увидела, как он, лежа на полу, играет с Миледи, их старенькой серой кошкой. Тут не было ничего необычного. Марвин и Миледи дружили с тех пор, как он достаточно порос, чтобы понять: кошек не едят. Но Энжи застыла как вкопанная из-за того, что играли они в «Монополию» и что Миледи как будто выигрывала.

Завороженная и испуганная одновременно, Энжи прислонилась к косяку. Марвину приходилось бросать кости за обоих; и старую кошку слишком мучил артрит, поэтому ей было трудно управляться с мелкими пластмассовыми денежками «Монополии». Но она ждала очереди и передвигала своего игрока (у нее был серебряный цилиндр) очень тщательно, словно обдумывала возможные варианты. Она уже приобрела отель на Парк-плейс.

Едва заметив, что сестра наблюдает за игрой, Марвин тут же вскочил и захлопнул дверь у нее перед носом, а Энжи отправилась конфисковывать большую, чем планировалось, порцию мороженого. Когда в контейнере уже показалось дно, ей удалось затолкать увиденное подалее, в тот уголок мозга, который она называла «забывчивость». Как она однажды сказала подруге Мелиссе: «Иногда информации бывает слишком много, но я не дам себя использовать. Никогда не буду знать больше, чем хочу. Только взгляни, каково президенту».

Следующую неделю или около того Марвин старался не попадаться Энжи на глаза, и уже одно это заставило ее слегка насторожиться.

С Марвином не мешало помнить: если его нигде не видно, держи ухо востро. И тем не менее на поверхности все было довольно мирно. Так продолжалось до того вечера, когда Марвин отправился танцевать с пакетами для мусора.

Поскольку наутро должны были вывозить мусор, миссис Люк дала ему два больших зеленых пластиковых мешка, чтобы он отнес их к бакам у подъездной дорожки. Марвин постоянно хныкал из-за обязанностей по дому, поэтому Энжи осталась у открытого окна: удостовериться, что он не бросит пакеты в траву и не сбежит в какую-нибудь свою тайную «берлогу». Миссис Люк вернулась в гостиную, где по телевизору шли новости, но Энжи еще стояла у окна, когда Марвин, укладкой оглянувшись по сторонам, пробормотал несколько слов, которых она не разобрала, а потом что-то сделал левой рукой, так быстро, что она увидела лишь размытое движение. И два зеленых мешка заплясали.

Колени у Энжи подкосились, и она, сама того не заметив, осела на подоконник. Марвин выпустил мешки из рук, и они закачались подле него — назад, вперед, из стороны в сторону, и проделывали это в унисон, к тому же в точности вторя его шагам, словно он «звезда», а они «подтанцовка». К изумлению Энжи, Марвин прищелкивал пальцами и выдавал степ (ей бы и в голову не пришло, что он такое умеет), и пока троица приближалась к мусорным бакам, у мешков отросли зеленые ручки и ножки. Когда же они достигли цели, танцоры Марвина тут же обмякли и снова превратились в мешки с мусором. Марвин перевалил их через край, отряхнул руки и повернулся к дому.

Тут он встретился взглядом с сестрой, но ни один из них не произнес ни слова.

Энжи поманила его к себе. Столкнувшись у двери, они уставились друг на друга.

— В мою комнату, — только и сказала Энжи.

Марвин потащился за ней, глядя куда угодно, только не на сестру. Усевшись на кровати, Энжи смерила его внимательным взглядом: пухленький и перепачканный, с непокорной гривой ржаво-русых волос и повязкой на глазу, призванной усмирить иногда косящий левый глаз.

— Ну, выкладывай, — велела она.

— Что выкладывать? — В восемь с половиной лет у Марвина был глубокий с хрипотцой голос, вроде глухого кваканья. Мистер Люк упорно повторял, что перед тем как родиться, лягушонок превратился в мальчика. — Я твой кейс для CD-дисков не ломал.

— Нет, сломал, — сказала Энжи. — Но я не о том. Поговорим-ка про мешки с мусором. Поговорим про «Монополию».

Ко лжи Марвин относился крайне практично: в критической ситуации всегда говорил правду, пока в голову не приходило что получше. Сейчас он сообщил:

— Предупреждаю, ты мне неверишь.

— Никогда и не верила. Валяй, попробуй.

— Ладно. Я ведьма.

Когда Энжи наконец обрела дар речи, то выпалила первое, что пришло ей на ум и чего она позже до скончания века стеснялась:

— Ты не можешь быть ведьмой. Ты мальчик, а значит, маг, или колдун, или еще что.

«Неужели я такое говорю?» — подумала она.

Марвин так сильно затряс головой, что едва не слетела повязка.

— Ха! Это в книжках и в кино. Человек — мужчина-ведьма или женщина-ведьма, вот и все. Я мужчина-ведьма.

— Если вешаешь мне лапшу на уши, ты покойник, — пригрозила Энжи.

Ее братец скалился как пират (дома он часто повязывал на голову бандану и вечно упраскивал мистера Люка купить ему попугая).

— Спроси Лидию, — предложил он. — Это она догадалась.

Лидия дель Кармен де Мадеро-и-Гомес была домработницей Люков еще до рождения Энжи. Она приехала из Сьего де Авила на Кубе и утверждала, что, когда девушкой работала в семье Кастро, меняла подгузники маленькому Фиделю. Все эти годы (никто не знал, сколько ей лет, а Люки и подавно) глаза у Лидии оставались ясными, как у ребенка, и временами Энжи плакала, завидуя ее прекрасной морщинистой темной-претемной коже. Лидия хорошо ладила с Энжи, говорила по-испански с ее матерью и учила мистера Люка готовить блюда кубинской кухни. Очевидно и другое: Марвин с пеленок был ее любимчиком. По субботам они ходили в кино на испанские фильмы, а еще за покупками в баррио на Боуэн-стрит.

— Догадалась... — повторила Энжи. — О чем? Лидия тоже ведьма?

Во взгляде Марвина читалось, что он никак не возьмет в толк, откуда у его родителей такая дочка.

— Нет, конечно, она не ведьма. Она сантера.

Энжи вздрогнула. О сантерии она знала столько же, сколько любая американка, выросшая в крупном городе со все растущими кварталами африканцев и латиноамериканцев — то есть кое-что. Газетные ста-

тьи и документальные фильмы сообщали, что сантерии приносят в жертву козлов и кур и... что-то делают с кровью. Она попыталась представить себе Марвина с окровавленными руками и бройлером, но не смогла.

— Значит, Лидия тебя в это втянула? — спросила она наконец. — Ты тоже сантеро?

— Не-а. Я же тебе сказал, я ведьма. — Раздражение Марвина достигало критической массы.

— Вика? — не унималась Энжи. — Ты поклоняешься Великой Богине? У нас в классе есть одна такая девочка, Делвин Маргелис. Она вика и только об этом и твердит. Шабаты, эшбаты, притянуть Луну на Землю и так далее. Кожа у нее, как терка для сыра.

Марвин недоуменно моргнул, а потом внезапно плюхнулся на ее кровать и схватил ковылявшую мимо Миледи, чтобы шумно выдохнуть в мохнатое брюшко.

— Я уже знал, что кое-что могу. Помнишь резинового утенка и ту игру в баскетбол?

Энжи помнила. Особенно резинового утенка.

— Так вот. Лидия отвела меня к очень-очень старой тете на фермерском рынке, она даже старше Лидии, и ее зовут Йемайя... ну что-то вроде того. Она курит такую смешную трубочку. Ну вот, старуха меня взяла за лицо и посмотрела мне в глаза, а потом свои закрыла и так сидела долго-долго! — Марвин хихикнул. — Я думал, она заснула, и начал пятиться, но Лидия мне не позволила. Так старуха сидела и сидела, а потом открыла глаза и сказала, что я brujo, то есть ведьма по-испански. А Лидия купила мне рожок с двумя шариками мороженого с «M&Ms».

— К пятнадцати годам все зубы растеряешь, — уколола Энжи, поскольку не знала, что сказать, какой вопрос задать. — И это все? Старуха дает тебе уроки колдовства или еще чего-нибудь?

— Не-а, я же сказал, она большая сантера, это другое. Я ее только раз и видел. Она все твердила Лидии, что у меня есть el regalo — кажется, это значит дар, она часто это слово повторяла — и что мне надо практиковаться. Как тебе на кларнете.

Энжи поморщилась. Руки у нее были маленькие, с толстыми пальцами, и музыка утекала сквозь них, словно дождь. Родители из сочувствия предложили отменить уроки кларнета, но она отказалась. Как Энжи призналась подруге Мелиссе, она не умеет мириться с поражением.

Сейчас она спросила:

— И как ты практикуешься? Играешь с мешками мусора?

Марвин покачал головой.

— Надоело. И «Монополия» с Миледи тоже. Я думаю, может, удастся заставить посуду саму себя помыть, как в «Красавице и чудовище». Готов поспорить, я сумею.

— Можешь заколдовать мои уроки, — предложила Энжи. — Алгебру для начала.

— Я же еще маленький, — фыркнул брат. — Ты про домашнее задание?

— Ага, — кивнула Энжи. — Ладно. Слушай, как насчет того, чтобы наложить крутое заклятие на Тима Хабли? В следующий же раз, когда он придет к нам с Мелиссой? Например, чтобы ноги у него стали совсем плоские и он не мог играть в баскетбол. Это единственное, чем он ее привлекает. Или... — Тут она помешкала и нерешительно продолжила: — Как насчет того, чтобы Джейк Петракис безумно, очертя голову, по уши в меня влюбился? Было бы... забавно.

Марвин был занят Миледи.

— Девчоночьи игры, кому это нужно? Я хочу стать таким волшебником, чтобы все пожелали оказаться на моей стороне. Хочу, чтобы у толстого Джоша Уилсона на обоих глазах были повязки, и тогда он оставит меня в покое. Хочу, чтобы мама каждый вечер заказывала пиццу-пепперони с тонкой корочкой, папа...

— Никаких заклятий на папу с мамой! Никаких! — Вскочив на ноги, Энжи угрожающе нависла над братом. — Слышишь, Гуталакс? Только попробуй что-нибудь с ними учинить, и уж поверь, тебе понадобятся чертовски хорошие чары, чтобы я тебя не задушила. Понял?

Марвин кивнул, а Энжи, успокоившись, сказала:

— Ладно, знаешь что? Как насчет того, чтобы попрактиковаться на тете Каролине, когда она придет на выходные?

Пухленькая пиратская физиономия Марвина расплылась в улыбке. Тетя Каролина приходилась матери старшей сестрой и славилась в семье Люков тем, что знала все обо всем. Она была приятным и порядочным человеком, но вечная мина самодовольного всезнания даже святого превратила бы в убийцу-маньяка. Назови страну, и окажется, что тетя Каролина провела там достаточно времени, чтобы знать о ней больше любого местного жителя; упомяни газетную статью, и тетя Каролина обязательно расскажет что-нибудь на ту же тему (чего в газете не было); подхвати простуду, и тетя Каролина назовет девичью фамилию матери лучшего медэксперта по риновирусам (мистер Люк часто

повторял, что девиз тети Каролины: «Только открой рот и, готова поспорить, ошибешься»).

— Только ничего опасного, — предупредила Энжи. — Ничего пугающего. И не ставь ее в неловкое положение, идет?

Марвин насунился:

— А что же тогда осталось?

— Если сделаешь что-то серьезное, они поймут, что это ты, — указала сестра. — Я бы догадалась.

Марвин, любивший переодевания, сдался.

Всю неделю до прибытия тети Каролины Марвин вел себя так примерно, что миссис Люк заволновалась, не заболел ли он. Энжи изо всех сил за ним приглядывала, но так и не сообразила, что он затевает, и вообще, она заподозрила, что Марвин сам этого не знает. Однажды она застала его за переключением каналов без пульта, в другой раз, оставленный на кухне чистить картошку и морковку для супа, он предоставил работать ножу, а сам читал комиксы в воскресной газете. Подобное отсутствие амбиций чуть умерило смутное беспокойство Энжи относительно большого семейного обеда, который традиционно устраивали в первый вечер визита тети Каролины.

Среди прочего тетя Каролина была из тех женщин, которые не способны поехать куда-либо, не попытавшись там скупить полгорода. Ее дом был до отказа набит сувенирами со всего света: детскими игрушками из Словении, статуэтками из Пакистана, кольцами для салфеток в виде львов и жирафов из Кении, мириадами медных браслетов, шкатулок и деревянных божков из Индии и таким количеством русских матрешек, что она раздавала их в качестве подарков каждое Рождество. И приезжая к Люкам, она обязательно прихватывала с собой новое приобретение, чтобы им все полюбовались. Поэтому, говоря словами мистера Люка, обед с тетей Каролиной был всегда «временем похвал и похвалыбы».

Самый последний вояж привел ее (уже в третий или четвертый раз) в Западную Африку, откуда она вывезла очередное сокровище: зловонного вида куклу — такой злой Энжи в жизни не видела. Кукла возвышалась на два фута возле тарелки тети Каролины, имела уши, как у летучей мыши, излишек пальцев и глаза в виде двух зеленых камешков с сеточкой красных прожилок. Тетя Каролина вдохновенно объясняла, что это идол плодородия одного-единственного бенинского племени, во что Энжи было трудно поверить.

— Не выйдет! — громко объявила она. — Мне и в голову бы не при-

шло рожать детей, пока эта штуковина будет на меня пялиться! Да она даже беременной не выглядит.

Тетя Каролина уже проглотила две смешанные мистером Люком «маргариты» и расправлялась с третьей, а потому не без пыла ответила, что не всех идолов плодородия снабжают шарообразными грудями, круглыми животами и отвислыми задницами — «некоторые так очень худые, даже по западным меркам!». Саму тетю Каролину, вероятно, смоделировали с китайской палочки для еды.

Энжи как раз набирала в грудь воздуха, чтобы ответить, когда услышала, как у нее за спиной отец произнес: «Ох ты, Господи Харрисон Иисусе», а мама тихо ахнула: «Каролина!»

Но тетя Каролина была занята объяснением племяннице, что та решительно ничего не смыслит в плодородии и плодовитости.

— Заткнись, Каролина, дурочка! — сказала миссис Люк значительно громче.

— Что-что? — воскликнула тетя Каролина и только после этого оглянулась. И Энжи тоже. Обе завопили.

Кукла отращивала все то, в чем (по утверждению тети Каролины) решительно не нуждалась, дабы считаться идолом плодородия. Она была вырезана из черного дерева или чего-то еще более твердого, но сейчас у нее выпирали груди, живот и бедра — в точности, как ручки и ножки из мешков с мусором Марвина. Даже выражение лица изменилось: из голодно-хитроватого стало глупо-счастливым, словно она вот-вот кого-то поцелует. Кукла сделала несколько нетвердых шагов по столу и наступила в сальсу.

Тут начали появляться младенчики.

Они падали на обеденный стол, быстро и громко, словно капли деревянного дождя. Один за другим, один за другим — точные маленькие копии, миниатюрки глупо улыбающегося идола. «Так из Миледи падали мне на колени котятка», — не к месту подумала Энжи. Один пупсик упал на край ее тарелки и, отскочив, угодил в суп. Парочка скатилась на колени мистеру Люку, и, торопясь убраться куда подальше, он опрокинул стул. Миссис Люк попыталась схватить их всех разом, что ей не удалось. Тетя Каролина сидела и вопила. А кукла все ухмылялась и рожала детей.

Марвин стоял, прислонясь к стене, и выглядел одновременно испуганным, как тетя Каролина, и глупо довольным, как кукла. Поймав его взгляд, Энжи отчаянно замахала руками, мол, хватит, останови ее, выключи, но то ли братец слишком веселился, то ли понятия не имел, как снять заклятие. Одна куколка ударила Энжи по голове, и перед

глазами у нее вдруг предстала ужасная картина: вся семья тонет в деревянных младенцах и тянет руки к свободе, пока каждый не уйдет на дно. Еще один младенец отскочил от супницы, угодив девочке в ухо, острый палец из черного дерева оцарапал кожу до крови.

Наконец все стихло (Энжи так и не узнала, как Марвин это повернул), и семья почти успокоилась, не считая тети Каролины. С физиономии божка сползла маска тупого счастья, а сам он снова превратился в стандартный гадкий сувенир из дьюти-фри в аэропорту, деревянные же младенцы растаяли, словно ледяные. Энжи успела разглядеть, как один исчезает прямо перед носом у тети Каролины, которая к этому моменту перестала орать и начала икать и бить по столу ладонями. Мистер Люк похлопал ее по спине, а Энжи вызвалась потренироваться в приеме Хаймлиха, но от ее помощи отказались. Тетя Каролина рано легла спать.

Позже в своей комнате брат спрятался под кровать и возмущенно спросил:

— Ну что еще? Ты просила не пугать. Что страшного в том, что у куклы появляются дети? Я думал, будет забавно.

— Забавно, — повторила Энжи. — Ха-ха.

И задумалась, какой тюремный срок ей дадут, если она в самом деле убьет брата. «Десять лет? Пять при хорошем поведении и посещении психиатра? Выдюжу как-нибудь».

— А как насчет моей просьбы не ставить тетю Каролину в неловкое положение?

— И чем же я ее оконфузил? — Видимый глаз Марвина расширился от возмущения. — Нельзя ей столько пить.

— Рано или поздно они все поймут, — предостерегла брата Энжи. — Если не тетя Каролина, то мама уж точно. Твоим играм конец, приятель.

Но, к ее собственному изумлению, о происшествии ничего не было сказано и на следующий день, и после того — ни наблюдательной матерью, ни сухо пронизательным отцом, ни даже тетей Каролиной, от которой следовало бы ожидать хоть какого-то замечания за завтраком. Недоумевающая Энжи сказала дремавшей на ее подушке Миледи:

— Наверное, когда случается что-нибудь слишком уж странное, все делают вид, будто ничего особенного не произошло.

Ее саму это объяснение ни в коей мере не удовлетворило, но за неимением другого... Старая кошка прищурилась в сонном согласии и свернулась еще более уютным клубочком, после чего, не переставая урчать, заснула.

С того дня Энжи наблюдала за Марвином пристальнее, чем тогда, когда он был совсем маленьким и впервые обнаружил пристрастие к играм на проезжей части. Была у нее причина для тревоги или нет, но он вел себя более или менее пайнкой, если не считать того раза, когда превратил в цемент воздух в шинах велосипеда парнишки, который украл его комикс про супермена. А еще была история с зачарованным мячом, который то и дело подкатывался к нему, будто не мог снести близости другого человека. И Энжи научилась с особым тщанием готовить себе бутерброды, потому что, если надолго выпустить братца из виду, в приготовленном мог оказаться лишний ингредиент. Однажды — сладкий перец, в другой раз — соус табаско, но особой любовью Марвина пользовались острые мексиканские перцы. Случались и другие добавки — не столь острые, но гораздо более неприятные. Выведенная из себя, она как-то рывкнула сочувствующей Мелиссе Фельдмен, у которой было два собственных брата: «Детей следует запирать в тюрьму только за то, что им восемь с половиной лет».

Ей даже думать не хотелось о выходах Марвина, касающихся Джейка Петракиса.

Джейк учился на класс старше Энжи. Он был наполовину греком, наполовину ирландцем, и его оливковая кожа так красиво оттеняла голубые глаза и густые ярко-рыжие волосы, что с четвертого класса она боялась встречаться с ним взглядом. Он состоял в школьной команде по плаванию, а еще был президентом шахматного клуба и гулял с Эшли Саттон, королевой младших классов, которую верная Мелисса окрестила Бэ-э-э-шли-Эшли. Но с Энжи он неизменно общался весело и по-дружески, всегда говорил: «Привет, Энжи!», и «Как дела, Энжи?», и «Увидимся осенью, Энжи, хороших тебе каникул». Все это она держала в себе, берегла каждую фразу и одновременно не могла этого снести.

Когда дело доходило до Джейка Петракиса, Марвин становился безжалостнее москита. Он подвывал, и охал, и чмокал губами всякий раз, когда ловил Энжи за рассматриванием фотографии Джейка в школьном альбоме, и доводил ее до белого каления, ведя воображаемые разговоры между ними — обязательно так, чтобы сестра слышала. По всей видимости, он поднаторел в магии настолько, что в любой момент ей на кровать могла упасть надушенная и разрисованная любовная записка с орфографическими ошибками, роза на длинном стебле, дешевые ювелирные украшения (Марвину не хватало опыта, и у него был на редкость плохой вкус) и мелкие, смазанные фотографии Джейка и Эшли вместе. Мистеру Люку не раз приходилось напо-

минать Энжи о данной ею клятве, обещая новый велосипед, если Марвин доживет до конца года целым и невредимым. Энжи потребовала горный велосипед, и отец вздохнул.

— Всегда ходили легенды, что цыгане крадут детей, — тоскливо посетовал он. — Но, по всей видимости, дело обстоит как раз наоборот. Ладно, договорились.

Тем не менее выпадали и вполне мирные мгновения, нередко в комнате Марвина. Там было гораздо опрятнее, чем у Энжи, даже несмотря на разбросанную по полу одежду и торчащие из-под кровати коробки с играми. По стенам Марвин развесил вкладные карты из «Нейшнл Джеографик», причем так аккуратно, что стыки почти не обнаруживались. А особая стена была посвящена фотографиям разных дядек с наспуленными бровями и странными взглядами. Энжи опознала Распутина, еще нескольких знала по именам: например, Алистера Кроули и мужчину в ренессансном камзоле по имени доктор Джон Ди. Были и две женщины: плакатик с юной ведьмой Уиллоу из «Баффи — Истребительницы вампиров» и фотография негритянки в турбане с рожками. Но никакого Гарри Поттера. Гарри Поттер Марвина не впечатлил.

А однажды после школы Энжи нашла здесь совсем маленького котенка, который неуверенно бродил по заваленной книгами кровати Марвина. Удивленная Энжи подхватила его и поднесла к лицу, чувствуя, как он мурлычет под ее пальцами. Котенок был пепельно-серым, почти как Миледи — правду сказать, Энжи больше не видела кошек именно такого окраса. Ласково почесывая зверьку брюшко, Энжи спросила:

— И кто же ты у нас такой, а? Кто бы это мог быть?

Марвин, кормивший своего морского ангела, не поднимая глаз, ответил:

— Миледи.

Энжи уронила котенка на кровать.

— То есть Миледи, когда была маленькой. Я слетал за ней.

Повернувшись, он расплылся в той невыносимо довольной пиратской ухмылке, которую Энжи терпеть не могла, и явно наслаждался произведенным впечатлением. Ей понадобилась минута, чтобы подобрать слова, и еще больше времени, чтобы их выговорить:

— Ты слетал за ней?..

— Ну да, в прошлое. Проще простого, — отозвался Марвин. — Вот вперед — трудно. Сомневаюсь, что я взаправду могу попасть в будущее. Вероятно, доктор Ди сумел бы.

Взяв котенка, он снова подал его сестре. Это действительно была Миледи — вплоть до искривленного левого ушка и забавно коротенького хвостика с черным пятнышком на конце.

— Ей все время было больно, — продолжал Марвин. — Она была совсем старенькой. И я подумал, а что если бы... ну, понимаешь... она могла начать сначала, когда у нее еще не было артрита...

Он не закончил.

— И где тогда Миледи? — с запинкой спросила Энжи. — Другая? Я хочу сказать, если ты принес эту... как они могут существовать одновременно.

— Не могут, — пожал плечами Марвин. — Старая Миледи исчезла.

У Энжи сжалось горло. Глаза у нее вдруг чем-то забились, и нос тоже, пришлось высморкаться, прежде чем заговорить. Глядя на котенка, она знала, что это Миледи, даже заставила себя подумать, как хорошо будет, когда она снова станет прыгать по дому, а не нелепо ковылять и мяукать от боли. Но она знала и любила старую кошку, не помнила ее котенком, поэтому, когда новая Миледи попыталась забраться к ней на колени, Энжи ее отпихнула.

— Ладно, — сказала она брату. — Как ты попал... назад, в прошлое или куда там еще?

Пожав плечами, Марвин снова занялся рыбкой.

— Пустяки. Нужно только сосредоточиться.

Энжи запустила ему в шею пластмассовым мячиком, и он раздраженно обернулся.

— Отстань наконец! О'кей, есть одно заклинание, если тебе хочется знать. И его надо повторять снова, и снова, и снова, пока совсем тошно не станет, а еще есть кое-какие травы. Их нужно зажечь и подвесить, закрыть глаза, вдохнуть дым и произнести слова...

— Так и знала, что это из твоей комнаты в последнее время чем-то воняет. Я думала, ты опять тайком таскаешь карри в кровать.

— А потом открываешь глаза, и пожалуйста, — закончил Марвин. — Я же сказал, проще простого.

— И где ты оказываешься? Откуда ты знаешь, куда попадешь? Когда вернешься? Трижды щелкаешь каблукками и говоришь: «Дом, дом, милый дом»?

— Нет, дурочка, я просто знаю.

Большого Энжи от него не добила, и не потому, что он не желал говорить, а просто не мог объяснить. Ведьма или нет, он все-таки был маленьким мальчиком, который, в сущности, понятия не имел, что творит. Он поступал наобум, действовал наугад.

От споров с Марвином у Энжи всегда болела голова, и в сравнении с ними домашняя работа по истории (подъем купечества в Англии) начинала казаться привлекательной. Она ушла к себе и прочла целых две главы, когда в ее комнату, спотыкаясь и мяукая, забралась маленькая Миледи. Энжи позволила ей спать у себя на столе.

— Ну и плевать, — сказала она киске. — Ты-то в чем виновата?

Когда тем вечером мистер и миссис Люк вернулись домой, Энжи сказала, что пока они были на работе, Миледи мирно умерла от болезни и старости и уже похоронена в саду (Марвин хотел превратить все в кошмарный несчастный случай на дороге со зловещим черным джи-пом и заляпанными номерами, которые начинались на «Г», но Энжи эту идею забраковала). Вкладом Марвина в ее объяснения стал рассказ о том, как он увидел нового котенка в витрине зоомагазина, и «она была так похожа на Миледи, что я все карманные деньги на нее истратил, и я сам буду за ней убирать, честное слово!». Мама, никогда не любившая кошек, историю проглотила, однако в отце девочка не была так уж уверена.

Дальнейших свидетельств того, что Марвин играет со временем, как будто не последовало. И вопреки ожиданиям он не стремился превратиться в лучшего футболиста второго класса, лишь чуть подправил свои оценки, чтобы в одиннадцать лет попасть в колледж, и по мелочам давал кое-кому сдачи (поскольку Марвин ничего не забывал, список обидчиков брал начало в те времена, когда он едва-едва вышел из пеленок). Энжи почти всегда могла определить, когда Марвин с помощью магии стелет кровать или заставляет домашние цветы расти быстрее, но дальше этого он как будто не двигался, и это устраивало сестру. Энжи о магии не заговаривала.

Однажды она застучала Марвина, когда тот ползал по потолку как Человек-Паук: она наорала на брата, Марвин упал на кровать, и его стошнило. И, разумеется, был еще случай (два, если уж точно), когда в отсутствие миссис Люк Марвин выстроил всю обувь в ее шкафу по струнке и заставил притоптывать и выделять всякие па танцорок из шоу «Рокеттс». Энжи смеялась, когда смотрела, но велела брату перестать, потому что это мамины туфли. Что если и одежда к ним присоединится? О таком даже думать не хотелось.

У Энжи и так забот был полон рот: домашние задания, репетиции маршевого оркестра, мальчики, не говоря уже о бесчисленных часах у стоматолога, который исправлял едва заметный неправильный прикус. Мелисса настаивала, что благодаря ему подруга выглядит сексуальнее, но этот аргумент как-то странно подействовал на маму Энжи.

Как бы то ни было, Марвин лишь забавлялся с новой игрушкой, вроде сложной железной дороги или новенького конструктора. Ей даже казалось, что со временем магия ему наскучила. У Марвина был низкий порог скуки.

Из-за хронической нехватки музыкантов Энжи играла не только в маршевом, но и в большом школьном оркестре, однако первый она любила больше. Играешь на улице, выступаешь на парадах и футбольных матчах, вокруг веселый шум, и вообще это интереснее, чем стоять в темном примолкшем зале и развлекать тех, кого даже не видишь. «Потому что, — как доверительно сообщила она маме, — в маршевом оркестре никто не замечает, как ты играешь. От тебя требуется лишь не сбиться с шага».

Ясным весенним полднем, когда маршевый оркестр в полном составе репетировал марш «Вашингтон Пост», кларнет Энжи вдруг сошел с ума. Из скромной дудки он внезапно превратился в динамитную шашку, зашелся хулиганскими импровизациями, принялся выделывать возмутительные коленца в беззащитной мелодии, — о таком Энжи и помыслить не могла, даже если бы ее способности были под стать вдохновению. Остальные ребята как один обернулись и вытаращились на нее, а ей хотелось завывать: «Эй, это не я, это мой глупый братишка, вы же знаете, я так играть не умею!» Но музыка все бурлила — чрезмерная, нелепая и неостановимая, — в отличие от марша, который наконец споткнулся и нестройно замер. Энжи в жизни так не конфузилась.

Через толпу музыкантов неуклюже протолкался капельмейстер мистер Бишоу, чтобы прочувствованно сказать:

— Энжи, ты фантастически играешь... ошеломительно! Я понятия не имел, что у тебя столько порыва, столько свободы, столько изобретательности! — Он похлопал ее по плечу, даже быстро и осторожно обнял и, почти тут же отступив на шаг, сказал: — Никогда больше так не делай!

— Будто я этого хотела... — пробормотала Энжи.

Но мистер Бишоу уже выстроил оркестр для «Семпер Фиделис» и «Высшего общества», через которые Энжи, как всегда, продралась с грехом пополам, на два такта отставая от остальных духовых. Она уже безутешно брела прочь с поля, когда к ней подбежал Джейк Петракис (темно-золотые волосы еще влажно блестели после тренировки в бассейне) и сказал: «Слушай, Энжи, классно играешь», — после чего хлопнул девчонку по плечу, словно закадычного приятеля, и снова унесся к своим товарищам из команды по

эстафете. А Энжи вернулась домой поджидать Марвина под дверью его комнаты.

Стоило брату войти, как она схватила его за волосы, и он пискнул:

— Ладно, отпусти, ладно! Я думал, тебе понравится!

— Понравится? — Энжи основательно его встряхнула. — Понравится?! Ах ты, мелкий злобный тролль, меня из-за тебя едва из оркестра не выгнали! Что ты еще мне приготовил? Что еще мне должно понравиться?

— Ничего, клянусь, ничего! — Но, несмотря на то, что она его трясла, захихикал. — О'кей, я собирался сделать тебя такой красивой, что даже мама не узнает, но решил — не надо. Слишком хлопотно.

Энжи снова потянулась, чтобы цапнуть его за волосы, но Марвин увернулся.

— Поэтому я подумал: а может, и правда, попробую устроить так, чтобы Джейк-как-его-там в тебя втюрился. Для этого есть разные закликания и штучки...

— Не смей! — вскинулась Энжи, а после повторила спокойно и размеренно: — Не смей.

Марвин еще раз хихикнул.

— Так и думал, что ты на это не клюнешь. Но было бы смешно.

Тут он вдруг посерьезнел, уставившись на сестру одним глазом — просто воплощение взрослости, пусть даже из носа у него текло.

— Это, правда, было весело, Энжи. Я никогда так не хохотал.

— Ну да, конечно, — мрачно отозвалась сестра. — Но отныне меня, пожалуйста, в свои игры не впутывай, иначе третьего класса тебе не видать.

И тяжелым шагом отправилась на кухню в поисках яблочного сока.

Марвин потянулся следом, нервно болтая про школу, игры в мяч, взросление котенка-Миледи и возможный любовный роман в аквариуме.

— Извини, что так вышло с оркестром. Я больше не буду. Просто подумал: классно было бы, если бы ты хоть разок сыграла замечательно. Ты ведь музыку любишь.

Энжи не рискнула открыть рот. Она протянула руку к бутылке сока, когда крышка сама собой отскочила и щелкнула ее по носу. Когда девочка отпрянула, стакан поехал по стойке. Она схватила его, пока он не врезался в холодильник, потом повернулась и заорала на брата:

— Черт побери, Гуталакс, прекрати немедленно! Ты кого-нибудь покалечишь своей дурацкой магией! У тебя приколы на все случаи жизни!

— Ты опять сказала плохое слово! — закричал в ответ Марвин. — Я маме пожалею.

Но не двинулся к двери из кухни, и мгновение спустя из-под поязки сползла маленькая грязная слеза.

— Я не во всех случаях магию использую! Только для скучных дел. Ну, мусор выбросить, ковер пропылесосить и одежду в шкаф убрать. И коробку Миледи, когда моя очередь.

Энжи рассматривала брата, как всегда, изумляясь его способности выглядеть ошеломительно невинным.

— А зачем это делать, когда наполнитель для ее туалета меняю я?.. Ну да ладно... Держись от меня подальше, у меня завтра контрольная по французскому.

Налив себе соку, она убрала бутылку, цапнула печенье с изюмом и направилась к себе. Однако на пороге кухни помедлила, сама не зная почему, если не считать того, что Марвин уже собрался идти за ней, но застыл.

— Что? Нос подотри, ужасно выглядит... В чем дело?

— Ни в чем, — промямлил Марвин и вытер нос рукавом, что несколько не исправило ситуацию. — Просто мне страшно, Энжи. Страшно делать такое...

— Как страшно? Минуту назад ты веселился.

— Конечно, веселился! — Он придвинулся ближе, но странно помешкав: не ведьма, и не пират, и не ангел, а просто встревоженный, испуганный мальчишка. — Только иногда веселья слишком уж много. Иногда прямо посреди волшебства я думаю, что, наверное, надо остановиться, но не могу. Как тогда, когда я остался совсем один... и просто дурака валял... и я сотворил кое-что интересное, нет, очень интересное, но получилось что-то странное, а потом я никак не мог его исправить или заставить исчезнуть... и испугался, что папа с мамой вернутся...

Мрачно взвешивая в уме прошлые оценки по французскому, Энжи потянулась за вторым печеньем.

— Я тебе говорила: беду накличешь своими выходками! Остановись, пока не поздно, пока не сотворил такого, чего не сможешь исправить. Хочешь совет? Я только что тебе его дала. Пока.

Марвин потерянно плелся за сестрой до двери в ее комнату. Когда Энжи уже собралась уединиться, он пробормотал:

— Ну почему я не взрослый... как ты. Тогда бы я знал, что делать.
— Ха!

Энжи захлопнула дверь.

После чего, забыв про французские неправильные глаголы, села писать письмо Джейку Петракису.

Ни тогда, ни потом Энжи не могла объяснить кому-либо или самой себе, почему его написала. Потому что он хлопнул ее по плечу и сказал, что она — или хотя бы ее музыка — классная? Потому что в тот же день она видела, как он обнимался с Бэ-э-э-шли-Эшли в темном углу за библиотечными полками? Потому что Марвин безжалостно ее дразнил? Или потому, что ей уже исполнилось двенадцать лет и пора было написать кому-то такое письмо? Какова бы ни была причина, Энжи его написала, сложила листок и убрала в ящик стола.

А потом вынула и положила в рюкзак. Там письмо оставалось почти три месяца, пока заканчивалась четверть, начались экзамены и шел чемпионат по футболу, и однажды в роковой вечер пятницы Энжи отправилась гулять с Мелиссой: они рассматривали витрины в центре Ависены и бесечно заходили в каждую кофейню на Парнелл-стрит. Тогда она рассказала подруге о письме, и у Мелиссы тут же случился приступ хихиканья, который превратился в икоту, и чтобы утихомирить ее, потребовался еще капучино. Когда подруга наконец смогла связно говорить, то сообщила:

— Надо его отправить. Обязательно надо его отправить.

Поначалу Энжи возмутилась.

— Ни в коем случае! Я для себя его написала, а не для учителя, и уж точно не для Джейка Петракиса. Я что, по-твоему, идиотка?

Но Мелисса улыбнулась, насмешливо блеснув зелеными глазами.

— Такая идиотка, у которой это письмо сей момент в рюкзаке, и готова поспорить, оно в конверте с маркой.

— Нет там никакой марки! А конверт... просто чтобы не помялось! Мне нравится иметь его при себе, вот и все.

— А адрес?

— Просто попрактиковаться! Но я его не подписала, и обратного адреса там нет. Съела?

— Ага. — Мелисса кивнула. — Определенно съела.

— Перестань, — предостерегающе сказала Энжи.

И Мелисса перестала. Но был вечер пятницы, и обеим позволили гулять допоздна, а в Ависене много кофеев. Множество чашек капу-

чино и эспрессо привели их в состояние веселой эйфории, когда все на свете кажется бесконечно смешным. Мелисса не могла наговориться о письме Энжи...

— Да брось, ну что такого может случиться? Парень прочтет и догадается, кто его написал? Самое худшее, если ты станешь старой-престарой и будешь жалеть: почему не рассказала Джейку Петракису о своих чувствах? А он уже женат, уже дедушка и, наверное, даже умер.

— Перестань!

Но Энжи хихикала не меньше Мелиссы, и каким-то образом они очутились на тихой Ловиси-стрит, прошли бензоколонку и заколоченный магазин здорового питания, нашли дом Петракисов и на цыпочках поднялись на веранду. Увидев перед собой входную дверь, Энжи засомневалась, но Мелисса сказала:

— Подумай ради бога, старуха в доме престарелых, а он даже не узнает.

И, сделав глубокий вдох, Энжи подсунула письмо под дверь. Всю дорогу назад до Парнелл-стрит они бежали, хохоча так, что едва не задохнулись...

...А утром Энжи проснулась, бормоча: «О боже, о боже, о боже», еще до того, как окончательно вынырнула из сна. Целый час она лежала в кровати, безмолвно и отчаянно молясь, чтобы вчерашний вечер оказался сумасшедшим, кошмарным сном и чтобы, когда она полезет в рюкзак, письмо еще лежало там. Но к ужасу своему знала: надеяться не на что, и в отчаянном броске к телефону даже не потрудилась заглянуть в рюкзак.

— Ну ведь ты его не подписала, — попыталась успокоить ее Мелисса. — Этого не отнимешь.

— Я тебе соврала, — выдавила Энжи. Подруга не ответила. — Пожалуйста, — взмолилась Энжи, — ты должна со мной пойти. Пожалуйста.

— Ладно, — наконец откликнулась Мелисса. — Собирайся. Сейчас же. Встретимся на месте.

Поскольку Энжи жила ближе, то к дому Петракисов она пришла первой, но не намеревалась звонить до появления Мелиссы. Вышагивая взад-вперед по веранде, она проклинала себя, била кулаками по бедрам и размышляла, нельзя ли переселиться к сестре отца, тете Пегги в Гранд-Рейпидс, когда соседка крикнула ей, что Петракисы уехали из города на какое-то семейное собрание.

— Еще вчера днем уехали. Просили присмотреть за домом, пото-

му что до воскресного вечера не вернутся. Вот почему я сейчас здесь.

Она предостерегающе улыбнулась Энжи, а после вернулась к себе в дом.

Но ее очень большая собака осталась на крыльце. Пес, казалось, был размером с машину «виннебаго» и, очевидно, уже проникся неприязнью к Энжи.

— Хорошая собачка, — сказала она, и пес зарычал.

Когда она попробовала: «Эй, золотко» (так ее отец обращался ко всем животным), пес оскалился, и шерсть у него на загривке стала дыбом. Потом он лег, застыв в позе бдительного стража.

— Обычно я умею хорошо ладить с собаками, — грустно заметила Энжи.

— Ну, мы просунули его под дверь, значит, оно не может быть очень далеко, — констатировала появившаяся наконец Мелисса. — Может, подцепить его палкой или проволоочной вешалкой?

Но всякий раз, когда они смотрели на соседский дом, то видели, как в окне колышется занавеска, и в конце концов ушли, раздумывая, что бы еще предпринять. Делать было нечего, и вскоре горло у Энжи настолько распухло от стараний не плакать, что стало больно говорить. Она проводила Мелиссу до автобусной остановки, и на прощание подруги обнялись так, словно никогда не увидятся.

— Знаешь, — сказала Мелисса, — мама говорит, что ничего не бывает так страшно, как собственные выдумки. Ведь с ужасами из твоего воображения ничто не сравнится. Поэтому... ну, может... знаешь...

Но она прервалась, так и не закончив. Еще раз обняв Энжи, Мелисса поехала домой.

Оставшись дома одна, Энжи тихонько сидела на кухне и продолжала не плакать. От этого болело все лицо, а веки казались невероятно тяжелыми. В голове было пусто и звонко, за что она мысленно благодарила небеса. Так продолжалось, пока с баскетбола не вернулся Марвин. Поскольку он был мельче всех остальных, его часто толкали, и домой он приходил весь в синяках и ссадинах. Энжи даже думала, что он прибавит в росте или способности прыгать выше, но пока ни того, ни другого не наблюдалось. Сейчас он посмотрел на сестру, сделал пас невидимым мечом и тихонько спросил:

— Что стряслось?

То ли дело было в неожиданном хриловато-мягком тоне, то ли в том, что он вообще задал этот вопрос. Какова бы ни была причина,

Энжи вдруг разразилась отчаянными слезами, ярость которых обращалась исключительно на нее саму: и за то, что вообще написала Джейку Петракису, и за то, что расплакалась сейчас. Она махнула Марвину: мол, убирайся, но — к величайшему ее изумлению — брат терпеливо ждал, когда она затихнет. Наконец слезы ее иссякли, и он повторил вопрос:

— В чем дело, Энжи?

И Энжи рассказала. Она уже собралась добавить: «Если попробуешь улыбнуться, Гуталакс...», когда вдруг сообразила, что в этом нет нужды. Марвин чесал в затылке, хмурясь так, что повязка ползала по лбу, а потом внезапно сунул руки в карманы, запрокинул голову — прямо-таки образчик веселой беспечности — и почти небрежно сказал:

— Я мог бы вернуть этот конверт.

— Ну да, конечно. — Энжи даже головы не подняла. — Ага.

— Нет, мог бы! — Марвин тут же стал самим собой, и куда только подевались небрежность и беззаботность: — Я много чего могу.

Намочив бумажное полотенце, Энжи попыталась вытереть заплаканное лицо.

— Хотя бы одно назови.

— А вот и назову! Помнишь, в какой почтовый ящик ты его опустила?

— Под дверь подсунула, — пробормотала Энжи. — Я подсунула письмо под дверь.

Марвин хихикнул.

— Ух, как «валентинку»!

У Энжи не нашлось сил дать ему подзатыльник, но все равно она вскинула руку — хотя бы для порядка.

— Я могу заставить бумажку просто вылезти из-под двери. Или, готов поспорить, саму дверь смогу открыть, если никого нет дома. Для нас, ведьм, это проще простого.

— Петракисы только в воскресенье вернутся, — сказала Энжи. — Но там есть соседка, она за их домом следит, как ястреб. А когда не торчит у окошка, огромную собаку выпускает. Даже будь ты самая крутая ведьма на свете, не стоит связываться с этим волком-оборотнем.

Марвин, который, как знала Энжи, побаивался больших собак, снова почесал затылок.

— И вообще, это слишком просто. Никакого веселья, так что забудь.

— Он сел рядом с сестрой, совершенно поглощенный проблемой. — А как насчет... Нет, это для малышей, с таким любой справится. Но есть

одно заклинание... Могу заставить письмо самоуничтожиться, прямо в доме — как в старом телесериале. Останется только горка пепла, они соберут ее пылесосом и даже не заметят. Как тебе идея?

— Не успела Энжи высказаться, как парнишка уже тряхнул головой.

— Все равно слишком просто. Детское заклинание, для начинающих. Терпеть их не могу.

— Чем проще, тем лучше, — серьезно сказала Энжи. — Я люблю, когда просто. К тому же ты и есть новичок.

Марвин тут же возмутился, и его обычный альти превратился в обиженный писк.

— А вот и нет! Никакой я не новичок! — Вскочив, он затопал ногами, чего с двух лет не делал. — Знаешь что... за это... за это... я верну тебе письмо, но не скажу как. Сама увидишь, и все!

Он сердито направился в свою комнату, но Энжи окликнула его. Первый лучик надежды блеснул ей, казалось, впервые за целое столетие.

— Ладно, великий и ужасный король ведьм. Чего ты хочешь?

Повернувшись, Марвин уставился на нее недоуменно.

— За просто так ничего не бывает, это ведь твои слова? Ну, какова твоя цена спасения моей жизни?

Если бы голос Марвина стал еще выше, его слышали бы лишь летучие мыши:

— Я тебя спасаю, а ты думаешь, я чего-то хочу взамен? Юлий Санта-Клаус! — Это было единственное ругательство, которое ему позволялось. — Да что с тебя взять-то? Разве что...

Незаконченная фраза повисла в воздухе.

— Разве что? — подстегнула Энжи.

Зацепившись рукой за косяк, Марвин качнулся в кухню, растянув губы в пиратской ухмылке.

— Ненавижу, когда ты зовешь меня Гуталакс. Сама знаешь, что ненавижу, и все равно так делаешь.

— Ладно, больше не буду. Никогда. Честное слово.

— М-м. Мало. — Усмешка стала определенно зловредной. — Думаю, тебе две недели следует звать меня «о Великий».

— Что? — На минуту забыв про свое горе, Энжи вскочила. — Ты всерьез, Гуталакс?.. Две недели? Не выйдет!

Целое мгновение они в ярости мерили друг друга взглядами, но наконец Энжи сказала:

— Не перегибай палку. Неделю. Неделю и не больше. И когда никого рядом не будет.

Марвин скрестил на груди руки.

— Десять дней. С этого момента.

Энжи все еще смотрела на него свирепо.

— Тебе нужно это письмо? — спросил Марвин.

— Да.

Марвин ждал.

— Да, о Великий.

Марвин победно протянул ей руку ладонью вверх, и Энжи по ней хлопнула.

— Когда? — спросила она.

— Сегодня вечером. Нет, завтра, сегодня я иду в кино с Сунилом и его родителями. Завтра.

Он неспешно ушел, а Энжи вздохнула с облегчением. Жаль, нельзя сказать Мелиссе, что все, кажется, образовалось. Остаток дня она провела, пытаясь делать вид, будто ничего особенного не происходит — самая обычная суббота и самая обычная, всем довольная Энжи. Когда Марвин вернулся из кино, то весь вечер читал комиксы «Хеллбой» в обществе котенка Миледи. Миледи еще лежала у него на животе, когда Энжи устала за ним подглядывать и пошла спать.

Но утром в воскресенье брата в его комнате не оказалось. Это Энжи почувствовала, едва проснувшись.

Она понятия не имела, куда и почему он мог подеваться. Она-то считала, что он будет творить свое таинственное заклинание у себя в комнате и под строгими взглядами своих наставников-магов. Но его там не было, и завтракать он не спустился. Энжи сказала маме, что вчера вечером они засиделись допоздна у телевизора и лучше оставить Марвина в покое. Когда после завтрака миссис Люк заволновалась, Энжи сама зашла в его комнату и сообщила, что Марвин увлеченно готовит домашнее задание к уроку рисования и не хочет разговаривать. Обычно ей бы такое с рук не сошло, но родители собирались на концерт, а ее оставили с привычными наставлениями покормить и напоить кошку, двадцатку на шкафу употребить на что-нибудь более или менее полезное для здоровья и «время от времени» заглядывать к Марвину, иными словами почаще. («В тот день, когда мы тебя об этом не попросим, — заявил как-то мистер Люк, потому что Энжи восстала против выполнения этой обязанности, — мальчишка, наверное, украдет каяк и отправится на Таити». Энжи не нашла слов возражения.)

Одна в пустом доме (более одинокая, чем когда-либо) Энжи ходила кругами, слонялась из комнаты в комнату, решительно не зная, что

теперь делать. Прошли часы, а брат все не возвращался, и она поймала себя на том, что зовет его вслух.

— Марвин! Марвин, если ты меня с ума стараешься свести... О Великий, где ты? Возвращайся немедленно и плевать на дурацкое письмо. Просто вернись!

Некоторое время спустя она и это делать перестала, потому что сама испугалась дрожи в собственном голосе, от которой становилось еще страшнее.

Но как это ни странно, она постоянно чувствовала присутствие брата. Она то и дело оборачивалась, думая, что он вот-вот подкрадет-ся, чтобы ее напугать — любимая игра с тех пор, как малыш научился ходить. Но нет. Никого.

Около полудня в дверь позвонили, и Энжи едва не споткнулась о собственную ногу, так спешила, хотя и не надеялась (почти не надеялась), что это Марвин. На пороге стояла Лидия. Энжи совсем забыла, что в воскресенье после полудня прислуга приходит убираться. Увидев ее, улыбающуюся, на пороге, Энжи бросилась старушке на шею и разрыдалась:

— Лидия, scoglio, помоги мне! Ayudame, спаси нас, Лидия!

Испанских слов она нахваталась у домработницы, когда была еще слишком маленькой, чтобы понять, что учит чужой язык.

Лидия взяла Энжи за плечи и, чуть отстранившись, заглянула ей в лицо.

— Chuchi, dime que pasa cogito?*

Чучей** Лидия звала Энжи с раннего детства, так и не объяснив ни происхождения, ни смысла этого слова.

— Марвин, — прошептала Энжи. — Марвин пропал.

Она бросилась объяснять про письмо и обещание Марвина, но Лидия только кивнула и, не задавая вопросов, твердо сказала:

— El Viejo puede ayudar.***

Слишком отчаявшаяся, чтобы обращать внимание на грамматику, Энжи решила, что речь идет о Йемайе, старухе с фермерского рынка, которая сказала Марвину: мол, он bñjo.

— А, ты про la santera, — сказала она, но Лидия сильно ее встряхнула.

— Нет, нет, El Viejo. Ты к нему сходи, попроси о встрече с El Viejo. Solamente El Viejo. Los otros no pueden ayudarte.****

* Скажи, что происходит? (исп.)

** Угрюмой. (исп.)

*** Старик поможет. (исп.)

**** Только старик. Другие тебе не помогут. (исп.)

Энжи спросила, где ей искать El Viejo, и Лидия отправила ее в лавочку сантерии на Боуэн-стрит. Она даже набросала ей карту, а потом удостоверилась, что Энжи взяла с собой деньги, поцеловала в щеку и, благословляя, коснулась лба.

— Cuidado, Chuchi*, — с веселой серьезностью сказала она.

И вот уже Энжи бежала к автобусной остановке на авеню Гонсалес, чтобы сесть на тот же рейс, каким ездила в школу. На сей раз ехать пришлось гораздо дальше.

Над лавочкой не было ни вывески, ни даже номера дома, и сама она была такой маленькой, что Энжи несколько раз прошла мимо. Наконец ее внимание привлекли предметы в пыльной витринке и на полках справа и слева. Тут было поразительное разнообразие благово- ний, свечей в склянках с изображением черных святых, а также кор- бок с пометкой «Ритуальный набор Быстрые Деньги», бутылей с жид- костью для мытья пола (наклейки на них гласили «Не дает бедам про- никнуть в ваш дом»). Когда Энжи переступила порог душевной комнаты, у нее закружилась голова, она словно бы вышла из собствен- ного тела — так с ней всегда было, когда начиналась простуда. А еще она услышала, как где-то в задней комнате кукарекал петух.

Старуху Энжи заметила лишь тогда, когда тихонько скрипнул стул: она сидела в углу, наполовину скрытая длинной, свисающей со шка- фа хламидой, похожей на облачение для церковного хора, но с симво- лами и рисунками, каких Энжи никогда раньше не видела.

— Йемайя?

Старуха перевела на нее взгляд. Глаза у нее были как две мертвые планеты.

Испанский Энжи совершенно отказал, а вскоре и родной язык тоже.

— Мой брат... Мой младший брат... Мне велели спросить El Viejo. Viejo santero... Старого сантеро... Лидия сказала.

Тут у нее кончились слова на всех языках. Из трубочки старухи вы- ползло облачко дыма, но это был единственный ответ.

За спиной у нее зашуршала отодвигаемая занавеска, и хриплый го- лос медленно произнес:

— Quieres El Viejo?** Это я.

Повернувшись, Энжи увидела незнакомца. Он шел к ней по длин- ному коридору, конца которого она не видела. Он двигался реши- тельно, но чтобы войти в комнату, ему словно бы потребовалась веч-

* *Будь осторожна, Чуча. (исп.)*

** *Ты спрашиваешь старика? (исп.)*

ность, будто он возвращался из другого мира. Сам он был черный, одет во все черное и на носу поблескивали черные очки — даже в темном, крошечном магазинчике. А волосы такие белые, что у Энжи даже заболели глаза.

— Ты здесь из-за брата, — не спросил, а констатировал он.

— Да, — выдавила Энжи. — Да, он для меня колдует... достает кое-что... и я не знаю, где он, но понимаю, что в беде, и хочу, чтобы он вернулся!

Она не заплакала и не сломалась (Марвин никогда не сможет сказать, что она из-за него плакала), но к этой грани подошла вплотную.

El Viejo сдвинул черные очки на лоб, и Энжи увидела, что он моложе, чем она думала (уж конечно, гораздо моложе Лидии), и что под глазами у него широкие белые полукружия. Она так и не узнала, были ли они естественными или нарисованными, но поняла, что от них его глаза кажутся больше и ярче — сплошь зрачок. Из-за них ему следовало бы хоть чуточку походить на клоуна или, скажем, на енота в негативе, но выходило как раз наоборот.

— Я знаю твоего брата, — сказал El Viejo.

Энжи изо всех сил старалась держать себя в руках, пока он подходил ближе, улыбался ей, показывая зубы.

— Brujito... маленькая, маленькая ведьма, мы знаем. Мы с мамой видели, мы следим.

Он кивнул на старуху, которая с прихода Энжи не шевельнулась и не сказала ни слова. Энжи ощутила влажный, затхлый запах — точно картошка сгнила.

— Скажите, где он. Лидия говорила, вы поможете.

Вблизи Энжи увидела голубой отсвет на белой коже El Viejo и V-образный шрам на каждой щеке. На шее у него был узкий черный галстук, которого девочка поначалу не заметила. И почему-то мысль о том, что он каждое утро завязывает его перед зеркалом, напугала ее больше, чем что-либо другое. Теперь он улыбнулся во весь рот, показывая зубы. Она-то ожидала, что они будут желтые и от них будет вонять, но нет — все как один белые, ровные и настолько большие, словно плохо помещаются во рту.

— Tu hermano esta perdido*, — сказал он. — Пропал в четверг.

— В четверг?

Целая оглушительная минута ушла у нее, чтобы понять, и еще больше, чтобы выдавить слова:

* *Твой брат потерялся. (исп.)*

— О Господи, он же вернулся вспять! Как с Миледи... он вернулся туда... когда письмо было еще у меня в рюкзаке. Показушник мелкий... Он застрял! Идиот, идиот, идиот несчастный!

El Viejo негромко хмыкнул и кивнул, но ничего не сказал.

— Вы должны за ним сходить, вернуть его оттуда, прямо сейчас... у меня есть деньги. — Она отчаянно стала рыться в карманах.

— Нет, деньги мне не нужны, — отмахнулся от предложения El Viejo, рассматривая девочку глазами цвета спелых слив. Белые круги под ними выглядели реальными, а вот сами глаза — нет. — Я тебя отведу, — добавил он. — Мы вместе найдем твоего брата.

Колени у Энжи задрожали так, что стало больно. Ей хотелось согласиться, но это было просто невозможно.

— Нет. Я не могу. Не могу. Вы за ним сходите.

Тут El Viejo рассмеялся: раскатистым, поразительным рокотом Санта-Клауса, таким сочным и успокаивающим, что Энжи улыбнулась. И улыбалась, даже когда он подхватил ее и взял под мышку. К тому времени, когда она оправилась достаточно, чтобы начать отбиваться, он уже нес ее по длинному туннелю, по которому пришел несколько минут назад. Энжи вопила, пока у нее не запершило в горле, но все равно себя не слышала: с того момента, как El Viejo ступил в темноту коридора, все звуки замерли. Она не слышала ни его шагов, ни его смеха (хотя и чувствовала, как сотрясается его тело) и тем более собственных панических воплей. Что если они в космосе? Да они могут оказаться где угодно.

Сквозь оглушенность и растерянность она понимала, что коридор словно бы тянется в никуда и что это место (если это какое-то место) никак не может находиться позади маленькой лавочки сантерии, куда она вошла — когда? — десять минут назад. Здесь было холодно и пахло, как в старом подвале, в темноте Энжи чувствовала, что вокруг нее много всего происходит. В точности она ничего не разобрала, но везде кружили и вспыхивали искорки.

А потом они вдруг очутились в комнате Марвина.

Это была, несомненно, его комната: тут были носатые и бородатые оккультисты по стенам, тут были фланелевые зимние простыни, на которых он спал круглый год, потому что на них красовались физиономии игроков «Нью-Йорк метс», тут в полном составе стояли на полке пластмассовые герои «Стар трека», которых Энжи подарила ему на прошлое Рождество. И тут сидел на краю кровати Марвин и выглядел таким потерянным и одиноким, каким Энжи в жизни его не видела.

Он даже головы не поднял, пока El Viejo не бросил Энжи на ковер перед ним и не отступил на шаг, открывая в усмешке зубы, огромные, как зубья в медвежьем капкане. Тогда Марвин соскочил с кровати, расплакался и, шмыгая носом, стал карабкаться на сестру, повторяя: «Энжи, Энжи, Энжи». Энжи обняла его, пытаясь одновременно убе-речь шею, волосы и спину, и все бормотала:

— Все нормально, все в порядке, я здесь. Все хорошо, Марвин.

А у нее за спиной хмыкнул El Viejo:

— Ведьма-плакса... маленький, маленький brujito-плакса.

Энжи взвалила своего ревущего братишку на бедро, словно пакет с продуктами, как делала это, когда он был маленьким, и повернулась к старику:

— Спасибо, — сказала она. — Теперь можете отвести нас домой.

El Viejo улыбнулся — на сей раз не усмехнулся, а медленно растя-нул губы.

— Может, предоставим это ему?

А после повернулся и ушел, исчез, словно проскользнул меж молекулами воздуха. Энжи осталась в комнате, пытаясь оторвать от себя Марвина, прилипшего, точно пластырь, а он льнул, больно упираясь подбородком ей в макушку. Наконец Энжи удалось сбросить его на кровать, и, уперев руки в бока, она спросила:

— Что случилось? И о чем только ты думал?

Марвин еще слишком горько плакал, чтобы ответить.

— Обязательно было так поступать, да? Никаких дурацких заклинаний для новичков, ты теперь с большими ребятами играешь, да, о Великий? Ну и что произошло? Как получилось, что ты не можешь вернуться?

— Не знаю!

Мордочка Марвина распухла от слез, которые лились без перерыва, пока Энжи пыталась поправить ему повязку. Трудно было вытянуть из парня хоть сколько-нибудь внятные слова. Он только жалобно завывал:

— Не знаю, что не так! Я сделал все, как полагается, но оно не работает! Не знаю... может, я забыл...

Он не смог закончить фразу.

— Травы, — мягко и спокойно сказала Энжи. — Ты оставил свои волшебные травы... — Она уже собиралась добавить «дома», как сообщила, что они и есть дома: сидят на кровати Марвина в его комнате. Такая путаница уж точно была ей не по зубам. — Ты забыл свои глупые травы.

Марвин протестующее затряс головой, так что во все стороны полетели слезы.

— Нет, не забыл, не забыл... смотри!

Он ткнул пальцем в рассыпанные по кровати грязные засохшие сорняки — едва увидев их, Лидия тут же бы все выкинула. Марвин с трудом сглотнул, вытер нос рукавом и попытался унять слезы.

— Их, правда, трудно найти. Не знаю, может, они уже старые... Но они всегда так выглядят. А теперь не работают...

И он снова завыл. Энжи сказала, что и доктору Джону Ди, и Уиллоу было бы за него стыдно, но и это не помогло.

Она села рядышком, обняла его и, пригладив растрепанные вихры, сказала:

— Ладно, давай подумаем. Может, трава силу потеряла, может, заговздка в чем-то другом. Ты все делал, как в тот раз, когда ходил за Миледи?

— Кажется, да, — голос у Марвина был тоненький и жалобный, совсем не похожий на его обычный низкий рокот. — Но я совсем запутался, Энжи. Я ничего уже не понимаю. Все так перемешалось, я ничего не помню.

— Хорошо, — сказала Энжи, — хорошо. Давай начнем с самого начала? Я помогу тебе. Ты попытаешься сделать все, что помнишь, что знаешь, про то, как двигаться во времени, а я буду за тобой повторять. Сделаю в точности как ты скажешь.

Кивнув, Марвин снова вытер нос. Они сели по-турецки на полу, и Марвин добыл откуда-то грязный коробок спичек, который всегда носил с собой — на случай фейерверков. Следуя его указаниям, Энжи сложила крошащиеся сорняки в блюдечко Миледи, а брат их поджег. Или попытался, потому что они не вспыхнули, а задымились и запахло затхлой пылью, так что Энжи с Марвином тут же расчихались. Прокашлявшись, Энжи сказала:

— В прошлый раз тоже так было?

Марвин не ответил.

Был один момент, когда Энжи показалось, что заклинание вот-вот сработает. Комната вокруг расплылась (ладно, чуть-чуть расплылась), и Энжи услышала далекие неясные звуки. Но когда клубы дыма развеялись, они все еще были в четверге... Оба сразу это поняли.

— Ладно, попытка не пытка, — сказала Энжи. — А как насчет сосредоточенности, про которую ты говорил? Может, у тебя мысли скачут? Может, ты какие-то слова не так произнес? Подумай, Марвин.

— Я думаю! — Марвин уже готов был опять расплакаться, но не сделал этого, а медленно сказал: — Что-то не так, но дело не во мне. Нет, не во мне. Что-то не пускает... — Он внезапно повеселел. — Может, нам за руки взяться? Ведь теперь нас двое. Надо попробовать.

Они попытались, держась за руки, а потом еще раз, сидя в пентаграмме, которую выложили скотчем на полу, — Энжи видела такое в «Баффи — Истребительнице вампиров» (хотя Марвин сказал, что это ничего не даст), — а затем еще раз с травами в особом порядке, который, как показалось Марвину, он вспомнил. И еще раз, когда заклинание произносила Энжи, после того как Марвин ее натаскал, — на маловероятный случай, что его собственный голос сел или что он неверно произнес какое-то слово. Ничего не помогало.

Марвин сдался раньше Энжи. И внезапно, пока она на свой страх и риск пробовала заклинание (самый последний раз, и некоторые слова словно бы нагрели ей рот, когда она их произносила), он несчастным клубочком свернулся на полу, постанывая:

— Нам конец, нам конец, нам никогда из четверга не выбраться!

Энжи понимала, что перед ней просто перепуганный мальчишка, но ей самой было страшно, и каким облегчением было бы дать ему пару затрещин и наорать на него. Но вместо этого она попыталась, как могла, утешить брата:

— Он за нами вернется. Не может не вернуться.

Тут Марвин сел, протирая кулачками глаза.

— А вот и нет. Ему не обязательно за нами возвращаться. Разве ты не поняла? Он знает, что я ведьма, как и он, и просто оставит меня здесь, чтобы я ему не мешал. Извини, Энжи, прости меня!

Энжи почти никогда не слышала этих слов от Марвина, и уж точно в одном предложении.

— Для этого еще будет время, — сказала она. — Просто интересно... как, по-твоему, удастся нам привлечь папино или мамино внимание, когда они вернутся домой? Как, по-твоему, они сообразят, что с нами случилось?

Марвин затряс головой.

— Ты меня не видела, а ведь я все это время был там. Я тебя видел и вопил изо всех сил, но ты даже не заметила. И они тоже не заметят. Мы ведь не в нашем доме, мы просто здесь. И всегда тут будем.

Энжи собиралась уверенно рассмеяться, чтобы подбодрить и себя, и брата, но вышла у нее, скорее, икота.

— Нет. Ну уж, нет! Не собираюсь я всю жизнь провести в твоей ду-

рацкой комнате. Попробуем это нелепое колдовство еще разок... а потом я... я еще что-нибудь сделаю.

Марвин, казалось, хотел спросить, что еще она может, но осекся, и это было к лучшему.

Они испытали заклинание еще разок, и еще разок, и еще. Прodelали всеми возможными способами, какие только пришли им на ум, разве только на голову не вставляли, впрочем, им и это, наверное, не помогло бы. То ли травы Марвина потеряли свою силу, то ли Марвин просто забыл ключевую фразу — они не могли даже уловить хрупкое ощущение перемены, какое пришло в первый раз. Снова и снова они открывали глаза и оказывались в прошлом четверге.

— Ладно, — сказала наконец Энжи.

Встав, она размяла затекшие ноги и начала вышагивать по комнате, теребя в пальцах парочку бесполезных сорняков.

— Ладно, — повторила она, остановившись на полпути между дверью и окном, лицом к маленькому комоду Марвина. Из одного ящика торчала штанина пижамы.

— Ладно, — сказала она в третий раз. — Пошли домой.

Марвин сидел, подтянув к груди колени, обхватив их руками и прижавшись к ним лбом. На ее слова он даже головы не поднял.

— Пошли, Марвин, — сказала Энжи чуть громче. — Тот коридор, проход, туннель... ну, не важно... он закончился ровно там, где я сейчас стою. Вот сюда El Viejo меня притащил, отсюда он исчез. Здесь проход.

— Какая разница, — заскулил Марвин. — El Viejo... Так то он! Так то он!

Вот теперь Энжи утратила остатки терпения. Решительно подойдя к брату, она рывком поставила его на ноги и потащила к нужному месту, словно к картине в музее.

— А ты Марвин Люк, великий и ужасный, самый могущественный колдун в городе! Ты сам так говорил. А если бы ты не был таким, тебе и в голову бы не пришло здесь застрять. Тебе только девять лет, а ты его за пояс заткнешь, и он это знает! Поправь повязку и отведи нас домой, братишка! — Она игриво его подтолкнула. — О, прости меня! Я хотела сказать, о Великий!

— Вовсе не обязательно так меня называть. — У Марвина подкосились ноги, и он буквально повис на ней мертвым грузом отчаяния. — Я не могу, Энжи! Не могу вернуть нас домой. Извини...

Правильно было бы (и Энжи сама это знала) броситься его утешать: взять в ладони его холодную мокрую мордашку и сказать, что

все уладится, что скоро они будут есть промасленный попкорн в его настоящей комнате в их настоящем доме. Но она тоже была на пределе, а попытки разыгрывать ради него храбрость лишь подталкивали ее к грани отчаяния. И не глядя на брата, она рывкнула:

— Не собираюсь я помирать в прошлом четверге! Я уйду отсюда так же, как он сюда пришел. Хочешь — иди со мной, не хочешь — твое дело. Но одно тебе скажу, Гуталакс, оглядываться я не стану.

Она шагнула вперед и решительно пошла к красной пижамной штанине...

...И в густую сладко пахнущую серость, которая тут же забила ей рот и нос, глаза и уши так плотно, что она отчаянно замахала руками, потеряв всяческую ориентировку в пространстве, понятия не имея, куда направляется, тонула в сером сиропе, как бабочка или пчела. Однажды ей показалось, что она слышит голос Марвина, и позвала его:

— Здесь! Я здесь!

Но больше она его не слышала.

А после, между одним шагом и другим, серость вдруг пропала, оставив по себе лишь легкую влагу на коже; исчез даже тошнотворно сладкий привкус во рту. Энжи опять очутилась в туннеле времени, узнала его особый затхлый запах: чуть похожий на аромат от пепла давно погасшего костра или от луны, если бы луна чем-нибудь пахла. Эта мысль ее рассмешила, хотя сейчас она не видела ничего, как и тогда, когда ее тащил под мышкой El Viejo. Она даже не могла разглядеть землю или пол под ногами, знала только, что это, наверное, скользкий камень, и, упорно двигаясь вперед, старалась ступать осторожнее.

Тьма была абсолютной (что немного ее утешило, ведь так она могла делать вид, будто Марвин идет за ней следом, хотя он ни разу ей не ответил, сколь бы отчаянно она ни звала его по имени). Шла она медленно, пробиваясь сквозь липкую тьму, как и раньше, смутно улавливая далекие вибрирующие призраки звуков и движения вокруг. Если у туннеля времени были стены, она не могла их коснуться, если был потолок, никакой ток воздуха не выдавал его существования, если тут кто-то был, то никаких признаков жизни она не заметила. И существовало ли здесь время, Энжи тоже не могла сказать. Она шла, закрыв глаза, в голове у нее было пусто, если не считать бесформенного страха, что она вообще не двигается, только поднимает и опускает ноги на одном месте. Интересно, голодна ли она?

А потом вдруг ее глаза открылись в иной темноте, где-то кукарекал петух, ее обволакивали ароматы благовоний, и тогда она поняла, что идет по коридору, ведущему из лавочки сантерии в... Ну, где она уже

побывала и где все еще сидел заплаканный Марвин, ведь он за ней не последовал. Повернувшись, она всмотрелась назад, в прошлый четверг, и вдруг услышала у себя за спиной низкий, хрипловатый смешок. Не решаясь обернуться, Энжи застыла на месте.

El Viejo медленно обошел вокруг и остановился перед ней, усмехаясь во весь рот, точно лунный человек. Черные очки пропали, и шрамы на щеках у него воспаленно пылали, будто совсем свежие.

— Я знал, — сказал он. — Еще не видя тебя, знал.

Энжи изо всех сил ударила его в живот. Ощущение было такое, словно ее кулак наткнулся на кусок замороженного мяса, и она охнула от боли, тут же уверившись, что сломала пальцы. Но все равно била его снова и снова, завывая во все горло:

— Верни моего брата! Если ты сейчас же его не вернешь, я тебя убью! Ей-богу, убью!

Все еще посмеиваясь себе под нос, El Viejo неожиданно мягко поймал ее руки.

— Слушай, деточка, слушай, Ninita. Никто на свете, вообще никто не умеет того, что сделала ты. Понимаешь? Никто, кроме меня, не приходит тем же путем оттуда, где я тебя оставил, понимаешь?

Белые круги у него под глазами растягивались и извивались, словно живые.

Собравшись с духом, Энжи вырвалась.

— Нет. Это все Марвин, он ведьма, brujo, и не смей говорить, что это я. У Марвина есть дар.

— У него?

Энжи впервые слышала, чтобы столько оглушительного презрения вкладывали в два слова.

Твой брат никто, пустышка. Кто станет из-за него трудиться? Забудь о нем. El Regalo у тебя, просто ты об этом не знаешь.

Пространство у нее перед глазами заполнили белые зубы, заслоняя темную лавочку.

— Ты такая же, как я, девочка. Я, El Viejo, тебе покажу... Я тебе покажу, кто ты есть.

Это было выше простых похвал, выше обычной лестии. Да, она ужасно боялась и ненавидела El Viejo, но от самой мысли о том, что кто-то, обладающий столь огромным и опасным знанием, считает, что она ему равня, Энжи до глубины души пробрала дрожь. Больше всего на свете (даже больше свидания с Джейком Петракисом) ей хотелось отвернуться, но преодолеть долгий путь домой в воскресенье оказалось проще, чем вырваться из злобных пут этого беловолосого

колдуна. Часто чувствуя (и почти так же часто отменяя обидное подозрение), что Марвин в семье особенный только потому, что он маленький и мальчик (а теперь еще и могущественная ведьма), она сейчас упивалась мыслью, что настоящий дар не у него, а у нее, и что достаточно протянуть руку, и все будет принадлежать ей. Это было самое пугающее и самое чистое, самое полное удовлетворение, какое Энжи довелось испытать.

Но не искушение. Энжи знала, в чем разница.

— Забудь, — сказала она, — забудь, мерзавец. Тебе мне показывать нечего.

El Viejo не ответил. Старые-престарые глаза, состоявшие из сплошного зрачка, все шарили по ней, как руки, а Энжи все смотрела в ответ своими голубыми, которые презирала, потому что они никогда не будут такими большими и такими темно-зелеными, как у мамы. Так они и стояли (Энжи не знала, сколько это продолжалось), пока El Viejo не повернулся и не открыл рот, словно хотел обратиться к безмолвной старухе, чьи каменные глаза будто и не моргнули с тех пор, как Энжи вошла в лавочку сантерии — целое детство назад. Что бы он ни собирался сказать, ничего у него не вышло, потому что в это мгновение вернулся Марвин.

Он шел по длинному черному коридору из дальнего далека, как El Viejo, когда Энжи его впервые увидела, как сама она брела без всякой надежды всего несколько минут назад. Однако Марвин совершил более долгий путь. Энжи безошибочно видела это: он спотыкался, походил на тень и сгибался под тяжестью какой-то ноши, но Энжи не могла разобрать какой.

И эта ноша казалась слишком тяжелой для маленького мальчика, постоянно грозила выскользнуть у него из рук; он все перекладывал ее с одного плеча на другое. Не успела Энжи ее хорошенько разглядеть, как El Viejo заорал, и в это мгновение девочка поняла, что никогда в жизни не услышит более ужасного звука. С El Viejo словно живо сдирали кожу или вырывали из тела душу — она даже вообразить себе никогда не пыталась, что же он вопил, ведь слов там не было. При первых звуках этого дикого голоса она упала на четвереньки и закачалась, заскулила. Так она стояла, пока вопль не оборвался. А тянулся он долго.

Но когда наконец прекратился, El Viejo исчез, а подле нее стоял Марвин с младенцем на руках. Ребенок был чернокожим, истинным очаровашкой с огромными, ясными и на удивление наблюдательными глазками. И, заглянув в них, Энжи поспешно отвела взгляд.

Вид у Марвина был усталый и измученный. Повязка исчезла; левый глаз, которого Энжи не видела уже несколько месяцев, был налит кровью, будто после трехдневного запоя, хотя, насколько она могла заметить, ничуть не косил.

— Мне пришлось зайти далеко-далеко назад, Энжи, — сказал Марвин подавленно и слабо. — Совсем далеко.

Энжи хотелось его обнять, но она боялась ребенка. Глянув на старуху в углу, Марвин вздохнул, потом подпернул свою ношу в последний раз и заковылял к ней.

— Кажется, это ваше, мэм? — сказал он. Взрослые постоянно хвалили его за воспитанность.

Тут старуха впервые шевельнулась. Энжи почудилось, что она движется подобно волне. Подобно волне, когда смотришь на нее со скалы или из самолета, видишь, как она ползет медленно-медленно, и кажется, что невозможно, чтобы она разбилась, накатила на берег. Но в том движении было море, вмещенное в одну волну море, и, когда старуха положила трубку, взяла у Марвина младенца и улыбнулась ему — в этом тоже была волна. Она посмотрела на младенца и произнесла одно слово, которого Энжи не разобрала. Ведь в тот момент она схватила брата за руку и потащила его прочь из лавочки. Марвин ни разу не оглянулся, но Энжи успела заметить, как старуха обнажила голубоватые десны в беззвучном смехе.

Всю дорогу домой в такси Энжи безмолвно молилась: лишь бы родители еще не вернулись, лишь бы родители еще не вернулись! Лидия ждала их, и вместе они потащили Марвина наверх в кровать, впрочем он и не протестовал. Лидия вытерла ему лицо тряпичкой, а после надавала затрещин и накричала на испанском (Энжи узнала пару-тройку слов, которые пообещала себе в дальнейшем непременно использовать), поцеловала его и ушла, а девочка, сходя на кухню за кувшином апельсинового сока и целой тарелкой имбирных пряников, села на кровать и спросила:

— Что произошло?

Марвин уминал пряники, словно несколько дней голодал, что в каком-то смысле соответствовало действительности, и спросил с полным ртом:

— Что значит слово *malcriado*?

— Что? Ах, это! Невежливый, невоспитанный мальчишка, от которого одни беды. Это, наверное, единственное слово, которого Лидия не произнесла... А что?

— Так... так старуха его назвала. Ребеночка.

— Ага, — отозвалась Энжи. — Оставь мне пару пряников и объясни, как это он превратился в ребенка. Ты с ним поступил, как с Миледи?

— Ну да. Только мне пришлось зайти очень далеко, я же тебе сказал. — Голос у Марвина стал отстраненным, как в лавочке сантерии. — Он был такой старый, Энжи.

Энжи промолчала, а Марвин прошептал:

— Я не мог за тобой пойти. Мне было слишком страшно.

— Забудь.

Энжи хотела сказать что-нибудь успокаивающее, но следующие слова у нее вырвались сами собой:

— И зачем тебе понадобилось показушничать? Если бы ты сделал все попроще, пообычнее и добыл письмо... — На последнем слове у нее сжалась грудь. — Письмо! Мы совсем забыли про мое дурацкое письмо! — Подавшись вперед, она выхватила у Марвина тарелку с пряниками. — Ты забыл! Ты забыл, да? — Она тряслась, как не дрожала, даже когда ее схватил El Viejo. — О Господи, столько мучений — и все зря!

Но Марвин улыбнулся, впервые за очень долгое время.

— Успокойся, все в порядке... Оно у меня. — Выудив из заднего кармана штанов письмо Джейку Петракису (более грязное, чем было), он протянул его Энжи. — Вот оно. И не говори, что я ничего для тебя не делаю.

Это была его коронная фраза, украденная из телесериала и употребляемая, как правило, когда надо было кормить Миледи, мыть за собой тарелку после завтрака или складывать собственную одежду.

— Возьми, открой, — говорил он теперь. — Убедись, что это то самое.

— Мне и не надо, — раздраженно запротестовала Энжи. — Это мое письмо, уж поверь мне, я его сразу узнала.

Но она все равно вскрыла конверт и вынула оттуда один сложенный листок, на который взглянула... и застыла, не веря своим глазам.

А после протянула листок Марвину.

С обеих сторон он был пуст.

— Да уж, ты свою работу основательно проделал, — мягко сказала она совершенно пораженному брату, который уставился на нее, разинув рот. — Тут и сомнений быть не может. Я просто пытаюсь понять, зачем нам понадобилась такая невероятная ерунда ради пустого листка бумаги.

А вот Марвин отполз от нее подальше на кровати.

— Это не я, Энжи! Клянусь! — Марвин нетвердо поднялся на ноги и теперь стоял, подняв руки, словно приготовившись защищаться на случай, если она набросится. — Я просто вытащил его у тебя из рюкзака. Даже не смотрел на него, честное слово.

— Что? Я написала его грейпфрутовым соком, чтобы никто не прочел, если только не поддержит над лампой? Ладно, уже не важно. Сойди с подушки и садись.

Марвин настороженно повиновался и скорее прикорнул, чем сел рядом с ней на краю кровати. Они немного помолчали, а потом он сказал:

— Это ты. Это ты с письмом сделала. Тебе так хотелось, чтобы оно не было написано, что его просто не стало. Вот что произошло.

— Ну да, конечно, — отозвалась сестра. — Я тут могучая ведьма... Сказала же, не важно.

— Нет, важно.

Она так отвыкла видеть Марвина с обоими глазами, что его лицо показалось ей вдвойне серьезным, а он очень тихо добавил:

— Ты у нас самая крутая ведьма, Энжи. Ему нужна была ты, а не я.

На сей раз она не ответила, и Марвин продолжал:

— Я был приманкой. Да, я играю с мешками для мусора и кларнетами и заставляю ходить гадких кукол. Ему-то что с того? Но он знал, что ты за мой придешь, поэтому и запер меня в прошлом четверге, чтобы легче было тебя зацапать. Только он просчитался, не сообразил, что ты сама сможешь одолеть весь путь назад. Без заклинаний и прочей ерунды. Именно так все и было, Энжи! Именно поэтому я знаю, кто из нас двоих настоящая ведьма.

— Нет! — почти закричала Энжи. — Нет, я просто была очень зла, это совсем другое дело. Никогда нельзя недооценивать разозленную женщину, о Великий. Но ты... Ты прошел всю дорогу назад совершенно один, и ты схватил его. Ты будешь гораздо сильнее, и он это знает. Он просто решил избавиться от конкурента, пока у него есть такой шанс. Не слишком великодушный старик этот El Viejo.

Пухлая мордашка Марвина вдруг посерела.

— Я не такой! Не хочу быть, как он!

Оба глаза у него вдруг наполнились слезами, и он повис на сестре, как того не делал со своего возвращения.

— Это было ужасно, Энжи, это было так ужасно. Ты ушла, я остался совсем один и не знал, что делать, только понимал: делать что-то надо. А потом вспомнил про Миледи и решил, что если он не пускает меня, то я пойду другой дорогой, мне было так страшно и я был так

зол, что просто шел и шел в темноте, пока не... — Он плакал так горько, что Энжи едва разбирала слова. — Я больше не хочу быть ведьмой. Не хочу!!! И чтобы ты была ведьмой, тоже не хочу!

Энжи обняла его и укачивала, как любила это делать, когда ему было три или четыре года, и прыники рассыпались по всей кровати.

— Все хорошо, — говорила она, прислушиваясь, не раздастся ли в гараже шум родительской машины. — Ш-ш.... ш-ш... все хорошо, все кончилось, мы в безопасности, все хорошо... Все нормально, мы с тобой не ведьмы. — Она уложила его головой на подушку и накрыла одеялом. — Поспи.

Марвин поглядел на нее, потом на стену магов у нее за спиной.

— Сниму-ка я их, — пробормотал он. — Может, повешу парочку футболистов. Бразильцы клево играют. — Он уже начал дремать, как вдруг рывком сел: — Энжи! Ребенок!

— А что с ним такое? Из El Viejo получился вполне симпатичный младенец. Сердитый, но миленький.

— Когда я уходил, он был больше, — сказал Марвин. Энжи непонимающе уставилась на него во все глаза. — Я оглянулся, когда он лежал у старушки на коленях, и он уже был больше, чем когда я его нес. Он начинает сначала, Энжи! Как Миледи.

— Лучше он, чем я, — отозвалась Энжи. — Надеюсь, на сей раз у него будет младший брат, он это заслужил.

Она услышала шум машины в гараже, потом звяканье поворачиваемого в замке ключа.

— Засыпай, — сказала она. — И ни о чем не волнуйся. После сегодняшнего мы с чем угодно справимся. Вдвоем справимся. И безо всякого колдовства. Кто бы из нас ни был ведьмой, обойдемся без сорняков и волшебных палочек.

Марвин сонно улыбнулся.

— Если только они нам очень-очень не понадобятся.

Энжи протянула руку ладонью вверх, и брат хлопнул по ней, скрепляя соглашение. Глянув на свои пальцы, Энжи вдруг охнула:

— Фи! Висморкался бы!

Но Марвин уже спал.

Перевела с английского
Анна КОМАРИНЕЦ

ЗАЛЕДЕНЕВШАЯ САГА

Джордж МАРТИН. «ПИР СТЕРВЯТНИКОВ». АСТ

Лед в известном цикле романов Джорджа Мартина «Песнь льда и огня» победил окончательно. Читатель, перевернув последнюю страницу новой книги сериала «Пир стервятников», окажется, по сути, там же, где остановилось действие предшествующего романа «Буря мечей» — в сконструированном автором мире, на материке Вестерос, разделенном на семь королевств.

Здесь все также идет жестокая гражданская война, образ которой Мартину явно навеяла схватка династий Алой и Белой Розы в Англии XV века. А пока надменные лорды Вестероса выясняют отношения, с севера надвигается главная опасность — раса демонических Иных, порождений тьмы и мороза, начинает решающую битву с людьми, круша ослабевшие отряды Ночного дозора, главного защитника человечества.

Все более ускоряющийся от романа к роману темп событий достиг у Мартина своего апогея в «Буре мечей», а в новой книге, увы, почти заledenел. «Пир стервятников» производит впечатление паузы: автор словно бы переводит дыхание, прежде чем взяться за описание решающих событий войны, рвущей на части семь королевств. Здесь даже Иные, кажется, приос-

тановили свое неудержимое наступление на юг.

Однако надо отдать писателю должное: несмотря на замедлившийся темп, повествование лишено затянутости. Автор виртуозно удерживает читательское внимание за счет введения дополнительных линий, вроде рассказа о ситуации на Железных островах, которым в ранних книгах эпопеи отводилось куда меньше внимания. На передний план выходят герои, доселе казавшиеся второстепенными: женщина-рыцарь Бриенна Тартская, наследница престола южного королевства Дорн Арианна.

Мартин действует как хороший создатель телевизионного сериала, ловко переключая внимание читателей с одного героя саги на другого. В то же время он легко расстается с самыми психологически

проработанными персонажами. Досадно только, что в четвертом томе подобная «выбраковка» выглядит не всегда оправданной. Более того, исчезают герои, от которых читатели справедливо ожидали значительной роли в грядущих событиях. Но душа писателя — те еще потемки...

По ходу движения саги становится заметно, как автор все больше и больше минимизирует фантастическую составляющую, отдавая предпочтение псевдоисторическому фону. Наиболее заметные фэнтезийные моменты, столь ярко заявленные еще в «Играх престолов», в «Пире стервятников» практически исчезли.

Автор, будто нарочно испытывая терпение читателей, умалчивает в романе и о судьбе ведущих персонажей ранних книг — лорда-карлика Тириона Ланнистера, местного аналога Ричарда Третьего; бастарда Джона Сноу, ставшего командиром Ночного дозора; королевы Дейенерис Таргариен, Матери Драконов, истиной наследницы всего Вестероса.

Пожалуй, «Пир стервятников» мог бы вызвать разочарование, если бы не выдающееся литературное мастерство автора. За это ему прощаешь многое... Но ни в коем случае не советовал бы читать роман, не ознакомившись с предыдущими частями цикла: «Песнь льда и огня» отнюдь не типичный фэнтезийный сериал, объединенный общими героями и местом действия, но который без ущерба можно читать и «в розни-

цу», с любого тома. «Песнь...», по существу, цельный роман, разбитый на несколько томов.

Одна из загадок, терзающих большинство поклонников Мартина: почему фантаст так долго тянет с окончанием эпопеи? Ведь изначально «Песнь...» была заявлена как трилогия, но и после выхода четвертого тома издатели пообещали, как минимум, два романа-продолжения. Издание саги уже растянулось почти на десять лет. Может быть, сам фантаст настолько полюбил придуманный им мир, что не в силах с ним расстаться? Вряд ли. В тех же антуражах вполне можно написать и самостоятельные книги, скажем, о ранней истории Вестероса, что, кстати, автор и делает в повестях о детстве короля Эйгона Невероятного («Межевой рыцарь» и «Присяжный рыцарь»), где излагаются события, происходившие за сто лет до начала междоусобной войны. Думаю, что американский фантаст просто не знает, КАК завершить свое монументальное сочинение. И у такой гипотезы есть косвенные подтверждения: все активнее распространяются слухи, что для окончания саги Мартин пригласил в соавторы Р.Сальваторе. Впрочем, гадать можно сколько угодно, но вот что известно доподлинно: интернет-магазины уже принимают заказы на пятую книгу эпопеи «Танцы драконов», выход которой ожидается в США в августе 2007 года.

Недолго ждать. А там, глядишь, и финал не за горами.

Глеб ЕЛИСЕЕВ

**ВИТПАНК
(WITPUNK):
Антология**

*Москва: АСТ,
2007. — 413 с.*

Пер. с англ.

В. Иванова.

(Серия

«Альтернатива.

Фантастика»).

3000 экз.

В мире есть масса вещей простых и бесхитростных на первый взгляд, но при внимательном рассмотрении содержащих немало тайн и загадок. Взять хотя бы короткое английское словечко «punk». Оказывается, панк — это не только молодой человек с характерной прической и специфической жизненной позицией. Этим словом называют также гнилое дерево, трут, чайное благовоние, преступника, начинающего циркового артиста и прочее.

С некоторых пор слово «панк» стали широко использовать писатели-фантасты, применяя его как словообразующую приставку. В результате этого лингвистического марьяжа родились такие понятия, как «киберпанк» и «стимпанк»... Теперь вот «witpunk». Именно это броское словечко красуется на обложке антологии. «Wit», обозначающее ум, сообразительность или сарказм, смешавшись с вызывающим, эпатажирующим «punk», дало весьма взрывоопасную смесь.

В сборник вошло 26 рассказов американских фантастов. Каждая из представленных историй — это своего рода пощечина, от слабого шлепка до чувствительного удара, от печальной притчи до агрессивной провокации. Откровенный, болезненный постмодернизм рассказов «Охотник на игрумов» Алена М.Стила и «Большой секрет Тимми и Томми» Бредли Дентона уравнивается гротескным комиксом «Койот отправляется в Голливуд» Эрнеста Хогана. Удивительная ритмизованная проза Джеффри Форда сменяется то коротким сатирическим анекдотом «Контакт иного рода» Дэвида Ленгфорда, то мрачным постапокалиптическим этюдом «Благоприятные яйцеклетки» Джеймса Морроу.

Страшноватые, исполненные черного юмора рассказы обладают загадочной привлекательностью. Их нельзя проскочить на всех парах. Только последовательное ознакомление — от первой страницы к концу. Ну а насколько живучим окажется новое словечко — покажет время.

Николай Одинцов

Илья НОВАК

КНИГА ДРАКОНА

Москва: ЭКСМО,
2007. — 384 с.
(Серия «Герои
неизвестанных
миров»).
8100 экз.

«Книга дракона» — большая повесть в жанре технофэнтези и представляет собой добротное приключенческое чтение с редкими философскими отступлениями о живительной силе творчества. Кабы речь шла об одной центральной вещи сборника, говорить было бы, по большому счету, не о чем. Но читателям очень повезло, что автор не разбодяжил текст до романной величины, поскольку это сделало необходимым включение в книгу еще девяти рассказов. А в рассказе Ильи Новака почти всегда на порядок сильнее, чем в крупной форме («почти» следует отнести на счет его лучшего романа — «Демо-сферы»). Титан-издатель, завидев брешь между третьим и четвертым романами в графике сериала «Герои уничтоженных империй», позволил вытащить блистательные штучки Новака из журналов, фэнзинов и т.п., дабы сделать полноценный авторский сборник, чем приятно удивил читателей-интеллектуалов.

Миниатюры «Каббала!» и «Почти полная тьма. Пришел шаман» не имеют ни малейшего отношения ни к технофэнтези, ни к героической баталовке. Зато для не-христианской литературной мистики это тексты первого ряда, отмеченные множеством стилистических находок и весьма убедительной эстетикой мистического противостояния темных другим темным или же «еще более темным». «Ритм» лишь по ряду косвенных признаков можно отнести к фэнтезийной литературе: это современная притча о горечи законченных сюжетов, оказывающихся неизменно короче судьбы человеческой. «Неестественность» — напротив, подчеркнуто фэнтезийный рассказ, со всеми атрибутами «правильной» героики... до последней страницы, где Новак в упор расстреливает один из наиболее популярных сюжетов фэнтези.

Мир автора в большинстве случаев лишен света. Но ради аристократичного мастерства заглянуть туда стоит. Представьте себе балетную постановку, идущую при выключенных софитах и пустой оркестровой яме, причем балерины одеты в черные пачки с люминесцентным узором. Вот — рассказы Новака.

Дмитрий Михайлович

Патрик О'ЛИРИ

ДВЕРЬ № 3

Москва: АСТ —

Хранитель,

2007. — 317 с.

Пер. с англ.

А. Круглова.

(Серия

«Альтернатива.

Фантастика»).

3000 экз.

Может ли католик влюбиться в инопланетянку? «Конечно, да!» — отвечает американец ирландского происхождения Патрик О'Лири.

Вообще-то психоаналитик Джон Доннелли (от его лица ведется повествование) не совсем католик, а его загадочная пациентка, печальная красотка Лора, лишь отчасти гостя из другого мира. Но разве это важно? Ведь на то, чтобы полюбить друг друга, у героев всего год. Таков срок, отпущенный девушке пришельцами-холоками. Бледнокожие рептилии, обитающие в подводных городах, — частые гости в человеческих снах. Лишенные способности творчески мыслить, холоки испытывают наркотическую зависимость от наших грез, питаются ими. Вот почему мы редко помним свои сны. Доктору Доннелли суждено раз и навсегда разрешить проблему ненасытных пришельцев, поупражняться с прыжками во времени, а также разобраться в своих чувствах и мотивации собственных поступков.

Роман дробится на три части — неторопливую, слегка постмодернистскую завязку, проходящую на краткий курс психоанализа по Юнгу, бодрый американский триллер с погонями, злыми федералами и добрыми официантками из придорожных кафе и, наконец, развязку в духе классической НФ, где потрепанный герой неожиданно выпутывается из всех передряг и уезжает на запад, кутаясь в дырявое пончо.

Темпоральная сказка Патрика О'Лири по своей конструкции напоминает слоеный пирог. И в каждом слое правда поворачивается к читателю, как и к главному герою, совершенно другим боком.

Начиная историю с конца, автор еще раз доказывает, что закольцованность сюжета вовсе не подразумевает его предсказуемость. Да и о какой предсказуемости может идти речь, если, по О'Лири, изменения в пространственно-временном континууме распространяются и в прошлое, и в будущее! А значит, из двух возможных дверей всегда можно выбрать третью.

Николай Калининченко

Игорь ПРОНИН

ЗВЕЗДНЫЕ ВИКИНГИ

СПб.: Лениздат,
2007. — 448 с.
(Серия «Боевая
фантастика»).
6050 экз.

Игорь Пронин получил известность как автор неформатной интеллектуальной фантастики — сложной, философской, насыщенной экспериментами с языком. После повестей «МАО», «Принцип учета», романа «Свидетели Крысолова» он приобрел устойчивую репутацию писателя тонкого, изощренного.

А его новый роман — могучая стрелялка, космоопера со всех сторон и в любом разрезе. В обозримой Вселенной живут без особого лада миры «торгащей» (неозапад будущего) и держава звездных викингов (СССР будущего). Политические расклады отягощаются появлением чужаков-психократов из соседнего универсума, рассчитывающих прижиться за счет тихой, малозаметной до поры до времени экспансии.

И вот начинается Большое Звездное Рубилово, отягощенное мрачным викингским раздолбайством, в котором отчетливо видна благородная ностальгия автора по службе в рядах Советской Армии. Собственно, в романе очень мало от прежнего Пронина. Ничего сложного, изощренного здесь в помине нет. В лучшем случае, некий психологизм, меткие «жизненные» зарисовки. Получился крепкий, незамысловатый, но добротный боевик, иными словами, продукт, рассчитанный на самые «демократические слои» читателей.

Однако помимо завлекательно написанной боевки и сопутствующей ей расхлябанной армейщины в романе (ближе к концу) обнаруживается аккуратное поданное блюдо в духе старого доброго Пронина: вежливое предупреждение против избыточной ксенофобии, ставшей последние годы частью специфической «культуры политкорректности». По-доброму и беззлобно автор задает читателю вопрос: друг, до какой степени из гуманистических побуждений ты готов позволить другому существу руководить твоими поступками? Сделать тебя куклой?

И не пошло бы оно, это существо, в страну Муспель?

Дмитрий Володихин

Вернор ВиндЖ

**ЛОЖНАЯ
ТРЕВОГА**

*Москва: АСТ,
2007. — 727 с.
Пер. с англ.
(Серия «Золотая
библиотека
фантастики»).
5000 экз.*

Вообще-то в оригинале подборка текстов одного из лидеров твердой НФ называется безыскусно: «Избранные рассказы Вернора Виндджа».

В сборнике представлены почти все новеллы Винджа за сорокалетнюю писательскую карьеру, начиная с дебютной «Беги, книжный червь!»: вполне репрезентативная коллекция, позволяющая проследить творческую эволюцию именитого фантаста. Подавляющее большинство рассказов посвящено различным вариантам отдаленного будущего. Лишь в новелле «Драгоценность» действие разворачивается в 1950-х годах. Примечательно также, что многие из рассказов, по сути, надстройки к мирам, разработанным Винджем в романах. Рассказ «Неуправляемые» дополняет картину грядущего из тесно связанных между собой книг «Война с «Миром» и «Брошенные в реальном времени». Действие небольшой повести «Болтуня» разворачивается в той же Вселенной, что и в самом известном романе автора «Пламя над бездной», а рассказ «Принцесса варваров» развивает идеи «Мира Тати Гримм». Часть новелл сборника образует единый цикл, посвященный истории Земли после разрушительной атомной войны («Обособленность», «Завоевание по умолчанию» и др.). Читателю, не знакомому с творчеством фантаста, сборник даст представление и о литературном мастерстве Винджа, и об излюбленных темах этого автора.

К сожалению, интересные новеллы Винджа не лишены тех недостатков, которые свойственны многим американским писателям-технократам: это и симпатия к социал-дарвинизму, ярко проявившаяся, например, в рассказах «Неуправляемые» и «Ученик торговца», и заштампованность некоторых рассуждений об обществах, скажем так, не западного ареала. Трудно сдержать улыбку, читая пассажи о России в духе примитивных голливудских поделок. Но эти мелочи вряд ли испортят настроение ценителям настоящей Hard SF, мастером которой является Виндж.

Глеб Елисеев

Кен КАЛФУС

**НАРКОМАТ
ПРОСВЕЩЕНИЯ**

Москва: ЭКСМО,
2006. — 320 с.

Пер. с англ.
Т. Боровниковой.
(Серия «Истории
истории»).
5100 экз.

Выбор места и времени действия романа необычен для американской литературы. События, определившие основную парадигму развития человечества на ближайшей пару сотен лет, разворачиваются в России начала XX века (точнее, в течение полутора десятилетий — с 1910 по 1924 годы).

Действие книги начинается в 1910 году в селе Астапово Тульской губернии в дни кончины Льва Николаевича Толстого, собравшей в окрестностях довольно разношерстную публику со всего мира: журналистов и революционеров, ученых и шарлатанов разных мастей. Действуют в книге и вполне реальные исторические персонажи — Ленин, Крупская, Сталин. Но центральной фигурой романа является пионер кинематографа Николай Грибшин-Астапов, поставивший «величайшее из всех искусств» на службу Революции.

Надо отдать должное Калфусу: исторические реалии России он изображает без истерии. Это объясняется, видимо, тем, что писатель несколько лет провел в нашей стране и российскую историю учил не по голливудским блокбастерам. А может, даже и фантастику нашу почитывал. Ведь одна из ключевых линий книги — сакрализация Власти и мумификация властей предрежащих.

Узнаете? Действительно, и в тематическом, и в сюжетном плане роман Калфуса очень напоминает давнюю повесть Андрея Столярова «Мумия». Расходятся эти два текста художественным посылом. У Столярова — абсурдизация советской истории, Калфус же акцентирует внимание на идее о коренной перестройке общественного сознания: от главенства слова к господству образа. Только культура, имеющая в своей основе не слово, а образ, способна стать по-настоящему массовой. И именно образ является наиболее эффективным инструментом для искажения и конструирования смыслов, на которых основана наша реальность. Во всяком случае, так утверждает американский фантаст и пытается доказать это своим романом.

Сергей Шикарев

Джефф
ВАНДЕРМЕЕР

ПОДЗЕМНЫЙ ВЕНИСС

Москва: АСТ —

Хранитель,

2007. — 220 с.

Пер. с англ.

Ю. Моисеевко.

(Серия

«Альтернатива.

Фантастика»).

3000 экз.

Взявшись за роман и добравшись примерно до трети, читатель, скорее всего, испытает дежа вю. И порывшись в оперативной памяти, обнаружит там книгу «Вокзал потерянных снов», которую Чайна Мьевиль выпустил в 2000 году, но до российского поклонника жанра этот известнейший за рубежом образец «неформатной» фантастики добрался лишь в году прошлом. А в 2002-м Джефф Вандермеер исполнил свои вариации на ту же тему — и появился у нас в году нынешнем. Так что историческая правда применительно к литературе была соблюдена.

Можно, конечно, посчитать «Подземный Венисс» просто эксплуатацией модной на ту пору — и нынешнюю тоже — острой социальной темы. Но уж слишком много параллелей, вплоть до сюжетных.

Вы уже поняли, что речь пойдет о биотехнологиях. Мегapolis, в котором происходит действие, поделен на верхний город с его весьма относительным благополучием и нижний — место пребывания «эксплуатируемого класса». Хотя кавычки здесь неуместны: этих, убогих, натурально превращают в калек, сначала выжимая все соки непосильным трудом, а потом покупая за ничтожную плату донорские органы. Официальные власти в этом сюрреалистическом образовании практически бездействуют, неформально правит городом и подземельем некий делец и одновременно талантливый бионер (биоинженер) по имени Квин. Именно его хочет «взять за жабры» отправившийся в подземный Венисс главный герой.

Взять за жабры не получится — по причине отсутствия таковых. Зато все остальное, подсказанное автору его бионическим бредом, будет присутствовать. До тошноты. Вандермеер явно увлечен не творчеством своего однофамильца, гениального голландского живописца XVII века (известного больше как Ян Вермеер), а полотнами Иеронима Босха. Но и тот был более снисходителен к зрителю. А здесь чтение — или, скорее, зрелище — явно не для слабонервных.

Сергей Валентинов

Сергей ЧУПРИНИН

**РУССКАЯ
ЛИТЕРАТУРА
СЕГОДНЯ:
БОЛЬШОЙ
ПУТЕВОДИТЕЛЬ**

*Москва: Время,
2007. — 576 с.
3000 экз.*

**РУССКАЯ
ЛИТЕРАТУРА
СЕГОДНЯ:
ЖИЗНЬ
ПО
ПОНЯТИЯМ**

*Москва: Время,
2007. — 768 с.
3000 экз.*

Не успев поступить в продажу, этот двухтомник, написанный главным редактором журнала «Знамя», занял позицию интеллектуального бестселлера — и одновременно вызвал бурные дискуссии. Автор сделал попытку комплексно рассмотреть многополярную картину литературного процесса современной России, «разгерметизировав» словесность, то есть включив в единое пространство русской литературы наиболее заметные явления как мейнстрима, так и жанровой прозы. В первый том собраны персоналии, по поводу которых сказано: «...Автор ориентировался не на собственный вкус, а на «то, о чем говорят», на темы, сюжеты и фигуры, наиболее актуальные для сегодняшнего читательского большинства...» Ну, здесь автор явно лукавит. Многочисленных вопросов: «А почему именно эти?» — ему не избежать. И, в общем-то, справедливо. По отобранным фигурантам фантастического цеха, быть может, в первую очередь (всего в справочнике представлено 16 «чистых» фантастов, большинство из которых, кстати, активно сотрудничают с «Если»). Но спорить с составителем — занятие неблагодарное, он в своем праве.

Наибольший же интерес представляет второй том — «Жизнь по понятиям». Это терминологический словарь, вводящий читателя в круг ключевых литературных понятий, высказываний и терминов. Однако статьи далеки от академизма, написаны увлекательно и иронично. Около 20 из них посвящены направлениям фантастики — от фэнтези и космооперы до весьма сомнительного понятия «либерпанк». Но и помимо этих статей читатель откроет для себя массу любопытного. Названия говорят сами за себя: «Вменяемость и невменяемость в литературе», «Войны литературные», «Имперское сознание в литературе», «Поколенческий расизм» и т.д., и т.п. Следует отдать должное чувству юмора автора, предусмотрительно снабдившего двухтомник пометкой: «Все, что вам нужно знать, чтобы ПРОСЛЫТЬ (выделено *рец.*) человеком, хорошо разбирающимся в современной литературе».

Евгений Харитонов

«АЛЬТЕРНАТИВНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ»**Дорогие участники конкурса!**

Спасибо за присланные произведения. Всё, написанное вами, внимательно прочитано и отфильтровано. Заверяем: ни один талант не сгинет в безвестности. Даже если рукопись «не наша», но автор продемонстрировал явные литературные способности, а также умение нетривиально мыслить, мы с ним обязательно связываемся и предлагаем попробовать написать что-то в формате «Если». А требуем мы все того же: незатертой фантастической идеи, желательно научной. Хотя уже не требуем, а робко надеемся. Фэнтези в редакционной почте все больше теснит научную фантастику, причем фэнтези «традиционная», чтобы не сказать «карикатурная»: с магическими мечами, сверканием очей, зловещими заклинаниями, заколдованными принцессами и откровенной мистикой. Впрочем, мистика не обязательна: вся магия ловко выводится за скобки реальности — в виртуал. В конце рассказа герой обнаруживает себя в компьютерном кресле и с облегчением понимает, что лужи крови и вырывание ноздрей — не более чем повороты компьютерной игры. А если в рассказе присутствует компьютер, то, значит, это типа НФ. Ошибаетесь, друзья. Научная фантастика находит всем странным, непонятным и загадочным явлениям научное объяснение. Это та самая НФ-идея, о которой так долго говорило жюри. Однако, если вы следите за публикациями, то могли заметить, что не всегда из потока рассказов нам удается выловить «форматный». Так случилось и на сей раз. Однако рассказ-победитель интересно замыслен, выполнен на хорошем литературном уровне и в фэнтезийном номере «Если» будет уместен.

Автор, Юлия Зонис, родилась в Грузии в 1977 году. Училась на биофаке МГУ, затем в институте Вайцмана в Израиле, в настоящее время — аспирант Университета Торонто. Специализируется на клеточной биологии и биохимии. Первая публикация — рассказ «Любовь и голуби» в журнале «Порог» (2005). Позже ее рассказы публиковались в журналах «Реальность фантастики», «Полдень. XXI век», в газете «Просто фантастика», а также в сборниках молодых авторов. Рассказ «Дворжак» выиграл в конкурсе «Сорванная башня» и получил премию «Портал-2006» в номинации «Малая форма». Рассказ «Птицелов» занял первое место на 10-й «Грелке» (ноябрь 2005-го).

В финал вышли москвичи П.Абричкин и А.Козаев, а также В.Гвоздей из Астрахани.

Поздравляем победителя и финалистов.

Ждем новых рассказов.

Жюри конкурса

Ю Л И Я З О Н И С

СЕДЬМОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО

Мальчику было от силы лет одиннадцать-двенадцать. Маленький, тощий, бледное лицо, под глазами синяки. На земле бы он меня ни за что не утащил, эдакого здоровенного амбала, да еще и с немаленьким ноутбуком через плечо.

— За кого отработываешь?

Мальчишка вздохнул и передернул плечами.

— Не хочешь говорить — не надо. За разговором дорога короче, но твои секреты — только твои.

Паренек сдул со лба светлую прядку и застенчиво выдал:

— За мамку. Она отца топором убила.

Я присвистнул. Пригляделся внимательнее.

— И тебя за компанию?

Мальчишка вздрогнул.

— Нет, что вы. Мамка добрая. Она за меня заступилась. Отец меня бил, ну она топор в сарае схватила — и того. Она не хотела. Я уже позже, в детдоме, от пневмонии...

Все с ним было понятно. Рядовой клиент. Повкалывает еще пару лет, и переведут его мамку в Чистилище. Если, конечно, парень не надумает потом выручать батьку. Я окинул его привычным, оценивающим взглядом. Сам я такими делами давно не занимался, но любой из младших сотрудников ухватился бы за него всеми когтями. Легкое, приятное дело.

Я поправил ремень ноута и взгромоздился пацану на плечи. Тот стоически промолчал, хотя видно было: тяжело.

— Ну что, тронулись?

И мы тронулись.

* * *

Не знаю, с чего Данте наш Алигьери вообразил, будто дорога из Ада в Чистилище напоминает удобный, чуть ли не асфальтом крытый серпантин. Как бы не так! Гладкая обсидиановая поверхность горы — с моими копытами я бы и сантиметра не прополз. Однако мальчишка поднимался — медленно, но верно, временами покряхтывая под не-

малой тяжестью. Обо что опирались ноги в стоптанных сандалиях, бог весть. Но он шел.

Я задрал голову, вглядываясь в низкие облака. Из-за них все явственной сочился свет — свет, неприятный моим глазам. Пришлось вытащить из нагрудного кармана очки. Я как раз полировал платком стекла, когда малахольный Вергилий замедлил ход.

— Скажите, — маленький возчик подо мной едва ощутимо вздохнул, — а если я за папку отработать захочу, это сколько еще таскать?

Я улыбнулся. Хорошо, что мальчик не видел моей улыбки.

* * *

Явившийся сверху был мне неприятен. Я помнил его по парочке недавних процессов. Эдакая серая мышка, трудолюбиво грызущая судьбой заповеданный сыр. При том, что я знал его биографию, и была она довольно красочной. Правозащитник. Пару раз отсидел, был безжалостно бит и полицией, и толпой тех, кого он пытался защитить. Обыски. Аресты. Психушки. Жена не выдержала и покончила с собой. Младшего сына однажды ночью нашли в проулке с перерезанным горлом и запиской, адресованной папаше — записка была приколотая к левому соску мальчика. А папаша все тянул эту лямку, упрямая рабочая скотинка в плену собственных заблуждений. Впрочем, наверху это называется идеалами. Ему даже не достало сил последовать за женой, и умер он банально, в больнице. Кажется, ему сломали позвоночник, и какая-то добросердечная медсестра отключила систему жизнеобеспечения.

— Здравствуйте, Анатоль.

Мой собеседник опирался на костыль. Глянув на длинную лестницу, ведущую вверх, я мог только позавидовать его мужеству. Верхние услугами перевозчиков не пользовались.

Я заглянул ему в глаза. За тонкой вуалью их вечного показного доброжелательства весьма ясно читалось то, что он обо мне действительно думал. Стряпчий сатаны. Защитник насильников и убийц, богатеньких наследников — и, о какое веселье ждало их здесь! Да, там, на земле, я был одним из лучших. Как, впрочем, и он.

— Приветствую, Микаэль.

Он чуть заметно поморщился.

— Можете называть меня Майклом. Это ведь привычней вам, так?

Я посмотрел на его протянутую руку. Пальцы не дрожали. Ладонь узкая, но не слабая. Что ж. Мое пожатие было, возможно, чуть крепче, чем того требуют приличия, однако он и не моргнул.

— А теперь, если мы покончили с церемониями, давайте перейдем к делу.

Он открыл потертую папку. Наверху не слишком доверяли новой технике. Я хмыкнул и шелкнул по клавише, высветив на экране ноутбука нужные файлы.

* * *

Грашко Йововиц. С фотографии глядело молодое, но уже изможденное лицо. Глаза в лучиках морщин. Упрямо сжатые губы. Желваки на скулах. Да, не похож на тех христосиков, которых обычно привечают наверху. Светлый взгляд прирожденного убийцы.

— Я бы поставил диагноз уже по физиономии. Он смотрит так, будто готов спалить весь мир. И сожрать пепел.

Майкл-Микаэль слабо улыбнулся.

— Не ожидал от вас такой эмоциональности... коллега. Мы судим не по лицам.

— Да, понимаю. Что ж...

Я развернул ноут экраном к нему.

— Вот фотографии. Будете смотреть?

Глаза моего собеседника потемнели. По мере того как он пролистывал новые изображения, вертикальная морщинка на его лбу становилась все глубже. Немудрено. Верхние не любят такого. Если честно, и я от этого фоторепортажа был не в восторге.

Маленькая горная деревушка. Фотограф, параллельно работающий на западный телеканал — уж не «Континентал Джеографик» ли? — особенно постарался запечатлеть изломанную линию хребтов и ползущий вверх по склонам кустарник.

Рассвет. Длинные тени тополей. Ветки крайнего тополя обуглены — как видно, пожар перекинулся и на деревья. Дымящиеся тряпки. Мусор. Изломанный черный зонтик на первом плане. Ближе. Среди обгоревших камней бродят военные в форме НАТО. Голубые береты миротворцев. Единственное пятно цвета в этом царстве серого и черного. Ближе. Обугленная рука. Почерневший железный костыль. Черное и красное, задранные к небу копытца овцы. Скрюченное тельце ребенка. Рядом его мать, остатки цветастого платка странно сплывались с почерневшей кожей. Женщина в темной косынке: мусульманка. Рвется из рук военных, рот перекошен в крике — нашла кого-то из своих? За сгоревшим сараем гора трупов. Этих расстреляли, но почему-то не бросили в пламя, оставили тлеть на жарком августовском солнце. Мухи. Снова бьющаяся в истерике женщина. Пустые дома деревушки. Скользящие по площади тени облаков — пока шла съемка, время перевалило за полдень.

— Впечатляет?

Микаэль потер переносицу и взглянул на меня.

— Зачем вы мне это показываете?

— Человек, который ответствен за уничтожение деревни, находится у вас.

Правозащитник поглядел на меня, как на чокнутого, а потом медленно покачал головой.

— Этого не может быть.

— У нас есть данные. Свидетельские показания. Не угодно ли изучить?

Я вынул из того отделения сумки, где обычно обретаются провода от ноутбука, пачку листов и передал ее через стол.

Микаэль мельком проглядел бумаги. Он побарабанил пальцами по столешнице и раздумчиво произнес:

— Послушайте. Вам отлично известно, что это невозможно. В силу определенных причин... определенных физических законов, если вам угодно... виновник подобного... — он старательно не глядел на экран, — ...просто не мог попасть к нам. Очевидно, что господина Йововица обогнали.

Я обаятельно улыбнулся.

— Майкл, друг мой. *Вам* отлично известно, что в силу определенных... хм-м... физических законов... проходящие по нашему ведомству не могут лгать. Я предпочел бы устроить очную ставку. Когда вам будет удобно доставить господина Йововица на нейтральную территорию?

Микаэль не смотрел на меня. Он смотрел в окно, перечеркнутое частой решеткой: серые квадратики, черные отрезки. Даже этот скудный свет был для меня слишком ярким.

— Боюсь, мы не сможем вам посодействовать. Грашко Йововиц не спустится вниз.

— Ему необходима помощь? У нас есть несколько...

— Ему необходим покой. — Голос правозащитника стал неожиданно жестким. — Он достаточно настрадался при жизни. Вдобавок мы в курсе, насколько нейтральна эта территория...

— На что вы намекаете? Всякий находящийся здесь отбывает срок заслуженного наказания...

Микаэль быстро взглянул на меня и отвел глаза.

— Я не собираюсь соревноваться с вами в казуистике, да мне это и не по силам. Меня уполномочили сделать вам встречное предложение. Мы готовы принять вас или вашего свидетеля наверху.

Я засмеялся.

* * *

Упакованный в бутылку из непрозрачного стекла свидетель давил мне на поясницу, безобразно распирая карман штанов. Как Прик Вендерс, мой непосредственный начальник, дал добро на эту авантюру — уму непостижимо. Неужели их действительно так заинтересовал несчастный убийца Йововиц? Голос в трубке был чертовски настойчив:

— Мне нужен этот парень, Анатолий. Если тебе придется для этого обзавестись крыльями и удостоверением Михаила-архистратига, делай. Мне неважно, как ты добудешь его, но ты сделаешь это и принесешь мерзавца упакованным и готовым к употреблению. Много времени это занять не должно, а я тебе пока выпишу двухнедельный отпуск и направлю на курсы реабилитации. Если понадобится, конечно.

Еще как понадобится.

Я сидел, судорожно вцепившись в плечи своего носильщика. Странно. Сидеть на мальчишке было довольно удобно, при том что парень не доставал и до плеча Микаэля. Мешала даже не хромота правозащитника — хотя при каждом шаге я съезжал вправо и вынужден был цепляться все сильнее, — а проклятое чувство неуверенности. Мне казалось, что еще секунда — и он стряхнет меня вниз, и я загремлю по скользким ступенькам... никогда прежде не замечал за собой страха высоты.

— Еще немного.

Я крепче зажмурил глаза. Проклятый хромой урод! Хоть бы он не споткнулся...

Микаэль тяжело дышал, будто с каждой ступенькой подъем давался ему все труднее. Логично, учитывая, *что* он тащил на себе. Насколько же праведен был негодяй при жизни, если сейчас он способен... В эту секунду облака расступились, и в глаза мне сквозь мгновенно опрозрачившиеся стекла очков ударил такой чистый, такой свирепый и неистовый свет, что я закричал от боли и выпустил когти. Плечи Микаэля задрожали, и я ощутил, что соскальзываю — а затем на меня рухнула благословенная темнота.

* * *

Сумрак. Прохладная повязка на глазах.

— Вам уже лучше?

Я резко сел, так что полотенце соскользнуло с моего лица и шлепнулось на колени. С трудом фокусируя взгляд, я осмотрелся. В глазах все еще плясали цветные круги, но все же обстановку комнаты разглядеть удалось. Потертый диван, на котором я лежал, стол и два про-

стых деревянных стула. Небогато. Ставни, слава всему сущему, были плотно притворены. Неяркий электрический свет. Шадящая атмосфера.

Я обернулся и встретился взглядом с правозащитником. Тот стоял в изголовье со свежим полотенцем. С полотенца капало на пол. Я автоматически указал вниз и сказал:

— Капает.

Этому полу, впрочем, уже ничто не могло повредить.

Я усмехнулся:

— Надо как-нибудь пригласить вас в гости. Интересно, понравится ли вам моя квартира.

— Я бы навестил вас с удовольствием, но спускаться мне даже труднее, чем подниматься.

Все понятно. Проклятый сухарь.

Я покосился на выступающие на плечах Микаэля горбики перевязок. Их не мог скрыть даже толстый свитер.

— Здорово я вас отделал? Извините, это от неожиданности.

— Ничего страшного.

Он вдруг улыбнулся.

— Однажды мне по делу пришлось заглянуть в Лимб, и я наткнулся там на гарпий. Поверьте, ощущения были на порядок сильнее.

Я представил это зрелище и не смог сдержать ответной улыбки.

* * *

Очную ставку мне устроили в тот же день. Йововиц еще более походил на Христа, чем на фотографии. Возможно, тому немало способствовала негустая светлая борода и инвалидное кресло.

— Градовцы?

Он нахмурился.

— Маленькое белославское село. Как раз на границе Требской Краины. Вы проходили там с отрядом летом девяносто шестого года.

Герой войны за независимость либо был прирожденным актером, либо сжигал деревеньки каждый божий день. Наконец лицо его прояснилось.

— Да, Градовцы. Маленькая такая деревушка. Помню. Там к нам присоединился отряд Лешека Ставойты. Мы еще здорово выпили по этому случаю...

Он рассеянно улыбнулся.

Я вздохнул. Когти так и чесались. Внизу и даже в Чистилище — прав был Микаэль, ох, прав — с ним бы так не церемонились.

— Значит, вы абсолютно не помните, как заперли более сорока

жителей деревни в сарае неподалеку от мечети и сожгли, а остальных расстреляли?

Удивление в светлых глазах было подлинным.

— Вы ненормальный?

Я выставил на стол бутылку. Проклятый Ставойта даже здесь, в подвале, не желал вылезать. Голос его из-за стекла звучал приглушенно.

— Лешек Ставойта, пятьдесят девятого года рождения, поселок Друзь?

Бутылка поддакнула.

— Опишите, пожалуйста, в подробностях, что вы нашли пятнадцатого августа девяносто шестого года на месте вашей предполагаемой встречи с полевым командиром Йововицем.

Бутылка заговорила.

* * *

Я вышел покурить. Микаэль последовал за мной. Он глядел на меня с сожалением.

— Гаденыш все отрицает.

— Не смейте называть Йововица гаденышем. Молчание — его право.

Я поглядел в комнату сквозь тонированное стекло. Противоположная сторона была непрозрачна. Интересно, откуда у них тут специально оборудованные комнаты для допросов? Или не так все гладко в датском королевстве?

— У нас есть кадры спутниковой съемки. В село вошел отряд численностью около тридцати человек. Один бронетранспортер. Это соответствует тому, что было на тот момент у Йововица. Других отрядов, кроме его и Ставойты, в округе не было. Мы знаем, что Ставойта этого не делал. Вы видели пленку.

— Там не видно лиц.

Я обернулся и уставился на правозащитника. Тот и не поморщился.

— Скажите... Вы серьезно полагаете, что можно стать героем войны, не совершив ни одного противоправного — греховного, по-вашему — поступка?

Микаэль пожал плечами.

— Срок ваших полномочий истекает послезавтра. На вашем месте я бы поторопился.

* * *

Я, наверное, уже в двадцатый раз прокручивал запись допроса. На столе передо мной стояла недопитая чашка чая — любезность ста-

рины Майкла. К предложенному им же печенью я не притронулся. Если честно, мне серьезно не доставало хорошего антрекота и бутылки вина. Две недели отпуска и курс реабилитации... К черту, плевать на курс. Хороший санаторий, девочки, алкоголь. Я сжал голову руками и устоялся на ноут. Что-то тут было...

— Несовпадение в деталях.

Я обернулся. Правозащитник стоял за моим плечом и пристально смотрел на экран.

— Перемотайте немного назад. Так. Слышите? Ставойта утверждает, что видел следы ног и протекторов только на дороге, ведущей к перевалу. По версии Йововица, они пришли из долины. Где ваша спутниковая запись?

Я лихорадочно зашелкал по клавиатуре. В коридоре хлопнула дверь, застучали шаги, и детский голос позвал:

— Папа! Пап, ты дома?

* * *

Тяжелые шторы были надежно задернуты и наверняка за ними были опущены жалюзи, но я все же время от времени с опаской поглядывал на окно. Мы вдвоем сидели за столом и хлебали суп. Скучный хостяцкий рецепт, без всяких излишеств: картошка, морковь, лук, макароны. Сверху плавал одинокий капустный лист. Пацану, впрочем, нравилось. Он энергично болтал в супе ложкой, дрыгал под столом ногами. На вид ему было меньше десяти, и все же он выглядел постарше, чем должен быть. Лицо бледное, но гораздо более оживленное, чем у моего маленького проводника. Младший сын правозащитника. Тот самый, с запиской.

Паренек отнюдь не смущался моим присутствием и то и дело зыркал на меня поверх тарелки. Отец, похоже, сделал ему в коридоре внушение, однако ко второму блюду (тушеные с рисом овощи) пацан не выдержал и с деланным равнодушием поинтересовался:

— Дядя, а вы из Ада?

Микаэль возмущенно цыкнул на сына. По-моему, зря. Откуда еще может явиться двухметрового роста хлыщ в костюме с иголки и с длинными вертикальными зрачками.

— Вы насчет мамы?

А вот этого вопроса я не ожидал. Выражение лица Микаэля стало совсем свирепым, а я по-новому взглянул на паренька. То ли заметив мое профессиональное любопытство, то ли утомившись выходками сына, папаша с нажимом сказал:

— Бени, ты наелся? Иди делай уроки.

Мальчишка неохотно слез со стула и поплелся в соседнюю комнату. Я вопросительно заломил бровь.

— А как вы представляли Рай? Зеленые кущи, херувимы с арфами?

— Я не думал, что здесь ходят на костылях. Или разрезают в инвалидном кресле.

Микаэль разлил кофе по чашкам. Рука его слегка дрожала.

— Это память, Анатоль. Боль и память. Вам не понять, но это то небольшое, что у нас осталось.

Он помолчал, потом скупно улыбнулся.

— Бени ходит в школу. Да, в школу. Здесь никто его не обидит. Ему есть с кем играть. Он даже подрос немного. Медленнее, конечно, чем его брат... но, поверьте, это все, о чем я мечтал. Что же касается Марии... Я знаю, как Бени хочет увидеть мать. Но и он знает, что это невозможно...

— И вы ни разу не пробовали?... Я не предлагаю вам злоупотребить служебным положением, я просто мог бы поговорить кое с кем из наших...

— Нет.

И снова мне было непонятно — то ли этот сухарь не хотел нарушать правил, то ли не смог простить поступка жены.

* * *

Я трижды прокрутил пленку со спутника и чуть не разнес несчастный ноут. Конец записи исказили помехи, но начало было вполне отчетливым. Отряд шел из долины. Из долины! Это мог быть только Йововиц. Я еще раз прослушал показания Ставойты. Увидели дым. Зашли в деревню. Обнаружили пожарище. В живых то ли и вправду никого не осталось, то ли добили раненых — тут Ставойта немного юлил. Вышли из деревни и направились в горы. Наткнулись на солдат Йововица в десяти километрах выше по склону. Те о пожаре ничего не говорили, на расспросы отвечали с неохотой.

— Ну он это! Он, он!

Как же, прах меня побери, негодяй очутился в Раю? Я поднял документы по делу и вновь принялся терзать шевелюру — *все* спутники Йововица были здесь. Все как один. Мать, жена — тоже тут, но это-то как раз неудивительно. Однако компания палачей, хладнокровно уничтожившая больше полусотни невинных? Бред.

Микаэля я, кажется, разбудил. Он вышел из комнаты, подслеповато щурясь и шлепая огромными, не по размеру, тапочками. Халат на тощей груди распахнулся, и я успел заметить неприятного вида шрамы. Проследив за моим взглядом, правозащитник запахнул халат и суховато поинтересовался:

— В чем дело?

— Мне нужно поговорить с этими людьми.

Я протянул ему список. Микаэль даже смотреть не стал.

— Нет. Достаточно и того, что мы дали вам допросить Йововица.

— Но почему?..

— Нет.

Вероятно, я выглядел оглушенным — по крайней мере, он смягчился.

— Поймите, Анатоль. У этих людей была нелегкая жизнь. Хотя бы здесь они заслужили покой. Камеры... Допросы... Да посмотрите на меня. Думаете, мне приятно было бы, если бы такой, как вы — сытый, холеный молодчик, — удобно расположился в кресле следователя и по-хозяйски принялся копаться в моих воспоминаниях? Мне хватило этого внизу. Поверьте, даже меня от вас тошнит, хотя я уже успел привыкнуть. Здесь вам не место, и мучить этих людей я не позволю.

Он постоял еще с минуту и, не дождавшись от меня ответа, ушел, плотно притворив за собой дверь.

* * *

К утру глаза у меня начали слезиться. Я прокрался в ванную, но глазных капель не обнаружил. На обратном пути мне показалось, что дверь детской приоткрыта. Когда я проходил мимо, в глубь комнаты шарахнулась маленькая тень.

Утро приветствовало меня головной болью и полоской жемчужного цвета под жалюзи. Я запаниковал и занавесил окно одеялом. Стало спокойнее. Мой свидетель в бутылке дремал, оттуда доносилось мерное похрапывание. На кухне засвистел чайник. Я счел за лучшее не видеться лишний раз с Микаэлем и его отпрыском и завтрак пропустил.

В результате моих ночных бдений картинка сложилась странная. Я проштудировал все, что имелось у нас на Йововица и остальных членов его отряда. До злополучной истории с Градовцами это были обычные разбойники — там заварушка с солдатами НАТО, тут расстрел заложников, ничего, понятно, не доказано. Участвовали они и в штурме Трижницы, и опять — никаких записей, кроме скудного списка потерь. Зато после Градовцов... я протер бедные свои глаза. Збысел Крайнович после объявления всеобщей амнистии стал известным скульптором. Трежко Малец получил стипендию от Женевского Университета. Премия Брегера за исследования в области ядерной физики. Бражко Спас — нейрохирург. Свен Стефенсон, единственный небелослав в их компании, вообще отправился в Палестину, постригся в монахи и вскоре заделался настоятелем монастыря молчальников

в Латруне. И наконец, сам Йововиц. Для начала он объединил разрозненные отряды боевиков в регулярную армию, но вместо того, чтобы огнем и мечом пройти по стране, выжигая иноверцев — а этого-то все и ожидали, — он инициировал мирный процесс. Он первым сел за стол переговоров — находясь в положении, когда мог бы диктовать любые условия, он пошел на уступки. И это окупилось, о, как это окупилось! Примиритель сторон, спаситель нации, кандидат в первые президенты независимой Белославии. И да, Йововиц наверняка стал бы президентом, если бы чокнутый студентшко не встал на дороге правительственного кортежа и не выстрелил в тонированные стекла ехавшего вторым джипа. Первая пуля убила водителя. Вторая прошила спинку кресла и засела в четвертом шейном позвонке Йововица. Третья разнесла ему череп. Спас умер через десять лет после пожара в Градовцах. Малец — через двенадцать. Крайнович и Стефенсон протянули по пятнадцать лет. Йововиц не прожил и трех. Все они не дожили до старости. Все очутились здесь.

Я захлопнул ноут и выглянул в коридор. Прислушался. В комнатах царила тишина. Кажется, хозяев дома не было. Тишком-бочком я подобрался к телефону, стоявшему в прихожей на небольшой тумбочке. Древний как мамонт аппарат был покрыт слоем вековой пыли. Я вытащил из тумбочки телефонную книгу и принялся изучать номера.

Через пятнадцать минут на коленях у меня лежал аккуратный список. Две фамилии — жены и матери Йововица — стояли вверху. Рядом я отметил адреса. По счастью, обе жили неподалеку, в двух или трех кварталах отсюда. А вот остальные... Сегодняшний день положительно был днем сюрпризов. Все пятнадцать членов отряда, о которых у меня были хоть какие-то сведения, проживали по одному адресу в центре города. Тюрьма? Мои пресветлейшие коллеги засадили героев войны в тюрьму? Или это какой-нибудь санаторий для смятенных душ? Я пожал плечами. После вчерашней комнаты для допросов я уже ничему не удивлялся. Оставалось понять, как мне до них добраться. Среди белого дня, без машины — да и есть ли здесь машины кроме той, что доставила меня прошлым вечером к допросной?

В прихожей я обнаружил трость, принадлежащую хозяину. Трость была старая, растрескавшаяся, набалдашник ее блестел не от лака, а от долгого пользования. Я протер набалдашник платком. При всей ее неприглядности, трость мне годилась. Из кармана пиджака я достал темные очки и, помолившись всем правнукам Азраила, нацепил их себе на нос. Прогулялся по прихожей, для тренировки обстукивая тростью встречаемые предметы, и направился к двери. Прикоснувшись к дверной ручке, я закрыл глаза. До калитки я как-нибудь дохромаю,

а там неужели сердобольные прохожие не помогут бедному слепому... бесу? Я отогнал эту мысль, храбро надавил на дверную ручку и шагнул за порог.

По инерции я успел сделать ровно пять шагов. Я спустился с крыльца и почувствовал, как хрустит под ногой гравий садовой дорожки. Затем свет пробился сквозь стекла и сквозь веки, и все затопило красным, невыносимым, жгущим. Я заорал от боли и грохнулся на землю. Палка и очки отлетели в сторону, и некоторое время я ползал, мучительно пытаюсь их нащупать. Я, наверное, умер бы там — если бы чья-то спасительная рука не схватила меня за шиворот и не подтолкнула вперед, несильно, но настойчиво. Я заполз на крыльцо (горячий бетон опалил мне руки) и головой протаранил дверь. В прихожей я попробовал открыть глаза, но под веками плясали только разноцветные пятна. На четвереньках я поскакал в ванную. Пару раз наткнулся на стену, стукнулся плечом — и все же нащупал благословенно прохладный край ванны, гладкий фаянс раковины и железный вентиль крана. Я включил холодную воду на полную мощность и с головой нырнул в ледяное блаженство.

Когда спустя пару минут чехарда на моей роговице утихомирилась и боль в висках чуть приутихла, я решился оглядеться. С выцветшей плитки стекала вода. Я сидел в немаленьких размеров луже, цепляясь за край ванны. По полу тянулись грязные следы, пиджак был безнадежно испорчен и напоминал размокшую сигаретную пачку. А у порога стоял мой спаситель и насмешливо улыбался.

— Бени, — выдохнул я, — почему ты не в школе?

* * *

— Ты следил за мной?

Боги, у меня никогда не было детей — оно, в общем, к лучшему. Будь Бени моим сыном, я бы наверняка вытянул его ремнем.

Мальчика не смутил мой вопрос. Он коротко кивнул — так, что темные кудряшки рассыпались по широкому лбу. Вырастет упрямым, мимолетно подумал я, и тут же одернул себя.

— Зачем? Ты мне не доверяешь? Думаешь, я сделаю что-то плохое?

Я бы не удивился согласию, но парень отрицательно помотал головой.

— Тогда в чем дело?

Бени сел на край ванны и задумчиво стукнул по ней ногой. Чугун отозвался глубоким гулом.

— Вам надо выйти, да?

Я подумал и кивнул.

— Я могу вам помочь.

Будь я здешним, я бы наверняка умилился и потрепал мальчика по головке. Однако здешним я не был, поэтому сразу спросил:

— Что ты за это хочешь?

Парень еще раз пнул ванну и серьезно сказал:

— Я вам помогу, а вы поможете маме.

* * *

Мопеда или даже велосипеда у Бени не было. Похоже, здесь все ходили пешком.

— А если далеко? Школа на другом конце города? Или к друзьям заскочить?

— Здесь все близко. Надо только знать, куда хочешь попасть — оп, и ты уже там.

Я позавидовал. У нас все дороги длинные и, как правило, лишены приятности. Зато с гужевым транспортом нет проблем.

— А ничего... хм-м... более подходящего... у тебя не найдется?

Бени помотал головой и дернул мое такси за веревочку. Я с опаской опустился на сиденье большой красной пластиковой машинки. Ноги у меня свешивались по обе стороны, а руль болезненно упирался в живот, однако, как ни странно, игрушка не развалилась.

Очки мальчишка подобрал в саду. Поверх очков я намотал два полотенца и старую простыню, а на все это накрутил одеяло. Со стороны, должно быть, я здорово напоминал пожилую арабку, спешащую к вечернему намазу. Очень крупную арабку. Бени вывел меня на крыльцо. Я с ужасом приготовился к боли, но полотенца и одеяла отсекали большую часть света, оставив слабое красное свечение под веками. Маленькая рука крепко вцепилась в мое запястье. Бени осторожно помог мне усесться. Я поджал ноги как можно выше. Пластиковый корпус подо мной дрогнул, колеса скрежетнули по гравию.

— Поехали!

И мы поехали.

* * *

Город был странно тих. Я привык к вечному шуму Нью-Йорка, к визгу Фриско, к вокалу Парижа и крещендо римских улиц. Я привык к неумолчному гулу, протянувшемуся над нашей бездной, к лязгу и скрежету Чистилища. Здесь было тихо. Шарканье ног. Бег, шлепки легких сандалий. Смех, детские голоса, негромкий разговор взрослых. Шорох колес машинки. Ветерок поигрывал моей чадрой... кажется, я задремал.

- Приехали. На табличке написано: «Госпожа Фани Йововиц».
- Мать. Отлично.
- Это большой дом?
- Нет, не особенно. Меньше нашего.
- Хорошо. Помогите мне войти.

* * *

В комнате у старушки были старая плюшевая мебель и клетка с попугаем. Госпожа Фани любезно задернула шторы, так что я избавился от своего маскарадного костюма и остался только в очках. Мог бы снять и их, но мне не хотелось пугать хозяйку.

— Ах, и у вас больные глаза? Я уже столько лет говорю, что мне должны выписать очки посильнее, но мой окулист уперся и ни в какую — говорит, носите старые. А у них дужка поломалась, видите. Попрошу Грашека купить мне новые, эти ведь он мне привез еще пять лет назад, я сказала — куда мне черепаховую оправу, а он — нет, мама, возьми.

Старушка спохватилась и кинулась отодвигать кресла от стола.

— Садитесь. Хотите чаю? Я недавно испекла ореховый пирог, и у меня остались вчерашние штрукли...

— Нет, спасибо.

Я прокашлялся. Госпожа Фани мелко закивала. Бени застыл перед буфетом, заворочено разглядывая кувшинчики из богемского стекла.

— Как хотите, но я все же приготовлю чай для мальчика, чтобы он не скучал.

Попугайчик в клетке подпрыгнул и отчетливо сказал: «Бражка».

Пока Бени был надежно занят штруклями, оказавшимися чем-то вроде рулета, я уселся в плетеное кресло напротив старушки и развернул записную книжку. Копыта я на всякий случай спрятал под низкий кофейный столик.

— Грашек? Хороший мальчик. Вы, наверное, из газеты? Ко мне часто приходили из газеты, еще когда я жила в старом доме.

Похоже, госпожа Фани была малость не в себе и слабо представляла, какие бездны и выси отделяют ее от «старого дома».

— В детстве он был шалун. Соседи даже жаловались иногда, особенно пани Гражина, эта важная полька. Дети прозвали ее пани Вражиной, и, прости Господи, я всегда смеялась — до того это было похоже. Она терпеть Грашека не могла. Говорила, что он повесил ее кошку — подумайте только, напести такое. Все потому, что Грашек не здоровался с ней на лестнице. Ну, так он не знал польского. Нелзя же требовать от мальчика, чтобы он выучил чужой язык только затем, чтобы здороваться со сварливой старухой.

Да, он родился в шестьдесят третьем. Помню, он был таким маленьким, врачи в больнице сказали — не выживет. А мой муж Ладош был еще жив тогда, сдвинул брови вот так и говорит: как не выживет? Мой сын будет богатырем! И он был прав, бедный, бедный, он так и не увидел, каким красивым мальчиком вырос наш Грашек.

В девяносто шестом? Нет, не скажу, что он особенно изменился. Он всегда был славным, а что иногда дрался с соседскими мальчишками — ну, так все дети дерутся. Хотя постойте... Да, вспомнила. Пани Гражина перестала жаловаться. Да-да, она пришла ко мне и так и сказала: «Ах, ваш Грашек такой вежливый мальчик. Встретил меня на лестнице и поздоровался, так и сказал: «Дзень дожди, пани Гражина!» А я ей: «Видите, я вам говорила!»

* * *

Ксения Йововиц работала в кафе. Как и у госпожи Йововиц, здесь никто не смутился моей просьбе опустить жалюзи. Посетители как ни в чем не бывало продолжали пить свой кофе и листать утренние газеты. Странно, насколько здесь все были спокойны — у нас и духу бы не осталось, стоило хоть издалека заметить эмиссара света. Хозяйка кафе любезно улыбнулась и сказала, что Ксения поговорит со мной в подсобной комнате.

На этом, впрочем, приятности и кончились. Ксения была явно не рада меня видеть. Эта худенькая женщина (как, работая в пекарне, она сохранила такие хрупкие формы?) с бледным лицом и блестящими кудрявыми волосами беспокойно прятала руки под фартуком и старалась не смотреть мне в глаза.

— Грашек? Вы ведь не хотите... вы ведь не можете его забрать?

Я посмотрел на высокий лоб с желтоватыми тенями у висков и решил быть честным.

— Пока никто никого не забирает. Мне надо кое-что узнать о вашем муже... О бывшем муже. Вы ведь развелись незадолго до того, как он погиб?

Ксения кивнула. Глаз она так и не подняла.

— Мне хотелось бы узнать почему. Согласитесь, это странно. Ему как раз в тот момент нужна была ваша поддержка. Кроме того, он сделал такую оглушительную карьеру. Неужели вам не хотелось разделить его славу?

Ксения мяла передник, терзая посыпанную мукой ткань.

— Почему? Что произошло? Он плохо относился к вам, избивал или...

— Что вы!

Женщина наконец вскинула глаза — карие, спокойного каштанового цвета. Морщинки в углах были едва заметны.

— Наоборот.

Я ободряюще улыбнулся и спросил как можно мягче:

— Наоборот? Что вы имеете в виду?

Губы Ксении задрожали.

— Видите ли. Вы, наверное, знаете... Да, он бил меня. Тогда, еще до... До того, как он вернулся в город, до начала войны. У нас должен был родиться ребенок. Мальчик. Нет, я не виню его, я просто поскользнулась...

Я ушам своим не верил. И это герой, праведник, почти святой?

— Но, знаете, все изменилось. Когда он вернулся, он стал совсем не таким, как раньше. Ласковым. Добрым. Он дарил мне цветы, водил в театр. Мне было очень хорошо, правда... Только...

Я ободряюще кивнул.

— Только он не был Грашеком.

Маленькая женщина вынула руки из-под передника, закрыла лицо и расплакалась.

* * *

— Нам правда нужен этот адрес?

Я ни черта не видел под полотенцами и одеялом. Мой маленький возница подергивал за веревочку. Голос его звучал растерянно.

— Да. А в чем дело? Что там такое?

— Это высокий белый дом. Очень красивый, только он за забором.

— Ты видишь ворота?

— Да, большие золотые ворота. Рядом с ними стоит ангел.

— Кто?!

— Ангел. У него белые крылья и длинный меч. И он смотрит на нас.

— Так... Пошли-ка отсюда.

* * *

И снова я сидел на диване, и снова с полотенца капала на пол вода. Голова у меня немилосердно болела. Напротив, за столом, угрюмо хмурился Микаэль.

— Вы нарушили все возможные полномочия. Сегодня же вечером я вас доставлю обратно.

— Как бы не так, дружок.

Слова давались мне с трудом. Лицо распухло. Я и не подозревал, что зловредный свет достанет меня даже под слоем тряпок.

— Я вам не дружок. А то, что вы сделали с моим сыном...

Тут мое терпение лопнуло. Я вскочил. Полотенце шлепнулось на пол. На секунду мне показалось, что Микаэль испуганно подается назад — но нет, это просто комната качнулась в моих глазах. Я устало опустился на тощие диванные подушки.

— Что я с ним сделал? Нет. Что *вы* с ним сделали. Парень готов на все, чтобы увидеть мать. Он готов заключить сделку с дьяволом, черт побери! А вы кормите его байками о терпении и справедливости. Не всем быть святошами, защищающими любого убогого и калечно-го, любого дешевого крикуна — но не способными помочь собственной жене и ребенку. Нет, вы лучше будете шкандыбать на своих дурацких костылях, будто ей в Чистилище от этого легче...

В первый раз я увидел в его глазах боль, живую человеческую боль. Неужели даже у этой Немезиды с костылями есть сердце?

— Вы не имеете права...

Он поднес ладонь ко лбу. Я испугался, что ему станет плохо. Микаэль слабо отмахнулся от моей попытки поддержать его и налил в стакан воды. Рука у него дрожала, стекло звякало о стекло. В графинной пробке плясали электрические зайчики.

— Чего вы хотите?

— Я хочу допросить Йововица по нашим правилам. Не отворачивайтесь. Вы знаете: по-другому мы не добьемся правды. Я хочу понять, что случилось в Градовцах в тот день, почему Йововиц и другие так изменились, почему, наконец, их держат у вас под охраной. Если вы знаете ответ, лучше скажите мне сейчас. Потому что я сегодня вечером уйду, но вместо меня пошлют другого, третьего, сотого, пока мы не узнаем истину. И вам не будет покоя.

Статуя Немезиды опустила стакан на стол и, помедлив, кивнула.

* * *

Сегодня Йововиц выглядел гораздо более изможденным. Возможно, его утомили поездки. Светловолосая голова опиралась о спинку инвалидного кресла. Кадык остро торчал на тощей шее, напоминая застрявший в плоти обломок стрелы.

— Что вы хотите со мной сделать?

Микаэль, стоящий за его креслом, вздрогнул. Даже мне стало не по себе от этого усталого голоса.

— Ничего страшного. Вам не будет больно. Просто смотрите мне в глаза.

Он покорно кивнул.

Когда впаянные в серое зрачки сузились до размеров точки, я сказал Микаэлю:

— У вас есть последняя возможность уйти. Боли он не испытает, но со стороны это выглядит неприятно.

Правозащитник тихо ответил:

— Вы полагаете, я брошу его сейчас?

Я не настаивал. Обойдя стол, я подошел к Йововицу и положил руку ему на грудь. Зрачки подследственного резко расширились, затопив глаза черным. Тело его содрогнулось. Микаэль подался вперед — но я уже погрузил пальцы глубоко, разрывая мышцы и кости. Дернул, выламывая ребра. Грудная клетка Йововица распахнулась, как дождавшийся солнца цветок, — и я сжал в ладони то, что у живого человека было бы сердцем, а у мертвого только тенью и памятью.

* * *

Сарай горел. Несло паленым. От камней тянуло нестерпимым жаром, трещали вязанки хвороста, вспыхивала солома. Солнце почти зашло, и сарай горел ярко, а наверху пламя казалось синеватым. В дверь, припертую поленом, настойчиво бухало. Изнутри тонко, пронзительно всверливался в уши детский плач и истошное бляенье овцы.

— Жаль, что в мечеть все не влезли.

Белобрысый, яркие голубые глазки. Свен. Это он озаботился вывести овец, прежде чем загнать в сарай людей. Одну все же забыл.

— Интересно, как же они там молились?

Чернявый Трежко сплюнул в пыль, пригасив сигаретку. На прикладе его автомата грязно отпечаталась пятерня.

— В две очереди или как?

Плач прервался. Крыша рухнула, выкинув вверх огненный столб. Трежко выругался, стряхивая с рукава едкие искры.

— Ну все. Кранты хазимам. Уходим?

Я медлил. Что-то в происходящем было неправильным, что-то...

— Смотрите!

Огненный столб не падал. Он рывками поднимался над сараем, над деревней, над горами — как будто его раздувал невидимый ветер.

— Что это?

Набухшие дождем тучи лопнули, но не пролилось ни капли — нет, в просвет ударило алым и белым, электрически затрещали разряды, и над сараем...

— Ты видишь это? Видишь?!

Я видел. Я видел, как Свен, поджав губы, шагнул к свету, как плакал, упав на колени, Трежко, как истово крестился Бражко. Я и сам почувствовал вкус земли и копоты на губах. В ушах пела то ли кровь,

то ли ангельские хоры. Первый шаг дался мне с трудом, второй — легче, и я грудью ударился о беззвучное пламя. Оно расступилось, и навстречу мне ударил свет...

...свет, дотла выжигающий душу и память, но не дающий тепла.

* * *

— Молодец, Анатоль. Вы неплохо поработали.

Рогатая голова Вендерса покачивалась над канцелярским столом, как уродливый торшер.

— Конечно, жаль, что вам не удалось заполучить одного из них. Но ничего, ничего, — шеф с недолжной суетливостью потер руки, — мы напишем петицию, они обязаны переправить нам половину. Они не вправе хранить у себя *такое*.

Я молчал. Шеф поднял голову от моего отчета и озабоченно вгляделся в мое лицо.

— Что-то вы не кажетесь мне довольным. В чем дело?

Я кивнул на отчет.

— Зачем нам это?

Вендерс даже привстал. Козлиная бородавка его изумленно встопорщилась.

— Как зачем, Анатоль? Как зачем? И это говорит человек, претендующий в будущем на мое место? Нет, не опускайте скромно глазки — претендующий, еще как. Неужели вы не понимаете? Все наши заботы, все наши труды, все хлопоты, — он обвел рукой кабинет и указал дальше, за окно, где привычно полыхало багровым, — вся эта огромная машина и у нас, и у них наверху — на чем она зиждется? Что придает ей силу, что вращает колеса? Да вы понимаете, что без свидетельства бытия Божия все это ноль, бесполезная функция, копошение червей — а свидетельств таких единицы...

Рогатая тень карабкалась по стене. Я вспомнил свой шок при первой встрече с шефом. Заметив мой ошалелый взгляд, он усмехнулся тогда: что, не нравится, мальчик? Тебе до такого еще служить и служить. И вот я почти дослужился. И я пойду дальше, глубже, потому что дорога здесь только одна. Интересно, что я сумею разглядеть оттуда, из подземных камор, скрытых пластами базальта от малейших проблесков света?

Я взглянул на низкий потолок кабинета, и мне показались — или я и вправду увидел — тысячи и тысячи миров, мириады существ, суетящихся, живущих, работающих и гибнущих для единственной цели — чтобы в доме за белым забором дотлевал в инвалидном кресле Грашко Йововиц и еще, может быть, пара-тройка таких

же несчастных: Жанна из Арка с обгоревшими волосами, бродяга Моисей, ослепший от жара неопалимой купины... Мне стало нехорошо.

— Ох, не нравитесь вы мне, Анатоль. Давайте-ка я выпишу вам отпускные, пройдет лечение...

Я едва не ответил ему, что хочу уволиться — но вовремя вспомнил, что у нас не увольняются. Только поездка в санаторий, девочки, выпивка, морские закаты... Только так. Однако прежде мне предстояло кое-что сделать.

* * *

Давешний мальчик как будто подрос. Вытянулся, стал более тощим и костистым — теперь я уже не боялся упасть, устраиваясь на узких плечах.

— Все еще за мамку вкалываешь?

— Нет. — Он мотнул головой. — Поехали, что ли?

Я понял, что разговора по душам не получится.

До вершины горы мы добрались к вечеру, когда закат в тучах потух. Очки мне не понадобились. В сумерках я с легкостью нашел нужное здание. Длинный заводской корпус напоминал тушу выброшенного на берег кита. Внутри равномерно ухало и раздавался металлический скрежет. На проходной молодой бес затребовал было мой пропуск, но, приглядевшись, угодливо поклонился. Я заглянул в цех. Ряды гигантских станков уходили в бесконечность. Под потолком скользили краны, в их клювах поблескивали детали механизмов. Подбежавший ко мне бригадир быстро подозвал нужного человека.

— Вас зовут Мария Сваровски?

Женщина с огромными сухими глазами кивнула. У нее были непропорционально большие, мужские кисти рук и широкий лоб, и она очень походила на своего младшего сына.

— Мария, можете подавать документы на обжалование. Я возьмусь за ваше дело. Все уже оплачено. А пока я хочу передать вам...

Я протянул Марии листок фотобумаги. Фотография вышла не слишком удачной — я снимал на мобильник, — и все же на ней отчетливо запечатлелось бледное лицо и упрямые черные кудряшки. Сваровски-младший пристально смотрел в объектив и улыбался.

КОЛОКОЛ ПО ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ

Когда мы говорим о британской научной фантастике середины XX века, то сразу же приходят на ум имена Джона Уиндэма, Артура Кларка, Эрика Фрэнка Расселла и Джона Кристофера. Однако, в отличие от первых трех, написать полноценный биографический очерк о Кристофере очень трудно, практически невозможно. Тем более — сказать о нем что-то новое. И виной тому сам писатель, в этом месяце отмечающий свое 85-летие.

Дело в том, что в мире англоязычной НФ он заслужил примерно ту же репутацию, что Джером Сэлинджер или Томас Пинчон в американском литературном мейнстриме. Если кто не в курсе, то автор «Над пропастью во ржи» в последние несколько десятилетий не только не дал ни единого интервью, но даже ни разу не показался на людях, удалившись в добровольное отшельничество. А второй категорически запретил публиковать свои фото — и как выглядит в жизни Томас Пинчон, не знают даже его издатели и агенты.

Джон Кристофер до подобных крайностей еще не дошел, но все равно его нежелание предоставлять даже минимальные биографические сведения о себе стали притчей во языцех в мире фантастики. Чтобы не плодить лишние кривотолки по поводу своей нелюдимости — особенно странной в мире западной масс-культуры, к которой, за редчайшим исклю-

чением, относится современная science fiction, — писатель сформулировал некое «идеологическое обоснование». Вот как звучит сакраментальное «на том стою» Кристофера:

«Думаю, я должен по крайней мере объяснить, почему обычно отказываюсь отвечать на вопросы личного характера. Многие мои друзья-писатели, даже большинство, получают невинное удовлетворение от подобной саморекламы. Ничего не имею против, но разделять это всеобщее увлечение не намерен. Да, писатель тоже относится к категории публичных людей, но все же в меньшей мере, чем актеры, спортсмены и деятели шоу-бизнеса. Именно в знак протеста против безудержной саморекламы последних я не даю интервью, отказываю своим издателям в фотографиях собственной персоны и даже минимальных биографических сведениях о себе. Мне ка-

жется, писатель должен писать книги — и писать так, чтобы читатель покупал их, не зная ничего о человеке, их написавшем».

Этому кредо Джон Кристофер следовал всю свою полувековую писательскую жизнь. Хотя до нее была еще одна — обыкновенная, человеческая. Жизнь англичанина Кристофера Сэмюэла Йоуда, позже взявшего себе псевдоним, в котором первое имя стало фамилией.

Из скудных, разбросанных по разным источникам сведений о его «долитературной» жизни в сухом остатке можно выделить следующее.

Кристофер Сэмюэл Йоуд родился 16 апреля 1922 года в небольшом городке Ноусли, расположенном в графстве Ланкашир. Будущий писатель едва успел окончить частную школу в соседнем графстве Винчестер, как началась вторая мировая война и его призвали в армию. Военные годы Йоуд провел радистом в Средиземноморье. А после демобилизации проработал несколько лет клерком в различных конторах и агентствах.

Получив в конце 1940-х годов грант от Фонда Рокфеллера («которому останусь благодарен до конца своих дней»), Йоуд начал писать прозу. Первые произведения, в том числе научно-фантастические, он публиковал под своим именем. И с 1958 года числил

себя профессиональным писателем, обзаведясь сразу несколькими псевдонимами, среди которых читатели фантастики запомнили один — Джон Кристофер.

Еще известно, что он был дважды женат, и от первого брака у него остались четыре дочери и один сын. А также то, что, прожив долгие годы на крошечном островке Гернси в проливе Ла-Манш, Сэмюэл Йоуд в конце концов осел в приморском же графстве Суссекс.

Вот и все. Дальнейшее относится уже всецело к творчеству писателя Джона Кристофера.

Первой его НФ-публикацией стал рассказ «Рождественское дерево», напечатанный в кэмпбелловском журнале «Astounding Science Fiction» за 1949 год под настоящим именем писателя. Все написанное после можно естественным образом разделить на три периода: ранние рассказы (в частности, цикл об «управленцах» близкого будущего, в котором роль правительств разных стран играют транснациональные корпорации); затем «романы-катастрофы»; и наконец, научно-фантастическая проза для детей и юношества.

Начальный период прошел для писателя под знаком его собственной «истории будущего», правда, уступающей по масштабам аналогичным построениям

Айзека Азимова, Роберта Хайнлайна, Кордвайнера Смита или Ларри Нивена. Рассказы цикла, составившие сборник «Двадцать второе столетие» (1954), объединены главным героем — Максом Ларкином, директором одной из могущественных корпораций. В XXII веке они почти полностью подмяли под себя нации с их правительствами, так как те явно не справились с очередным вызовом Природы — глобальными катастрофами, обрушившимися на человечество.

Да и другие рассказы того же периода, не вошедшие в цикл, вполне могут восприниматься как своеобразное оглавление к книжной полке, где собраны более поздние романы Кристофера. За которыми прочно закрепился ярлычок «романы-катастрофы» — глобальные катаклизмы: экологический, демографический, природный и прочее. К прочим относятся полная стерилизация обоих полов в результате пандемии («Новое вино»), скатывание цивилизации к новому Средневековью («Оружие») и даже поголовная безграмотность в результате запрета всех книг («Время мира»).

Впрочем, не менее успешно Джон Кристофер использовал и более традиционные сюжеты научной фантастики, стараясь при этом повернуть отработанную коллегами идею как-то по-ново-

му. Уж если это навязшая в зубах история очередного вундеркинда с врожденными сверхспособностями, то пусть тогда маленький «сверхчеловечек» родится от союза марсианки и мужчины с Земли (рассказ «Пары не нашлось»)! А если в будущем преступника-убийцу и сошлют в места не столь отдаленные, то пусть это будет отдаленность во времени — например, Германия 1933 года, на следующий день после назначения Гитлера рейхсканцлером («Приговор»)...

Но все же не рассказы принесли славу Кристоферу-писателю, а его романы, продолжившие знаменитую британскую традицию. У истоков ее стояли еще Герберт Уэллс и Артур Конан Дойл, а их дело продолжили вместе с Кристофером Джон Уиндэм, Джеймс Стюарт и даже Нобелевский лауреат Уильям Голдинг, автор знаменитого «Повелителя мух».

Впрочем, роман-дебют Кристофера «Зимний лебедь» (1949), вышедший опять же за подписью Сэмюэла Йоуда, ни к каким напастьям, природным и рукотворным, отношения не имел. Это была самая настоящая фэнтези для детей — жанр, в котором писателя также ждал успех, но попозже. Зато первый НФ-роман «Год кометы» (1955) и в особенности следующий «Смерть травы» (1956) принесли Кристоферу славу далеко за пределами Англии.

Славу мастера как раз «романа-катастрофы».

Для авторов коммерческих этот субжанр всего лишь повод расписать в красках ужасы как самой катастрофы (наводнение, землетрясение, эпидемия, столкновение Земли с каким-то космическим телом и тому подобное), так и плачевную участь тех немногих, кому «повезло» спастись. Кавычки в данном случае необходимы, потому что в таких произведениях выживание достигается страшной ценой — вынужденным отказом от цивилизации, культуры. И их производного — человечности. Горстка людей необратимо дичает — есть чем пощекотать нервы читателей.

Для других фантастов, которых не в пример меньше, произошедшая глобальная катастрофа — это, прежде всего, жестокий урок. Точнее, расплата за невыученные человеческой цивилизацией уроки. А еще это призыв задуматься.

Кристофер, как и другие британские «катастрофисты», сохраняет сдержанный пессимизм в отношении популярной идеи о том, что цивилизация будто бы окончательно и бесповоротно вывела человечество из стадии варварства. Что возвращение в него невозможно. Еще как возможно, доказывает английский писатель своими романами. Достаточно всего лишь рокового и во вселенском

масштабе незначительного толчка, чтобы слой цивилизованности, толщину которого мы склонны порой преувеличивать, сполз с современного человека, как нестойкий весенний загар после нескольких соприкосновений с мылом и мочалкой. Как только человек лишится своих технологических игрушек, начнется самая настоящая дарвиновская борьба за существование, в которой выживут, разумеется, сильнейшие. Сильнейшие — в смысле близости к животному началу.

Я назвал этот пессимизм сдержанным, потому что он разительно отличается, с одной стороны, от глуповатого оптимизма американских голливудских блокбастеров (в которых творится черт знает что, но в конце все о'кей, и цивилизация — все та же, американская, не усвоившая никаких уроков — отстраивается ударными темпами советских комсомольскихстроек). А с другой — от беспробудного пессимизма той названной выше группы авторов коммерческих «ужастиков». Для этих писателей чем жутче нарисованная картина, тем лучше.

Во всяком случае, намек на будущее возрождение цивилизации в романах Кристофера явно присутствует — только уж очень не похоже это угадываемое возрождение на фирменный американский happy end. Когда-то, убежден писатель, даже новым лиде-

рам «озверевшего» человечества, озабоченного собственным выживанием, придется вспоминать и заново возрождать такие качества рода *Homo sapiens*, как кооперация, взаимовыручка, альтруизм и эмпатия. Придется заново утверждать общие для всех законы и по ростку выращивать дерево культуры. Но займет этот процесс не одно столетие — тут обольщаться не следует.

Наиболее знаменит, как уже говорилось, роман Кристофера «Смерть травы». В книге нарисован один из самых ранних и самых ярких и художественно убедительных сценариев глобальной экологической катастрофы, вызванной гибелью от мутировавшего вируса всей травы и злаков на планете. Как заметил американский критик Джон Пфайффер: «Кристофер впечатляюще напомнил нам, что кукуруза, пшеница и рис — тоже трава, если не относиться к этому термину слишком узко. Та самая трава, которая упоминается в Библии рядом с «плотью»* и без которой невозможна жизнь всякой другой плоти на Земле». Результатом биокатастрофы, как легко догадаться, становится катастрофа социальная — в обстановке наступившего

всепланетного голода начинается борьба за выживание, разрушение цивилизации и неизбежное сползание в анархию и варварство. Роман был успешно экранизирован («Ни листика») в 1970 году режиссером Корнелом Уайлдом и стал своего рода эталоном жанра.

Дальнейшую разработку темы Кристофер продолжил в романах «Мир зимой» (1962) и «Мороз по коже» (1965). В этих книгах всадниками Апокалипсиса становятся, соответственно, необратимые климатические изменения, вызвавшие наступление нового ледникового периода, и лавинообразная серия разрушительных землетрясений в Европе.

Можно условно отнести к той же серии и роман «Маятник» (1968), в котором описана катастрофа уже чисто социальная, демографическая. Оказывается, мир легко может превратиться в ад, в образцовую антиутопию, и для этого не нужны ни тираны-властолюбцы, ни тоталитарные партии или неудержимые в своей жадности олигархи. Достаточно просто уступить власть... молодым. В романе Кристофера это обычные подростки-тинейджеры, настоятельно попросившие «старперов» дать порулить. Дата выхода рома-

* Критик намекает на библейскую цитату «Вся плоть — трава» (*All flesh is grass*). Именно так, кстати, называется в оригинале хорошо известный нашему читателю роман Клиффорда Саймака «Все живое...». (Здесь и далее прим. авт.)

на неслучайна — английский писатель буквально за несколько месяцев предугадал ту реальность, которая взорвет мирное и заплывшее жирком западное общество в мае 1969-го во Франции. Если кто забыл: в Сорбонне бунтовавшие студенты вывешивали плакаты «Власть — молодым!»...

Особняком в творчестве Кристофера стоят романы «Обладатели» (1965) и «Малый народец» (1967), представляющие собой редкие для британского писателя экскурсии на территорию сопредельного жанра — научно-фантастической «готики». В первом романе группа отдыхающих на горнолыжном курорте в Швейцарии захвачена пришельцами, способными вселяться в тела своих жертв и полностью подчинять собственной воле тела-доноры. Во втором другая группа туристов — на сей раз поселившихся в старинном замке — выдерживает нападение карликов, созданных злонамеренными генетиками еще во времена нацистского рейха.

Новый успех принесли Кристоферу книги для подростков. Во всяком случае, когда англоязычные критики обращаются к такому субжанру фантастической литературы, как *young adult science fiction* (условно это можно перевести, как «научная фантастика для детей старшего школь-

ного возраста»), то одним из первых обычно называется имя Джона Кристофера. Премий «Хьюго» и «Небьюла» английскому писателю не досталось, зато он является лауреатом сразу нескольких престижных премий (английских, американских и одной западно-германской) в области детской литературы.

Большинство произведений Кристофера, рассчитанных на молодого читателя, также вписываются в генеральную тему его творчества: глобальная катастрофа. Единственное, быть может, отличие этих книжек от романов для взрослых — это отсутствие слишком уж откровенных сексуальных эпизодов и сцен насилия. Саму же глобальную катастрофу — тему, немыслимую, скажем, в отечественной фантастике для детей — автор описывает без ожидаемого в таких случаях сюсюканья и «лакировки». Достаточно сказать, что знаменитая трилогия, о которой речь пойдет ниже, написанная Кристофером для тинейджеров, у нас была переведена и воспринята читателями как взрослая фантастика.

Речь идет о едва ли не самом успешном в коммерческом плане произведении Кристофера — трилогии о пришельцах-«треножниках» (триподах): «Белые горы» (1967), «Город золота и свинца» (1967) и «Огненный

бассейн» (1969)*. Поскольку романы написаны для детей, трем юным героям в конце концов удается победить бесчеловечных и безликих инопланетных захватчиков, которые собирались уготовить человечеству роль домашнего скота. И это еще до той поры, пока инопланетяне окончательно не перестроят земную атмосферу и силу тяжести «под себя», после чего коренные жители станут для новых хозяев Земли всего лишь вредными насекомыми, участь которых не вызывает сомнений.

Успешными были и две другие трилогии, написанные для детей — «Шаровая молния» и «Принц в ожидании», а также несколько одиночных романов — «Пещеры лотоса» (1969), «Стражи» (1970) и другие.

В своем творчестве Джон Кристофер всегда оставался приверженцем традиций. Как истинный британец, чья личность и жизненная позиция сформировались еще до революционных шестидесятых, он не желал экспериментировать со стилем или формой. Вместо этого он гарантировал читателю надежность, качество, ясность мысли и благоразумие. Которые, правда, не отменяли интриги или крепко закрученного

сюжета и даже бивших по нервам сцен.

Как писал коллега и соотечественник писателя Брайан Олдисс в своей истории научной фантастики «Шабаш на триллион лет» (1986): «Интеллигентный и мудрый человек, Джон Кристофер одно время рассматривался как самая вероятная кандидатура на роль ведущего британского писателя-фантаста. Однако время играло против него (и против Уиндэма). Потому что в романах-катастрофах автор и читатель изначально предполагают наличие некоего социального порядка, который затем дает фатальный сбой. В середине же шестидесятых общественное мнение решительно склонялось к тому, что само понятие «социальный порядок» давно утратило всякий смысл, оставшись в далеком прошлом».

Признать существование мира безо всякого социального порядка, тем более живописать такой мир, Джон Кристофер, как истинный британец старшего поколения, не мог. Поэтому в новой фантастике ему места не было. Но кто при этом больше потерял — Кристофер или новая фантастика, — для меня лично остается вопросом.

* Романы объединены в один том — «Трилогия о треножниках» (1980); спустя восемь лет Кристофер написал роман-пролог «Когда появились треножники». Трилогия была экранизирована телекомпанией Би-Би-Си в виде 13-серийного телефильма.

ЯЗЫКУ — ВИДНЕЙ, или НУЖНА ЛИ БОРЬБА С БОРЦАМИ?

Очередной опрос на нашем сайте провел, скорее, не прозаик Евгений Лукин, а лидер партии национал-лингвистов. Давайте посмотрим, от каких влияний, по мнению поклонников фантастики (720 участников голосования), следует оградить родной язык.

Молодёжного жаргона — 6%;

Мата — 23%;

Иноязычной лексики — 13%;

Произведений, авторы которых, даже изъясняясь на родном языке, мыслят подстрочниками с английского — 36%;

Ничего не надо делать, все идет как надо — 22%.

Что ж, в конце концов я честно предупреждал главного редактора, что организатор из меня, как из валенка мортира. Конечно же, следовало в вариантах ответа ограничиться только теми явлениями, с которыми нас действительно зовут бороться (мат, жаргон, иноязычные слова). Нет, угораздило меня вставить отсебятину в виде произведений, «авторы которых, даже изъясняясь на родном языке, мыслят подстрочниками с английского»! Естественно, что данный вариант огреб большинство голосов. Потому что достали.

И поди теперь пойми, за который пункт проголосовали бы эти тридцать шесть процентов, окажись я умнее! За третий? За пятый?

Сам, короче, виноват, в чем искренне раскаиваюсь.

Но, даже учтя эту оплошность,

результатами опроса я, честно скажу, слегка потрясен. Как минимум сорок два процента борцов за чистоту языка! Это впечатляет.

Гордыня нас булбурет, господа, гордыня. Всяк полагает, что он владеет языком, в то время как на самом деле язык владеет нами. Он — программа, а мы для него не более чем скоропортящееся и легкозаменяемое «железо». Он живет тысячи лет, мы же... Ладно, не будем о грустном.

Начнем, как это у нас водится, с мата.

Под нынешним своим именем он бытовал еще при протопопе Аввакуме («Оне, горюны, испивают допьяна да матерны бранятся, а то бы оне и с мучениками равны были»). Образчики матерных речений, записанные примерно в те же времена Олеарием, практически не отличаются от нынешних. По-

добно реликтовым животным они благополучно дожили до наших дней, ничуть при этом не изменившись. И ведь нельзя сказать, что у них не было естественных врагов. Были, и какие! Законодательство, например.

Не помогло.

«Бранное слово, — горестно констатировал Ф.Н.Плевако, — это междометие народного языка, без него не обходится не только ссора, но и веселые, задушевные речи».

«Отучить народ от ругательств, — утверждал склонный иногда к романтике Ф.М.Достоевский, — по-моему, есть просто дело механической привычки, а не нравственного усилия».

Однако секрета этой механики он, к сожалению, не раскрыл.

По расхожему, но безусловно ошибочному мнению, мат мы переняли у татаро-монгольских захватчиков. На мой взгляд, он возник гораздо раньше и ни у кого не был заимствован. Но, даже если поверить в его татарское происхождение, все равно получится, что русский мат на несколько веков старше современного языка и звучал еще в древнерусском. Не зря же в нем то промелькнет форма двойственного числа, то померещится аорист. Вот и гадай после этого, кто кем засорен.

И как прикажете бороться с подобным явлением? Единственное, что можно порекомендовать, это запретить материться себе самому. Любая попытка запретить то же самое окружающим неизменно

ведет к прямо противоположным результатам.

А если кто-нибудь скажет, будто помнит времена, когда усилиями патрульно-постовой службы мат был почти изжит, не верьте. Virtuознее милицейского мата я ничего в жизни не слышал. Так уж повелось на Руси, что с матом у нас борются матерщинники, а с алкоголизмом — алкоголики.

Относительно молодежного аргумента картина несколько иная.

Если происхождение матерной лексики сокрыто во тьме веков, то жаргонные словечки возникают, по сути, ежедневно. Причина очевидна: подростки не желают ни в чем походить на взрослых — и их можно понять. Кому охота походить на таких уродов, как мы?

В каком-то смысле они возвращают нам долг. Самостоятельно молодежь еще не придумала ни единого матерного словца — все богатство реликтовой лексики бережно передано ей старшими, как эстафетная палочка от наших пращуров. И вот, словно бы чувствуя себя обязанными, они одаривают зрелых людей плодами собственного словотворчества.

Происходит это двумя путями. Во-первых, мальчики и девочки, не успев оглянуться, сами становятся взрослыми, сохранив при этом свой жаргончик. А во-вторых, спасибо молодящимся старичкам, жадно заучивающим все, что слетает с языка юношества.

Большинство арготизмов — бабочки-однодневки. Однако далеко не всегда. Скажем, «нога»

и «ноготь» — слова однокоренные. «Ног» — роговой нарост. Т. е. «нога» означало когда-то «копыто». А теперь представьте, как возмущались наши пожилые предки, когда молодежь называла при них ногу ногой.

Господа, не падайте в обморок, но так вот и развивается язык.

Меня всегда поражало умение фанатов правильной речи одновременно ругать подростков за выражения «отпадный», «улетный» и учреждать литературную премию имени Велемира Хлебникова, называть в его честь улицы.

О засмейтесь, смехачи,

О рассмейтесь, смехачи,

Что смеются смехами,

Что смеянствуют смеяльно...

Чем, спрашивается, «улетный» хуже «смеяльного»? Оба слова созданы по законам русского словообразования, и в них все исконно до последней морфемки.

Молодежь несомненно талантлива. Не в такой, конечно, степени, как дошколята, но тем не менее... Детская гениальность утрачена ею далеко не до конца. Молодежь чувствует язык, она творит его. Потом вырастет, оступится — и тоже, глядишь, начнет бороться за чистоту речи.

Поэтому, как мне кажется, вопрос следует поставить так: стоит ли вообще (будь такое возможно) ограждать язык от молодежной лексики, перекрывая чуть ли не единственный внутренний источник новых слов? Печально, но переставшие изменяться языки мы обычно называем мертвыми.

Не нравится? Ну что же делать! Мне вот, например, не нравится технический прогресс. И тем не менее вместо того, чтобы слагать вслух звучные гекзаметры, сижу и расколачиваю кейборду.

Чуть не забыл: самое жуткое — это когда за словотворчество берутся умудренные годами люди. Тронутые известью извилины способны породить лишь разбитых параличом чудовищ. Одно только членистоногое слово «пользователь» вселяет в меня дрожь! Уж на что я ненавижу всяческую словесную немчуру, но в данном случае предпочту оригинал переводу. Юзер он и есть юзер.

Здесь мы плавно переходим к третьему пункту нашей программы.

Иноязычная лексика.

Черт меня дернул в «Манифесте партии национал-лингвистов» заявить, что-де «все города, описанные преимущественно русскими словами, должны принадлежать России». Идешь теперь по улице и чувствуешь себя как в оккупации. А мелькнут среди обрыдлой чужеземной латиницы три родные кириллические буковки — право, на сердце теплеет. Значит, не до конца мы еще завоеваны...

Позвольте, однако, и здесь о бедном стеномараке-тинейджере замолвить слово (пусть только младое поколение не подумает, что я умышленно к нему подлизываюсь, намереваясь попросить займы. Просто мне не нравится, когда кого-то назначают крайним).

Все эти «консенсусы», «дилеры», «менеджменты» — чьих это проворных уст дело? Кто нашпиговал ими нашу речь? Зрелые, солидные люди. Те самые, что потом пытались принять закон о чистоте русского языка.

Причем сразу видно, когда иностранщина внедрена взрослыми, а когда юношеством. Помню, на заре компьютерной эры мусолил это я двуязычное руководство по верстальной программе. Спорить готов, что только серьезный, ответственный человек среднего возраста мог перевести непонятное английское слово «tag» доходчивым русским словом «дескриптор».

Простые русские слова: школа, армия, башмак, охломон, одежда. Да-да, представьте себе, и одежда тоже! Заимствовано из древнеболгарского. А по-русски — одёжа.

Опять-таки на заре компьютерной эры я был погребен обвалом иноязычной терминологии. Но прислушался, с какой непринужденностью молоденькие программисты склоняют «альты», «контролы», прочие «виндова», с какой легкостью они образуют от того же «юзера» глагол «юзать» (кстати, очень русский по звучанию — вспомните диалектизм «южать» в значении «визжать»), — и знаете, успокоился.

Смололи на русской мельнице татарщину, смололи неметчину с галльщиной — смелем и англичанку.

Что там еще было в списке? Злосчастные произведения, «авторы которых...» Ну и так далее...

Честно говоря, представься

возможность переиграть, я бы заменил этот пункт (поскольку с ним и так все ясно) на куда более провокационный: «Надлежит ли оградить русский язык от борцов за его чистоту?»

А действительно. Как вы уже, наверное, поняли, сам бы я проголосовал за вариант номер пять: ничего не надо ограждать — сам оградится. Так вот, с этой точки зрения, нужна ли борьба с борцами? Видимо, нет. И вот почему.

Хотелось бы, конечно, приписать им благородную роль сдерживающего начала, этакое тормоза, не дающего языку разогнаться до аварийных скоростей, но в том-то вся и штука, что не действует тормоз. И никогда не действовал. На счету ревнителей литературной речи не числится пока ни единой виктории над неугодным им выражением. Что уж там говорить о целых языковых пластах, которым они время от времени бросают вызов! Одни конфузии.

Тем не менее борцы существуют и вымирать не собираются. Стало быть, зачем-то они тоже нужны языку. Зачем? Могу лишь осторожно предположить, что они используются в качестве катализатора. Именно их возмущение по поводу того или иного словца привлекает к этому словцу всеобщее внимание и увековечивает в памяти народной.

Впрочем, это всего лишь предположение.

Языку — видней.

Евгений ЛУКИН

Стивен Кинг

продолжает пестовать «труд всей своей жизни» — книжный цикл о Темной Башне. После выхода комикса, дополняющего приключения героев сериала, Кинг задался целью перенести события на большой экран. Помогать в этом Кингу будет один из создателей сериала «Остаться в живых» Джей Джей Абрамс. Его компания с говорящим названием Bad Robot («Плохой робот») уже ведет переговоры со студиями.

Любовный треугольник

на космической станции окажется в центре событий фантастической комедии «Космический захватчик». Сценаристы — Майк Лисб и Нэйт Реджер, продюсер — Уилл Арнетт, который к тому же исполнит одну из главных ролей. Интересно, что интрига напоминает реальную историю американской астронавтки Лизы Новак. Однако создатели фильма поспешили заявить, что сценарий был написан за несколько месяцев до ареста Лизы за попытку убийства соперницы.

«Чапаев и пустота»

— роман Виктора Пелевина, уже покоривший театральную сцену — пробился в кино. Фонд Михаила Калатозова совместно с кинокомпаниями Rohfilm и GoEast запускают экранизацию. Режиссерами картины выступают Тони Пембертон и Уильям Дженнингс; последний стал автором сценария. Планируется участие в фильме Жана-Марка Барра («Европа») и Руперта Фрэнда («Территория девственниц»). В прокат фильм, возможно, выйдет под оригинальным названием — «Мизинец Будды».

Героим

новой ролевой компьютерной игры Trusty Bell: Chopin's Dream, созданной японской компанией, станет пианист и композитор Фредерик Шопен. Музыкант скончался от туберкулеза в 1849 году в возрасте 39 лет. По мнению создателей игры, за три часа до смерти Шопену привиделся фэнтезийный мир, в котором неизлечимо больные люди наделены развитыми магическими способностями. Эта идея и станет основой игры.

Патриарх

фантастического цеха писатель Владислав Петрович Крапивин, последние полвека проживший в Свердловске/Екатеринбурге, решил перебраться на родину — в город Тю-

мень, почетным гражданином которого он является. Губернатор Тюменской области выделил именитому земляку пятикомнатную квартиру. Решением Президиума Ученого совета ТюмГУ Владислав Петрович приглашен на должность профессора. В университете создана Высшая школа литературного мастерства, основной задачей которой будет подготовка молодых писателей (главным образом в сфере детской литературы) и создание литературной школы В.Крапивина.

Популярный актер

Дэн Экройд, снимавшийся в знаменитой кинологии «Охотники за привидениями», заявил, что история будет продолжена. Уже начата работа над третьей частью, и новый фильм вберет в себя все достижения компьютерной 3D-анимации. Фактически, это будет уже не игровая лента, а анимационная — почти все персонажи фильма рисованные. По словам Экройда, Билл Мюррей, также игравший в первых сериях, уже дал согласие на участие в третьем фильме. Кстати, первый фильм «Охотников за привидениями», вышедший в июне 1984 года, собрал в прокате более 200 миллионов долларов.

Не очень урожайным

получился нынешний, семьдесят девятый «Оскар» для фантастического кино. На церемонии, состоявшейся в Лос-Анджелесе 25 февраля, наград удостоились лишь «Лабиринт Фавна» Гильермо дель Торо (фильму достались три приза — за грим, операторскую работу и работу художника-постановщика), мультфильм «Делай ноги!» (лучший полнометражный анимационный фильм) и «Пираты Карибского моря: Сундук мертвеца» (спецэффекты). Блестящая фантастическая антиутопия Альфонсо Куарона «Дитя человеческое» вообще осталась без призов, заявленных в трех номинациях.

На предвестнике «Оскара» — британской премии BAFTA, проходившей 11 февраля — ситуация сложилась почти идентичная. «Делай ноги!» и «Сундук мертвеца» получили аналогичные премии. «Лабиринт Фавна» также завоевал три приза — но в ином наборе: костюмы, грим и «Лучший фильм на неанглийском языке». Зато «Дитя человеческое» здесь все-таки смогло завоевать премию — две награды из трех номинаций: за лучшую работу оператора и художника-постановщика.

Свеже- испеченный

А «Лабиринт Фавна» получил свое еще и несколько раньше — в конце января в Мадриде. Фильму досталось семь наград Испанской киноакадемии.

Любители фантастики

лауреат «Оскара» в самых престижных номинациях «Лучший фильм» и «Лучший режиссер» за ленту «Отступники» — Мартин Скорсезе — в ближайшее время может приступить к постановке детской фэнтези. Это роман-бестселлер Брайана Селзника «Изобретение Хьюго Кабре», который предлагает экранизировать компания Paramount. Сценарий написал партнер Скорсезе по «Авиатору» Джон Логан. Действие романа происходит в 1930 году на парижском вокзале, где обитает главный герой книги — двенадцатилетний сирота. Кроме мальчишки в романе действуют робот, а также призрак отца мальчика.

пристально следят за съемками будущего блокбастера «Аватар», постановку которого осуществляет известнейший НФ-режиссер современности Джеймс Камерон. В фильме будет сниматься Сигурни Уивер, уже сотрудничавшая с Камероном в культовой ленте «Чужие». «Аватар» поведает о сложных взаимоотношениях группы землян, прибывших на планету Пандора в поисках полезных ископаемых, с местной цивилизацией. Причем, как утверждает режиссер, речь пойдет не только о физическом противостоянии, но и о столкновении культур. Премьера картины состоится в 2009 году. Ожидается, что этой лентой Камерон осуществит очередной прорыв в НФ-кинематографии.

Франкенштейн

станет добрым супергероем. В постмодернистском комиксе Майкла Олдредра «Безумец» человека, погибшего в автокатастрофе, возвращает к жизни (добавив сверхспособностей — огромную силу и обостренные чувства) некий эксцентричный доктор. Получив имя Фран Эйнштейн, но не получив лица, новоявленный спаситель начинает творить добрые дела в масках любимых персонажей. Компания Dimension Films, получившая права на экранизацию комикса, поручила создание фильма Роберту Родригесу. Не факт, что сам Родригес займется постановкой, но фильм будет делаться на его студии в стилистике «Города грехов».

Агентство «F-пресс»

БЕНЕДИКТОВ Кирилл Станиславович

Родился в 1969 году в г. Минске. Окончил исторический факультет МГУ и колледж Европы в Брюгге (Бельгия); кандидат исторических наук. В течение нескольких лет работал за рубежом — в составе ОБСЕ, был координатором проекта Moledom Foundation Inc. Ныне живет и работает в Москве.

Как писатель-фантаст впервые выступил в 1990-м с рассказом «Даргавс, город мертвых» на страницах минского журнала «Парус». Опубликовав еще несколько рассказов, К.Бенедиктов почти на десять лет отошел от литературной деятельности. Только в 2001 году вышла первая книга фантаста — «Завещание Ночи», за которой последовали роман «Война за «Асгард» (2003), сборник повестей и рассказов «Штормовое предупреждение» (2004) и роман «Путь Шута» (2005). Наибольший успех выпал на долю «Войны за «Асгард», выведшей писателя в лидеры «новой волны» российской НФ. Эта мрачная антиутопия, действие которой разворачивается в недалеком будущем, собрала впечатляющую коллекцию жанровых наград, среди которых — «Бронзовая Улитка», «Бронзовый Роскон», «Странник» и «Еврокон-2004». Кроме того, в наградном листе писателя есть «АБС-премия» (2004) и премия критиков «Филигрань» (2005).

БИГЛ Питер (BEAGLE, Peter S.)

Один из ведущих авторов современной фэнтези Питер Соьер Бигл родился в 1939 году в Нью-Йорке. Он окончил колледж по специальности «писатель» и первый рассказ напечатал в 17-летнем возрасте — «Телефонный звонок» (1957). В том же году юный автор написал свой первый роман «Милое укромное местечко», вышедший три года спустя. С тех пор Питер Бигл опубликовал восемь романов, один из которых, «Последний единорог» (1968), стал бестселлером и послужил основой одноименной анимационной экранизации студии Уолта Диснея (сценарий написал сам автор). Два других романа, «Воздушный народ» (1986) и «Тамсин» (1999), завоевали Мифопоэтическую премию. Кроме того, перу Питера Бигла принадлежит более полтора десятков рассказов и повестей.

В 1990-х годах Бигл написал продолжение своего самого популярного романа — короткие повести «Соната единорога» (1996) и «Единорог Джулии» (1997), а в прошлом году завершил трилогию повестью «Два сердца», с которой читатели «Если» уже знакомы и за которую автор получил премию «Небьюла».

Питер Бигл последние годы живет в Окленде (штат Калифорния).

ЛОГИНОВ Святослав Владимирович

Петербургский писатель-фантаст Святослав Логинов родился в 1951 году в городе Уссурийск-Приморский, но всю жизнь прожил в Ленинграде — Санкт-Петербурге. Закончив химфак ЛГУ, перепробовал множество профессий — от школьного учителя до грузчика. Фантастику пишет с 1969 года, в 1974-м стал

членом Семинара Б.Н.Стругацкого. Годом позже состоялась и первая публикация автора — рассказ «По грибы». До 1990 года рассказы Логинова публиковались в периодической печати, новелла «Цирюльник» была удостоена в 1983-м приза читательских симпатий «Великое Кольцо».

Книжный дебют писателя состоялся только в 1990 году, когда увидели свет сразу два авторских сборника — «Быль о сказочном звере» и «Если ты один». Широкая известность пришла к питерскому фантасту после выхода романа «Многорукий бог далайна» (1995), принесшего автору три премии — Беляевскую, «Интерпресскон» и «Золотой Дюк», а также репутацию одного из ярких представителей отечественной фэнтези. Перу С.Логинова принадлежат книги: «Черная кровь» (1996; в соавт. с Н.Перумовым), «Колодезь» (1996; премия «Большой Зилант»), «Земные пути» (1999), «Черный смерч» (1999), «Картежник» (2000), «Мед жизни» (2001), «Железный век» (2001), «Свет в окошке» (2002), «Имперские ведьмы» (2004), «Дорогой широкой» (2005).

В прошлом году писатель завоевал премию «Интерпресскон» за рассказ «Лес господина графа», опубликованный в «Если».

МОРРИССИ Джон (MORRESSY, John)

Американский писатель и ученый-филолог Джон Моррисси родился в 1930 году и после окончания университета занимался преподаванием литературы и языка. В 1960-е годы профессор Моррисси начал писать прозу: его первые два романа не имели отношения к фантастике, но уже в 1971-м он опубликовал жанровый рассказ «Точность». Начинал Моррисси с серий космических опер, главной из которых стала серия о Деле Уитби. В цикл вошло шесть романов — «Звездное отродье» (1972), «Пригвоздить звезды» (1973), «Под вычисленной звездой» (1975) и другие. Однако в 1980-е годы писатель переключился на фэнтези и на этом поприще завоевал широкое признание. Наибольшую известность приобрели два цикла — «Железный ангел» и «Кедригерн». Всего же Моррисси выпустил 19 романов и более полусотни рассказов.

В марте прошлого года писателя не стало. Рассказ «Дурак» был опубликован после смерти автора.

ОЛДИ Генри Лайон

Коллективный псевдоним харьковских писателей Дмитрия Евгеньевича Громова и Олега Семеновича Ладыженского. Соавторы родились в один год (1963) и даже в одном месяце (март) — с разницей всего в неделю.

Дмитрий Громов получил высшее образование в Харьковском политехническом институте по специальности «технология неорганических веществ», после чего поступил в аспирантуру, но диссертацию защищать не стал, полностью отдавшись литературной деятельности. В 1991 году появилась первая публикация в жанре — рассказ «Координаты смерти» и первые совместные работы с Олегом Ладыженским под псевдонимом Г.Л.Олди.

Олег Ладыженский родился в театральной семье, закончил Харьковский государственный институт культуры по специальности «режиссер театра» и с 1984 года работает «на два фронта» — пишет фантастику и ставит спектакли в театре «Пеликан».

Первое совместное произведение соавторы написали в 1990 году, это был рассказ «Кино до гроба и...». Год спустя вышли и первые книги творческого дуэта — «Витражи Патриархов» и «Страх». Известность авторам принес цикл экспериментальной НФ «Бездна Голодных Глаз», состоящий из восьми романов и повестей («Дорога», «Ожидающий на Перекрестках», «Витражи Патриархов» и других). С середины 1990-х соавторы работают преимущественно в жанрах фэнтези и криптоистории. Самые популярные книги Г.Л.Олди — «Путь меча» (1995), «Герой должен быть один» (1995), «Пасынки восьмой заповеди» (1996), «Дайте им умереть» (1999), «Мессия очищает диск» (1999), «Нам здесь жить» (1999), «Маг в законе» (2000), «Сеть для миродержавцев» (2000), «Орден Святого Бестселлера» (2002). Совместно с М. и С.Дяченко и А.Валентиновым они написали романы «Рубеж» (1999) и «Пентакль» (2004). Произведения харьковского дуэта собрали практически полную коллекцию жанровых премий и призов.

Параллельно с литературной деятельностью соавторы активно выступают в роли литагентов (еще в 1991 году ими организована творческая мастерская «Второй блин»), являются одними из организаторов харьковского фестиваля фантастики «Звездный мост».

ФИНЛИ Чарлз Коулмен (FINLAY, Charles Coleman)

Американский писатель Чарлз Коулмен Финли родился и вырос в штате Огайо, где закончил местный университет с дипломом филолога (он также учился в Оксфордском университете в Великобритании). Затем работал в Институте авиационной безопасности, ассистентом мастера по фарфору и почти профессионально изучал историю создания американской конституции. В научной фантастике Финли дебютировал в 2001 году рассказом «Следы», опубликованным в журнале «The Magazine of Fantasy & Science Fiction», с которым и по сей день тесно сотрудничает. На сегодняшний момент в активе этого автора роман «Щедрый тролль» (2005) и полтора десятка рассказов и повестей. Самым удачным для Финли выдался 2003 год, когда его повесть «Кадровый политик» стала номинантом сразу двух ведущих премий — «Хьюго» и «Небьюла», а сам автор вдобавок был номинирован на Премию имени Джо-на Кэмпбелла.

В настоящее время писатель живет с семьей в Коламбусе, штат Огайо, где работает сетевым администратором онлайн-курсов литературных курсов, а кроме того, создает базы данных для специалистов-историков.

Подготовили

Михаил АНДРЕЕВ и Юрий КОРОТКОВ

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Издательский дом «Любимая книга» предлагаем вам подписку на шесть номеров журнала «Если» по самой выгодной цене — 55 рублей за номер, **ВКЛЮЧАЯ СТОИМОСТЬ** почтовых услуг.

Номера будут высылаться подписчикам ежемесячно, начиная с того месяца,

когда квитанция поступит в издательство.

Процедура проста: вы можете обратиться в любое отделение

Сбербанка, оплатить квитанцию, снять копию с ее лицевой стороны и отправить вместе с данными о себе в издательство.

Не забудьте сообщить свои фамилию, имя, отчество и адрес, по которому высылать журнал.

Извещение

СБЕРБАНК
РОССИИ

Форма № ПД-4

ООО «Издательский дом «Любимая книга»

(наименование получателя платежа)

ИНН 7713538330 № р/с 40702810700000001216

(ИНН получателя платежа)

(номер счета получателя платежа)

в ОАО БАНК «РОСТ»

(наименование банка получателя платежа)

БИК 044599940 № к/с 30101810100000000940

(номер кор/сч. банка получателя платежа)

КПП 771301001; Код ОКПО 74659499; ОКВЭД 22.1; 22.2

Подписка на журнал «Если» на шесть месяцев.

(наименование платежа)

Сумма платежа 330 руб. 00 коп.

Сумма платы за услуги руб. коп.

Итого руб. коп.

Кассир

ООО «Издательский дом «Любимая книга»

(наименование получателя платежа)

ИНН 7713538330 № р/с 40702810700000001216

(ИНН получателя платежа)

(номер счета получателя платежа)

в ОАО БАНК «РОСТ»

(наименование банка получателя платежа)

БИК 044599940 № к/с 30101810100000000940

(номер кор/сч. банка получателя платежа)

КПП 771301001; Код ОКПО 74659499; ОКВЭД 22.1; 22.2

Подписка на журнал «Если» на шесть месяцев.

(наименование платежа)

Сумма платежа 330 руб. 00 коп.

Сумма платы за услуги руб. коп.

Итого руб. коп.

Квитанция
Кассир

ВНИМАНИЕ!

Новая форма издательской подписки: шесть номеров журнала с любого месяца. Отправьте сведения о себе (фамилия, имя, отчество, адрес с почтовым индексом) и приложите копию квитанции об оплате.

Условия подписки опубликованы на предыдущей странице.

**Адрес: 119435, г. Москва, Большой Саввинский пер., д. 9.
ООО «Издательский дом «Любимая книга», отдел распространения.**

Тел.: (495) 248-21-90. Факс: (495) 248-68-19

e-mail: phone@uuu.ru

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т. ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен.

«___» _____ 20__ г. _____
(подпись плательщика)

Информация о плательщике

(Ф.И.О., адрес плательщика)

(ИНН)

№ _____
(номер лицевого счета (код) плательщика)

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т. ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен.

«___» _____ 20__ г. _____
(подпись плательщика)

Информация о плательщике

(Ф.И.О., адрес плательщика)

(ИНН)

№ _____
(номер лицевого счета (код) плательщика)

ЧИТАЙТЕ В МАЙСКОМ ВЫПУСКЕ

«Известно, что, разобрав и собрав подряд несколько бытовых приборов (наименования указываются разные, но в каждом списке обязательно присутствует механический будильник), вы неминуемо получите определенное количество лишних деталей, каковые надлежит сгрести вместе и тщательно перемешать.

Так добывается белый мусор высшего качества.

Если исходный материал подобран правильно, вам не составит особого труда соорудить из имеющихся запчастей небольшой вечный двигатель первого рода».

Наши читатели, конечно, догадались, кто автор этих строк.

О чем пойдет речь, вы узнаете из его новой повести

«БЫТИЕ НАШЕ ДЫРЧАТОЕ»

ТАКЖЕ В НОМЕРЕ

рассказы

Нила Эшера, Майкла Суэнвика, Чарлза Стросса

статья

Виктора Мясникова

очерк

о жизни и творчестве Роджера Желязны

ИТОГИ ГОЛОСОВАНИЯ

на приз читательских симпатий «СИГМА-Ф»

НАЧАЛАСЬ ПОДПИСКА

на второе полугодие 2007 года

Журнал «Если» предлагается

в любом почтовом отделении в двух каталогах:

«Пресса России» и «Роспечать. Газеты и журналы».

Цена подписки на второе полугодие — 318 рублей.

Индекс — 73118.

ISSN 1680-645X

07004

9 771680 645003

>